

КЭТРИН Л. МУР

Приложение БААКФ

ГРЯДЕТ ТЬМА

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

КЭТРИН Л. МУР

ГРЯДЕТ ТЬМА

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГРЯДЕТ ТЬМА

Кэтрин Л. Мур

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2020

БААКФ-приложение 21 (2020)

Клубное издание

ГРЯДЕТ ТЬМА. Кэтрин Л. Мур
Сборник фантастики.
(а.л.: 17,13)

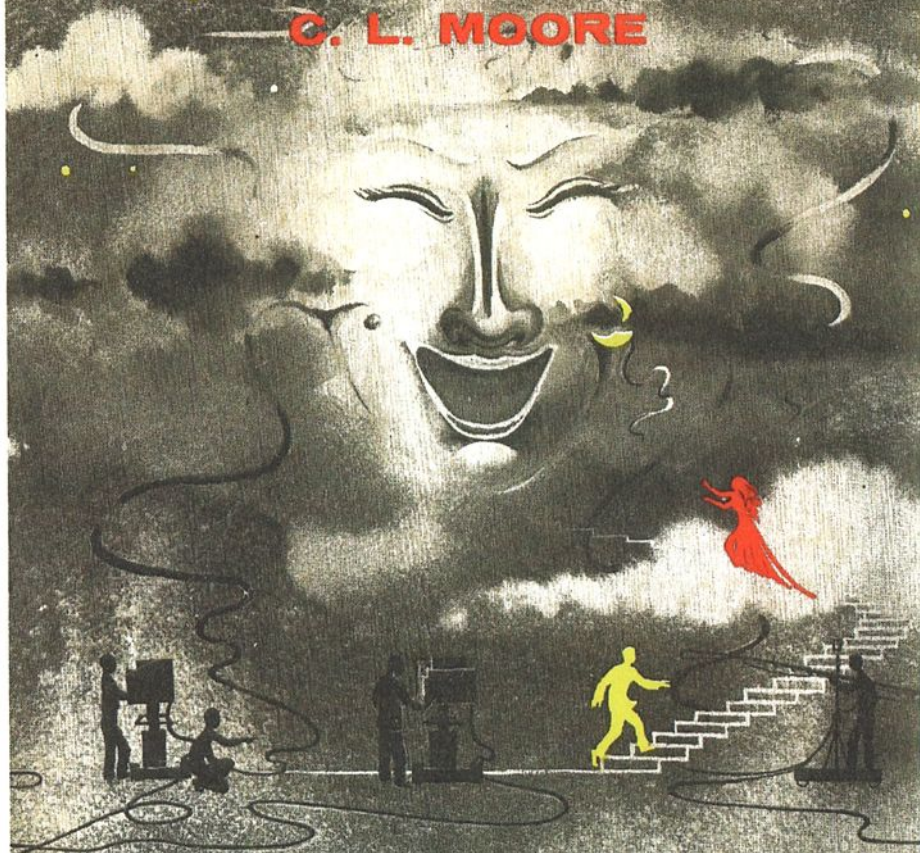
Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

DOOMSDAY MORNING

C. L. MOORE

DOUBLEDAY SCIENCE FICTION

УТРО СУДНОГО ДНЯ

Глава 1

СПУСТЯ КАКОЕ-ТО время я стал постепенно привыкать к покачиванию автобуса, который резво мчался по неровностям асфальта. Иногда, когда автобус встряхивало чуть сильнее, пылинки поднимались с моих джинсов. Даже в жарких сумерках можно было увидеть грязь из садов Огайо под моими ногтями. *Я в трауре*, подумал я. *Спросите меня, почему я ношу черное? Я в трауре по своей жизни. Это... что? Ах да, Маша в «Морской чайке».*

Старый автобус дребезжал и ужасно вонял. Воздух внутри был пропитан людским потом и запахом отравы для насекомых. Правительство предоставляло средства борьбы с вредителями для защиты посевов, чтобы пресечь миграцию вредных насекомых на территорию Иллинойса. Это также отпугивало блох и вшей среди пассажиров, на которых многие просто перестали обращать внимание. Если бы это было так, мы бы не были жнецами.

Я уже привык к тряске и запаху, немного откинулся назад, закрыл глаза и задремал. Вдруг в автобусе внезапно началась какая-то суматоха. Кто-то бесцеремонно залез ко мне на колени и оперся на мои плечи. Люди окружили меня со всех сторон, они смеялись и кричали. Я очнулся в полном недоумении от происходящего.

Но пассажиры так придавили меня к стеклу, что я едва мог пошевелить руками. Прижатый к окну щекой и ухом, я почувствовал, что галдеж нарастает. Буквально все пассажиры перелезли на сидения с моей стороны салона, чтобы заглянуть в окна. Автобус накренился влево. Большинство кресел через проход были пусты. Я изо всех сил пытался высвободить руки.

- Да слезьте вы, наконец, с меня, – прорычал я.
- Успокойся, Рохан, – ответил мне кто-то.
- Я сказал, убирайтесь к чертовой матери.
- Заткнись и выгляни в окно.

Давление на голову немного ослабло, и мне удалось посмотреть сквозь пыльное стекло в жаркую темную ночь. Примерно в километре от нас виднелся большой экран открытого кинотеатра, достаточно огромный, чтобы девушка на нем выглядела больше, чем в жизни,

даже на таком расстоянии. На мгновение, увидев ее там живой и в движении, я подумал, что все еще сплю.

– Миранда! – сказал кто-то и пронзительно свистнул.

– Ты только посмотри! Посмотри на нее!

– Ну и дрянь же она была...

Я подумал, ну и ну. *Покойный Цезарь мне тебя оставил обедком**, – это была Миранда, и кто бы мог подумать? До самой ее смерти кто бы мог подумать?

– Притормози, – крикнул кто-то водителю.

Он не обратил на это никакого внимания. Автобус продолжал движение. Наша колымага тащилась по дороге раздражающе медленно. Когда мы проезжали мимо, экран, казалось, поворачивался в сторону, но медленно, слишком медленно. Я знал этот фильм и знал эту сцену. Я помнил, что должно произойти в следующую секунду или две, и не хотел на это смотреть, но ничего не мог с собой поделать. Даже если бы я отвернулся или зажмурил глаза, цвет и движения этих теней в полукилометре от меня продолжали бы жить в моем воображении. Я слишком хорошо знал этот фильм.

И вот огромная дверь позади Миранды распахнулась, и в роскошно обставленную комнату вошел мужчина. У него были спортивные плечи, мощная шея и быстрая, резвая манера двигаться. Его черные волосы были подстрижены так коротко, что напоминали нарисованную на голове шапочку, которая, по мнению всех критиков, имела очень красивую форму. Жаль, что внутри было абсолютно пусто.

Кто-то из пассажиров, сгрудившихся вокруг меня, закричал:

– Эй, Рохан, как он похож на тебя!

А другой в ответ ему рыкнул свирепым низким голосом:

– Заткнись!

Я пропустил эти реплики мимо ушей. Я смотрел, как молодой Рохан, моложе меня сегодняшнего на четыре года, подошел к жене, обнял ее сзади за талию и сцепил ладони на животе. Она положила голову ему на плечо. Это было похоже на то, как два прекрасных, величественных бога любят друг друга, более яркие, чем земная жизнь, и очень далекие в своем божественном существовании. Цвета и формы сверкали в волшебной комнате, где они стояли, не тронутые ни горячим ночным воздухом, ни временем или пространством.

Экран медленно разворачивался в сторону, когда мы ехали по пыльной дороге. Пара в ярко окрашенной комнате становилась все уже и

* В. Шекспир «Антоний и Клеопатра» (Пер. М. Донской). (прим. перев.)

тоньше, пока не превратилась в ослепительную вертикальную линию, а затем и вовсе исчезла.

А потом *они* исчезли насовсем.

Но только не я. Миранда исчезла. Она была вне времени, и, возможно, это было хорошо, учитывая, как она умерла. Но что касается меня, то я словно попал в ловушку в старой колымаге, беспомощно удерживаемый воспоминаниями, пока автобус пылил вперед, а волны моей памяти сужались и истончались, пока не превратились в ту ослепительную линию. Линию, которая исчезла, унося с собой Миранду.

– Все кончено, – сказал я вслух. – Это случилось три года назад, и теперь никто не помнит. Даже ты...

Я начал яростно расталкивать сгрудившиеся вокруг меня потные тела пассажиров. Они постепенно расходились по местам, кряхтя и что-то бормоча себе под нос. Человек, который был прижат к моему плечу, потерял равновесие, когда автобус накренился. Я видел, как он начал оседать на меня в отчаянной попытке остановить падение. Одна рука хлопнула по стеклу, а другая тяжело упала мне на грудь.

Я ударил его.

Я ударил его так сильно, как только мог из своего сидячего положения, и удар моего онемевшего кулака был подобен лучу прожектора, мгновенно разрезавшего ночь. Я вложил в него всю свою ярость и раздражение. Моя голова стала ясной, мысли приобрели уверенность. Только теперь я понял, как мне нужна была эта разрядка. *Сейчас мы подеремся*, подумал я. Это самый простой путь для освобождения от мрачных мыслей.

Но далее ничего не последовало. Незнакомец ухватился за спинку соседнего сиденья и поспешно убрался в проход. Он стоял, потирая подбородок, и глядел на меня сверху вниз. Он не произнес ни слова. Вокруг нас послышался короткий, сбивчивый ропот пассажиров.

– Что случилось?

– Это опять Рохан.

– Эй, Рохан, почему бы тебе не перерезать себе горло?

Я посмотрел на своего соперника. Я был готов к бою, даже жаждал его с нетерпением. Автобус продолжал возбужденно гудеть. Я медленно успокаивался. Я понял, что он не собирается драться. Мое мимолетное чувство облегчения угасло.

Я пожал плечами и откинулся на спинку кресла. Он ушел. Я сунул руку в карман джинсов и достал плоскую бутылку. Отвинтив пробку, я отхлебнул из нее. На вкус жидкость напоминала отраву. Но первый поток всегда таким кажется.

– Может быть, мне предложишь, Рохан? – спросил парень с соседнего сиденья.

– Самому мало, – сказал я, снова откручивая пробку.

– Один опустошишь целую бутылку?

– До Спрингфилда путь неблизкий.

– Ну и здоров же ты насчет выпивки...

– Отстань!

Он сдался и отвернулся. Остальные пассажиры все еще шумели, а водитель, издав скучающий стон, включил телевизор в передней части автобуса. Шел фильм «Копы и грабители». Все полицейские были в элитных красных плащах Комуса, что выглядело довольно потешно, а у главной героини была неимоверно кудрявая прическа, которая обрамляла ее лицо примерно так же, как у Миранды в фильме «Яркая иллюзия». Постепенно рабочие успокоились.

Если ты жнец, ты не можешь долго пребывать в состоянии возбуждения. У тебя нет на это сил. Или интереса. Для большинства работяг жизнь – замкнутый круг. Как только контракт подписан, ты знаешь, что тебя ждет впереди. Обычный срок – пять лет, но задолго до того, как он истечет, ты столько денег будешь должен компании за спиртное и еду, что больше никогда не избавишься от ее пут. Так что договоры никто не подписывает будучи трезвым. Я и сам не помню, как поступил на работу. Но я лично видел свою подпись в договоре, пусть нечеткую, растянутую, но действительно мою – Говарда Рохана. Я был обязан работать на компанию пожизненно или до тех пор, пока я нужен ей. Не могу сказать, что меня это волновало. Во всяком случае, так сильно. Я иногда даже думал о том, чтобы сбежать. Мне хотелось отыскать выход. Но даже если я найду его, что тогда? Здесь, по крайней мере, я знал, что всегда буду сыт, всегда получу выпивку, которая мне нужна, чтобы отгородиться от мира. И потом, что я умел делать в этой жизни, кроме этой единственной работы, хотя она мне и не нравилась?

Я сделал еще один короткий глоток. Второй всегда пьется намного приятнее, чем первый. Но я нянчился с бутылкой. Я не хотел захмелеть быстро, но ощущение присутствия Миранды потрясло меня. Мне необходимо было отключиться.

Поэтому я осторожно погружался в теплое и приятное чувство эйфории и отгораживался от мира пьяной стеной, которая гудела, как счастливые пчелы летом. Постепенно сознание перестало воспринимать все окружающее так остро. Я посмотрел в окно, и оно показалось мне экраном телевизора с моим отражением в нем, а моя голова с нестриженными волосами делала контуры незнакомыми. Пыльное стекло и темнота за ним, размывали отражение лица с нечесаной шевелюрой

так, что невозможно было разглядеть, что три года сделали с Говардом Роханом.

Я будто смотрел сквозь себя, не обращая на это никакого внимания, и наблюдал, как мимо пролетает летняя ночь. Раз или два мимо с ревом пронеслись встречные автобусы. Несколько легковушек обогнали нас, и их габаритные огни светящимися пузырьками исчезали в ночи. Время от времени мимо проплывал большой красный придорожный плакат каплевидной формы. Я всегда думал, когда видел бодягу пропаганды, которую распространяет Анти-Комусное подполье. Крупные багровые слезы текли по лицу статуи Свободы. Или большие капли крови с надписью «яд», циркулирующие по артериям нации. Очевидные факты, но они застревают в голове.

Единственное, на что еще можно было смотреть вдоль темной дороги – это нескончаемая череда километровых столбов, отсчитывающих расстояние, как часы, которые отсвечивали в сумерках от света фар. Раздражало, что они мелькают так быстро. Изображение еще не успело исчезнуть до того, как следующий светящийся указатель возникает перед взглядом. Но Комус никогда ничего не делает просто так.

Как и Говард Рохан, подумалось мне. Миранда всегда говорила, что я не умею делать все просто. Но я никогда не искал легкого пути. Именно поэтому ты сейчас сидишь здесь, подумал я. Грязный, отвратительно пахнущий потом и дезинфекцией. Это должно быть легко – перестать думать. Перестать чувствовать. И ты вполне можешь привыкнуть к этому, потому что ты – жнец на всю жизнь, Рохан. Но только не для меня.

Фильм по телевизору прервался, и по новостям начали передавать отчет о состоянии здоровья президента. Я рассеянно огляделся и сфокусировал взгляд на экране. На нем возникла старая фотография президента Рэйли. Волевое румяное лицо с выпяченным вперед массивным подбородком. Но прошло уже много времени с тех пор, когда Рэйли действительно выглядел так. Ему, должно быть, уже далеко за семьдесят, ведь он уже шесть раз переизбирался президентом. Политическое влияние Рэйли увеличилось, когда он руководил нацией после пятидневной войны. Но сейчас его жизненные силы постепенно угасали. Неделью назад у президента случился второй инсульт, и никто по-настоящему не верил, что он выкарабкается. Он спас нацию. Он основал Комус. Это можно написать на его эпитафии.

Комус. Коммуникации Соединенных Штатов Америки. В США он был сокращен до Комуса в течение первого месяца после начала его правления. Старый добрый Комус. Когда-то Комусом называли бога

веселья и радости. В своем древнейшем значении он был греком и постоянно развлекался. Что ж, времена меняются.

Я подумал, *какой странный новый мир будет у нас, когда Рэйли умрет. Только благодаря ему нам удалось пережить тяжелые времена, худшие из худших.* Я был еще ребенком и не помню этого, но мои родители пережили те дни, когда в течение долгого времени после пятидневной войны в Америке царила анархия. И тут появился Рэйли.

Его роль в истории неоспорима. Рэйли взвалил на себя огромный груз ответственности и проделал поистине гигантскую работу достойную Геракла. Он не гнушался никакими средствами, чтобы спасти государство от катастрофы. В те дни он не делал ошибок, а потом, похоже, понял, что вообще не имеет права на ошибку. Он направил все знания и финансы прежде всего в экономику, чтобы обеспечить нормальную жизнь гражданам страны, и ведь от этого зависело выживание нации. Он ввел режим жесткого контроля над всеми отраслями промышленности. Одновременно с этим он сформировал свод законов, установил границы, в которых он мог действовать, и это определило внешнюю политику государства. Позже он занялся внутренней политикой и законодательно закрепил права и границы каждого штата, которые бы стимулировали как развитие отдельной территории, так процветание страны в целом, руководствуясь одной целью – благополучием нации.

Он был нашим спасителем тридцать с лишним лет. Теперь он – доброжелательный диктатор. Конечно, доброжелательный. Может быть, некоторые из его администрации не так популярны, как Рэйли, но пока он жив, мы все знаем, что по-настоящему плохо при нем не будет. Страна уверенно развивается под руководством Рэйли, и можно сказать в целом, что наш уровень жизни довольно высок. В верхних слоях общества все очень хорошо. Я знаю. Я был там, наверху. А на дне – ну, никто не ходит голодным. Даже рабочие.

Рэйли остановил время. Но время все равно идет своим чередом с Эндрю Рэйли. Медленно, но верно любой организм стареет, точно так же, как стареет и Комус. Нет уже былой подвижности в суставах, да и ум уже не тот. И даже после смерти Рэйли Комус будет с нами. Комус – это Бог. А его имя всегда означало веселье.

Мне понравилась эта мысль, и я выпил за нее. *Вы знаете, друзья мои, с каким отважным кутежом я заключил второй свой брак в доме моем...**

* Омар Хайям «Рубайат». (прим. перев.)

Старый добрый суровый патерналистский* Комус.
*И взял дочь виноградной лозы в свои супруги**.*

Глава 2

Я ДРЕМАЛ, когда автобус замедлил ход. Сквозь закрытые веки я ощутил яркий свет. Открыв глаза, я понял, что мы проезжаем через маленький городок. Автобус остановился на перекрестке, и яркое свечение от неоновой рекламы слепило мне глаза. Знаете, что было написано яркими мерцающими буквами? Вот что: *Говард и Миранда Рохан*. Возрождение картины, переделанной из самой нашей популярной киноленты – «Прекрасная мечтательница».

Даже сквозь похмельный гул в голове я немного удивился. К моему состоянию это не имело никакого отношения. Три года – гораздо больший промежуток времени, чем вы думаете. Они потихоньку превратили меня в кого-то другого, и мне уже стало все равно. В последнее время, как я заметил, много старых фильмов претерпело множество изменений. Некоторые из наших с Мирандой, множество зарубежных. Все они, конечно, являются пропагандой – корректировкой общественного мнения, как они это называют. Некоторые переделки вызывают восхищение, а некоторые – отвращение. В «Прекрасном мечтателе» я спорил с ребятами из Комуса по поводу их заблуждений в восприятии жизни. В те дни мне это сходило с рук. Я был знаменит и находился на вершине славы. За мной стояла половина лучшей театральной команды страны. Мое имя блистало. Мое слово было законом в театре и кино, правда, в пределах допустимого. Прокатился верхом на гребне волны...

Ну, если Комус начал оживлять старые киноленты, то на это была веская причина. Видимо, его что-то беспокоило. В мире происходило что-то невероятное. И, судя по всему, плохое. Но меня это не касалось. Я снова закрыл глаза, когда автобус начал набирать скорость. Безымянный маленький городок исчез, унося с собой прекрасный и неповторимый образ Миранды в маленькую точку на горизонте, а затем и вовсе исчез.

* Патернализм – система отношений, при которой власти обеспечивают потребности граждан, а граждане в обмен на это позволяют властям диктовать модели своего поведения, как публичного, так и частного. (прим. перев.)

** Омар Хайям «Рубайат». (прим. перев.)

Подумай о чем-нибудь другом. Думай о Комусе.

Мне больше нравится думать о Комусе. Он такой огромный, что, поднявшись над Землей на много километров, невозможно обозреть его целиком. Это занятие уводит от окружающей меня действительности и заставляет задуматься над чем-то более важным в жизни. Мне нравится парить там, высоко над миром.

Глядя вниз, я могу представить себе Комус, видимый во всех хитросплетениях его жизненных артерий, похожих на паутину, которая касается каждого человека в Соединенных Штатах. Я вижу, как он подмигивает и искрится везде, где его создал человеческий гений. Маленькие потрескивающие импульсы электромагнитной энергии, дающие жизнь сложным машинам, которые управляют Комусом. Чикаго, район Сент-Луиса, с высокими стенами между ними, поднимающимися на километры и километры ввысь, тонкими, как воздух, реальными, как гранит. Внутри них расположился Комус, формирующий общественное мнение среди прочих своих божественных обязанностей. Может быть, разный менталитет населения Балтимора и Сан-Франциско. Это вполне естественно. Полагаю, Комусу виднее.

Итак, мы продолжали трястись и ехать в жаркую ночь. Мои мысли окутывало теплое жужжание автобуса. Быть жнецом не так уж и плохо. Ты ешь. Ты спишь. Ты получаешь виски по очень умеренной цене. Тебе говорят, что делать, и ты делаешь, и все идет довольно стабильно и предсказуемо. Тебе незачем думать о завтрашнем дне. Тебе не о чем заботиться, если бутылка бренди под рукой. Ты катишься по своей наклонной плоскости и находишься в маленьком волшебном мирке, который виски создает вокруг тебя, и стены алкоголя окружают тебя со всех сторон. Внутри них – приятная анестезия. Внутри него также грязь, пыль и дискомфорт. Мне необходимо побриться, щетина неприятно зудила. Но мне было как-то все равно. В маленьком мирке мне это не нужно.

Через некоторое время автобус снова замедлил ход. Мы въезжали в ярко освещенную, чистую территорию контрольной станции, и сигнал светофора горел красным, поэтому я догадался, что Комус держит дороги под своим контролем в поисках кого-то или чего-то. Или же он просто хотел провести опрос общественного мнения. С Комусом никогда не знаешь наверняка. Автобус встал в очередь. Я надеялся, что моей бутылки хватит надолго.

Кто-то крикнул:

– Всем выйти из автобуса и построиться. Следуйте за охранником.

Я положил бутылку обратно в карман и зашаркал прочь вместе с остальными. Если я буду вести себя спокойно, то состояние блажен-

ства от выпитого сохранится долго. Это помогало мне отгородиться от действительности. Когда очередь остановилась, я огляделся.

Здание контрольно-пропускного пункта было большим, ярко освещенным и бросалось в глаза своей помпезностью. Оно, вероятно, было построено в период расцвета правления Рэйли, примерно пятнадцать лет назад, когда впервые появилась мода на вычурность и показную роскошь. Я видел еще более красивые здания, чем это, с более эффектным остеклением и куда значительными гербами Рэйли, в форме щита с монограммой ЭР в неоновом мерцающем обрамлении. Если просто буквы ЭР подразумевают ЭНДРЮ РЭЙЛИ, то это никак не может сделать человека величественнее, чем он есть на самом деле, не так ли?

Свет, отражаемый от цветного остекления окон станции, причудливо освещал шоссе голубым, желтым и фиолетовым цветами, а от входа бил ослепительно белый, ясный свет прожектора и освещал автомобили, в которых охранники продолжали допросы пассажиров. Приглушенная танцевальная музыка оркестра доносилась из какого-то далекого помещения внутри контрольного пункта. Иногда из динамиков, тоже расположенных где-то внутри, через звуки музыки прорывался металлический властный голос Комуса, настоятельно дающий указания Центра своей далекой, подчиненной контрольной станции, на которой находился сейчас я.

На стоянке рядом со станцией находилась пара больших придорожных рекламных плакатов. Надо было видеть, как на них, освещенных разноцветной гаммой от витражей станции, выглядели два или три Фольксвагена Жука. Назойливая реклама демонстрировала их сногшибательную проходимость, и у человека, понимающего в машинах, это, как минимум, вызывало снисходительную усмешку. Получалось, что эти малюсенькие монстры могут проехать туда, где застрянет танк. И они, по причине своей легкости, могут пройти даже по траве, почти не оставляя следов. Текст рекламы был изложен с такой ноткой безапелляционности, что не оставлял камня на камне от возражений предполагаемых противников.

Из верхнего помещения слышались оживленные переговоры, прерываемые радиопомехами. Мне почудился рокот винтов приближающегося вертолета, тяжелый гул, который давил на слух. Комус следит за каждой группой нарушителей закона с вертолета, и поэтому, если даже ты попытаешься пересечь страну тайными путями – твоя затея обречена на провал, если только преследователям не поступит сигнал отбоя от Комуса. Мысленно я наблюдал за ситуацией со стороны. Я заставил себя забраться чуть выше вертолетов и смотрел, как

их кроваво-красные спины покачиваются под светом звезд. Я смотрел на них сверху вниз, а винтокрылые машины наблюдали за всем происходящим на земле, и во всем этом наблюдался какой-то невидимый порядок. Все шло своим чередом. Все было предсказуемо. Чувство защищенности и неприкасаемости окружало меня в моем маленьком мире, парящем высоко в воздухе.

Пока я был погружен в свои мысли, на дороге появился «жук» и въехал в лужу разноцветного света рядом со станцией. Из машины вышел парень в красном безупречном пальто и вошел в здание контрольного пункта. Я подумывал о том, чтобы тайком отхлебнуть еще из заветной бутылки.

Потом меня позвали по имени.

Я почувствовал, как мои нервы напряглись, но я не ответил. Я просто стоял, слегка покачиваясь от выпитого.

— Говард Рохан. Шаг вперед.

Все головы обернулись в мою сторону. Я шагнул вперед. Вдоль построенных пассажиров прохаживался аккуратный и властный охранник в красной форме. Он оглядел меня с ног до головы, внимательно рассматривая мои выцветшие джинсы, пыль, щетину на подбородке. Он даже принялся к моему дыханию.

— Хорошо, — сказал он. — Следуй за мной, Рохан.

Внутри помещения станции все казалось очень ярким и оживленным. Охранник подвел меня к стойке с имитацией мраморной столешницы, сделанной из какого-то синтетического материала.

— Мы нашли Рохана, сэр, — доложил он человеку за мраморным столом.

Его начальник взял мое удостоверение личности и стал внимательно его осматривать. Он вертел его между пальцами взад и вперед бесчисленное количество раз. От этих движений пластик аж потрескивал. Наконец он выдал из себя:

— Думаю, ты можешь забрать этого бродягу. Так будет быстрее. — Он проштамповал пластиковое удостоверение и протянул его охраннику вместе с моей фотографией и продолжил:

— Срочно на скоростном самолете, — проговорил он. — Приоритет высший. Но сначала надо откатать пальцы.

Мы прошли в другую комнату, где у меня сняли отпечатки пальцев и отсканировали сетчатку глаз. Мне показалось, что я схожу с ума. Я чувствовал, как во мне закипает гнев и мне трудно контролировать свое состояние. Они вторглись в ту часть моей прошлой жизни, о которой я пытался забыть, и заплатил такую цену, что мне становилось тошно от одной мысли об этом. Я будто бы снова отрешился от всего

и погрузился в то особое состояние забытья, в котором мне было комфортно. Мне здесь нравилось. Я не видел причин, по которым бы меня можно было вернуть к действительности. Но у них были полномочия на это. Я не сомневался. Я решил смириться и приберечь свои эмоции для более значимого чиновника, который может принимать решения. Эти парни просто выполняли приказы. Поэтому я делал то, что мне говорили, не более того. Я позволил безропотно снять с себя отпечатки пальцев. Мой взгляд ни на чем не фокусировался, когда они сканировали узор сетчатки. Потом они осмотрели меня, как животное, а я отшеллся от всего происходящего, старательно сдерживая гнев, чтобы он не вырвался наружу и не навлек на меня неприятности.

— Думаешь, мы должны сначала привести его в надлежащий вид? — спросил кто-то.

— Он им нужен немедленно, — ответил кто-то еще.

Я просто стоял, тихо дышал и даже не удивлялся. Конечно, они совершали какую-то ошибку. Им нужен был какой-то другой Говард Рохан. (С моими отпечатками пальцев и сетчаткой? Не берите в голову. Это должен быть какой-то другой Рохан...)

Меня провели в самолет и усадили в мягкое кресло. Я расслабленно откинулся назад и закрыл глаза. Когда я открыл их, в иллюминаторах проплывали огни аэродрома. *Мы сели в обычный самолет, а не в реактивный, так что, вероятно, лететь нам не так далеко.* Я чувствовал, что мой желудок сжался, когда мы взлетели. Я достал бутылку и отхлебнул еще. Мой охранник беспокойно посмотрел на меня, но никак не отреагировал. У него были четкие инструкции. А меня не волновало, что он думает.

Я вместе с сопровождающими сидел в хвосте самолета, между нами и другими пассажирами находилось несколько рядов кресел. С сарказмом я подумал, *мои вши и блохи не смогут заразить никого*, когда демонстративно почесался. Экран телевизора в передней части самолета демонстрировал комедию, снятую в паршивое время. Раньше я думал, что и сам неплохо играю в комедии. Я долгое время играл главную роль в комедии Шекспира, которую они снимали в 94-м, и, надо признаться, неважно играл... Но имя гениального автора привлекло много зрителей. Миранда всегда говорила...

Не бери в голову. Не думай о Миранде.

Но, возвращаясь к действительности, здесь, в пахнущем свежестью в мягко гудящем самолете, в цветастых плюшевых креслах, можно ли не думать о Миранде? Видит Бог, я мало думал и заботился о ней, когда она была жива. Может быть, она бы не умерла, если бы я более внимательно относился к ней, когда она пыталась поговорить со мной.

Если бы я больше думал о ней как о женщине, а не как о красивой марионетке, чтобы заставить ее играть на сцене так, как мне хотелось бы.

Не думай о Миранде.

Неожиданно отражение моего лица в иллюминаторе привлекло внимание. Мне показалось, что я летел вне самолета без всяких усилий, не отставая от него. Сквозь мое изображение просвечивали звезды. Я сосредоточился на этом и попытался думать о чем угодно, только не о Миранде. Но ничего не выходило. Привязчивая мысль о том последнем дне неотвратимо преследовала меня, возвращаясь снова и снова. Я ничего не мог с собой поделать.

Забавно, как быстро работает память. Не успел я поднести бутылку ко рту, как тот последний день, та последняя ночь пронеслись в моей голове. Так бывало уже не раз, когда картинки пережитого сливались в единое целое, такое ясное и совершенное, как будто бы события произошли только что.

Говорят, что в минуты смертельной опасности вся жизнь проносится перед глазами человека. И вот сейчас, пока виски текло по моему горлу, тот день снова пролетел в сознании, возвратившись к изношенной канаве (к забытому мной прошлому, которое я три года пытался удалить, как будто его и не существовало вовсе в памяти).

Сцена за кулисами в лучшем и новейшем в Нью-Йорке театре Эндрю Рэйли. На ней – персонажи, актеры и вся съемочная труппа, которая делает постановку «Прекрасного мечтателя» для повторного показа. В главных ролях, конечно же, Говард и Миранда Рохан. Главный герой – сам Рохан, муж и режиссер, но Миранды почему-то нет рядом. Занавес поднимается над Роханом, и на сцену обрушивается гром безумных аплодисментов, которым мог бы позавидовать сам Станиславский.

Миранды не было на сцене. Ее все ищут. Дублерша с надеждой репетирует, в то время как поиски становятся все более и более отчаянными. Не повезло. Миранда отсутствовала на утренних встречах, на утреннем спектакле, на репетиции, на вечернем спектакле. Рохан продолжал выпивать немереное количество спиртного, слишком оглушенный, чтобы чувствовать свое состояние. Рохан хватается за выпивку каждый раз, когда уходит со сцены.

Конеч... Телефонный звонок сразу после занавеса второго акта. Полиция нашла... их. Их? Кого их? Должно быть, произошла какая-то ошибка. Что должно было случиться с Мирандой, чтобы она могла позволить себе пропустить два спектакля подряд, не сказав мне ни слова? Я совсем забыл про пьесу. Я не вышел на последнем акте. Это я, всегда-все-доводящий-до-конца Рохан. Конечно, ты сводишь себя и весь актерский состав с ума, пытаешься достичь совершенства, но бро-

саяешь все это и оставляешь аудиторию негодующе гудеть. Ты становишься просто мужем, отчаявшимся и сбитым с толку, когда приходит такое известие. Наверное, я никогда не был так хорош как актер и режиссер в том спектакле.

На самом деле я действительно забыл о последнем акте. Я бросил все на наших дублеров и оглушенный, не обращая внимания на сплетни и перешептывания среди актеров, прошел к полицейской машине. Автомобиль взвыл сиреной и понесся к устью реки Гудзон, к месту аварии, в которой погибли они оба. В душе у меня звучала такая же сирена, только во много раз сильнее... *Миранда и ее любовник. Человек, о котором я никогда не слышал.*

Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли я когда-нибудь задумывался над тем, что могло беспокоить Миранду? Настоящую Миранду. Я слишком мало уделял ей внимания и знал ли я ее такой, какой она была? Проживая тот день снова и снова, в памяти всплывали случаи, когда она была угрюмой и замкнутой, моменты, когда мне казалось, что она вот-вот скажет что-то, но потом промолчит. Потому что я был занят и озабочен только театральной и киношной жизнью. Потому что никогда не было времени для отдыха между постановками и съемками, которые полностью заполняли мое сознание. Теперь я припоминаю, сколько раз она чуть было не сказала мне... что-то. Но она слишком долго откладывала.

Фотографы еще не добрались до места происшествия, когда мы подъехали на полицейской машине. Я видел ее такой, какой ее нашли. Она лежала, наполовину высунувшись из разбитой машины, и, кроме раны на затылке, на ней не было никаких повреждений. Она была одета в японское кимоно, которого я никогда в жизни не видел. Как они очутились в этом месте, из какой незнакомой квартиры они ушли, куда направлялись, я так и не узнал.

Она была прекрасна. Она всегда выглядела очень эффектно. И даже теперь, когда жизнь покинула ее, она лежала на склоне холма в своем цветастом кимоно, как будто художник-портретист так расположил ее, чтобы запечатлеть ее красоту в лучшем виде. Даже мертвой, кимоно ей очень шло. Казалось, что призрак Миранды остановился, оглянулся и лег, чтобы поправить яркий шелк, желая, чтобы она выглядела более эффектно.

Удалось ли полицейским узнать, кто был любовником Миранды? Полагаю, что да. Но я не уверен. Теперь это не имело значения. Просто незнакомец, который не имел особого значения в этом мире ни для кого, кроме, возможно, Миранды. Я и сейчас даже не могу вспомнить, как он выглядел.

Что я помню, так это то, что стоял там и гадал, когда Миранда приняла решение, которое привело ее к трагической развязке. Это мог быть любой из тех моментов, когда она была на грани того, чтобы сказать что-то мне, а я был так занят, чтобы выслушать ее.

Я помню только горечь от того, что не мог ничего исправить, что я мог бы спасти... Мог бы спасти ее... Но не спас. И другого шанса уже не никогда не будет. Затем занавес воспоминаний опустился.

Занавес так больше никогда и не поднялся.

Вы видите, как быстро воспоминания проходят сквозь сознание? Вы можете вспомнить все в мгновение ока. С того момента, как выпивка обожгла мне горло, и до того, как она начала расползаться по стенкам желудка, прошла как будто целая вечность.

Я допил остатки своей бутылки в два глотка. Кажется, достаточно. Рохан, стоявший на травянистом берегу над Мирандой, и Рохан, легко плывший за иллюминатором самолета, и Рохан внутри, на глубоком плюшевом сиденье, – все это слилось воедино. Все они одновременно угасли.

Глава 3

Я ПРОСНУЛСЯ в постели.

Я был трезв и чувствовал себя ужасно. Меня окружала слишком явная действительность, и мне снова была необходима выпивка, чтобы отгородиться от всего мира своими жужжащими стенами. Комната была обычной спальней, но с элементами роскоши. Я сел, и все тело задрожало. Голова кружилась, а внутренний локтевой изгиб болел в том месте, где под кожей проходит вена. Какая-то инъекция? Я ничего не мог вспомнить, но сон, который я только что видел, беспокойно волновал меня в глубине сознания, настаивая на том, что это важно. Я попытался вспомнить.

Кажется, все население Соединенных Штатов трясло меня за плечо и говорило, что они в смертельной опасности. Вспомнил президента Рэйли, и он сказал мне, что никогда не хотел, чтобы до этого дошло, и после его смерти будут глобальные изменения. Нет, в конце концов, это был просто человек в красной униформе, который сказал, что его зовут Комус. Он собирался покончить с собой, если я не стану ему помогать. Он планировал использовать... Что это было?

Антик.

Это я хорошо помнил. Он мне сказал, чтобы я ехал в Калифорнию, где должен буду обязательно найти мистера Харреса. Я обязан буду

передать некоторые сведения кому-то, чье имя я вообще не расслышал. А еще он посоветовал мне собирать фигурки лебедей. Даже во сне я отвергал абсурдность этих видений. Я послал его куда подальше.

Но он был настойчив. Хриплым шепотом, который щекотал ухо, он поведал мне длинную, запутанную историю о том, каким важным человеком я когда-то был, и о том, какие большие дела еще могут ждать меня в будущем, если только я... но тут в дело вмешался иррациональный кошмар. Меня пугало то, что я должен был сделать. Я понимал, что если последую его советам, вся ситуация в стране окажется нестабильной. Он сказал, что мне не нужно думать об этом, но ему нужна помощь, чтобы покончить с собой из-за какого-то поступка. И не забыть про лебедей.

Я сказал, что лично ничего не имею против министра связи, и как он как-то непонятно вступил в разговор, а человек в красном пиджаке продолжал шептаться о *сами знаете чем*. Только я этого не сделал, и это меня пугало. Он сказал, что мне не нужно думать об этом сейчас, потому что я вспомню, когда придет время, но он должен был успеть сказать мне, пока еще не поздно.

Эта часть сна была чистым кошмаром. Мне хотелось крикнуть ему, что это всего лишь сон, заткнуться и уйти, но я был слишком пьян, а он продолжал меня преследовать. Когда я зажал уши руками, он заговорил огненными буквами, висевшими в воздухе над его головой. К счастью, я не смог их прочитать.

— И обязательно спроси про лебедей, — проговорил он напряженно и растворился в воздухе при звуке приближающихся шагов, оставив за собой огненные буквы. Как раз вовремя я протянул руку и столкнул их в бездонную яму, которая была там все это время. Они падали, кружились, и чем дальше они падали, тем четче они становились, чтобы я смог их разобрать. Но этого было все равно недостаточно, слава Богу.

Как раз перед тем, как они стали совсем прозрачными и готовыми исчезнуть, я проснулся.

Я сидел, пытаясь понять смысл сна, когда открылась дверь и кто-то вошел в белом халате. Я резко поднял голову, и у меня мелькнула мысль, что я знаю его. Человек, который послал за мной во сне. Тед Най. Я знал, что это Тед. Говард Рохан три года назад был знаком со многими важными людьми. Никто из них теперь меня не вспомнит.

Это должен был быть Тед Най. Вот почему министр связи сыграл в моем сне небольшую роль. Со временем в памяти многое стирается. Мы с Тедом начинали вместе очень давно. Я высоко поднялся. Но Тед пошел дальше меня, и он все еще был там, в кресле министра связи

в кабинете Рэйли, и собирался подняться еще выше, насколько я помнил, когда старик померет.

Конечно, это слишком важно, чтобы входить в мою спальню в белом халате. Человек, стоявший в дверях, был незнакомцем. И доктором, если белый халат что-то значит. Он профессионально взял меня за запястье и испытующе посмотрел на меня.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя ужасно. Мне нужно выпить.

– Ты справишься, – ответил он. – Во всяком случае, пока. Одевайся.

– Как насчет выпивки?

Он только пожал плечами и вышел, закрыв за собой дверь. Я встал, слегка дрожа всем телом. Кожа покрылась мурашками. Я подошел к окну и выглянул наружу. Район Нью-Йорка, Манхэттен. Очень знакомый. Если бы я вытянул шею, то, вероятно, увидел бы крышу родного театра, сцену моего взлета и падения. Но я не хотел беречь старую рану.

Моя одежда, аккуратно выстиранная, висела в шкафу на плечиках. В ванной комнате было все самое необходимое, чтобы привести себя в порядок и побриться. Я решил почистить зубы и принять душ. Мне не хотелось, чтобы люди, с которыми мне придется встречаться, приняли меня за опустившуюся личность. Тот, кто вытащил меня из пыльного автобуса, должен был остаться довольным моим видом.

У моей двери стоял охранник в красной форме Комуса. Как ни странно, все происходило точно так же, как в моем сне. Я посмотрел на дверь, через которую ко мне вошло население страны. Здесь же, на пороге, должна была быть пропасть, в которой растворялись огненные слова. Я посмотрел вниз с лестницы, чтобы убедиться, не оставили ли исчезающие буквы каких-нибудь следов на полу.

– Доброе утро, мистер Рохан, – поприветствовал меня охранник.

– Мне нужно выпить, – с порога заявил я ему. – Видишь? – я вытянул перед собой трясущиеся руки.

– Пожалуйста, пойдете со мной, – вежливо попросил он. – Гм-м... не хотите сначала немного прибраться в комнате?

– Нет, – ответил я.

– Сюда, пожалуйста, – сказал он, пожимая плечами.

Пять минут и три этажа спустя он остановился перед дверью, что-то коротко сказал в микрофон на лацкане пиджака, а затем пригласил:

– Проходите.

Кабинет Теда Ная почти не изменился. На первый взгляд вам кажется, что вы зашли в картинную галерею, а затем вы видите, что все картины являются логичным продолжением интерьера. Стол Теда

стоит посередине, и на нем несколько телефонов со множеством кнопок, соединяющих его с любым уголком страны. У одной стены небольшой бар, вокруг много глубоких стульев, стеклянный аквариум с тропическими рыбками, а с потолка свисает круглая медная клетка с бледно-желтой канарейкой внутри.

У стойки бара спиной ко мне стоял невысокий парень. На нем были шорты до колен и полосатая рубашка. Он наполнял бокалы. На стене перед ним в тяжелых, богато украшенных золотых рамах были запечатлены пейзажи со всех Соединенных Штатов. Облака лениво плыли в одном обрамлении над голубыми горами, покрытыми снегом. Рядом расположилась картина, где на фоне зеленого залива ослепительно сиял Сан-Франциско, по воде медленно плыли крошечные лодки. Далее шел сельскохозяйственный пейзаж с трактором, тянувшим широкую полосу борон по бескрайнему полю, разбивая коричневую землю на узоры. И все это лишь внешний камуфляж для внутренней, невидимой паутины Комуса, натянутой и поющей от напряжения, когда на пропускных пунктах его сотрудники контролируют дороги страны, просеивая все население, человека за человеком, посредством психоаналитических исследований. Они с помощью компьютеров анализируют собранную информацию круглые сутки. Мне казалось, что я чувствую их сейчас, они вибрируют у меня под полом, потому что здесь находилось сердце администрации Комуса. И вот передо мной в полосатой рубашке стоял человек, который управлял всем этим.

Я был несколько удивлен, когда при виде моего старого друга, волна горькой обиды захлестнула меня. Мы начинали на одном уровне. Посмотри на нас сейчас. Чувство зудящего раздражения, которому подвержены все жнецы из-за условий жизни и мизерной оплаты своего непосильного труда, захлестнула меня, и на мгновение я ощутил запах пота и дезинфекции, которые сопровождали всех нас, как облако. Возможно, я и сейчас так пахну, но я слишком привык, чтобы замечать такую мелочь. *Какое право имеет Тед Най стоять здесь чистый, счастливый и могущественный, в то время как я ...*

– Ты сам выбрал свой путь, Рохан. Успокойся.

Не оборачиваясь, Тед Най продолжил:

– Добро пожаловать, Говард.

Я почти бегом прошел по цветастому ковру к бару, не глядя на его руку, протянутую мне для пожатия. Я схватил первую попавшуюся бутылку и поднес ее ко рту, слыша бульканье и чувствуя, как бутылка трясется в моих руках, когда виски полилось мне в горло. Странно было снова ощутить вкус хорошего виски. Через мгновение Тед забрал бутылку.

– На сегодня достаточно, Говард. – Он испытующе посмотрел на меня. – Много воды утекло с нашей последней встречи...

Я попытался ответить ему понимающим взглядом. Он был чист и опрятен, но на небольшом, смуглом лице под глазами образовались тяжелые тени, и что-то было ужасно неправильным в его облике. Беда. У Теда Ная тоже были свои проблемы со здоровьем.

– Я вас не знаю, – холодно ответил я.

Его глубоко посаженные глаза тревожно попытались встретиться с моими. Его взгляд быстро обследовал мою физиономию. После виски мне значительно полегчало. Я чувствовал себя лучше, чем он выглядел.

– У тебя проблемы с памятью? – выжидательно спросил он.

– Нет никаких проблем. Меня все устраивает.

И снова меня охватил зуд, скорее мнимый, чем настоящий, потому что моя одежда, по крайней мере теперь, была чистой. Я кое-как сдержал себя, чтобы не почесаться.

Все еще пристально глядя на меня, Най подошел к столу и нажал одну из блестящих граненых кнопок под маленьким экраном интеркома. В зеленоватом стекле аппарата появилось небольшое изображение девушки из другого кабинета. Мне очень быстро пришло в голову, что все живое здесь было уменьшено до размеров, соответствующих размерам Ная.

– Пришли мне досье на Говарда Рохана, Труды, – сказал он миниатюрной девушке.

Послышалось музыкальное жужжание, затем слабый хлопок, и из щели на столе показалась красная папка. Канарейка беспокойно заерзала на своем насесте, искоса поглядывая на источник музыкального звука. Она попробовала робко подпеть, но потом сдалась и заснула.

Най раскрыл папку и протянул мне единственный листок, лежащий поверх стопки внутри. Я взял его без особого интереса, бросив небрежный взгляд на оставшиеся внизу. Затем я потряс головой, чтобы сфокусировать взгляд. От прочитанного моя рука тоже задрожала. Я не мог до конца поверить в то, что увидел, но вот он, ошеломительный факт – моя подпись, Говарда Рохана, нацарапанная нетвердой рукой, и пожизненный контракт, чтобы быть жнецом. Контракт, который был первоначально заключен на пять лет, а теперь продлевается до бесконечности для отработки долгов за жилье и пропитание с выпивкой. Тед Най ловко выдернул его у меня из рук, пока я стоял, разинув рот. Я попробовал отобрать листок у него.

– Не так быстро, – сказал он. – У меня есть для тебя работа, Говард. Сделаешь ее, и ты можешь быть свободным.

– Что это за работа? – осторожно поинтересовался я.

Наблюдая за мной, он проговорил:

– Театр. Мы создаем что-то новое. Может быть, немного опасное. Но ты мне нужен, Говард, и твой талант.

На мгновение в моих венах закипела кровь от возбуждения. Вот она – старая – новая жизнь! Я очень ненадолго вернулся в былые, яркие, сияющие дни, когда Миранда была жива, а Рохан был самим собой, и вся их жизнь блистала в ослепительных огнях софитов. Но потом я вспомнил. Жизнь давно выбросила Рохана на помойку. Я вспомнил все время, прошедшее после смерти Миранды, когда я взорвался в своих репликах и для меня навсегда опустился занавес. Я вспомнил, как выходил на сцену слишком пьяным и даже не мог понять, в какой пьесе я играю. Я подумал обо всех друзьях, которые одалживали мне деньги, пока я не перестал их отдавать.

Я оглядел кабинет.

– Как мне отсюда выбраться?

– Не веди себя так, Говард, – сказал Най.

– Это не фильм и не пьеса, и мы не актеры.

– Ты все еще обижаешься, не так ли? Я сделал для тебя все, что мог, когда ты сломался, Говард. Ты должен это знать. В конце концов, это не я выгнал тебя со сцены. Это сделал Комус. Может быть, ты думаешь, что я контролирую Комус. Я – нет.

Мне захотелось рассмеяться. Десять лет он был главным в Штатах по коммуникациям, и он не контролировал Комус? Но все, что я смог ответить:

– Я не держу никаких обид. Я прекрасно живу.

– Черта с два...

– Я создаю тебе проблемы? Я чем-то тебе обязан? Меня устраивает все.

Он нервно потер лицо.

– Говард, мы ведь были друзьями. Я хотел бы помочь тебе, если смогу. И ты можешь помочь мне.

Я повернулся к нему спиной и посмотрел на полотно с Сан-Франциско с маленькими лодками, плывущими по заливу на другой стороне континента. Да, когда-то мы были друзьями. Очень хорошими друзьями. Мы жили в одной квартире давным-давно, когда он был всего лишь помощником заместителя министра, а я все еще бродил по офисам Комуса в поисках лицензии на свою актерскую деятельность. Даже в те дни червь тщеславия пожирал Теда Ная. Может быть, потому, что он испытывал комплекс из-за своего маленького роста? Но он всегда был отважным человеком, который хватал тигров за хвост.

Теперь он выглядел так, словно вцепился в слишком большого тигра, и боялся его отпустить. Но это была его проблема, а не моя.

Я повернулся к нему спиной:

– Почему ты не можешь оставить меня в покое, Тед?

Я расслабился от выпитого виски и закрыл глаза, после этого продолжил:

– Ты достиг того, о чем мечтал. А ты не можешь дать мне то, чего я больше всего хочу – оставить меня в покое?

– В чем дело, Говард? – мягко спросил он.

– В том, чтобы меня оставили в покое, черт бы тебя побрал.

Слова прозвучали твердо, но не совсем убедительно. Вернее, совсем неубедительно. Я отчаянно не хотел выходить из мирка своих жужжащих стен, в ужасе от того, что вновь окажусь в некомфортной среде. Я слышал, как Тед Най проломил мой единственный бастион, и мне вдруг захотелось убить его.

Я подумал, может быть, ты этого не знаешь, но для меня за моими стенами мир мертв. Там, за жужжащими стенами все пыльное и неживое. Все люди – ненастоящие. Ты тоже неживой. На деревьях сидят выдуманные птицы, а под полом бегают механические мыши. С тех пор, как Миранда внезапно покинула этот мир, для меня ничто не дышит плотью, и все эти безысходные и монотонные голоса пугают меня.

– Не испытывай мое терпение слишком долго, Говард, – сказал Най слегка дрожащим голосом. Он был в сильном напряжении, ему с трудом удавалось сдерживать эмоции. – Может быть, я лучше тебя самого знаю, чего ты желаешь. – Он похлопал по красной папке с моим именем.

– У меня есть записи твоего психографа, все до последней мелочи. Вплоть до прошлой ночи, когда тебя стошнило под пентоталом. Я знаю, что тобой движет. Я знаю о тебе больше, чем ты знаешь сам о себе. Если ты не сделаешь то, о чем я тебя прошу...

Переговорное устройство на столе разразилось музыкальной трелью. Най резко остановился, пристально посмотрел на меня, будто дал мне пощечину, а затем повернулся, чтобы нажать на кнопку. Его эмоции били через край, близкие к истерике.

Маленькая секретарша из зеленоватого экрана тонким голосом сообщила:

– Доктор Холлбилл напоминает о вашем времени отдыха, мистер Най. А сенатор Калифорнии настаивает, что ему надо срочно с вами поговорить. Что мне передать..?

– Мне плевать, что они там говорят, – резко оборвал ее Най. – Я буду занят еще десять минут. Если Моррис не может ждать, назначьте ему встречу чуть позже. Сейчас я очень занят. Он снова нажал на кнопку, и зеленое изображение секретарши превратилось в точку и исчезло. Най повернулся ко мне.

– Давай посмотрим на все объективно, – сказал он. – Когда-то ты был потрясающим актером. Возможно, даже великим. А сейчас ты выглядишь, как пьяный бродяга, у которого впереди нет ничего, кроме каторжных работ в лагерях земледельцев, пока ты не станешь немощным стариком, неспособным даже на примитивный труд. А потом они тебя выбросят на помойку. Я предлагаю тебе шанс вернуться к прежней жизни. Я выкупил твой контракт. У меня есть работа, с которой ты, возможно, сможешь справиться. Ты мне нужен. Я хочу помочь тебе, если смогу. Но все зависит от тебя, Говард.

– Мою душу истощила работа в театре, Тед, – в отчаянии ответил я. – Помнишь?

– Это ты так думаешь. Давай попробуем еще раз. Мне нужны актеры, Говард. А ты многих знаешь лично. В стране не хватает квалифицированных кадров для той работы, которую я тебе предлагаю. Как только ты находишь нужных нам людей, мы вначале лечим их от алкогольной зависимости и восстанавливаем их здоровье, а после этого вы приступаете к работе. Я не спрашиваю тебя, Говард. Я настаиваю.

Что-то от его напористости слегка вибрировало сквозь тонкие натянутые стены, которые защищали меня от всего. Я знал, что не должен идти у него на поводу. Но где-то в закоулках сознания зашевелился дикий, иррациональный Рохан, который все еще верил в невозможное. Может быть, у меня еще есть шанс. Освободиться от контракта, снова стать самим собой, снова попытаться начать прежнюю, чудесную, блестящую жизнь...

На мгновение защитная стена перестала вибрировать. В этот момент на меня огромной волной нахлынуло воспоминание о прошлом. Миранда. Жизнь, которую мы прожили вместе. Все в той жизни было в изобилии, и мы наслаждались ярким миром. Многочисленные вечеринки для избранных кружили нам головы. Чудесные вечеринки. Музыка лучших оркестров страны. Великолепные платья на женщинах, драгоценности, похожие на огромные капли огня, дурманящий аромат духов. Блестящие речи лучших умов нации, которых собрал возле себя Эндрю Рэйли. Сам старик статный и румяный, в безукоризненных, без единой складочки мундирах, которые тогда носил. Его величественный вид. Все это потрясающее ощущение жизни в самом центре мира,

в то время, как вселенная вращалась вокруг нас, потому что мы жили полной жизнью, заставляя ее кружиться вокруг нас.

– Ты в состоянии сделать работу. Я не спрашиваю тебя, Говард. Я настаиваю. – Слова Ная эхом отдавались у меня в голове. С трепетом, надеждой и ужасом я подумал, *может, он и прав. Может быть, у меня еще есть шанс.*

– Что, что это за работа? – спросил я хриплым и отстраненным голосом, – и для чего нужны актеры, Тед?

Сквозь завихрения сомнений и надежд я услышал его слова:

– Я хочу, чтобы ты руководил труппой бродячего театра. Я посылаю несколько актеров в один из нужных мне районов. Они будут выступать под открытым небом, на простой площадке. Мне нужен кто-то, кто может манипулировать мнениями обывателей, управлять ими и позволять слышать им все, что они хотят услышать, что им нужно.

Его затея показалась мне сомнительной:

– Я никогда не играл в бродячей труппе, Тед. Не путешествовал, как в старинных цирках... Ты же понимаешь, что это не сработает. В провинции населения намного меньше, чем в городах, и вряд ли их заинтересуют наши выступления. Мне непонятны твои мысли. Я...

– Позволь мне самому позаботиться об этом, Говард. Ты со мной, или хочешь вернуться туда, откуда я тебя вытащил?

Пока я раздумывал, переговорное устройство снова издало музыкальный писк, и Най ударил по кнопке приема с такой силой, что изображение на экране задрожало. Зеленоватая секретарша уже не говорила, а выкрикивала имена самых влиятельных людей Соединенных Штатов, которые хотят связаться с Наем немедленно.

– ...вице-президент, – тараторила она, – и он должен с вами посоветоваться перед разговором с президентом Рэйли...

Най бросил на меня встревоженный взгляд и быстро переключил разговор на наушники. Голосок умолк. Тед схватил наушник и прижал его к уху, его взгляд блуждал по кабинету, пока он слушал. Когда разговор закончился, его лицо выражало обескураженность. Мимика была заторможена, лицо стало бледным, как мел, и выглядел Тед так, словно умер вчера.

Беда, подумал я, случилось что-то серьезное. По крайней мере, на сельскохозяйственных работах мне будет безопаснее. Хочу ли я пойти за Наем дальше?

Мое внимание привлекло какое-то движение в круглой клетке с канарейкой. Разбуженная привлекающим писком звонка, она встряхнулась, а затем внезапно нырнула под крыло и принялась яростно взъерошивать перья в поисках назойливых насекомых. Наблюдая за

птичкой, на меня нахлынула свирепая волна старых ощущений от вшей и блох. Я снова ощутил запах немытого тела и дезинфекции, почувствовал усталость. И зуд, назойливый и настолько сильный, что пот выступил у меня на лбу, и мне пришлось мобилизовать всю волю, чтобы не почесаться.

Я посмотрел на лицо Ная и его худые напряженные плечи под полосатой рубашкой. Я оглядел богатый, тихий офис, ощутил под ногами вибрацию от бурной деятельности управления государством, которая охватывала всю нацию от одного только разговора двух влиятельных чиновников.

И вдруг я возненавидел Теда Ная, яростно завидуя ему и одновременно в каком-то смысле чувствуя жалость к этому маленькому человеку, которого когда-то так хорошо знал. Внезапная, яростная буря чувств пронеслась сквозь меня, как заряд холодного мокрого снега. Я ощутил, что должен жить. Действовать. Двигаться, чувствовать силу и заставлять мир вращаться. Какой бы тяжелой ни была работа, сколько бы она мне ни стоила, какие бы опасности ни подстерегали – я должен был ее выполнить. Моя безопасная маленькая волшебная комната, построенная из алкоголя, больше мне не нужна. Тед Най разбил ее вдребезги с того самого момента, как вернул меня к жизни.

Я ненавидел его за это. Я ненавидел его за успех и власть. Я почувствовал, как меня затрясло от волнения. Немного испуганный, обескураженный предстоящими переменами, ненавидящий своего старого друга, весь мир и себя, я сделал глубокий вздох и выдохнул:

– Договорились, Тед. Я согласен.

Глава 4

ПАРИЛКА БЫЛА украшена мрамором, вокруг которого с шипением клубились белые облака пара. Медсестра сказала мне лечь на живот и расслабиться. Я скинул простыню со спины и сделал, как мне велели. Это было чертовски приятное ощущение. Вы чувствуете, как расслабляются позвонки, и все кости и мышцы вдоль позвоночника снова обретают жизненные силы, когда вы лежите на твердой поверхности под опытными руками массажиста.

В тумане надо мной возникла фигура.

– Как себя чувствуешь, Говард? – раздался голос Теда Ная.

Я посмотрел вверх. Он казался таким большим в простыне, как римлянин в белоснежной тоге.

– «Что бедный Брут в борьбе с самим собою*...», – процитировал я. После двадцати четырех часов лечения я чувствовал себя намного лучше.

– Вот это сюрприз. Я не ожидал, что ты еще раз потратишь на меня свое драгоценное время.

– Что ты имеешь в виду, «в борьбе с самим собою»? – спросил он, подозрительно глядя на меня сверху вниз.

– Тебя что-то гложет, – ответил я. – Каждый это видит. Может быть, мне следовало начать со слов: «Скажи, ты, можешь ли свое лицо увидеть?»** Это же очевидно.

Он провел рукой по своей физиономии и посмотрел на ладонь отсутствующим взглядом, как будто надеялся, что на ней увидит свое отражение.

– Да, меня многое беспокоит. Да и всю страну тоже. Когда Рэйли умрет, оппозиция, которая сейчас дремлет, начнет бороться за власть или попытается организовать беспорядки, тем самым ввергая страну в хаос. Только не говори мне, что до тебя не доходили слухи.

– В моих кругах, – проговорил я, – не следят за новостями.

Он вздохнул, тяжело опустился на соседний стол и удовлетворенно хмыкнул, когда его позвоночник прошел через ту же процедуру, что и мой. Лежа, он повернулся ко мне, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Мне не нужно видеть свое лицо, – пробормотал он. – Я знаю, что у меня проблемы. Я хочу поговорить с тобой, Говард. Я сам проинструктировал других театральных деятелей. Я дам тебе те же самые инструкции и даже немного больше...

Но тут он остановился и засмотрелся на пар.

– Ты когда-нибудь вспоминаешь старые времена, Говард?

– Это было очень давно, – уклончиво ответил я. – А что?

– Ничего. Так, просто спросил... – он снова сделал паузу. – Я рад, что ты будешь работать с нами, Говард. Нам нужны верные люди, на которых мы можем положиться.

Я промолчал. Но он точно был прав в одном. После смерти Рэйли весь хаос *вырвется* на свободу, если ничего не предпринять сейчас. Бремя Комуса становилось все тяжелее. И Комус, согласно слухам, которые доходили до меня, ужасно боялся перемен. Новые ценности, новые концепции, которые могли бы заменить старые. Чтобы обезопасить страну, Рэйли пришлось держать ее в ежовых рукавицах. Бро-

* В. Шекспир «Юлий Цезарь». (Пер. Козлов П.А.) (прим. перев.)

** Там же. (прим. перев.)

жение новых идей может так легко подорвать нашу с таким трудом завоеванную стабильность.

Так что Комус, возможно, нуждался в здравомыслящих людях больше чем когда-либо прежде, по крайней мере, так казалось на первый взгляд. Но он не очень старался найти их. Вместо этого Комус все время пытался подавить инакомыслящих. Вся молодежь, пропагандирующая новые идеи, должна контролироваться. Независимо от того, насколько далеко они зайдут в своих лозунгах и идеях, пусть даже тайно, они могут угрожать социальному порядку, на котором держатся Рэйли и Комус. В этом случае они никогда не должны получить образование и приобрести навыки борьбы с властью. Рано или поздно психोगрафы выявят недовольных, и по линии Комуса полетят указания.

Например, Джон Смит провалил вступительные экзамены в Калифорнийский технологический институт.

Или Мэри Джонс не годится для обучения в Университете Джона Хопкинса.

И даже если Джон и Мэри знали, что они на сто процентов владеют необходимыми знаниями, как они пойдут против режима? Ну, подумал я, никто никогда не утверждал, что система совершенна. С другой стороны, давайте не будем притворяться, что мы изо всех сил стараемся привлечь нужных нам людей на ту работу, на которой они будут наиболее продуктивными и достигнут наилучшего результата в кратчайший срок.

– А теперь расскажи мне об обратной стороне медали, – попросил я. – Ты упомянул, что эта театральная работа может быть немного опасной. Как же так?

Пока он нарочито закашлялся, что-то в моем сознании начало сжиматься. Я стал размышлять. *Это старый знакомый Тед. Он не собирается говорить правду сейчас, но часть того, что он скажет, будет правдой. И я смогу определить, где правда, а где ложь, если буду слушать внимательно. Как ни странно, это меня не рассердило. Это был Тед Най, плохое вперемешку с хорошим, впрочем, как у всех нас.*

– Театральный проект – большая операция, – сказал он. – Важная. От этого многое может зависеть, если не все. У нас есть некоторые опасения в настроениях определенных слоев населения в некоторых штатах, куда ты будешь направлен.

– Все нормально. Назови место.

Он помедлил. Затем, почти подмигнув, словно это слово причинило ему боль, он сообщил:

– Калифорния.

– Хорошо, Калифорния. – Затем я быстро все обдумал и возмутился:
– Что? Калифорния?

Где-то в глубине моего сознания внезапно распахнулась дверь и с грохотом захлопнулась. Сквозь нее я мельком увидел ... что-то, чего не мог вспомнить. Что-то как будто во сне. Человек по имени Комус склонился над моей кроватью и сказал, что я направляюсь в Калифорнию. Откуда мне было это знать, даже во сне? И был ли это вообще сон?

– Что ты знаешь о Калифорнии? – подозрительно спросил Най.

Я его не слушал. Его вопрос озадачил меня, и мне нужно было время, чтобы осмыслить сказанное. Неужели не так давно кто-то в моем вещем сне действительно наклонился и прошептал что-то мне на ухо, пока я спал? Отчасти это имело смысл. Но только отчасти. Остальная часть его внушения, включающая смерть Комуса и таинственное использование чего-то под названием *антик* – нет, это вызывало усмешку. Неужели он действительно сказал что-то про античную эпоху?

Я пробормотал это вслух, пробуя на слух:

– Антик, – проговорил я. – Забавно.

В парилке будто завертелся бешеный вихрь, и Тед Най стремительно наклонился надо мной, тряся за плечи.

– Что ты сказал? Ответь мне, Говард! Что ты знаешь об Анти-Коме?
– Его маленькие глазки, горячие и тревожные, буквально сверлили меня.

– Отпусти. Прекрати, Тед. Я ничего не знаю.

Он снова встряхнул меня.

– Я все слышал. Расскажи мне, что ты знаешь об этом!

– Я ничего не знаю, – повторил я, сел и оттолкнул его. Сознание постепенно возвращалось ко мне, а его возбуждение казалось неуместным. – Во имя всего святого, – спросил я, – что такое Анти-Ком?

– Это ты сказал, – обвинил он меня. – Твои слова.

– Я сказал – антик. Это ничего не значит. Это просто часть моего безумного сна. Ты напомнил мне об этом. О чем ты говоришь, Тед? Что происходит?

Все еще с тревогой вглядываясь в мое лицо, он снова сел на свой стол, глянул на меня и забормотал себе под нос:

– Теперь я вспомнил. Ты бы проговорился об Анти-Коме, когда был под воздействием сыворотки правды – пентотала, если бы знал что-нибудь. – Он задумчиво покачал головой.

– Тогда снова проверь меня пентоталом, если сомневаешься, – настаивал я. – Но ты не можешь просто так это сделать сейчас. Расскажи, что это?

– Думаю, тебе лучше знать, – тяжело произнес Най. – Надеюсь, это не всем известно. Насколько можно судить по исследованиям Комуса, которые до сих пор мы держали строго засекреченными, но...

– Значит, вы держали это в секрете. Когда мнение Комуса расходится с мнением народа, он будет настаивать на своей точке зрения и отрицать очевидное. Как еще Комус не отменил закон гравитации в угоду своим взглядам? Даже я со своими тупыми мозгами это понимаю.

– Говард, – сказал Най, наклоняясь вперед, – представь, в Калифорнии закон всемирного тяготения отменен, выражаясь твоими словами.

Я ошарашенно смотрел на него и ждал. Он облизнул губы.

– Это не должно повториться за пределами Калифорнии, – высказался он. – Но ты все равно скоро узнаешь. Мы отозвали Комус из Калифорнии.

Я смог только вымолвить:

– Боже мой...

Потом я приподнялся на локте и уставился на него, а через некоторое время сел и опустил босые ноги на пол, и так мы сидели в простынях напротив, глядя другу в глаза сквозь рассеивающийся пар, как два призрака на могильных плитах, пытаюсь осознать конец света.

– Ты серьезно?

ЕСЛИ ВЫ РОДИЛИСЬ, как и я, после 1960 года, значит у вас, как и у меня, странный образ мышления. Когда вы думаете о Соединенных Штатах, вы неразрывно связываете их с образом Эндрю Рэйли. Этот великий человек создал величайшую страну в мире. Именно так и выглядел бы ваш образ мышления, если бы вы были из моего поколения.

А Рэйли и Комус означают одно и то же. Вы не можете представить себе жизнь без Комуса. Комус – это все, что охватывает нашу повседневность. Персонал из этой компании неотступно следит за вашей частной перепиской и общественной жизнью. Штат психологов, аналитиков и телерепортеров на основе компьютерных заключений постоянно навязывает вам свою точку зрения в средствах массовой информации. Они же ненавязчиво вдалбливают в голову вам истины, которые уведут в сторону от социальных проблем, прежде чем общество узнает, что они были.

Вы не представляете свою жизнь без Комуса. Без него ваше существование было бы слишком непредсказуемым. Общество разрушится, как сухой песок без цемента и воды. Я посмотрел на старого доброго Теда Ная, и внезапно меня охватило чувство симпатии и сочувствия. Конечно, он – большая шишка, занимает высокий пост в правительстве, но ведь и я тоже когда-то стоял с ним на одной ступеньке.

И вот теперь груз его огромной ответственности перед нацией за принимаемые решения внезапно свалился и на меня, и я с ужасом осознал, что разговариваю с человеком, который управляет Комусом. Фактически, это человек, который потратил первую половину своей жизни на создание Комуса, а во вторую был ответственен за последствия перед властью и жизнями граждан, а также будущим Соединенных Штатов.

Най был человеком, который командовал даже Богом.

Тед сейчас ощущал себя государственным деятелем, детище которого пожирает крыса. Может быть, крыса была из Калифорнии. У меня вдруг возникло идиотское мультяшное видение длинной узкой крысиной морды, которая грызет географическую карту штата вместе с карикатурным изображением Ная, который грудью закрывает все нервные сети Комуса. Неудивительно, что он взвинчен.

— А что *не так* в Калифорнии? — поинтересовался я с некоторым недоверием и волнением в голосе.

— Замолчи, — сказал Най. — Я не хочу, чтобы вся страна впала в истерику только потому, что Калифорния временно выпала из поля зрения Комуса. Если повезет, мы все исправим за месяц...

— И все-таки, что такого невероятного случилось в Калифорнии? — я снова продолжал настаивать и невольно повысил голос. — Как это — внезапно? Исправить что?

Най встал, положил руку мне на грудь и толкнул обратно на массажную плиту.

— Ляг и успокойся, — промолвил он, плотнее закутываясь в простыню, как будто в парилке похолодало. Потом сел рядом со мной и тревожно нахмурился.

Мои мысли, подобно разыгравшемуся щенку, метались туда-сюда и обратно по дикой эллипсоиде, пытаюсь найти ответ. Ясно было, что случившееся в Калифорнии перешло все границы. И Комус предпринимал меры. Я вдруг ощутил то тайное чувство радостного возбуждения от плохих новостей, которое испытывает большинство из нас, если эти новости не задевают нас лично. Каждый человек рано или поздно задавался вопросом, что же произойдет, если Комус однажды протянет ноги?

— А теперь заткнись и слушай, — обратился Тед Най. — Калифорния сейчас ... гм-м, сверхчувствительна. Ситуация слишком сложна для объяснения, но мы знаем, что делаем. Понимаешь, в настоящее

время мы наблюдаем политическую фрустрацию*. Народ... ну, они отрицательно реагируют на Комус. Да, они сыты и одеты, жилье есть, коммунальные службы работают, размеренная жизнь. Но все, что явно обозначено в общественном сознании как Комус, вызывает отрицание и просто не работает.

– Ваши сотрудники? – переспросил я недоверчиво.

– Не думаю. Там нет никаких контрольных станций. Никакой униформы Комуса. Наши парни переоделись в штатское, и мы сняли почти все знамена. Мы отдали Калифорнии ее независимость.

Я посмотрел на него, и подозрения кружились в моей голове. Он недоговаривал мне что-то очень важное.

– Анти – что это? – проговорил я. – Анти-Ком? Анти-Комус? А как насчет этого, Тед?

Его лицо потемнело.

– Я не знаю, что с этим делать. Если бы я знал, то не был бы ... неважно. Дело в том, что существует кучка безумных невротиков, которые хотят свергнуть правительство. Мы случайно наткнулись на одного из их руководителей во время обычной проверки, и он рассказал достаточно для того, чтобы заставить нас, нет, не испугаться, а задуматься, если это правда. Он думает, что у них есть что-то, что может остановить негативное влияние Комуса.

Я рассмеялся. Най пристально посмотрел на меня.

– Прекрати. Это не смешно.

– Я так и думал. Это не смешно, это нелепо.

– Надеюсь, что так. Я не понимаю, как они смогут это сделать. Мы никак не можем понять, каким образом можно противостоять такой большой и мощной организации, как Комус, каким способом они могут ее низвергнуть? – Он замолчал и потер лицо знакомым, тревожным жестом. – Конечно, все время появляются новые технологии. Мы обязаны верить, что есть Анти-Ком, и мы должны верить, что это может сработать, пока не докажем обратное. Одно хорошо – он еще не сформировался. Они собираются в подпольных ячейках по всему штату, а вот где находится их центр, мы еще не определили. Если нам повезет, то мы сможем их обезвредить прежде, чем бомба взорвется. Мы пытаемся.

– И только послушав рассказ одного активиста Анти-Кома, вы приостановили работу Комуса в целом штате? Я в это не верю.

Най раздраженно покачал головой.

* Политическая фрустрация – электорат недоволен ущемленностью своих прав. (прим. перев.)

– Не будь дураком, Говард. Мы продолжаем собирать информацию об Анти-Коме по всей Калифорнии. Мы собираем разрозненные сведения повсеместно, пока общая картина не начнет формироваться. И кроме того ... – тут он остановился и зло посмотрел на меня.

– Черт бы тебя побрал, Говард, перестань ковыряться в моих мозгах.

– Послушай, Тед, – вдруг возразил я, – если все это правда, то в Калифорнии небезопасно! Я никуда не поеду. Я...

– Ты поедешь. – Его голос звучал безапелляционно. – Это достаточно безопасно для тебя. На тебя вся надежда.

– Но почему?

– Мы хотим, чтобы ты проник в самое сердце организации. Для тебя это будет легко, ты же актер.

– Это самый неправдоподобный спектакль, в котором мне предназначена главная роль. Ты же знаешь, что всем плевать на театральные постановки. Кто будет глазеть на бродячий театр, когда у вас есть возможность демонстрировать фильмы в трехмерном измерении и показывать цветное кино, адаптированное к региональным интересам? Мы проиграем это соревнование, однозначно.

Тед вздохнул.

– Ты ошибаешься, на самом деле твоя аудитория ждет тебя. Во-первых, они больше не посещают центры связи, и поэтому не смотрят кино. Они не будут смотреть телепередачи потому, что не верят Комусу. Они изголодались по развлечениям, и вы им их дадите. Выступления на арене прямо посреди улицы – ничто так не раскрепощает зрителей. Живой театр – это экзотика для таких людей. Они придут.

– Что за пьесы мы ставим?

– Только одну. Очень талантливо написана, к тому же экспертами. Она называется «Перекресток». Прекрасный шедевр. О, это произведет впечатление, не сомневайся. И потом, не стоит недооценивать силу собственного таланта, Говард. Люди все еще помнят гениального Говарда Рохана.

– Так вот почему ты выпускаешь в прокат наши старые фильмы?

Нервная гримаса отразилась на его лице.

– У меня есть много причин для того, что я делаю. Ты же знаешь, как создавались ваши фильмы. Так получилось, что они затрагивали некоторые идеи, которые нам нужно распространить по стране прямо сейчас. Верность старым друзьям. Значение жизненных испытаний и опыта, приобретенного в связи с этим. Вечные ценности... На случай... – он бросил на меня быстрый взгляд. – Рэйли не вечен. В случае его смерти, мы прогнозируем большие тяжелые потрясения. И для их предотвращения или сглаживания мне необходим ты, Говард. Твой та-

лант поможет предотвратить массовые беспорядки до того, как они начнутся.

– Каким образом? – прямо спросил я.

– Выполняя мои указания. Поставь пьесу в точности, как по тексту. Никаких импровизаций. Для тебя это будет просто.

– Слишком просто. Что за этим кроется, Тед?

– Не будь слишком подозрителен, Говард. Просто скажи, что я провожу некую крупномасштабную диверсию в Калифорнии. Люди должны быть отвлечены твоими спектаклями, пока я буду занят кое-какой тайной операцией. Доверься мне, и не думай о плохом, друг мой.

– Тебе всегда нравилось хватать тигров за хвост. Но я – не охотник за тиграми, тем более, по своей воле. Но если Калифорния так далеко зашла в своих намерениях, то во что ты ввязываешь меня?

– Ты хочешь отказаться, Говард? – тихо спросил он.

На мгновение я отчетливо вспомнил канарейку в клетке, энергично ныряющую в перья в поисках досаждающих ей насекомых. Меня тоже охватил призрачный зуд. Нет, сейчас я не могу вернуться в стены моей волшебной комнаты, возведенные алкоголем. Теперь это было мне не нужно. Я отрицательно покачал головой.

– Не забывай о том, что твои дела плохи, – мягко напомнил Най. – И ты не в состоянии их решить в одиночку. Я помню, что в прежние времена у тебя была репутация железного человека. Это еще одна причина, по которой я хотел заполучить тебя на эту работу.

Я неосознанно провел ладонью по голове и вспомнил этот свой забытый жест из прошлой жизни, пока не опустился на самое дно. На мгновение мне стало приятно. Мои волосы снова были короткими, подстриженными почти до кожи, тонкая шапочка закрывала мой череп. Я снова ощутил себя повелителем сцены, подчиняющим себе чужие эмоции и волю. Я вспомнил, каково это – держать в руках целый спектакль, всех людей на сцене и весь зал. *Весь мир*, подумал я. Да, я могу справиться с неприятностями. Я могу сделать это снова, если понадобится.

Тед Най наблюдал за мной.

– Ну, вот и все, – сказал он бодрым голосом. – Ты возглавишь труппу, и все пойдет своим чередом.

– Я свободен в выборе актеров? – спросил я. – Или мне придется положиться на тебя?

– У нас нет времени. Создано несколько трупп, уже действующих или формирующихся. Тебе придется возглавить действующую. Ты

что-нибудь знаешь о труппе «Розмайер»? Или «Гильдии круга»? Или «Суонн»?

– «Суонн»? – глупо повторил я.

– Пол Суонн и его труппа. Ты их знаешь?

– Суонн? – я услышал, как мои губы произнесли это имя, как будто Най ничего не говорил. Мысленно я произнес, *это должно быть совпадение, должно быть. Потому что раньше у меня никогда не было провидческих снов, но теперь это случилось. Человек во сне сказал «Анти-Ком», а не «антик». Он собирался уничтожить Комус с помощью Анти-Кома. И он велел мне собирать лебедей...**

– Да, я знаю труппу Суонна, – отдаленно услышал я свой голос, довольно спокойный, учитывая то, что я чувствовал.

– Дай мне актеров Суонна, Тед.

Я, наверное, смотрел на Ная сейчас, но все, что я мог видеть, были огненные буквы, спиралью уходящие вниз в темноту, в то время как голос говорил мне, что судьба нации зависит от меня и стаи лебедей. Чистое совпадение. Так и должно быть. Я подумал, *может быть, мне стоит рассказать об этом Теду, но когда я попытался, в голове у меня все помутилось. Я даже не мог говорить.*

– Договорились, – буркнул Тед Най. – Он встал и плотнее закутался в простыню, как в тогу, он был похож на туманный призрак Цезаря. – Я посмотрю, что можно сделать. А теперь отдохни, Говард. Ты уезжаешь завтра, и помни: я на тебя рассчитываю.

– Да, я знаю, – прошептал я равнодушным голосом, едва слышно.

Я пытался прочесть то, что было написано огненными буквами, и чувствовал странную, невольную панику. Пар сгустился и закружился. Я услышал, как босые ноги Теда зашлепали по полу, а потом за ним тихо закрылась дверь.

Глава 5

ВЕТЕР ДУЛ сквозь секвойи, разнося по округе хвойный аромат. С каждым толчком грузовика я все глубже вдавливался в сидение, пока затылок не уперся в обивку, и я не стал смотреть на небо под углом сквозь секвойи. Я чувствовал, что дорога идет вверх, а где-то за деревьями шумит река.

Всю дорогу у меня сохранялось то самое нереальное чувство, которое возникает, когда ты стремительно забираешься слишком далеко.

* Игра слов: лебедь по-английски swan (Суонн). (прим. перев.)

Одна часть меня все еще находилась в Нью-Йорке среди небоскребов, а другая тряслась по шоссе через секвойи. Где-то посередине между ними оставшая часть меня, возможно, наиболее существенная часть, боролась с двумя другими. Сейчас я раздумывал, в какой из этих противоборствующих сторон находится настоящий Рохан? А может, меня там и не было вовсе.

Здесь, на краю Тихого океана, можно было почувствовать разницу в своих ощущениях. Что-то зашевелилось. Ветер нес какую-то тревогу. В моем сознании всплыли старые исторические справки. К западу от города Пекос нет закона. Также власть Комуса не распространяется и к западу от Блайта... И это вызвало у меня странное чувство незащитности.

Широкое черное шоссе шириной в двенадцать полос, извиваясь, несло под нами, и на каждой полосе были слабо видны следы колес, образовавшиеся от интенсивного движения. Живые артерии дорог пульсировали жизненной энергией Комуса. Это немного успокаивало. Широкая рука Комуса все еще простиралась под нами. Но над нами уже не летали контролирующие красные вертолеты, и с тех пор, как мы отправились в путь, я не видел ни одного рекламного щита или людей в красной форме Комуса. Я продолжал бросать быстрые взгляды на своего водителя, задаваясь вопросом, что он думает обо всем этом. Я даже не знал, был ли он от Комуса или штатским. И спрашивать было бесполезно. Я пытался говорить с ним намеками, но все попытки были напрасны.

Мы проскочили мимо указателя с надписью «Сан-Андреас, восемь километров». Водитель выключил автопилот, свернул налево, пересек шоссе и выехал на большую заасфальтированную стоянку, где несколько грузовиков выстроились в ряд, словно отдыхающие бегемоты перед низким бетонным зданием. Светящаяся надпись на вывеске гласила: «Закусочная», но здание было таким большим, что, вероятно, одновременно служило мотелем для дальнбойщиков. Я видел, как один водитель протирал борт своего трейлера, на котором кто-то очень карикатурно нарисовал мелом очертания лица человека, просто овал с точками вместо глаз, рта и носа. Вокруг головы на уровне лба была повязка с висячим замком, изображенным в виде эмблемы Комуса.

Пока я размышлял об этом, он немного подвинулся, и я увидел внизу на трейлере нарисованную мелом синюю звезду с красным номером девяносто три внутри. Насколько я мог судить, это ничего не значило, но выглядело довольно провокационно. Водитель вытирал ее как-то особенно тщательно. Я гадал, что случится с тем, кого поймают с красно-синим мелом в кармане, и с некоторым потрясением осоз-

нал, каков будет ответ. Ничего. Власть Комуса не распространялась на Калифорнию.

Мой водитель кивнул мне и произнес:

— Вот, держи. Твои старые лохмотья остались на территории лагеря. Забирай сумку со своей новой одеждой.

Я вытащил легкий дорожный чемодан, в котором лежало все необходимое. Весил он совсем немного. Я обошел здание сбоку и заметил, что парни настороженно наблюдают за мной из-за стойки с едой. *Это, должно быть, одна из обычных станций, управляемых Комусом, подумал я, которая кормит и предоставляет отдых водителям, круглосуточно сменяющим друг друга в пути и везущим товары в страну.* Тед Най тогда еще не отрезал Калифорнию от поставок продовольствия и других предметов первой необходимости. Потому что не осмелился? Или потому что он боялся этих людей, которые все больше поддерживали таинственную организацию, называемую Анти-Ком, в ее стремлении изменить существующий режим?

— Он тянет время, — пробормотал я себе под нос с внезапным осознанием.

Он мог бы расправиться со всей Калифорнией в любое время, когда ему заблагорассудится. Я никогда раньше не слышал о восстании целого штата, но думал, что Комус справится с этим, если назреет такая необходимость. Должно быть, существовала какая-то веская причина, которая удерживала его от этого. Тед Най выжидал.

Смерти Рэйли?

Я прошел мимо заднего фасада хозяйственного здания, рядом с которым стояли большие мусорные баки. Слева и справа от асфальтированной дорожки, по которой я шел, расположился мощный, тихий и невероятно высокий лес. Склон холма уходил вниз, навстречу мерному журчанию ручья или реки, и тропинка проходила среди широко расставленных деревьев. Маленькая табличка гласила, что путь ведет в общественный лагерь отдыха номер какой-то. Это была старая вывеска. Я подумал, *как хорошо, должно быть, было давным-давно, когда люди путешествовали ради своего удовольствия еще до Пятидневной войны.*

Я не ожидал, что будет так тихо. Тишина давила на барабанные перепонки. Я физически ощущал это. Под ногами толстый слой из иголок и опавшей листвы образовывал упругий ковер, и с каждым вдохом я все больше наслаждался ароматами. Редкие огромные секвойи, слишком большие, чтобы казаться деревьями, подпирали небо. Тишина и сумрак действовали успокаивающе, но немного угнетали после привычного шума большого города.

Я остановился у входа в лагерь, чтобы полюбоваться и получше разглядеть громадный пенёк высохшей секвойи. Это было одновременно и творение рук человеческих, и природы... Какой-то романтик, видимо из числа персонала администрации лагеря, аккуратно закрепил на поперечном срезе дерева маленькие таблички в форме стрелок, указывающих на конкретное годовое кольцо. На стрелках были отражены исторические даты: когда умер Сократ, когда был основан Рим, когда Колумб открыл Америку. Это было старое-престарое дерево, которое уже давно испустило свой древесный дух. Специальная табличка с красной надписью указывала на последнее кольцо из всех, когда Эндрю Рэйли спас нацию.

И кто-то счел нужным приклеить к толстой коре на краю пня маленький плакатик с надписью: Чарли Старр начал борьбу с Комусом в Сан-Диего, 1993. Я смотрел на надпись и размышлял. Это было что-то новое. Еще в 93-м, когда наши отношения с Мирандой были в самом разгаре, что мы могли слышать о человеке по имени Старр и событиях в Сан-Диего? Вообще ничего. Внезапно мне пришла на память нарисованная мелом звезда на прицепе грузовика с нацарапанным внутри номером девяносто три.

Я пожал плечами. *Едва ли возможно*, сказал я себе с некоторой иронией, *что в Сан-Диего в 93-м году произошло нечто, о чем Комус не хотел распространяться*. Что бы это ни было, я почувствовал, как во мне неуверенно просыпается любопытство к тем давним событиям.

Легкий шорох в листве под ногами напугал меня, и я увидел бурундука, который метался по тропинке и нервно подергивал тощим хвостом. Я медленно и аккуратно убрал мысли о Сан-Диего на задворки сознания и последовал за бурундуком вниз по тропинке. Где-то среди деревьев кто-то смеялся.

На опушке леса я остановился. Это стало бы хорошей декорацией для какой-нибудь еще ненаписанной пьесы. Я подумал, назовем это: *«Говард Рохан, падение и взлет»*. Рохан стоит на краю поляны и смотрит в свое будущее.

Первое, что бросилось мне в глаза, свет от огня, бледно мерцающий в тихой темноте. Он горел в низкой каменной печке с железной плитой. Рядом с печкой стояли два дощатых, испачканных жиром стола. Кто-то давным-давно сделал скамейки, расколов большие бревна секвойи вдоль и пополам и прибив одну из половинок вертикально для спинки. За скамейками стояли три грузовика, по бокам которых были нарисованы ярко-розовой краской надписи «Суонн Компани Плэйерс».

Грузовики были большими, но казались совсем маленькими под высокими колоннами деревьев. Весь лагерь казался крошечным. В нем

было шесть человек, и они тоже выглядели карликами. Они разговаривали и пересмеивались между собой, и их голоса тоже казались тихими, приглушенными и далекими под огромным стволом секвойи.

Я спокойно стоял и смотрел на них. Мне стало немного не по себе. Я чувствовал, как во мне дрожит тревога за мой актерский талант, из-за всех тех случаев в прошлом, когда я пытался виртуозно сыграть и потерпел неудачу. Но вот он, сырой материал моего последнего шанса, ждет, чтобы его сформировали.

Шесть человек. Шесть актеров Суонна, о которых мне рассказывал незнакомец из сна, если это было то, что он мне рассказывал, чтобы я присоединился к ним. Я переводил взгляд с одного лица на другое, гадая, кого же из них я видел во сне. Но, в конце концов, это был всего лишь сон. Огненные буквы какое-то мгновение незримо кружились передо мной, а затем исчезли. Что бы ни пытался сказать мне этот сон, он должен был остаться моей путеводной звездой, насколько я мог судить. Глубоко вздохнув, я провел ладонью по голове старым жестом и собрался с духом. Это будет нелегко. Но если кто-то и потерпит неудачу в этот раз, то это точно не Говард Рохан.

Шесть лиц разом повернулись в мою сторону, когда я шел к ним по ковру из сосновой хвои. Беззаботность в их поведении исчезла моментально. Минуту назад они смеялись, но теперь никто даже не улыбнулся. Они холодно смотрели на меня и выжидали.

– Здравствуйте, – поздоровался я. Наступило каменное молчание.

Я снова сказал:

– Здравствуйте, – и, помедлив, добавил: – Гм, простите, ради Бога, забыл представиться, меня зовут Говард Рохан. Разве вы не меня ждали?

Никто не произнес ни слова.

Парень в клетчатой рубашке, сидевший на одной из скамеек, положил отвертку, с помощью которой исследовал внутренности плоского ящика. Деревянная ручка стукнулась о скамью. Он сунул руку за воротник, почесался украдкой, быстро улыбнулся мне и снова словно одеревенел. Я оглядел каждого из них. В ответ мне даже никто не моргнул. Это был какой-то ступор.

– Я вижу, вы слышали обо мне, – я снова попытался завязать разговор.

По-прежнему тишина. Вся поляна пульсировала от нее. Где-то за сценой пенилась и шумела река. Чирикнула птица, сосновая шишка упала с мягким стуком. Никто не пошевелился. Они были замкнутой, тесно сплоченной группой. Они отгораживались от меня. На какое-то мгновение единственное, что я почувствовал, было сильное и ужас-

ное одиночество. В тот миг мне показалось, что пахну я не костром и сосной, а волнующим, затхлым, неопишущим запахом театральной кулисы, потом, пылью, старым деревом, гримом, табачным дымом. Я видел не только эту труппу, но и всех актеров, с которыми когда-либо работал, и держал их где-то на краю поля зрения. У меня было странное ощущение, что Миранда стоит за кулисами, одна нога готова шагнуть вперед и присоединиться ко мне.

На мгновение меня снова охватило прежнее чувство, и я был рад, что оно вернулось. Это не настоящие люди, а заводные фигурки среди картонных деревьев, и с тех пор, как умерла Миранда, на Земле не осталось никого живого. Так что если они замкнутся в единое целое и отгородятся от меня, это не имеет значения. Они всего лишь фигурки. Я оценивающе оглядел их.

Незнакомец в клетчатой рубашке раскуривал трубку. Он не был похож на актера, но действительно напоминал мне что-то очень знакомое, а что именно, я не мог точно вспомнить. Ему было где-то под шестьдесят пять, как мне показалось, и вид у него был задумчивый, как будто при малейшем обращении на него внимания он мог бы превратиться в философа-зануду.

За одним из заляпанных жиром дощатых столов сидели еще двое, склонившись над разложенными на столе картами. Один из них молодой, примерно лет тридцати пяти, то есть лет на пять моложе меня. У него было мощное, красивое лицо и коротко подстриженные рыжеватые кудри. Его глаза были слишком глубоко посажены, и когда он хмурился, как хмурился сейчас, они, казалось, опускались обратно в глазницы, пока он не стал похож на злую обезьяну. Второй был пухлым, с respectable белой соломенной шевелюрой и красным носом.

Три женщины за кофейником составляли остальную часть труппы. Старуха сидела в стороне от остальных, на одеяле, расстеленном на сосновой хвое, и все свое внимание уделяла маленькой стеклянной коробочке, из которой вырывалось очень тихое жужжание, похожее на писк мышей, которые пытались поставить оперу. У нее были седые кудри, морщинистое лицо и мягкий, безумный взгляд стареющей Офелии. Коробочка была полна маленьких ярких фигурок, жестикулирующих и поющих тоненькими голосками под музыку какого-то невидимого оркестра, который, должно быть, поместился внутри нее. Странное ощущение хрупкости и волшебства не покидало меня даже после того, как я узнал в этой штуке дешевую детскую игрушку, электрический провод от которой был присоединен к розетке на ближайшем дереве, которая сама по себе была фантастической.

Ничто здесь, на поляне, не казалось вполне реальным. Я все время думал, что если поверну голову достаточно быстро, то смогу увидеть Миранду, которая всегда двигалась за пределами поля моего зрения. Она настолько органично слилась с театром и моим прошлым, что разум воспринимал это как единое целое. По крайней мере, так я рассуждал, пока не разглядел самую молодую из трех женщин в труппе.

Мужчина, что был средних лет, заслонял ее собой. Она как раз наливала кофе в чашку, которую держал самый молодой из них, в момент, когда я вышел на поляну, и они оба замерли в незаконченном движении, повернувшись друг к другу.

У женщины средних лет была пухлая, красивая фигура, очертаниями похожая на песочные часы, и изможденное лицо. Ее голубые глаза были немного навывкате, волосы гладко зачесаны назад и собраны в узел высоко на голове. Ее седые волосы в мерцающем свете огня казались не просто рыжими, а красными, цвета крови. Или Комуса. Такой цвет волос не существует в природе, и под слоем краски ее волосы явно были полностью седыми. Кем бы она ни была, она выглядела усталой и немного раздраженной, как будто никогда не ожидала, что с годами приходит пора увядания. Но мне было все равно. У меня были свои проблемы.

Затем она слегка пошевелилась, и девушка, стоявшая позади нее, посмотрела мне прямо в глаза и на мгновение замерла.

Только на мгновение. Это не было чудом. Суоннские актеры были второсортной труппой, а Миранды среди второсортных просто не существуют. Но она была так похожа на Миранду, что на один дикий, нелепый, радостный миг мой разум вопреки всему закричал мне: *Она вернулась — она здесь — это был кошмар, и я проснулся снова...* Может быть, на небесах, если они существуют, действительно наступит тот момент, когда мы снова увидим мертвых лицом к лицу и на мгновение поверим и не сможем поверить. Но только тогда. Не сейчас.

Она не была Мирандой. Но в ней было смутное отражение того блеска, который делал Миранду сияющей, сделал ее имя настолько подходящим для нее, что вы действительно подумали бы: «Восхитительно!», когда впервые увидели бы это прекрасное лицо. Что-то в осанке девушки, в ее движениях было похоже на Миранду. У них были одинаковые фигуры. И волосы у нее были в том же ореоле больших распущенных локонов, который придумала Миранда, и который три года назад копировали все девушки в стране. У Миранды были очень густые каштановые волосы, а у этой девушки — выгоревшие до цвета кукурузного шелка, но сходство на первый взгляд было слишком сильным, чтобы его не заметить.

Я бесстрастно оглядел их всех, лицо за лицом. Мой разум говорил: *второсортно, второсортно. Это не для меня. Я не вынесу. Я даже не буду пытаться.* Штат бунтует, труппу кое-как собрали с самого дна, пьесу не проверили. Зритель будет из числа необразованной деревенщины. Это не стоит моих усилий. Потому что я уже не тот, кем был раньше. Мне это прекрасно было известно. Я был совершенно не готов к новой встрече с Мирандой, зная, насколько болезненной может быть жизнь. Лучше снова стать жнецом и жить в мертвом мире. Все, что мне сейчас хотелось, так это выпить.

На глазах у всех, зная, что они наслышаны о моих привычках, я открыл сумку, достал бутылку и сделал один долгий, глубокий, жадный глоток. Он обжег мне горло и распалил во мне маленький яркий огонь. Мне стало совершенно ясно, что я собираюсь делать.

Я положил бутылку обратно в сумку.

— Леди и джентльмены, — отчетливо произнес я, — я вижу, вы все знаете обо мне. Вам не нравится то, что вы слышали. Со мной все в порядке. Я же никогда о вас не слышал. И мне не нравится это. Есть много вещей, которые были бы мне более интересны, чем ставить со второсортной труппой непонятно какой балаган в штате, который на грани революции. Но у нас нет выбора. — Я взял свою сумку.

— Вернусь через десять минут, — сказал я. — Я хочу, чтобы все были готовы приступить к работе к моему приходу. Это все.

Я повернулся и быстро зашагал в ту сторону, откуда пришел. Странно, но я почувствовал укол сожаления, когда сделал это. *Труппа на поляне, где сгущались сумерки и потрескивал огонь, находилась в своей собственной волшебной комнате,* подумал я. Высокие, неподвижные деревья, запах кофе, тихое отдаленное пение очерчивали их круг, отгораживая от меня. Но та часть моей жизни, которая касалась театрального мира, похоже, закончилась навсегда. И Миранды больше нет. Я не мог ничего поделать с этим.

(Признаться, я врал себе. Миранда, может быть, и ушла, но она всегда была со мной. Везде. Куда бы я ни пошел, спал или бодрствовал, я всегда чувствовал ее рядом).

Вне поля зрения лагеря я свернул с тропинки и пошел через заросли папоротника к шоссе. Сосновый ковер так пружинил под ногами, что у меня возникла ложная иллюзия молодости, когда я тихо шел прочь от костра и собственного прошлого. Под деревьями уже темнело, но впереди виднелась дорога, и я побрел к ней, то и дело, поскользываясь на иголках. Я вспомнил склон к северу от стоянки грузовиков, где водителям приходилось снижать скорость. Я могу поймать попутку или украдкой подсесть в кузов. Впрочем, это не имело особого значения.

Все, чего я хотел, это добраться до канадской границы прежде, чем Комус догонит меня.

Я вышел на шоссе и поплелся на север. Тихо шелестели листья секвойи. Время от времени в кронах деревьев раздавался слабый писк птиц, и где-то слева река бурлила в порогах. Лагерь и трупка были частью мира, которого для меня не существовало. Только мое собственное прошлое, мое собственное будущее. Я никогда больше не хотел бы встретить такую девушку, как Миранда. Лучшее, на что я мог надеяться, так это спокойно жить дальше.

Дорога была широкой и едва различимой в лучах заходящего солнца, которое все еще делало небо светлее земли. Светящаяся дорожная разметка бледными линиями и предупреждающими сигналами напоминала своим потрескиванием о бесконечной силе Комуса.

Из-за сгустившихся сумерек я не сразу разглядел фигуру мужчины в клетчатой рубашке, прислонившегося к дереву на краю шоссе между мной и дорогой. Он просто сидел, удобно скрестив руки на груди, и держал на левом локте маленький синий пистолет с золотым кольцом Комуса вокруг ствола. Это был мой задумчивый друг философ. Он довольно грустно улыбнулся мне в полумраке. Его голос звучал мягко.

— Ты мог бы уже проехать полпути до Орегона, — изрек он. — Но рано или поздно ты столкнешься с Комусом. В Северном Орегоне и во всем Вашингтоне все идет как обычно.

Я несколько раз глубоко вздохнул. Я старался говорить так же небрежно, как и он.

— Я догадывался, что ты не актер, — пробормотал я.

Теперь было совершенно просто определить его принадлежность к иерархии Комуса. У полицейских есть своего рода общее сходство. Я никогда не знал, является ли это приобретенной или врожденной сущностью, по которой они подходят для службы в полиции Комуса.

— Я зарабатываю себе на жизнь, — ответил он. — Помимо всего прочего, я еще и звукооператор.

Когда он перестал ухмыляться, вежливая меланхолия вернулась к нему. Улыбка явно не была искренней и не задержалась надолго.

— В каждой бродячей трупке есть кто-то из нашего департамента, — отметил он. — Мы следим за порядком и ... ну, заботимся обо всем. Мне очень жаль, мистер Рохан, но вам придется вернуться.

Я посмотрел на пистолет и на него. Смогу ли я перехитрить или увернуться от него в сумерках? Он был слишком стар для активной службы. Комус рьяно следит за состоянием полицейских, усердно тренирует их и увольняет, как только рефлексy начинают давать сбой. Я удивился, почему его призвали из отставки. Най, должно быть, дей-

ствительно скребет по дну бочки. Но печальные глаза его были очень спокойны. Я представил себе вежливое сожаление, с которым он нажмет на спусковой крючок. Встретившись со мной взглядом, он махнул пистолетом.

– Сначала вы, мистер Рохан, – проронил он.

Я пожал плечами.

– Как тебя зовут?

– Гатри. Том Гатри.

– Хорошо, Гатри. Я не буду играть в догонялки. Ты слишком стар, чтобы носить форму, но я думаю, что все еще можешь быть быстрее меня. Может, пойдем?

Он снова махнул рукой.

– Сначала вы, – затем его голос слегка понизился. – Мистер Най сказал мне, что разговаривал с вами. – Он говорил так, словно Тед подслушивал нас за соседним деревом. – Было бы очень хорошо, если бы остальные члены труппы не знали о нас с вами больше, чем они должны знать.

– Тогда уберите пистолет, – заявил я. – Я тебя понял. Черт с тобой, остаюсь с вами, пока не дождусь лучшего момента, чтобы уйти.

– Мистер Рохан. Подождите. Посмотрите на меня.

Я посмотрел. Нависшая тишина окружала нас сплошной стеной.

– Я старею, мистер Рохан, – промолвил Гатри. – Они вызвали многих из нас обратно, потому что нуждались в нас. Я слишком медлителен для активной службы, но меня учили тому, что человек никогда не забывает, и я прекрасно справляюсь со своей работой. Вы не очень важная часть этого, но я собираюсь держать вас здесь, и вы должны обещать мне, что не собираетесь перехитрить меня. Вы мне верите?

Я немного подождал. Потом согласился:

– Верю.

– Отлично. Ну, вот и все. Мы на опасной территории. Вам это не нравится. Может, и мне тоже, точно не скажу. Но мы делаем нашу работу, общую для нас обоих. Это означает, что вы должны оставаться достаточно трезвым. Это значит привести труппу в форму, какой бы второсортной она ни была. Когда из штаба поступают приказы, мы оба их выполняем. Вы теперь часть Комуса, нравится вам это или нет. Мы сможем работать спокойнее, если труппа не будет догадываться, что я полицейский. Но, так или иначе, мы в одной упряжке.

Я задумался, чувствуя, как в голове у меня все перемешалось, и прошлые неудачи, надежды и страхи по поводу будущего. «Прекрасная мечтательница, пробудись ото сна»*. Ладно, у меня нет выбора.

– Пошли, – сказал я.

Глава 6

Я ВЫШЕЛ на освещенную костром поляну и с раздражением швырнул сумку на ближайшую скамейку. Настроение было хуже некуда. Я с глубочайшим презрением оглядел лагерь, облизнул губы, глубоко вздохнул и свистнул, призывая актеров к порядку. Некоторые режиссеры используют жестяной свисток. Некоторые кричат. Я громко и повелительно присвистнул.

Головы поднялись рывком. Все взоры обратились на меня. Рыжеволосая дама открывала саморазогревающиеся плоские консервные банки на дальнем столе и расставляла их в ряд для ужина. Девушка наполняла ведро из-под крана, ее шелковые кудри разметались, когда она резко повернула голову. За ближайшим столиком двое мужчин склонили головы над листом бумаги, на котором что-то высчитывали. Они тоже инстинктивно подняли головы и недоуменно смотрели на меня. Только старуха, все еще сидевшая на своем одеяле, не отрывала глаз от маленькой музыкальной шкатулки.

– Хорошо, – произнес я громким, властным голосом. – Все на сцену. Давайте начнем репетировать.

Они все глазели на меня. Никто не произнес ни слова, но я заметил, что рыжеволосая женщина слегка подвинулась, чтобы краем глаза следить за мужчиной с тяжелым лицом, который хмуро смотрел на меня со своего места за столом. Я обратил внимание, как она поворачивала лицо, чтобы он всегда был в пределах ее видимости, и у меня было такое чувство, что она постоянно занимала такую позицию, чтобы все время могла за ним присматривать.

Я сделал еще один глубокий вдох и почувствовал дрожь в глубине души вместе с гневом. Это был мой исходный материал. Из этого материала и сценария в сумке я должен был создать пьесу. Из этих осколков актерской братии с самого дна и остатков моего режиссерского

* «Beautiful Dreamer» (рус. Прекрасная мечтательница) – популярная салонная песня, написанная американским автором Стивеном Фостером. Песня является широко известной и записывалась многими исполнителями. (прим. перев.)

таланта. И как бы мало во мне его не оставалось, яростно твердил я себе, он все равно стоит больше, чем когда-либо видела эта труппа. Никогда я снова не услышу криков «бис», если я не смогу каким-то образом увлечь их и вдохнуть в них искру таланта, чтобы создать шоу. *Если мне удастся это сделать*, сказал я себе, *клянусь Богом, я сделаю так, чтобы они запомнили это на всю жизнь.*

– Эй, ты там! – Громко крикнул я, придавая своему голосу твердость. – Ты, за столом, как тебя зовут? – И указал на молодого человека.

Его брови сошлись на переносице, он стиснул зубы и вызывающе посмотрел на меня. Я щелкнул пальцами.

– Назовись!

Никто не пошевелился, кроме старухи, которая подняла голову и слегка моргнула, пытаясь определить мое местоположение. Я сделал три длинных шага вперед, и пыль тяжело поднялась при каждом шаге. Я поиграл мускулами плеч, наслаждаясь ощущением могучей силы, запертой внутри меня. Я чувствовал неистовое рвение в предвкушении боя. Я надеялся, что он будет драться, и ожидал этого. Мне вдруг стало очень хорошо, даже гнев улетучился. Теперь мы будем драться. Это самый простой путь, чтобы расставить все на свои места.

Он выбрался из-за стола с прежней решимостью. Парень был примерно одинакового роста со мной, только пошире в плечах и немного моложе. Но он никогда не работал в поле. Он не знал того, что знал я. И он не ожидал ничего неожиданного для себя. Мне стало смешно, но я сдержался.

По выражению его глаз и тому, как он передвигался, было совершенно ясно, что именно он намеревался сделать. Но я опередил его. Я с легкостью поймал его первый удар своей ладонью, не позволив ему даже коснуться меня. И не давая ему опомниться, я с силой толкнул его рукой, и он отлетел назад на печку. Это было слишком просто. Я отчаянно надеялся, что он не остановится на этом и пойдет на все, что угодно, лишь бы разобщить труппу и лишить меня работы.

Но он ухватился одной рукой за раскаленную железную плиту, сорвал ее и, пошатываясь, упал на дымящиеся камни. Я подскочил, схватил его за плечо и рванул на себя, заставив потерять равновесие, прежде чем он смог снова встать. Я поднял его одной рукой, а другой занес кулак для удара, все еще разгоряченный схваткой.

Я видел, как сильно болит его обожженная рука, как выражение свирепости исчезло с его физиономии. Черты лица стали дряблыми, и под моей хваткой все мышцы его тела расслабились.

В то же мгновение из-за печки раздался истеричный женский вопль, выкрикнувший что-то бессвязное. Инстинкты работали быстрее раз-

ума, и я вовремя пригнулся. Прямо над моей головой пролетел тяжелый кофейник, увлекая за собой шнур с вилкой и расплескивая кипящий кофе. Я услышал, как он ударился о дерево позади меня, но у меня не было времени посмотреть. Потому что сама рыжеволосая фурия с искаженным лицом метнулась вслед за кофейником, и обе руки вцепились в меня.

Я отпустил обожженного мужчину и замахнулся, чтобы поймать ее. Она, как таран врезалась в меня, и я обхватил ее руками, чтобы обезвредить. Она приглушенно задыхалась, яростно негодуя на моей груди, пытаясь высвободить руки. Я знал, что должен был этого ожидать. Взгляд тигрицы-покровительницы в ее косом взгляде говорил мне об этом.

Я поднял глаза и увидел Гатри, стоящего над упавшим кофейником. Я крикнул:

– Вот, держи! – и оттолкнул разъяренную женщину в его сторону.

Она по инерции засемила, шатаясь и спотыкаясь, и Гатри ловко поймал ее за руки. Ярko-рыжие волосы, выбившиеся из пучка на голове, закачались, как змеи Медузы Горгоны, когда она тщетно пыталась вырваться из рук Гатри.

– Черт бы тебя побрал, черт бы тебя побрал, отпусти меня! – вопила она извиваясь. – Я оторву ему голову! Ни один пьяный бродяга не может войти сюда и...

Я властно и громко прикрикнул, чтобы услышали все на поляне:

– Заткнись!

Было приятно выпустить этот рык наружу, растягивая грудь до самых глубин и заставляя вибрировать голосовые связки.

– Заткнись и слушай! Все вы! Слушайте!

На мгновение она выглядела ошеломленной. Потом она снова закричала. Я с ревом повалил ее на землю без всяких усилий. У меня достаточно мощный голос. Когда я говорю, а тем более кричу, я не оставляю ни единого шанса другим.

– Заткнись и слушай! Замолчи, черт бы тебя побрал! Дай мне сказать!

Она моргнула. Гатри легонько встряхнул ее, и у нее перехватило дыхание. Я оглядел трупку. На мгновение мне показалось, что все они набросятся на меня. В тот момент я надеялся, что так оно и будет. Но теперь у меня была сцена, и я позволил дикому презрению в голосе звучать ясно, говоря быстро, прежде чем женщина снова начала кричать.

– Теперь у вас есть шанс, – начал я, холодно переводя пристальный взгляд с одного лица на другое. – Решайте сами. Вы мне не нравитесь.

Я не хочу работать с вами. Я люблю работать с актерами, которые понимают меня, и вы в их число не входите. Но я обещал сделать эту работу и сделаю, по крайней мере, очень постараюсь. У вас не было и больше никогда не будет такого шанса. Я не могу силой заставить вас работать со мной. Но если вы хотите чего-то достигнуть, то будете подпрыгивать, как тигры на арене цирка, когда я буду щелкать кнутом. Я буду гнать вас, как рабов. И за неделю вы узнаете от меня больше, чем за всю свою никчемную жизнь. А теперь решайтесь. Сейчас же! Не заставляйте меня ждать. Да или нет? Ты! – И я снова вскинул руки и ткнул пальцем в парня с обожженной рукой.

Он мучительно нянчил запястье, и его тяжелое, красивое лицо было бледным от шока. Он облизнул губы, взглянул на рыжеволосую женщину и неуверенно произнес:

– Все не так просто. Давайте проголосуем. – И он оглядел остальных.

Я увидел, как у рыжеволосой женщины перехватило дыхание, и быстро сказал:

– Хорошо, – и перевел их внимание на пострадавшего, обратившись к рыжей, – его руку нужно перевязать. Ты можешь оказать помощь? Ты успокоилась?

Она нетерпеливо затряслась в объятиях Гатри.

– Хорошо, Гатри. Отпусти, отпусти!

Я кивнул ему. Она отряхнула платье быстрыми сердитыми движениями, откинула назад темно-рыжие волосы и бросила на меня полный ненависти взгляд, прежде чем повернуться и побежать к одному из грузовиков. Она вернулась через несколько секунд с аптечкой первой помощи, и с тех пор была слишком занята обожженной рукой, чтобы представлять для меня угрозу, хотя я внимательно следил за ней.

– Сначала я хочу знать ваши имена, – сообщил я. – Ты! – и я указал на седовласого мужчину, который переминался с ноги на ногу по другую сторону стола, когда я обратился к нему. Он все еще стоял, настороженно наблюдая. Слегка удивленный, он проговорил:

– Ну, вы же меня знаете, мистер Рохан. Хенкен. Под Хенкен. А вот и Эйлин. Эйлин, ты помнишь Говарда Рохана?

Пожилая Офелия похлопала по своей маленькой музыкальной шкатулке, которая тихонько напевала сама себе сквозь всю эту суматоху.

– О да, – пробормотала она, ни к кому конкретно не обращаясь. – О, я помню Рохана...

– Меня зовут Гатри, мистер Рохан, – быстро сказал Гатри.

Я кивнул ему, и он добавил, махнув рукой в сторону рыжеволосой женщины, работавшей над моей жертвой:

– Полли и Рой Копли. – Женщина глазами выстрелила в меня порцией яда, а ее муж просто кивнул.

Осталась только девушка. Я не хотел знать ее имени. Сейчас я думал только о вкусе виски и о том, как сильно хочу его. Возбуждение постепенно угасало во мне.

– Меня зовут Кресси Келлог, мистер Рохан, – слышался чистый низкий голос.

Я бросил на нее равнодушный взгляд и кивнул. Она ничего не могла поделать с тем, как выглядела. Во всяком случае, не очень много. Бедная Миранда, вспомнил я с болью и сожалением.

Мы стояли в молчании примерно столько, сколько нужно, чтобы сделать два вдоха и выдохнуть снова, и все настороженно смотрели друг на друга. Наступил конец первого раунда. Но не конец битвы. Они бросили вызов. Я принял его. Полагаю, у них были веские причины не любить меня. Может быть, чтобы негодовать из-за того, что им не удалось сразу обуздать меня. Моя репутация в театральных кругах была не самой хорошей. Но я, опустившийся на самое дно, все еще был намного лучше, чем они когда-либо будут в своих лучших проявлениях...

Я не могу заставить их полюбить меня, сердито подумал я. Но я в состоянии заставить их ненавидеть меня. И я это сделаю.

– Ладно, господа артисты, – сказал я, стараясь придать своему голосу твердость. – Об этой пьесе...

Полли Копли отвлеклась от перевязки запястья Роя Копли. Были ли они мужем и женой? Она выглядела старше на добрых десять лет.

– Забудь о пьесе, Рохан, – пробормотала она. Ее голос был хриплым и сильным, и хорошо поставлен, а сердитые голубые глаза сверлили меня.

– Мы не будем ставить спектакль. Труппа Суонна распущена.

Я открыл было рот, чтобы поставить ее на место, прежде чем до меня дошел смысл того, что она сказала. Это немного остудило мой пыл. Я ожидал почти любых осложнений, кроме этого. Переводя взгляд с одного лица на другое, видя на них одинаковое выражение согласия, я подумал, что знаю, в чем дело. Они были напуганы. К западу от Блайта не было ни одного Комуса, штат, насколько я знал, буйствовал вокруг нас. Я едва ли мог их винить. Но я постарался придать своему голосу уверенность.

– Да что с вами такое, ребята? Просто потому, что в Калифорнии случилась небольшая неприятность...

– Небольшая неприятность, черт возьми, – возразила Полли. – Я не знаю, что ты имеешь в виду, говоря о небольшой неприятности,

мистер. Может быть, ты не слышал, что случилось с Полом Суонном. Он поехал в Сан-Андреас, чтобы договориться о нашем первом спектакле, и вернулся на машине скорой помощи. Я никогда не видела, чтобы человека так сильно искалечили. Я не хочу подвергать себя таким испытаниям. — Она сердито отбросила с глаз ярко-рыжие волосы.

— Мне все равно, даже если они избьют тебя, Рохан. Надеюсь, что так и будет. Но они не посмеют и пальцем тронуть Роя. Или меня. И других людей, которых Бог наградил актерским талантом.

Голос Хенкена прозвучал с легкой дрожью:

— Это правда, мистер Рохан. Я уверен, что это небезопасно.

Я посмотрел на Гатри, который пожал плечами и виновато отвел глаза. *Он мог бы предупредить меня*, подумал я. Но сказал с уверенностью:

— Я думаю, что нам незачем беспокоиться об этом.

— И все-таки тебе лучше задуматься, — возразила Полли.

Я расправил плечи. Они все смотрели на меня.

— Мы ставим пьесу в Сан-Андреасе в субботу, — констатировал я ровным, твердым голосом. — Я все устрою завтра и не вернусь на носилках. Вы можете мне довериться.

Запах кофе разбудил меня, и я некоторое время лежал совершенно опустошенный, не соображая, где нахожусь. Я ощущал, что Миранда была рядом со мной до того момента, как я открыл глаза. Она всегда была со мной во сне.

Но теперь я сам могу оказаться в сельскохозяйственном лагере в Иллинойсе или в гостиничном номере в Нью-Йорке, а за дверью меня будут ждать ребята Ная вместо Миранды. Мир стал засасывать меня, неустойчивый, как желе. Затем он затвердел, превратившись в длинный спальный вагончик бродячей труппы с аккуратно застеленными койками по обе стороны и лучом утреннего солнца, пробивающимся сквозь дверную щель. Воздух внутри помещения был пропитан ароматами секвойи, дыма и кофе.

Из-под подушки донесся приглушенный шепот портативного магнитофона, который читал мне «Перекресток» всю ночь напролет. Я всегда так делал, когда нужно было запомнить текст, и потянулся, чтобы выключить его. Ночью Под, Рой Копли и Гатри спали под одной крышей со мной. Я проснулся живым, так что, очевидно, никто не держал серьезной обиды, несмотря на вчерашний вечер. Никто, кроме меня самого.

Я нащупал одежду и вышел на улицу. Ни за что на свете я не поеду в Сан-Андреас и не позволю избить себя до полусмерти этим прекрасным утром. Прошлой ночью я говорил уверенно, потому что взял

на себя роль, от которой не мог отказаться, ведь иначе было просто нельзя поступить. Но с этого момента должны были произойти некоторые изменения.

Солнечный свет беззастенчиво и величественно падал широкими косыми лучами на обеденный стол, где шестеро моих коллег сидели над почти пустыми тарелками.

– Доброе утро, – произнес я.

Шесть пар глаз холодно смотрели на меня. Я прошел мимо них, не останавливаясь, и отнес полотенце и бритвенные принадлежности в небольшое бетонное здание, расположившееся среди стволов секвой на дальней стороне поляны. В этом бытовом домике размещались душевые, туалеты и чаны для стирки. Я вошел в полузабытый мир 1950-х годов, пытаясь во время бритья представить себя в те безмятежные времена до пятидневной войны.

Когда я вернулся, все шесть тарелок были убраны со стола, но кто-то уже разложил и открыл единственную банку с завтраком, и пар начал подниматься, когда заработал самонагреватель. Кресси Келлог налила кофе в чашку и поставила ее рядом с моей тарелкой. Я не смотрел на нее. Я чувствовал себя одновременно хорошо и ужасно. Мне была приятна свежесть и прохлада утреннего лесного воздуха. Но на моей коже появилось знакомое ощущение мурашек. Сейчас мне нужно было больше выпивки, чем обычно я себе позволял. В настоящее время алкоголь мне был необходим для позитивного настроя на будущее. Пусть оно будет эфемерно и опасно. Я даже не знал, что я собирался сделать. Но все равно, это ощущение было удивительно приятным.

Мне стало немного не по себе от внезапной мысли, что я сейчас сплю и боюсь проснуться.

Я разложил на столе сценарий «Перекрестка» и просматривал его, пока ел. Скорее всего, я никогда не буду ставить эту пьесу или играть в ней, но заученные во сне строки отложились в мозгу, и мне было любопытно, как это выглядит на бумаге. Против воли я начал группировать в уме свои собственные речи, осторожно отсекая сцены, обдумывать, как я справлюсь с этой ролью. Если я вообще с ней справлюсь.

Пьеса выглядела довольно невинно. Никакой очевидной пропаганды, хотя она и должна была присутствовать, потому что Комус никогда и ничего не делает без цели. Кажется, там были юноша и девушка (Кресси и Рой, должно быть), которые встретились на перекрестке улиц в маленьком городке. Там есть влюбленная женщина-офицер связи, которая делает намеки юноше. Это должно было затронуть душу зрителя. Комус всегда хорошо умел играть на чувствах людей. Это вызывало спонтанное проявление сентиментальности.

Также есть пожилая пара, которая часто ссорится, но набрасывается на любого, кто пытается встать между ними. И лихой пожилой мужчина (сам Рохан), который пытается разорвать отношения между юношей и девушкой. Это была основа произведения со многими возможностями. То, что нужно. Вся пьеса была хороша. Простая история об одном вечере в жизни шестерых и о том, как они решают проблемы друг друга и свои собственные примерно за час игрового времени. Все очень талантливо придумано, избрана верная сюжетная линия для трагикомедии.

Я сидел, представляя себе игру актеров на реальной сцене, выстраивал в уме картины, и невольно задавался вопросом, как этот актерский состав воплотится в свои собственные роли. Это всегда интересно. И мне тоже стало любопытно. Ни один человек не осознает одну и ту же роль одинаково. Было очень приятно чувствовать, как творчество снова захватывает меня, как будто никогда не отпускало.

Захватывает и пугает.

Откровенный голос Полли, раздавшийся совсем рядом, заставил меня подпрыгнуть.

– Рохан, я хочу тебе кое-что сказать.

Я поднял голову. Ее жесткие волосы были гладко причесаны, каждая прядь блестела отдельно в косых лучах утреннего солнца, падавших сквозь кроны деревьев. Она выглядела такой изможденной, словно вообще не спала.

– Мы уже все обсудили, – сообщила она мне. – Мы не хотим распускаться без крайней необходимости. Нам нужна работа. Мы даже готовы работать с тобой до тех пор, пока ты относишься к нам достойно. Но предупреждаю, еще один взрыв, как вчера, и... – ее лицо залилось краской, а на шее проступили красные пятна.

– Хорошо, – ответил я. – Вы обращаетесь ко мне уважительно, и я буду обращаться к вам соответственно. Со мной нелегко работать. Я вас *всех* предупреждаю. На репетициях не будет никаких поблажек.

Она отрывисто кивнула.

– Мы этого и не ждем. Мы просто хотели, чтобы ты знал. Если ты сможешь организовать все в Сан-Андреасе и гарантировать, что нас не разорвет толпа, мы сразу же начнем репетировать. Труппа соскучилась по работе.

– Хорошо, – согласился я и перевернул страницу сценария, показывая, что разговор окончен. Она снова слегка покраснела и резко обернулась, едва не столкнувшись с Гатри, который подходил к столу, застегивая клетчатую рубашку.

– Когда вы будете готовы, мистер Рохан, – проговорил он, – я отвезу вас в Сан-Андреас.

Я ничего не ответил. Мое внимание привлекла сцена на другой стороне поляны. Кресси и Рой Копли стояли вместе в одном из ослепительных столбов света, слои дыма туманом плыли вокруг них, как благовония в храме. Она держала его забинтованную руку с преувеличенным сочувствием, и то, как они смотрели друг на друга, заставило меня быстро взглянуть, заметила ли это Полли.

– Как насчет поездки, мистер Рохан? – вмешался Гатри.

Я пожал плечами. Проблемы Полли были ее личным делом.

– Поехали, – буркнул я.

Глава 7

– **ОСТАНОВИ ЗДЕСЬ** на минутку, – попросил я. Гатри выключил мотор, и вокруг нас воцарилась гулкая тишина гор.

Теплое солнце, яркий, искрящийся воздух, легкий ветерок с сосновым запахом. Шоссе тянулось перед нами на длинных бетонных опорах через долину, где простирался Сан-Андреас. Мы увидели лишь два отворота с шоссе в город: один – для въезда, другой – для выезда. Перед единственным въездом в город красная Контрольная станция Комуса светилась, как огромная овальная капля крови, и выглядела немного странно без флага, который всегда развевался на флагштоке.

Сан-Андреас расположился среди лесистых холмов и переливался разноцветными осколками солнца в остеклении зданий. Центр города был обозначен монументальной стелой из белого камня, казавшейся невероятно высокой на фоне голубого неба. К югу долина расширялась, переходя в сельскохозяйственные поля разных цветов, и издали напоминала шахматную доску, по которой медленно передвигались грузовики и ходили рабочие. На мгновение я вновь почувствовал боль в спине от непосильного труда бесправного жнеца на самом дне общества.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал мне Гатри. – Скажите это.

Я отрицательно покачал головой.

– Я еще недостаточно знаю, чтобы что-то сказать. Вчера ты силой отправил меня обратно в лагерь, но ни словом не обмолвился о том, что случилось с Полом Суонном. Что еще ты скрываешь? Насколько плохи дела в Калифорнии?

Гатри бросил на меня один из своих печальных взглядов.

– Зависит от обстоятельств. В некоторых районах штата тихо. В некоторых – нет. Этот город относится к последним. Может быть, поэтому мы должны начать свои представления здесь. Больше я ничего не знаю.

– Ты многого не знаешь. К чему тогда эта экскурсия, во всяком случае?

– Мы ставим пьесы там, где нам говорят. Если бы я знал что-то еще, то я бы вам рассказал. Вы должны это понимать.

– А теперь послушай, Гатри, – я повернулся на сидении, чтобы встретиться с ним взглядом. – Пока что ты можешь держать меня под своим контролем. В следующий раз я могу сказать: стреляй и будь ты проклят. Если умру, никто по мне не заплачет. В данный момент я уже близок к тому, чтобы просто выйти из грузовика и отправиться, куда глаза глядят.

– Значит, вы уйдете, – тихо произнес Гатри. – А что потом? Вы не можете вечно оставаться вне поля зрения. Либо вас заберет Комус как изменника, либо повстанцы, как агента Комуса. Они крутые ребята, поверьте. Даже если они возьмут вас, мы собираемся успокоить штат в течение нескольких недель. Мятежники будут направлены в тюрьму или газовую камеру. Эти жесткие меры возвратят Комусу контроль, и мистер Най говорил мне, что у него есть ваш пожизненный контракт на сельхозработы. – Он кивнул на копошащиеся фигурки в поле. – Что вы выбираете между вашим контрактом, тюрьмой с мятежниками или продолжением нашей работы для Комуса?

Я все обдумал.

– Хорошо. Ты уже сказал свое слово. Может быть, ты говорил Полу Суонну то же самое. Но это не спасло его от избиения. С этого момента все, что я делаю, я делаю сам. То, что ты наставил на меня пистолет – ни черта не значит. Если я берусь за работу, я должен делать ее по-своему, а это значит, что я решаю все вопросы. Ты подчиняешься моим приказам. А теперь расскажи мне все, что тебе известно о восстании в Калифорнии. Все. Все, что ты скрываешь, мешает мне и нашей работе.

Гатри почесал щеку своей трубкой. Чуть позже он медленно произнес:

– Что ж, думаю, это справедливо. Я расскажу вам все, что знаю. – Его лицо снова приняло отрешенное выражение.

– В 93-м, – продолжил он после очередной паузы, – парень по имени Чарли Старр участвовал в волнениях в Сан-Диего. Это было началом. Я мало что знаю о Старре. Комус тогда взял ситуацию под контроль, и я думаю, что Старра убили. Но его последователи ушли в горы, и Комус так и не смог переловить всех. Похоже, они создали так называ-

емые Комитеты Свободы, которые охватили весь штат. Примерно год назад, насколько мы можем судить, одна из повстанческих группировок придумала новый ход, который может вызвать волнения... – тут он замолчал и осторожно посмотрел на меня.

– Анти-Ком? – спросил я.

– Значит, вы знаете об этом.

– Най рассказал мне. Немного.

– Нам мало известно о данной организации. Но мы точно знаем, что она придала мятежникам столько уверенности и силы, что мы должны отнестись к этому факту более чем серьезно. Когда Комусу впервые стало известно о ней, он незамедлительно взялся за Калифорнию, пытаясь найти и обезвредить последователей Анти-Кома, прежде чем их деятельность вырастет в гораздо большую угрозу, чтобы причинить нам вред. И вот тогда весь штат взбунтовался.

Он задумчиво покачал головой и продолжил:

– Вы знаете, как обычно работает социальный контроль?

Я молча кивнул. Я это хорошо знал. Я думал о том, что это происходит в Калифорнии, которая уже находилась на грани взрыва. Обычные патрульные, похожие на большие красные капли крови в своей униформе, контролируют дороги двадцать четыре часа в сутки. Наугад, в любой момент, один из них может постучать в ваши двери. Кто-то вежливо приглашает вас проследовать за ним. Никто не отказывается. Зачем отказываться? Это простой опрос общественного мнения, чтобы выяснить, что вы хотите, чтобы Комус мог сделать вашу жизнь комфортнее. Вы садитесь в большое кресло с замысловатыми подлокотниками и реагируете на брошенные вам ключевые слова, а полиграф все записывает.

Из ста человек, отобранных случайным образом, вероятно, девятью будут иметь нелояльные настроения. Комус передает записи в штаб-квартиру для компьютерного анализа. Машины обрабатывают множество данных: пульс и частоту дыхания, оценивают психологическое и социологическое значение потеющих ладоней в Южной Дакоте, а также учащенное сердцебиение в Джорджии. Из ста отобранных, десять, которые отличаются от средних данных, становятся безопасным процентом. Но если это двадцать процентов, то это уже слишком много. И Комус наперед знает, что недовольство подсознательно овладевает людьми вашего района.

Скажем, кривая на графике неуклонно росла в течение двух месяцев, и в Джорджии начинаются волнения. Джорджия подвергается изоляции. Коммуникации пичкают Джорджию нужной информацией. Выпуски новостей рассказывают о событиях, которые не наблюда-

ются нигде в стране. Кинофильмы сняты с использованием двадцать пятого кадра, позволяющего оказывать влияние на подсознание. Даже еда не совсем обычная. Биохимия тоже может изменить функционирование ума и тела на более низкий уровень. Так Джорджия становится изолированной территорией. И тогда штатом можно манипулировать.

Любой организм, вероятно, сможет решить свои проблемы, если вы оставите его в покое. Но Комус так не поступит никогда. Чем больше атак организму приходится отражать, тем больше он истощается. Умножьте количество раздражителей. Держите его в возбужденном состоянии. Разрушьте общественное мнение Джорджии. Пусть штат поймет, что выживание всецело зависит от Комуса. Время реакции замедляется, активность инакомыслящих падает, идеи потенциальных мятежников не доходят до населения, занятого решением более насущных проблем. А когда опасность минует, снова интегрируйте Джорджию с нацией. Это практический способ удержать Соединенные Штаты вместе. Это всегда срабатывало... до сих пор.

А теперь? Я посмотрел на мирную долину. Вероятно, я был осведомлен больше, чем обычные обыватели, о том, как на самом деле работает социальный контроль. Но и в Калифорнии, по-видимому, достаточно много людей знали о подобном. Достаточно, чтобы вызвать бунт, когда Комус начал наводить порядок в штате.

— Что случилось? — спросил я.

— Недовольство достигло апогея. Мы встретили сильное сопротивление даже в спокойных городах, но в глубинке повстанцы оказались сильнее всего. Мы были против открытого подавления мятежников военными. Это огромная территория. Как вы, вероятно, знаете, Комус довольно слабо распространен в провинции. Если не считать переброску войск из других районов, чтобы изолировать Калифорнию, мы мало что могли сделать. И там были... — Гатри сделал паузу, — были причины, почему мы этого не сделали, — сказал он.

Вспышка сильного удивления пронеслась в голове. Были ли восстания и в других местах?

— Насколько я понимаю, — продолжал Гатри, — в Белом доме разразился настоящий скандал. Губернатор Калифорнии и мистер Рэйли встретились, и я знаю, что мистер Най выдвинул весомые аргументы в пользу введения военного положения. Но в итоге мы полностью отстранили Комус. Рэйли утверждал, что когда люди узнают, что такое жизнь без Комуса, они придут в себя. Он стар, мистер Рохан. Он не любит неприятностей. Он не хочет думать, что опутал страну диктатурой. Он попросил удалиться мистера Ная с совещания.

— И что Тед? — промолвил я.

Гатри пожал плечами.

— Конечно, ему пришлось согласиться. Я думаю, что он был готов к такому решению частично из-за Анти-Кома. Слишком большое давление на повстанцев, и они перевернут небо и землю, чтобы быстро закончить свое дело с оружием в руках. Слишком быстро, чтобы мы могли их остановить. Как бы то ни было, мистер Най, вероятно, надеется на восстановление статуса-кво, пока мы работаем в этом районе, и на то, что сможем найти. Сейчас идет гонка между Комусом и Анти-Комом. То ли повстанцы одержат верх, то ли Комус вскрыет гнойник мятежных мыслей прежде, чем те перейдут к открытому противостоянию.

— Рэйли, — медленно проговорил я, — больной старый человек. Он не вечен. Когда он умрет...

Я позволил себе промолчать. Гатри кивнул. Никто не знает, что случится, когда Рэйли умрет. Эра закончится. Мир изменится. История двигалась вперед неумолимо, пока мы сидели здесь и гадали.

После небольшой паузы Гатри произнес:

— Этот город — одно из самых проблемных мест. Мы думаем, что это штаб-квартира целой группы Комитетов Свободы. На прошлой неделе мы устроили внезапный рейд. Мы быстро высадили вертолетный отряд и попытались распылить в центральной части города сонный газ. Все вышло не так, как планировалось, и мы кое-как унесли ноги. Теперь все население держится настороже.

— Другими словами, — сказал я, — если они узнают, что мы из Комуса, нам конец.

Гатри прикусил свою трубку.

— Примерно полгода назад, когда ситуация была по-настоящему серьезной, — вымолвил он, — целые подразделения Комуса просто исчезали, когда рейд проваливался, и повстанцы наносили ответный удар. Это одна из причин, по которой Рэйли настаивал на выводе Комуса из штата. Так вот, это всего лишь люди, мистер Рохан. Не революционеры с дикими глазами. Они убивают не ради забавы. Они даже не убивают в гневе, разве что случайно или при прямой угрозе своему здоровью. Если их не злить, их ответная реакция будет адекватной. Но признаюсь, мне бы не хотелось, чтобы стало известно, что мы связаны с Комусом.

— А что случилось с Полом Суонном? — поинтересовался я.

— Судя по тому, что я слышал, он столкнулся с компанией пьяниц. — Гатри криво усмехнулся. — До вчерашнего дня у меня был информатор в Сан-Андреасе. — Он кивнул в сторону тонкой струйки дыма, поднимавшейся над деревьями на северной окраине города. — Это догорает

его дом. Они вывезли моего человека из города по железной дороге. Думаю, ему повезло.

В горле у меня пересохло.

— И это город, — сказал я, — где я должен устроить шоу Комуса?

Гатри шумно затянулся табачным дымом из трубки и пристально посмотрел на меня.

— Пожалуй, мне безопаснее вернуться к работягам, — вымолвил я.

Он усмехнулся.

— Вы это серьезно?

Я не знал, всерьез я это говорю или нет. Я посмотрел вниз, на долину, на сгорбленные фигурки жнецов в поле. И почувствовал знакомую боль в мышцах, и дрожь призрачного зуда снова пробежала по мне. Я вдруг ощутил жгучую ненависть к Теду Наю, который провалился сквозь стены моего алкогольного убежища и волей или неволей загнал меня в это место. А потом сквозь все это в глубине моего сознания мелькнула маленькая вспышка, похожая на летнюю молнию. Воспоминание об огненных буквах, посланных мне во сне.

Я не понимал, что они пытались мне сказать. Но где-то в глубине сознания тихий голосок произнес слова утешения.

— Ты можешь принести здесь больше пользы, чем ты думаешь, — безапелляционно произнес голос. — Все складывается лучше, чем ты можешь себе представить. Давай, воспользуйся случаем. Продолжай.

Я посмотрел вниз на Сан-Андреас, такой яркий и спокойный в лучах утреннего солнца. Мне было страшно. В горле у меня пересохло, руки стали влажными, а сердце бешено колотилось.

— Ну что, мистер Рохан? — спросил Гатри.

Я пожал плечами.

— Пошли, — произнес я.

Глава 8

КОНТРОЛЬНЫЙ ПОСТ Комуса ярко красного цвета расположился на съезде с шоссе. Он стоял пустой, и окна зияли выбитыми глазницами. Ни один сигнал не вспыхнул, ни одна фигура в красном плаще не подошла к двери. Кто-то нацарапал мелом на стене карикатурный рисунок головы с висячим замком на лбу. Когда мы проезжали мимо, порыв ветра поднял длинную рваную голубую ленту, привязанную к сломанному флагштоку. Она лениво колыхнулась в воздухе и снова упала. *Синий цвет революции*, подумал я. Это подразделение Комуса было уничтожено. У меня возникло странное ощущение пу-

стоты в желудке. Все, что я слышал до сих пор, было абстрактным по сравнению с резкой реальностью, и вид разгромленной станции подтверждал это.

Примерно в тридцати метрах из высоких желтых зарослей дикой горчицы выскочили две фигуры и закричали на нас. Гатри резко нажал на акселератор, и машина резко рванулась вперед. Затем мы увидели двуствольное ружье в руке первого мужчины, стволы которого были направлены на нас. Гатри остановился.

— Куда вы следуете? — спросил второй с пистолетом. Он был молод и худощав.

Ответ казался очевидным, но Гатри сказал ему:

— А тебе какое дело?

Гатри посмотрел на меня. Он ждал ответа.

— Мы устраиваем передвижное шоу, — сообщил я. — Мне нужно разрешение.

Тип с дробовиком окинул меня долгим холодным взглядом.

— Некоторое время назад один парень уже пытался, но его вышибли к чертовой матери. Послушайся моего совета и возвращайся туда, откуда приехал. Наш город в последнее время довольно беспокойный.

— Нам надо поесть, — объяснил я. — Я все-таки попробую. С кем мне надо встретиться по поводу разрешения?

Холодный взгляд переместился на Гатри, а затем снова на меня.

— У нас есть законно избранный мэр и городской совет, — сообщил он нам. — Одобренные Комусом. — Он наклонился и осторожно сплюнул в пыль.

— Конечно, — ответил я. — А кто выдает разрешения?

Он пожал плечами.

— Мистер, я не знаю. — Он перевел взгляд на грузовик. — А что внутри?

— Иди и посмотри, — предложил я.

Мы ехали на грузовике, а в кузове лежала театральная аппаратура и реквизит. Гатри сидел безразлично, не проявляя ни малейшего беспокойства. Парень с пистолетом что-то проворчал своему спутнику, и тот пошел к задней двери фургона. Я услышал, как она открылась, и почувствовал, как грузовичок просел на рессорах, когда он запрыгнул внутрь. Через некоторое время он вышел и что-то пробормотал своему товарищу с пистолетом.

Я лениво подмечал, как морщины на их обветренных лицах выглядят изрезанными, словно от сценического грима. Я бессознательно исследовал их манеры и уже прикидывал свою сценическую линию, как я буду играть мятежника, как буду говорить, стоять и смотреть. Теперь

меня поразило то, как выглядели их лица. Казалось, что в морщины въелась обычная копоть. Но это была необычная грязь. Такая чернота могла возникнуть от пороховой гари или от сажи с пожарища. Видимо, они принимали непосредственное участие в разгроме придорожной станции. Внезапно до меня дошло, что это действительно мятежники, борцы против Комуса. Они, казалось, пришли из другого мира.

– Ладно, – буркнул парень с пистолетом и отступил назад. – Проезжай, если хочешь и не боишься, что тебя избыют.

* * *

САН-АНДРЕАС ВБЛИЗИ не выглядел таким уж безмятежным. Многие витрины магазинов были разбиты, и повсюду в центре города улицы и стены были окрашены слабым пурпурным налетом, который после себя оставляет спрей сонного газа на всем, где его распыляют. Свежие белые следы от пуль покрывали фасады магазинов, и в каждом окне вокруг площади виднелись большие синие ленты – символ повстанцев. Поверх всех следов столкновений возвышался монумент в форме белоснежной стелы, на которой красовалась большая мраморная голова президента. Рэйли смотрел на восток поверх крыш, но ничего не видел.

Мы остановились перед гриль-баром «Ирландская роза», и Гатри вопросительно посмотрел на меня. Я обвел взглядом улицу, людей, свое отражение в зеркале заднего вида. Узнает ли кто-нибудь здесь Говарда Рохана? Мне было немного боязно. Но я должен был что-то предпринять. Интересно, что делал на этом месте Пол Суонн, что он чувствовал?

Мужчина в фартуке подстригал большой куст ирландской розы. Двойные двери были подперты кирпичами, а в проеме стоял стул, означавший, что заведение закрыто. Бармен облил тротуар водой из ведра. В воздухе приятно пахло свежим беконом и кислым пивом – запахи, которые мне всегда нравились. Он бросил на нас недружелюбный взгляд. Толстяк носил четырехугольную парусиновую кепку с надписью «Лос-анджелесская всемирная ярмарка», а к полям прикрепил бумажный треугольник с голубой звездой, в центре которой было нацарапано красное число «девяносто три, Чарли Старр». Понятно, участвовал в восстании в Сан-Диего.

Я украдкой взглянул на Гатри, гадая, что он при этом чувствует. Что касается меня, я испытывал непонятную смесь эмоций при виде следов столкновений. Но вдыхая при этом чистый, прохладный воздух горной долины, я чувствовал себя человеком, пробуждающимся от

очень долгого, очень запутанного сна. Испуганный, неуверенный, но какой-то свежий и добрый.

– Здравствуйте, – крикнул я бармену. – Чудесный день.

Он выглядел очень уставшим и промолчал.

– В какой стороне находится мэрия? – снова спросил я.

Он выплеснул остатки грязной воды в сторону нашего грузовика и неохотно ответил:

– Через площадь.

Я кивнул Гатри, и мы покатили вперед, оглядывая фасады зданий в поисках вывески с надписью «Мэрия». Позади нас раздался медленный, пронзительный свист, и несколько голосов стали напевать какую-то мелодию. Через мгновение я вспомнил ее, это была «Янки Дудл»*, но звучала она как-то по-особенному. По мере того как мы продвигались вперед, темп песни становился все быстрее и быстрее. Люди на улице оборачивались в сторону источника мелодии, а затем их взгляды провожали нас.

В поле зрения появилось двухэтажное белое здание ратуши. Гатри припарковался.

– Тебе лучше остаться в машине, – заметил я. – Надеюсь, я скоро вернусь.

Маленький мальчик, сидевший на обочине, встал, когда я проходил мимо, и неторопливо пошел за мной, держа во рту свисток. По пути к нему присоединились еще несколько мальчишек. Я прошел через небольшой вестибюль, который выходил в цветущий внутренний дворик. Кабинет мэра располагался на втором этаже. Я начал подниматься по узкой лестнице. Небольшая группа следовала за мной до самого вестибюля, при этом все мальчики насвистывали. Я не обращал на них внимания. Когда я был на полпути вверх по лестнице, пронзительный голос сопрано в вестибюле начал петь слова из «Янки Дудл»:

«Чарли Старр снял свой значок.

В тысяча девятьсот девяносто третьем году.

Он сбросил старый Комус с карты

И освободил Диего...»

Его значок? Я удивился. Какой значок? Ну, песня была не очень точной. Старый Комус был далеко не стерт с лица земли, а Сан-Диего был зависим от него так же сильно, как и прежде. Тем не менее, песня сделала свое дело.

* «Янки Дудл» – национальная песня в США, в настоящее время понимаемая в патриотическом ключе (хотя первоначально возникшая в качестве юмористической). (прим. перев.)

В кабинете мэра у входа стояла стойка, а за ней находились две скамейки и письменный стол, за которым старик равнодушно перебирал бумаги.

— Мне нужно разрешение на показ пьесы, — я нарушил молчание. — К кому я могу обратиться?

Он покачал головой.

— Ничем не могу помочь, сынок. Здесь просто никого не бывает по понедельникам.

— Сегодня вторник, — напомнил я.

— Действительно? — он снова покачал головой. — Ну, вторник — тоже плохой день для выдачи разрешений. Прости, сынок.

Он посмотрел мне в глаза и замолчал. Он просто ждал.

Я простоял так с минуту, то поворачивая ладони к себе, то опираясь ими на стойку. Я почувствовал, как напряглись мои бицепсы, и маленькие сцены насилия над этим чинушей пронеслись в моих мыслях. Мне хотелось ударить что-нибудь, избить кого-нибудь, чтобы дать выход своим бурлящим эмоциям. Но бить было некого. Это даже не доставит удовольствия — ударить старика. Через минуту я повернулся и быстро вышел, очень тихо прикрыв за собой дверь.

Мальчишки все еще стояли в вестибюле, глядя на меня круглыми глазами, когда я спускался по лестнице. Но сейчас они были совершенно безмолвны. Я подумал про себя: что-то приближается. Что-то должно произойти. Молчание было испуганным ожиданием. И когда я почти был у выхода, мальчик, стоявший ближе всех к двери, выскочил на тротуар и стал возбужденно махать кому-то рукой, чтобы тот скрылся из виду. Я услышал топот бегущих ног по тротуару и увидел быстро приближающиеся тени людей.

Я глубоко, счастливо вздохнул и поиграл мышцами плеч, разминаясь, чтобы убедиться, что рубашка не стесняет моих движений. Мне было хорошо. Я чувствовал себя в прекрасной форме. Мне захотелось смеяться. Я махнул рукой в сторону глазающих мальчиков.

— На улицу, дети, на улицу! — резко приказал я.

Они подпрыгнули, а затем сгрудились, как перепелки, и ватагой вылетели прочь как раз в тот момент, когда первый из приближающихся людей входил в дверь. На тротуаре возникло короткое шумное замешательство.

А потом в проеме показалось трое или четверо мужчин. Все они выглядели неопрятно. Вестибюль наполнился запахами пота и виски. Так рано утром? Потом я вспомнил бармена и понял, откуда взялись мальчишки и эти личности. Набор команды отморозков с сильными руками из городских низов, раздача всем подряд нескольких рюмок

виски для поднятия настроения. Теперь я точно знал, что случилось с Полом Суонном. Но на этот раз им противостоял я. И мое имя не Пол Суонн.

Они хмуро и молча надвигались прямо на меня. Снаружи раздался крик Гатри, послышалась возня и грохот ударов по металлу, как будто что-то случилось с грузовиком. Я не обратил на это внимания. Я был занят. Судя по их ухмыляющимся лицам, они не сомневались, что победа достанется им легко. Я знал, что произойдет, и это произошло. Но только не то, что они ожидали.

Волна накатила на меня внезапно, и вся их компания бросилась на меня в узком вестибюле. Я нанес первый рубящий удар сбоку ладонью по предплечью первого из них, и почувствовал, как под ударом сломалась кость. Кто-то ударил меня по голове, от чего в глазах потемнело, и все силуэты стали размытыми, и я испытал новый прилив яростного возбуждения. После этого я помнил только, что долго бил и колотил, спотыкаясь и крихтя в узкой комнате. Запомнились только такие мелочи, как толчок чьего-то подбородка о мой кулак и ощущение, как его голова откинулась назад. Я почувствовал, как мой ботинок тяжело топчется по чьей-то голени, и хруст ломаемых мелких костей его ступни под моей ногой. Пружинистая отдача мышц грудной клетки над солнечным сплетением, когда я сильно бил кулаком. Я дрался, чтобы покалечить, как сражаются уличные бойцы. Собственный горький опыт заставил овладеть меня этими премудростями.

Казалось, это продолжалось вечно, но будто совсем недолго. Был момент, когда я понял, что стен больше нет вокруг нас, а под ногами — трава. Мы каким-то образом переместились в маленький дворик, и утреннее солнце смотрело на нас с безмятежным безразличием, пока шла драка. В пылу битвы я мельком увидел над крышами белое мраморное лицо Эндрю Рэйли, тоже безмятежно безразличное, глядящее на восток, на солнце.

Я то оказывался на земле лицом вниз среди цветов, и их лепестки, сладкие и влажные, касались моей щеки, то стоял на четвереньках и чувствовал во рту привкус крови. Я обратил внимание на трех муравьев, сбившихся в бесконечно малую кучку, их усики шевелились на головах, будто они совещались о каком-то важном деле на микроскопическом уровне, в то время как битва бушевала над ними. Затем капля крови упала с моего носа на траву, и они осторожно ощупывали ее заинтересованными усиками.

В какой-то момент, вскоре после этого, я снова оказался на ногах и схватился с хрюкающим нематым противником. Я сделал подсечку, и мы тяжело рухнули на землю. Я знал, что должен быстро вывести его

из строя, пока кто-нибудь еще не набросился на меня сверху. Когда я душил его обеими руками, я поднял глаза и с удивлением обнаружил, что маленький дворик почти пуст. Один человек молча лежал ничком среди цветов. Другой в дверном проеме согнулся пополам и блевал, явно уже не боец. Больше здесь никого не было. Я победил.

Я посмотрел на парня, который лежал передо мной. Его веки затрепетали. Он уже приходил в себя. Я резко ударил его по лицу. Он открыл затуманенные глаза.

— Кто вас нанял? — потребовал я ответа. — Кто здесь главный?

Он мотал головой из стороны в сторону, сжимая челюсти. Я снова дал ему пощечину.

— Отвечай мне, черт бы тебя побрал. Кто здесь главный?

Он все еще покачивал головой. На этот раз я слегка приподнял его и ударил затылком о землю. Я сделал это дважды, жестоко, наслаждаясь этим, позволяя ему понять, что я просто так не оставлю его в покое.

Через некоторое время он начал говорить.

Я заставил его повторить свой рассказ дважды, потому что не мог поверить в это. Что-то щелкнуло у меня в голове, когда он произнес это имя. Совершенно нормальное имя. Харрис. Человек по имени Харрис. Но когда он произнес это слово, я услышал не только его голос. Словно эхо, повторялся голос из моего Нью-Йоркского сна.

В том сне в гостиничной спальне в Нью-Йорке, человек по имени Комус тряс меня и настойчиво рассказывал о Калифорнии, лебедях и, конечно же, о том, как найти человека, которому я обязан передать что-то важное.

Да. Мне нужен был Харрис, а не кто-то другой. Теперь я это вспомнил. Одно из окон в моем сознании открылось достаточно широко, чтобы впустить воспоминания. Но не все, конечно. По крайней мере, до тех пор, пока я не узнал об этом от этого пьяницы. *Харрис*, подумал я. *Харрис*?

Я медленно поднялся. Мой противник лежал неподвижно, с опаской наблюдая за происходящим. Я пнул его в бок один раз, не сильно, но достаточно болезненно, и вышел, тяжело ступая и ощупывая свое лицо, чтобы убедиться, можно ли будет наложить грим и выйти на сцену. Но это волновало меня лишь наполовину.

* * *

ГРУЗОВИК ПО-ПРЕЖНЕМУ стоял у обочины. В кабине, неподвижно склонившись над рулем, сидел Гатри. На улице никого не было видно на протяжении целого квартала в обоих направлениях, хотя шторы на верхних окнах слегка подрагивали, когда я выходил. Я за-

брался в грузовичок и потряс Гатри. Он что-то хрипло пробормотал. Я снова встряхнул его. На этот раз он открыл глаза и тупо посмотрел на меня. Затем он откинулся на спинку сидения, приложил руку к подбородку, поморщился, посмотрел на меня более или менее осмысленно и, наконец, улыбнулся своей печальной, кривой улыбкой.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

Он осторожно потрогал челюсть.

– Думаю, да. Они просто вырубili меня. А как насчет вас?

– Я в порядке, или почти... слушай, кажется, у меня есть зацепка. Просто посиди здесь минутку. Я собираюсь позвонить кое-кому.

Я вышел из кабины, не смотря на его протест.

Рядом с мэрией находилась маленькая аптека. Я так пнул в сетчатую дверь, что та с грохотом ударилась о стену и распахнулась. Внутри не было посетителей, и продавец за прилавком исчез через заднюю дверь, прежде чем я успел его увидеть. Grimаса боли исказила мое лицо, отдаленно напоминающая усмешку. *Теперь пусть боятся меня*, подумал я.

Я склонился над фонтанчиком с водой и сунул носовой платок под струю. Я вытирал пыль и кровь, смотрясь в зеркало за стойкой. Подбородок был поцарапан и саднил, и к вечеру у меня, наверняка, появится синяк под глазом. Мой нос начал распухать, но все оказалось не так уж и плохо. Я думал, что мне его сломали. В общем, я не так уж скверно выглядел, даже для экрана телевизора.

Поэтому я скользнул в кабинку видеосвязи, бросил монетку и, когда на экране появилось миловидное лицо девушки-оператора, улыбнулся ей своей лучшей улыбкой.

– Мне нужна небольшая помощь, – пробормотал я. – Я хочу поговорить с человеком по имени Харрис. Может быть, вы знаете, кто мне нужен?

Она испытующе посмотрела на меня. Может быть, она узнала меня. Может быть, она уже знала и о драке возле мэрии. Если так, то она должна понять, о чем я спрашиваю.

Муха, попавшая вместе со мной в горячую кабину, села на экран и прошла по лицу оператора. Мы одновременно замахали руками, а потом оба улыбнулись.

– Я подумаю, чем могу помочь вам, – выговорила она. – Подождите минутку.

Экран мигнул и погас. Затем передо мной замелькала рекламная заставка с перечнем специальных товаров, выставленных на продажу в хозяйственном магазине Энди. Рекламу прервал монотонный сигнал соединения, и металлический голос сказал:

– Это только односторонний визуальный сигнал.

А с тусклого экрана мужской голос, довольно высокий и нетерпеливый, произнес:

– Да?

– У меня сообщение для мистера Харриса, – произнес я.

– Харрис слушает вас. Кто это?

Я молча смотрел на пустой экран. Что я мог сказать? У нас есть об- щий друг по имени Комус, которого я видел во сне? Я чувствовал, как его невидимый взгляд скользит по моему лицу, и коже на моей физи- ономии стало щекотно, как будто муха ползала по ней. Было странно стоять почти лицом к лицу с кем-то, кто сделал решительный шаг в сторону борьбы с Комусом. Неприятель? Он говорил как обычный че- ловек. Но позади него маячила вся подпольная структура повстанцев, людей, которые доверили им свои жизни. Может быть, они и ошиба- ются, но это их убеждение.

– Я только что немного поспорил с вашими друзьями. Может быть, вы скажете мне, что должен сделать человек, чтобы получить разре- шение на работу в Сан-Андреасе.

Тишина.

– А как вы узнали мое имя?

– Я убедил одного из ваших парней, – проговорил я. – Уговорить его было нелегко. Снова наступила тишина. Внезапно Харрис рассмеялся.

– Я уверен, что это действительно было так. Хм, вам нужно разре- шение на постановку спектакля?

От неожиданности я моргнул.

– Я еще не упоминал об этом.

Харрис снова рассмеялся.

– В этом нет необходимости. Мы наблюдали за вами. Мы все га- дали, что вы предпримете. Тот человек, что был до вас, повел себя не- правильно. Суонн... Ведь так его звали, не так ли? Мы благосклонно относимся к таким людям, как вы.

– Подождите, – сказал я. – Все, что я хочу – это показать одну пьесу в Сан-Андреасе и ничего более.

Судя по голосу, Харрис усмехнулся.

– Конечно. И вам нужно разрешение. Ну что ж, обсудим цену. Нельзя получить что-то даром, вы же понимаете. Подождите минутку, мистер Рохан. Я вернусь.

Я ждал ответа. Я смотрел на мерцающую поверхность экрана, пока перед глазами не поплыли светящиеся точки. Я смотрел на смутные очертания своей головы в отражении. Через некоторое время я при-

открыл дверь и попытался выгнать муху из кабинки. Не получилось. Когда аппарат снова заговорил, я вздрогнул.

– Мистер Рохан? Вы сможете подойти к черному входу медицинского корпуса через пятнадцать минут?

– Конечно, если только все будет зависеть от меня, – ответил я с некоторой горечью. – Не так давно в этом городе со мной произошла небольшая неприятность, в которую мне снова не хочется попасть. Может быть, вы слышали об этом? – проговорил я с небольшой долей сарказма.

Он хмыкнул с некоторым превосходством так, когда проявляют самодовольство. Я решил, что он мне не нравится, при этом я подумал, что он будет казаться менее самодовольным после того, как увидит свой отряд головорезов.

Он процедил:

– Это было своего рода испытание. Не беспокойтесь. На этот раз у вас не будет никаких проблем. Медицинский корпус находится прямо через площадь. И приходите один, мистер Рохан.

Он молчал, пока я переваривал его слова, и он небрежно добавил:

– Вы хорошо меня поняли?

Я подумал, что это порог. Как только я перешагну через него, то попрошусь на еще большие неприятности. Хочу ли я продолжить? Полу Суонну не удалось достичь цели. Хочу ли я этой встречи? Но теперь мне нужно идти до конца. Мало-помалу, подталкиваемый угрозами, обстоятельствами и смутными воспоминаниями о сне, я зашел слишком далеко, чтобы теперь отступать.

– Да, – пробормотал я пустому экрану. – Я приду.

Глава 9

ЗАДНИЙ БОРТ нашего грузовичка с аппаратурой удалялся вниз по улице и пересекал тени дубов в ярком утреннем солнце. Гатри спокойно вел машину. Он сказал, что чувствует себя хорошо и добавил, что вернется за мной в полдень, и что не одобряет ничего из того, что я делаю. Я и не ожидал от него одобрения. Потребовалась масса аргументов, чтобы убедить его вообще уйти. Я оказался в ловушке, и мы оба это понимали. Ловушка размером с Калифорнию, конечно, но все же ловушка. Я не мог выбраться. Мне ничего не оставалось, кроме как идти вперед.

По дороге в медицинский корпус меня ждали два небольших сюрприза. Один из них – доска объявлений перед отелем «Сан-Андреас».

Я даже вздрогнул, увидев разнообразие интересов горожан. Между объявлением о продаже скота и объявлением о свободных местах в детском саду был приколот листок, на котором от руки написано, что Комитет Свободы призывает всех жертвовать партизанам Колдс-принга продовольствие, боеприпасы и средства первой помощи. Зловещая сноска добавляла: «На прошлой неделе на северо-востоке снова обострилось противостояние. Наши ополченцы сражаются за всех нас. Чем ты помог им?»

Кроме того, майор Андреас (без сомнения, псевдоним) приказал всем местным партизанам держать оружие наготове до особого распоряжения. Кто-то нацарапал под этим кратким комментарием: «майор А. – чертов дурак».

Пересекая площадь, я улыбнулся про себя и увидел вдалеке второй сюрприз. Не смотря, на то, что пешеходов все еще было немного, улицы выглядели довольно оживленными. И среди голов мелькнули знакомые кукурузно-шелковые локоны, выбившиеся из-под шляпки. Конечно, я мог ошибиться, но был почти уверен, что это Кресси. Казалось маловероятным, что две женщины в районе Сан-Андреаса имели бы именно этот бледно-желтый оттенок волос и одинаковую прическу. Я подумал, что нужно будет позже, когда вернусь в лагерь, задать ей несколько вопросов. Кресси нечего было делать в Сан-Андреасе.

Плоская белая дверь запасного выхода медицинского корпуса оказалась заперта. Я вежливо постучал. Через минуту щелкнул замок, и высокий нетерпеливый голос Харриса произнес:

– Входите, входите, – как будто я заставил его ждать.

Я вошел, и, пройдя три шага в темноту, остановился, моргая, когда дверь за мной закрылась.

– Мне придется на некоторое время завязать вам глаза, Рохан, – проговорил Харрис из темноты. – Прошу извинить меня.

Рука невидимо коснулась моей щеки, прижимая что-то липкое и холодное к глазам. Твердые пальцы закрепили это на моих веках.

– Хорошо, – произнес Харрис. – Сопровождайте, – приказал он кому-то.

Опираясь на чью-то руку и спотыкаясь, я пошел вперед. Дверь громко скрипнула, и Харрис вымолвил:

– Это лифт. Входим.

Мои ноги вжало в пол. Воздух тяжело зашумел в шахте, и лифт остановился с такой внезапностью, что я пошатнулся. Дверь снова со скрипом отворилась.

– Идем, – сказал Харрис.

По ощущениям, в комнате находилось несколько человек. Я чувствовал ритм их дыхания, и слышал, как скрипят стулья. Кто-то кашлянул, прочищая горло. Я чувствовал на себе их взгляды. Я ощутил запахи дезинфицирующего средства, табака, свежевыглаженного чистого белья и едва уловимый цветочный аромат, перекрывающий все остальные.

– Протяните руку, – приказал Харрис. – Вот стул. Садитесь, если хотите. У нас есть к вам несколько вопросов.

Я слегка пододвинул ногой стул и грузно сел в него. Избитое тело болело, и приятно было присесть. Было странно сидеть здесь в полной темноте, чувствуя на себе взгляды Комитета Свободы. Потому что именно такими они и должны быть – невидимыми и всевидящими. Мелодрама казалась правдоподобной, учитывая обстоятельства.

– Во-первых, я хочу сказать, что мы рады видеть вас здесь, мистер Рохан. Мы надеялись, что Суонн справится, но у него не хватило мужества. Вы прошли через бой и узнали, с кем имеете дело. Мы поняли, что силы духа вам не занимать, впрочем, как и находчивости. Нам нужен кто-то вроде вас, с разрешением Комуса на передвижение по всем штатам. Мы надеемся, что вы будете работать с нами. Если вы этого не сделаете, – он сделал паузу, – вы не будете работать вообще. Комус по-прежнему контролирует все дороги, но Комитеты Свободы почти полностью контролируют все остальное. В случае отказа, у вас нет шанса организовать шоу по всей Калифорнии.

– Что вы предлагаете? – осторожно спросил я.

– Вы всецело преданы идеям Комуса? – прямо обратился Харрис. – Или вы согласны работать с нами?

Я колебался лишь мгновение.

– Я сделаю все, что нужно, чтобы поставить пьесу.

– Вы готовы сотрудничать с Комитетом Свободы? Подумайте хорошенько, Рохан. Это может означать неприятности для вас, если вдруг мы проиграем Комусу, когда начнется настоящая война.

– Все зависит от того, что я должен буду сделать.

– Несколько небольших заданий. Мы и сами еще не уверены.

Его голос звучал уклончиво. Жаль, что не было видно его лица.

– Кто-то, обладающий свободой передвижения по дорогам, может быть нам очень полезен. Прежде чем я перейду к деталям, мы ожидаем, что вы ответите на некоторые вопросы о себе исчерпывающе и откровенно... – он поколебался.

– Не вижу в этом ничего плохого.

– ... даже на детекторе лжи? – уточнил Харрис.

Я с трудом сглотнул. *Вот оно*, подумал я. *Я перешел границу. Я не могу сейчас отступить. Но я не могу идти вперед.* И я вспомнил, как отряды Комуса, высаживавшиеся для рейдов в этих горных районах, иногда исчезали совсем, и никто и никогда их не найдет. Если я скажу «да», мне придется говорить правду, а правда может означать только гибель для всей труппы. Но если я скажу «нет», то вряд ли выйду живым из этой комнаты. В любом случае, я – в ловушке.

В комнате воцарилась полная тишина.

– А почему бы и нет? – выдал я из себя.

В темноте послышался тихий вздох. С трех сторон заскрипели стулья, слышались быстрые шаги по полу. Теперь они знали, что им делать.

– Хорошо, – сказал новый голос.

Это было контральто, теплое и уверенное. Женщина? Я так и думал, но пока не был в этом уверен.

– Встаньте, мистер Рохан. Снимите рубашку, пожалуйста. Хорошо. А теперь протяните руки...

Я почувствовал, как гладкие, холодные провода детектора лжи начали опутывать мое тело. Я чувствовал маленькие подушечки и шипы на своих ладонях, датчики плотно прилегали к моим вискам, где пульсировали артерии. Кто-то туго затянул нагрудный ремень. Я достаточно часто видел эту процедуру в кино. Я мог представить себе сложные циферблаты где-то рядом со мной, самописцы, дрожащие, чтобы зафиксировать все внутренние процессы, посредством которых пот и кровяное давление говорят громче слов.

По моей щеке пробежал прохладный ветерок. Должно быть, кто-то открыл окно. Что-то щелкнуло, и где-то рядом послышался ровный шум бездушного аппарата.

– Ваше имя, пожалуйста. – Я снова услышал женский голос.

– Говард Рохан.

– Ваш возраст?

– Тридцать пять. – Несколько голосов засмеялись одновременно. – Хорошо, – пробормотал я. – Сорок.

– Вы знаете, как называется этот город?

Я делал все, что мне говорили. Я назвал дату и день недели. Они прогнали меня по списку обычных нейтральных вопросов, которые создают базу, чтобы перейти к главному. Затем...

– У вас есть действительное разрешение Комуса на передвижение?

– Да.

– Но вы сами не имеете никакого отношения к Комусу. Это правда?

Я подождал немного. Каверзный вопрос. У меня не было выбора. Я понял, что у меня никогда не было выбора, с тех пор как автобус с жнецами остановился на контрольной станции, и человек в красном пальто вызвал меня... Все, что произошло, двигало меня прямо к этому... Может быть, я шел к этому с самого своего рождения...

— Нет, — ответил я. — Это неправда. Меня нанял для этой работы Теодор Най. Комус набрал актеров, написал пьесу и наметил маршрут.

Мне доставляло дикое удовольствие нагромождать улики друг на друга. Мне хотелось говорить и говорить:

— Есть человек в штатском из Комуса, который работает звукооператором для нашей труппы. Насколько мне известно, он находится в прямом контакте с Наем. И вы понимаете все это так же хорошо, как и я...

Я сидел в мертвой тишине. В комнате будто стало совершенно пусто. Ни один стул не скрипнул. Казалось, ни один человек не дышит. У меня был горький привкус во рту, и мир вокруг меня снова стал абстрактным, люди заводными, все звуки бессмысленными, все движения бесцельными. Теперь мне было все равно, что со мной будет. Мне было все равно, что случится с Гатри и труппой. Я сидел и просто ждал.

Контральто заговорило в тишине, совершенно спокойно.

— Почему вы прибыли именно в Калифорнию, мистер Рохан? Какова была цель Ная в организации тура?

В ушах у меня стоял гул, который мог мне только казаться, но скорее всего виной было подпрыгнувшее кровяное давление. Не знаю, чего я ожидал. Быть застреленным прямо сейчас? Чтобы меня вывезли из города по железной дороге, как стукача? Я отрешился от всего и был почти спокоен

— И это все, что вы можете спросить? — Я услышал свой собственный голос. — А вы не собираетесь спросить...

— Отвечайте на вопрос, Рохан, — произнес спокойный контральто.

— Тогда повторите вопрос.

Она так и сделала.

— Цель Ная? — эхом отозвался я. — Я не знаю. Поверьте мне, я правда не знаю.

Затем я немного рассмеялся, потому, что, по крайней мере, теперь они должны были поверить мне. Тихое жужжание у моего локтя свидетельствовало об истине.

— Най сказал, что постановка пьесы — это отвлекающий маневр, часть большого плана. Это все, что я знаю.

— Он упоминал об Анти-Коме?

— Да. Но не в связи с труппой.

— И что же он вам рассказал?

Я думал. Невидимые люди вокруг молча ждали.

— Какая-то организация, — ответил я. — Достаточно большая, чтобы противостоять Комусу, возможно. Я в это не верю. Она быстро набирает силу, но она еще полностью не сформировалась, и Тед Най ... — я заколебался, так как был подключен к полиграфу. — Он чувствует давление. По-моему, если президент умрет до того, как закончится противостояние в Калифорнии, Най победит. Если он не уничтожит организацию вовремя, то, возможно, победите вы, повстанцы. Я не знаю. Это неопределенность. Вот все, что я могу вам сказать.

Тишина. Затем ровное контральто произнесло:

— Вы будете работать с нами и держать все в тайне?

Я отвечал своей экзаменаторше медленно и осторожно, взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его. Жужжание прибора должно было подтвердить все, что я сказал.

— Да, я буду работать с вами. Пока это не мешает моей настоящей работе, я буду. Но я не шпион и не собираюсь играть в шпионов. Я всего лишь актер. Я не буду... гм-м, скакать галопом на белом коне, крича, что я спаситель мира. Я не могу рисковать. Но я буду держать рот на замке, пока вы помогаете мне делать мою работу. У меня нет другого выбора. Только не требуйте от меня слишком многого. Не давите на меня слишком сильно.

Они сидели и размышляли, может быть, наблюдая, как дрожат иглы самописца. Затем заговорил Харрис:

— Это справедливо, мистер Рохан, — сказал он. — Сейчас...

В диалог вмешалось контральто:

— Я думаю, — произнесло оно, — что теперь мы можем снять с него маску.

Послышался шквал протестующих голосов. Но контральто настаивало на своем:

— Я думаю, он должен видеть наши лица. Он должен знать, что мы ему доверяем.

Наступило короткое молчание, в котором мне показалось, что я слышу невысказанный диалог, разгоревшийся между невидимыми собеседниками. Потом прохладная рука прикоснулась к щеке и осторожно сняла с глаз липкую повязку. Первое, что я увидел, было склонившееся надо мной лицо девушки и ее черные глаза.

Она была одета в белый медицинский халат, застегнутый на все пуговицы и плотно облегающий ее полную грудь и узкую талию. У нее было загорелое лицо с правильными чертами, а темные волосы были гладко зачесаны назад и заплетены в корону из косичек так туго, что

казалось, будто кожа лица ее разгладилась, а черные глаза выглядят раскосыми.

Ее голос звучал спокойно и сдержанно. Но черные глаза, наблюдавшие за мной, подсказывали, чтобы я не смотрел так откровенно на нее. Я отвел взгляд. Я больше не хотел отдаваться чувствам. Я уже подавлял в себе все чувства к Кресси Келлог и подавил реакцию на эту девушку. У меня и так достаточно неприятностей.

У Харриса было круглое лицо, круглые очки и залысины. Рядом с ним стоял мужчина с орлиным лицом в вязаном коричневом свитере с дыркой на рукаве. Свитер был из изумительной коричневой шерсти, какой-то домашний. Еще два безликих члена Комитета Свободы расположились рядом. Я посмотрел на них с разочарованием. Не знаю, чего я ожидал. Бородатых анархистов? Тощих кожаных пролетариев с кремневыми ружьями? Впрочем, я и сам не слишком похож на бунтаря, и с тех пор, как я это осознал, я стал таким же революционером, как и все они. Или это был не я? А я и не знал.

Я оглядел себя и увидел через еще не снятые провода с датчиками свои собственные ссадины и синяки на теле, и был даже немного удивлен их количеством. Я посмотрел на стол рядом со мной с расположенным на нем детектором лжи, с его набором циферблатов и дрожащими иглами самописцев. Что-то во мне тронуло далекую струну памяти, и я снова взглянул на женщину, чувствуя, как и в ней промелькнула искорка узнавания.

– Я видел вас раньше? – спросил я.

– Это доктор Элейн Томас, – ответил мне Харрис. – Вы и меня знаете. Остальные ... – Он назвал мне их имена, и я тут же забыл их.

Я все еще смотрел на девушку. Слабо, очень слабо мне показалось, что я снова вижу огненные буквы, кружащие и падающие в бездну.

– Мне кажется, я знаю кое-кого, кто очень похожего на вас, – высказался я. – Врач из отделения психоанализа Комуса в Нью-Йорке. Кажется, пару дней назад он отказался дать мне выпивку. Вы родственники?

Девушка бросила на меня быстрый и встревоженный взгляд.

– Мой брат, – коротко проговорила она.

В комнате повисло неловкое молчание, как будто я сказал какую-то бестактность. Девушка быстро продолжила, как будто хотела сменить тему разговора:

– Мы хотим, чтобы вы знали, что можете доверять нам. Теперь вы знаете наши имена и лица. Вы можете сдать нас полиции.

Я молча кивнул.

– Не буду... во всяком случае, не сейчас. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Харрис откашлялся.

– Мы предоставим вам возможность выступить со своей пьесой раз или два, просто чтобы посмотреть, как вы справляетесь с режиссурой, и какое действие она произведет на зрителей. Для начала, знаете ли вы, как управлять автомобилем?

– Да, – подтвердил я. – Но...

– Мы позаботимся о том, чтобы вы угнали его у патруля, – спокойно продолжил Харрис. – После того, как вы украдете собственность Комуса, мы сможем говорить о доверии к вам.

Я глубоко вздохнул и посмотрел, какотреагируют стрелки самописца.

– И это все?

– О нет, – быстро ответил Харрис. – Это всего лишь вопрос вашей лояльности.

– Этого хватит, чтобы я получил постоянное разрешение на постановку спектакля? – я подумал, что их требования на этом закончатся.

– Мы еще окончательно не решили. Вы внимательно изучили текст пьесы, ее суть?

– Нет, – пробормотал я.

– Я бы и сам хотел изучить текст, – сообщил мужчина в коричневом свитере. – Если там скрыто не очень тонкое или новое, я, вероятно, смогу что-то заметить. Мы должны все хорошенько обдумать, прежде чем вы начнете свои представления. – Он встретился со мной взглядом, слегка нахмурился и добавил: – Вы уклонились от одного ответа, когда мы задали вам вопрос, Рохан. Прежде чем мы отключим полиграф, можете ли вы пообещать, что не будете работать против нас и использовать во вред нам все, что вы здесь узнали? Отвечайте прямо. Да или нет?

Я ответил ему хмурым взглядом.

– Откуда мне знать, что произойдет после этого допроса? – спросил я. – А что мне делать, если люди из Комуса тоже захотят испытать меня на детекторе лжи? Все это довольно сильно меня нервнрует, и мне это не нравится. Я не преследую те же цели, что и вы. Или вы хотите от меня услышать, что я готов умереть мученической смертью за ваши убеждения?

Он пристально посмотрел мне в лицо.

– Некоторые люди на твоём месте клянутся в верности, Рохан, – мягко сказал он. – Даже если они знают, что в будущем не смогут сдержать свое слово.

– Только не я, – буркнул я.

Он посмотрел на прыгающие стрелки самописцев.

– Мы хотим только одного, – резюмировал он, – свободных выборов. наших собственных выборов нашего правительства. Как вы считаете, мы заслужили это право?

Я пожал плечами под холодными датчиками полиграфа.

– Вы рассуждаете, как выпускник Института Джефферсона. Но история показывает, что в любой ситуации лучше подходить к ней с прагматической точки зрения Гамильтона, к чему склоняюсь и я. Он такой же хороший американец и гораздо более реалистичен. Он верил в пожизненного президента и Конгресс, что мы имеем сейчас. И я не уверен, что мне понравится ваше новое правительство. При любом правительстве человек, у которого есть необходимое, достигнет своей цели. Остальные, ну, они не так уж много значат при любой системе. Вот как я к этому отношусь. – Я посмотрел на неподвижные циферблаты прибора. – Вы хотели знать правду. Я сказал, что думал. Теперь вы знаете, что я могу и что не смогу для вас сделать. Я бы солгал, если бы мог. Но я должен добиться выдачи разрешения на свою работу. Пока она не сделана, я вынужден сотрудничать с вами, а потом я сам по себе.

В комнате повисло тяжелое молчание.

– Для начала, Рохан, вы должны захватить машину патруля, и мы будем знать, что сможем вам доверять. Во всяком случае, до определенного момента, пока не знаем, до какого. А сейчас можете готовить спектакль к постановке.

Я внимательно посмотрел каждому из присутствующих в глаза.

– Я так и поступлю. Просто я до конца не понимаю, чем вызвано ваше пристальное внимание к простому спектаклю. Мне думается, что в этом скрыто нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Много из того, что происходит, просто ускользает от меня. Кто-нибудь хочет мне все объяснить?

Я снова пристально посмотрел на собравшихся. Все молчали. Я вздохнул.

– Хорошо. Сегодня вторник. С вашего позволения, премьера состоится в городе, на углу главной улицы и площади, в субботу вечером. А теперь прошу освободить меня от датчиков, хорошо? До субботы у меня дел невпроворот.

Глава 10

Я СИДЕЛ на дорожном ограждении рядом с широким черным шоссе, смотрел на проезжающие мимо грузовики и ждал Гатри. В перерывах между проездом машин становилось очень тихо. Ветер был наполнен мягким сладким ароматом, и солнце подбиралось к зениту в безоблачном небе, полдень почти наступил. Высоко в небе кружила белая чайка, и я с некоторым удивлением вспомнил, что за горами простирался бескрайний синий океан, который, казалось, дышал полной грудью.

Я жевал желтую головку дикой горчицы, наслаждаясь едким жгучим вкусом, и гадал, что станет с Говардом Роханом. Я подумал о выразительном, выжидающем взгляде молодой докторши, которая испытывала меня на детекторе лжи, и представил, как изгибается от наслаждения ее тело с тонкой талией в моих руках. Я подумал о Кресси. Незаметно за последние полчаса мир вокруг меня вновь стал реальным. Солнечный свет был ослепительно ярким. Я, день и весь мир были живы. Это упадок духа отступил только для того, чтобы потом вернуться. Он придет снова. И теперь, когда ум не был полностью сосредоточен на чем-то конкретном, желание выпить виски заполняло всего меня, чтобы отстраниться от мира и достичь духовного утешения, которое может дать только безразличие. Но сейчас мир был реальным, и мне было очень жаль.

А как насчет Говарда Рохана? А как насчет сна, к которому я относился как к реальности? А мятежники? Как быть с ними? Я мог бы подыграть. Может быть, я доложу Теду Наю, когда узнаю о них достаточно. Что-то подсказывало мне, что лучше пока не ставить его в известность, пока у меня не будет полной информации. Сейчас мне необходимо было придерживаться нейтральной линии, желательно не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону. Может быть, я свел на нет весь театральный проект Ная в Калифорнии, слишком много рассказывая о нем мимолетным знакомым? Я сомневаюсь. Никто особенно не удивился моей миссии.

Я подумал об огромном и неподвижном Комусе, который жужжал потоками информации в проводах, крепко связывающих нацию. Любопытно было осознавать, что вокруг меня, где-то в горах, наблюдая за мной с высоты птичьего полета, были люди, которые взяли за оружие впервые за целое поколение. Люди, которые были готовы в любой момент пойти до конца, погибнуть или выстоять, как бы судьба не повернулась. Это казалось диким, нереальным и в каком-то смысле романтическим, как в кино. Здесь, под всевидящим оком Комуса, жизнь

не такая. Люди умирают от старости, несчастных случаев или болезней. Только не в бою.

Это заставило меня внутренне содрогнуться. И все же мне это было по душе. Я чувствовал себя свежим и бодрым по-новому. Мир приобрел более четкие цвета, более сладкие запахи и более чистые звуки, чем прежде. От ощущения неминуемых потрясений в воздухе все напрядлось, и я почувствовал, что мне нравится новизна происходящего.

Я задумался... И удивился... *Перестань думать, Рохан.* Я посмотрел в головокружительную голубизну неба. Мой разум еще несколько мгновений метался, а затем вернулся, как всегда, к Миранде. Беспокойный призрак, который никогда не покинет меня, потому что я чувствовал себя виновным в ее смерти. Из-за того, что я сделал или не сделал. Я об этом никогда не узнаю. Невеселые мысли навалились на меня большими, бесформенными пластами. *Миранда, где бы ты ни была ... если бы ты...*

Пустота внутри, сладкий ласковый ветер и воспоминания о Миранде. Моя душа будто бы отделилась от тела и смотрела на меня сверху вместе с чайкой, балансирующей в бездонном небе над океаном. Лениво в моих мыслях проплывали планы насчет спектакля. Репетиции. Могучее спокойствие секвойи. Лицо Кресси Келлог. Время от времени мимо с грохотом проезжал грузовик. Иногда водители махали мне руками. Иногда я махал в ответ.

* * *

ГАТРИ ПРИЕХАЛ с большим опозданием. Он рассказал, что один из огромных грузовиков с салатом перевернулся и загорелся на дороге прямо перед рощей, где расположился наш лагерь. Труппе пришлось подскочить и вытащить водителя, прежде чем машина взорвалась. Все очень волновались.

– Может быть, мы получим от этого какую-нибудь местную рекламу, – пробормотал я, устраиваясь на сидении и потирая ушибленный бок в драке. Вспомнил, как доктор промыл мои ссадины бактерицидным раствором и дал несколько обезболивающих таблеток.

– В субботу мы ставим пьесу в Сан-Андреасе, – сообщил я Гатри. Он бросил на меня острый взгляд.

– Так. Как вам это удалось?

– Просто переговорил с нужными людьми. Суонн выбрал неверный подход к делу.

– Мистер Най может потребовать отчета о том, как вы это сделали, – сказал Гатри. И с некоторым запозданием он добавил: – Хорошая работа, мистер Рохан.

Я кивнул ему.

– Странно одно, – задумался я. – Мне показалось, что я видел сегодня в городе нашу актрису Кресси. Что ты можешь рассказать о ней?

– Ничего особенного.

– Я просто был удивлен, почему она бродит по городу, когда должна заниматься делом в лагере.

Гатри посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но осекся.

– Она славная девушка, мистер Рохан, – сказал он наконец довольно напряженным голосом. – Очень милая девушка. Она нам всем нравится.

– Рад это слышать, – заявил я. – Но...

– Если она была в городе, значит у нее были на то веские причины, – объяснил мне Гатри все так же сухо. – Она очень милая девушка. Надеюсь, вы не ... – он замолчал.

Я посмотрел на него и рассмеялся.

– Милые девушки в полной безопасности рядом с Роханом, – констатировал я. – Почему ты думаешь, что я ставлю *droit du seigneur** выше своих актеров?

– Что? – спросил он.

Я снова рассмеялся, слегка покраснел и посмотрел прямо перед собой.

– Она очень хорошая девушка, – упрямо повторил он, как будто я в этом сомневался.

* * *

ПЕРЕВЕРНУТАЯ МАШИНА лежала поперек двух полос шоссе прямо перед лагерем, все еще дымясь. Дорогу устилали листья салата, и мрачные люди собирали их и грузили в два небольших грузовика. Я хотел спросить, не было ли это диверсией со стороны повстанцев, но никто из них не оказался разговорчивым. Для рабочих это, видимо, не имело большого значения.

Рой Копли склонился над своим экземпляром сценария, разложенным на одном из столов. Он поднял голову и нахмурился, демонстративно потирая забинтованную руку. Я ответил ему тем же. Он мне не очень нравился, но он идеально подходил для роли подростка. У него была приятная внешность, которая надолго сохраняет иллюзию молодости. Возможно, у него был такой характер. По его лицу и движениям чувствовалось, что он никогда не принимал на себя ответственность за взрослые решения.

* Закон Господа (фр.) (прим. перев.)

Полли склонила свою блестящую рыжую голову над собранным салатом, который она мыла под краном. Она стряхнула воду с листьев в мою сторону, не особо заботясь о том, что часть попадет на меня. Она выглядела изможденной в зеленоватом свете под деревьями. Мне пришло в голову, что Рой на самом деле не так уж и моложе своей жены, как мне показалось вначале. Она просто состарилась раньше. Ее черты лица это выдавали. Для актрисы – это серьезная проблема. Я понимал причину, по которой она выглядела недовольной большую часть времени. Она не должна была мне нравиться, но я думал, что смогу понять ее. Во всяком случае, отчасти.

– Вы выглядите ужасно, – заметила она с издевкой.

– Зато прекрасно себя чувствую, – рыкнул я. – Мы выступаем в Сан-Андреасе в субботу.

– Вы уверены? – недоверчиво проговорила она со сварливой интонацией. – По-моему, вы выглядите не очень хорошо для спектакля.

– Ради бога, зачем мне тебе врать? – спросил я. – У нас три дня, чтобы осилить трехнедельную работу, так что я хочу начать репетицию примерно через полчаса. Где Кресси?

Полли указала на реку.

– Ушла купаться.

Гатри с некоторой тревогой наблюдал, как я пересекаю поляну и направляюсь к реке, но ничего не сказал. Я начал спускаться с холма, сжав челюсти и настроившись на неприятный разговор. Я очень изменился со вчерашнего дня. Или с сегодняшнего утра. Я не мог сказать, в какую сторону, но разница ощущалась внутри. Я хотел проверить свои собственные реакции. Мне хотелось уличить Кресси. Я хотел поговорить с ней. Может быть, я чувствовал, что призраков прошлого можно изгнать.

Крутая тропинка по пути к реке изгибалась то в одну, то в другую сторону. Я с удивлением обнаружил, что насвистываю... *Пусть все тучи ... и печали рассеются прочь... Прекрасная мечтательница, пробудись ото сна.*

В пыли были видны аккуратные, рассеченные следы от копыт оленей. Бурундук, пронесшийся по тропинке, остановился на мгновение, чтобы бросить на меня быстрый взгляд на одном из поворотов. Он с недовольством засвистел на меня, и его крохотная грудка конвульсивно вздымалась при каждом издаваемом звуке. *Словно бунтарь, бросающий вызов Комусу*, подумал я. А может, и нет. Это зависело от Анти-Кома или от того, как далеко он готов пойти.

Я услышал плеск воды и увидел сквозь деревья ровную поверхность воды, где река расширялась. Я негромко позвал:

– Кресси, ты где?

– Я здесь, – над водой раздался звонкий голос, приглушаемый шумом леса.

Я вышел из-за деревьев на каменистый берег. Широкая заводь с полупрозрачной водой в тени казалась зеленой, по ее поверхности нервно пробегала рябь. Кресси стояла или сидела по плечи в воде. Ее блестящие волосы были завязаны узлом на затылке, и казалось, что под водой нет тела, только отражение той же головы и плеч, перевернутых вверх ногами, как у дамы на игральных картах.

Я заставил себя посмотреть ей прямо в глаза. *Бледная копия Миранды*, подумал я. *Жизнерадостная молодая девушка, которая живет своей жизнью и решает свои проблемы*. Ко мне это не имеет никакого отношения. Просто сырье, из которого я должен слепить образ и использовать его в пьесе. Я мог смотреть на нее и не чувствовать себя так, будто изменяю Миранде. Если уж на то пошло, Кресси только отдаленно напоминала мне ее.

– Что ты делала сегодня в городе? – прямо спросил я.

– Разве это не мое дело...? – начала она, будто оправдываясь.

– Черт возьми, ответь мне! – настойчиво повторил я. – Зачем тебе надо было в город?

Она слегка покраснела и беспокойно зашевелилась в воде. Рябь, пошедшая от ее движений, рассеивала перевернутые отражения.

– Эта работа много значит для меня, мистер Рохан, – с достоинством произнесла она. – Так бывает со всеми актерами. Мы не хотим, чтобы нас избивала толпа, но и не хотим отказываться от спектаклей, если только это станет невозможным. С тех пор как мы сюда приехали, я ... ну, познакомилась кое с кем. Я сама хотела кое-что проверить, чтобы нам дали возможность выступить.

– Ты думала, что я не добьюсь постановки пьесы?

– Но ведь Пол Суонн не смог, – ответила она. – Откуда я знала?

– А почему труппа сама не получила разрешение на работу в городе? – спросил я. – Похоже, в Сан-Андреасе у вас нет никаких проблем. Я думал, что вы все так напуганы, что хотите самораспуститься. Что-то не сходится.

Она пожала плечами в воде, заставив свое отражение содрогнуться.

– Политика, – пробормотала она. – Политика мятежников – вот в чем беда. Вы сами убедились в этом сегодня утром. Я слышала, вы прекрасно справились со своей работой. Я не задаю никаких вопросов. Я просто знаю, что это было проблемой для вас и местных руководителей, а не для меня. Мне это совершенно ясно.

– От кого же?

Она мимолетно улыбнулась мне.

— Кое-кто из моих недавних знакомых. Не буду ходить вокруг да около. У меня было несколько свиданий с дальнобойщиком Комуса в кафе. Потом я танцевала с фермером из Сан-Андреаса, тем самым, который угостил меня сегодня ланчем. Да, я слышу вокруг себя много пересудов. Но пока я вожу дружбу с местными ребятами, я в безопасности. Но подняться на сцену без разрешения — это уже совсем другое дело. Конечно, мы испугались. Мы имели на это право.

— А теперь ты боишься?

— Я слышала, что вы договорились с нужными людьми. Теперь все в порядке.

— Ты могла бы рассказать об этом Полли, — заметил я. — Она в этом не уверена.

— Полли, — повторила она с деликатной неопределенностью и поджала губы.

Это напомнило мне о некоторой напряженности в труппе. Я пнул ногой камешек в воду и нахмурился.

— Я не хочу никаких неприятностей в актерском составе. Отныне ты держишься подальше от Роя Копли. Договорились?

Она посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Я серьезно, — произнес я. — Ты можешь стать центром неприятностей в этой труппе, а я не могу этого допустить. Я не желаю, чтобы Полли когда-нибудь плеснула тебе в лицо горячий кофе, когда поймает тебя с Роем. Ты даже заставила Гатри волноваться, что я буду приставать к тебе. Ты общаешься со своими фермерами и дальнобойщиками, и мы все прекрасно поладим.

В ее глазах вспыхнул огонек, который исчез почти мгновенно, как ветерок, пробежавший по воде.

— Мы поладим. У нас все очень хорошо, правда. Мы можем вас удивить.

Я смерил ее оценивающим взглядом.

— Чем ты занималась до того, как стала актрисой? — поинтересовался я. — Откуда родом?

— Чикаго. Я много играла на бирже, и это все. Может быть, надо через многие трудности пройти, чтобы понять, чего действительно хочешь. Для меня это — рабочая карточка для Голливуда. Без нее у меня нет шансов. Я поставила все на это. Пока что безрезультатно. — Она улыбнулась мне. — Когда Комус предложил мне эту роль, взамен я попросила голливудскую карточку, и они мне ее пообещали. Если эти гастроли состоятся.

— Мы их проведем, — машинально вымолвил я.

Она бросила на меня ясный, полный надежды сценический взгляд. Я почти физически ощутил, как в ее голове пронеслась мысль о моем блистательном прошлом, и, чем черт не шутит, вдруг меня впереди ожидает такая же судьба, и я стану снова знаменитым. Она была бы счастлива подыграть мне настолько, насколько я захотел бы, но только с выгодой для себя.

Я задумчиво посмотрел на нее.

– Кресси, я хочу задать тебе один вопрос. На тебе есть купальник?

Она серьезно посмотрела мне в глаза. По ее лицу мимолетно пробежала легкая тень веселья. Она покачала головой.

Я молча кивнул.

– Так я и думал.

Я стоял и смотрел на ее лицо, на гладкие мокрые плечи, на их отражение в воде. Журчащая тишина секвойи и реки сомкнула нас вместе. Я стоял на берегу и смотрел на нее. Половина моего сознания чувствовала себя такой же жизнерадостной, как воздушный шар. Но другая половина не принадлежала мне. И пока я сплю каждую ночь и просыпаюсь каждое утро рядом с Мирандой, как я могу позволить себе думать о Кресси или о ком-то еще?

После долгой паузы она произнесла:

– Что?

Я отрицательно покачал головой.

– Репетиция начнется минут через двадцать. У нас еще много работы. Тебе лучше поторопиться. Мы будем ждать тебя.

И я отвернулся.

Глава 11

СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ косо пробивались сквозь кроны деревьев, когда мы начали планировать шоу среди гигантских стволов секвойи. По пыльному ковру из сосновых иголок мы проходили по городской улице. Гатри измерил форму и длину трибун, на которых будут сидеть зрители. Они перекрыли противоположные концы сцены. С двух других сторон – офисные здания, выстроившиеся вдоль улицы. Мы начертили на земле участки тротуара и закрепили сухие ветки вертикально, чтобы отметить двери и окна. И это была наша сцена.

Мне бы хотелось неспешного чтения сценария, когда все мы сидели бы вокруг, обсуждали пьесу, вживались в образ и знакомились поближе. Мне хотелось многого, в том числе и времени. Несмотря на то, что все мы выучили реплики во сне, самая трудная часть работы

была еще впереди, и у нас было фантастически мало времени, чтобы успеть учесть все нюансы.

Актеры меня всегда недолюбливали. Впрочем, это не имело особого значения. Я заставил себя не обращать внимания ни на что в мире, кроме работы. Я не обращал внимания на то, что время поджигает, и на то, как сильно я хочу выпить, и на то, что я позволил или не позволил сделать с собой мятежникам. Теперь ничто не имело значения, кроме постановки спектакля.

Как-то раз мы бегло прошли всю пьесу, отсекая ненужные действия и получая общее представление о сценическом образе, который каждый из актеров разработал для своей роли. Мы выяснили, где они не увязывались друг с другом. Мы узнали, как ужасно все выглядит. Поначалу всегда так бывает. Мы сталкивались друг с другом на входе, выходе и на переходах. Мы обнаружили, что у нас нет ни времени, ни пространства, чтобы сделать нужные акценты и связать все сюжетные линии воедино. Мы обнаружили большие мертвые отрезки текста, выпадающие из смысла спектакля. В какой-то момент мы все сгрудились в одном углу сцены согласно сценарию, чтобы понять смысл происходящего. Но оказалось наоборот, что все запуталось. Не похоже, чтобы кто-то на божьей земле мог сделать достойную постановку на этом сценарии и этого актерского состава.

Вдобавок ко всему остальному работа на такой сцене, как эта, с двумя трибунами зрителей по обе стороны, делала ее намного сложнее, чем казалось на первый взгляд. На обычной сцене вы выступаете лицом к зрителю, но когда аудитория расположена с двух сторон, это делает невозможной обычную игру труппы. Как вы можете обращаться к зрителям спереди и позади вас? Все, что вы можете сделать, это продолжать двигаться. Когда мы закончили последнюю сцену, я уныло сказал:

– Все плохо, перерыв десять минут, – и подошел к Гатри, посасывающему трубку у печи.

– Есть ли какая-нибудь веская причина, – спросил я, – по которой мы не сможем арендовать нормальный зал и попробовать сначала? Никто из нас не чувствует сцену, потому что мы постоянно боимся столкнуться. Даже если бы у нас было достаточно времени для репетиций, мы все равно...

– Извините, мистер Рохан. Приказ есть приказ.

– А как ты будешь оборудовать места для зрителей?

Гатри кивнул в сторону своего грузовика.

– Там. У меня есть легкие стойки и скамейки, на которых можно разместить больше людей, чем мы первоначально рассчитывали и рисовали.

– Там, внутри? – произнес я недоверчиво. – Я в это не верю.

– Подойдите и посмотрите.

Я думаю, он гордился тем, что Комус сделал для нас. Гатри встал немного неуклюже (я с некоторым чувством вины вспомнил, что сегодня в Сан-Андреасе он тоже получил долю побоев) и распахнул заднюю дверцу фургона.

Это было все равно, что заглянуть в брюхо кита. Отдельно от множества катушек с кабелями и разной звуковой аппаратуры были компактно сложены стальные балки и скамейки, так тесно прижатые друг к другу, как нерожденные детеныши грузовика. Посередине внутренней полости находилось свободное пространство размером около метра шириной и двух высотой, с одной стороны которого располагались панель управления с креслом оператора, а в конце темный телевизионный экран с различными приборами связи. Мне пришло в голову, что я, вероятно, смогу поговорить с Тедом Наем в любое время, просто войдя в грузовик и включив нужные кнопки.

А еще я подумал, что если существуют какие-либо тайные цели гастролей по Калифорнии, то некоторые ответы на них находились прямо здесь, под носом, в фургоне грузовичка. Согнувшись, я зашел в кузов. При входе я зацепился краем куртки за дверные петли и ощутил, что щеке стало щекотно. Подумав, что это насекомое, я попытался смахнуть его рукой, задев дверную петлю. Рассеянно отдернув руку, я обнаружил, что между пальцами у меня застряла прядь восхитительной коричневой шерсти. Гатри бросил на меня острый взгляд через плечо.

– Что это такое?

– Ничего, – ответил я. – Хвойная иголка. Не мог бы ты показать мне Нью-Йорк по телевизору?

Но я не слушал его ответа. Я обнаружил пучок шерсти случайно, не подозревая, какую бурю эмоций пробудит во мне эта находка. Но разум быстро взял верх. Сегодня я уже где-то видел коричневую шерсть. Потом осенило. Коричневый свитер с дыркой на манжете был на мужчине в медицинском корпусе, который задавал мне вопросы в конце испытаний на полиграфе! Он говорил о джефферсоновской политической философии. Так что, возможно, кто-то *проник* сюда и исследовал содержимое кузова. Когда же? Наверное, тогда, когда я сидел около шоссе и ждал Гатри.

Внезапно я понял, почему грузовик с салатом перевернулся и загорелся именно здесь и именно в нужное для мятежников время. Все было идеально спланировано и исполнено, чтобы увести Гатри от его грузовичка с аппаратурой, ровно настолько времени, чтобы эксперт мог изучить его секреты. Да, в медлительности их не обвинишь, этих мятежников.

Конечно, я мог заблуждаться. Слишком много я нафантазировал, основываясь только на одном клочке коричневой шерсти. Но почему-то я понимал, что не ошибся, и знал, что им теперь известно все о брюхе металлического кита. Может быть, в свое время они откроют мне и эту тайну. Они очень быстро и гибко мыслят.

— Итак, вы видите, мистер Рохан, — проговорил Гатри, — что здесь все предусмотрено. И у нас есть обнадеживающие обстоятельства для того, чтобы продолжить подготовку к спектаклю.

— Хорошо. Но мы идем слишком трудным путем, — и повернул обратно к лагерю.

Я свистнул, призывая к вниманию, и собрал актеров вокруг костра.

— Мы немного поговорим о пьесе, — объяснил я. — А потом сделаем перерыв на ужин. И до тех пор, пока мы не упадем от бессилия, мы будем репетировать. Договорились? Тогда садитесь и устраивайтесь поудобнее. Сейчас...

Я сказал им, что думаю о пьесе. К чему мы стремились в ней, как складывались и менялись настроения, где были основные конфликтные точки, и как мы их обходили. Я попросил каждого высказаться и внимательно выслушал всех. Мы поговорили о персонажах, о том, как они подходят к теме, и как они вписываются в сюжетную линию. Я искренне похвалил их за интерпретацию. Все они были хорошими, компетентными актерами с достаточным опытом, чтобы заставить меня надеяться, что труппа действительно сможет решить все проблемы к субботе.

Перед ужином, когда мы закончили обсуждение, мне показалось, что лед непонимания между нами растаял. Но ровно в ту минуту, когда работа над ошибками закончилась, тень отчуждения снова разделила нас. Актеры собрались для приготовления еды вокруг кухонной плиты, переговариваясь между собой, повернувшись ко мне спинами. Все до единого. Я пошел в ресторан и поужинал в угрюмом одиночестве, думая о пьесе и делая кое-какие заметки.

Когда мы снова собрались, уже стемнело, и костер чуть тлел и рассыпал раскаленные золотые искры. В воздухе приятно пахло древесным дымом и соснами. В слабых отблесках костра кроны деревьев склонились друг к другу, и их огромные шевелюры из листвы без-

звучно покачивались. В промежутках между ними мерцало несколько звезд. Одна из них мигала красным, синим и белым цветом в быстрой, бесконечной последовательности. Я увидел полосу Млечного Пути, о существовании которого почти забыл. Я посмотрел на мерцающую звезду. Красный, белый, синий. *Похоже на мятежную звезду*, подумалось мне.

Гатри подвесил на веревке над лагерем один яркий фонарь. Мы приступили к работе возле белой палатки, края которой беззвучно покачивались вокруг нас от легкого бриза.

Мы быстро прошлись по пьесе, держа в руках сценарий. Все, кроме меня, уже знали свои монологи, и я тоже быстро запоминал их. На этот раз это не имело значения. Каждый из нас читал свои первые несколько фраз, затем быстро бормотал что-то вроде «бла-бла-бла» до последних, четко выделяя только ключевые слова. Пьеса все еще выглядела грубой, но постепенно обретала форму. Мы уже начали понимать тонкости игры сразу для зрителей с двух сторон от сцены. Открывались возможности, о которых мы поначалу не подозревали. Все прошло довольно хорошо, учитывая обстоятельства.

Мы сделали еще один перерыв. Звезда мятежников медленно скользила по небу, и мои царапины и синяки заныли на холодном воздухе. Я позаимствовал свитер у Гатри и читал ему свои реплики.

– Хорошо, теперь давайте разберемся с самого начала. Играем одиннадцать. Под, Эйлин, вы готовы?

Одиннадцать означает акт первый, сцена первая. Эйлин Хенкен поставила чашку с кофе и быстро засемила к своему месту между двумя вертикальными ветками, воткнутыми в хвойный ковер, которые обозначали двери отеля в Сан-Андреасе. Под спокойно прошаркал за ней и сел на то, что должно было быть бордюром, изображая из себя резчика по дереву.

– Дорогой! – громко и отчетливо позвала Эйлин. – Дорогой, ты меня слышишь? Сегодня вечером со всеми в городе, похоже, ты найдешь себе занятие получше, чем сидеть здесь и строгать.

– Ну, женушка, – невозмутимо продолжал Под, – ты бы кричала гораздо громче, если бы я был ... – он взглянул на меня.

– В «Ирландской розе» в Сан-Андреасе, – подсказал я.

– Если бы я был сегодня в «Ирландской розе», – проговорил он и ждал, тщательно играя с невидимым ножом и нажимая на лезвие, чтобы заполнить паузу для смеха, который наверняка последует, учитывая местный менталитет.

Так оно и пошло.

Хорошая пьеса для своего жанра, подумал я, которая, насколько я мог судить, написана просто для чистого развлечения, учитывая реалистичность и непосредственность персонажей. С этой целью и производился самый жесткий отбор актеров для нее, по крайней мере, подобного мне не приходилось еще видеть. (Я даже немного поблагодарил Комус, который подошел к делу так ответственно с точки зрения функциональности). Все события могли происходить в самом центре любого города прямо на улице. Все действие спектакля происходило в течение нескольких часов одного вечера, и это свободно подходило к местным условиям, текущей политике, проблемам каждого жителя. Но дело было вовсе не в политике. По крайней мере, не на поверхности.

Я готов был поспорить, что многие из менее искушенных зрителей отправятся домой, убежденные, что все действительно происходило именно так, как им было показано в спектакле. Что какая-то местная девушка, в которой они узнали свою знакомую, действительно назначила свидание городскому прохвосту (мне) и серьезно поссорилась из-за этого со своим местным воздыхателем, а также бабушкой и дедушкой. Полли в роли туповатого полицейского Комуса спела песню ближе к концу пьесы, а сразу после этого мы с Роем подрались. И все это закончилось счастливым концом примерно через час игрового времени.

Монологи органично увязывались между собой, и хотя для удобства пьеса была разбита на действия и сцены, ее нужно было играть на одном дыхании, по Станиславскому. У нас, конечно, не было занавеса, и мы не могли закрыться от глаз зрителей, так что все должно было происходить именно так. Но драматург воспользовался этим недостатком и превратил его в добродетель. Это должно было произвести на зрителя такой сильный эффект, что обязательно вызовет спонтанные слезы в аудитории. Нам осталось только отполировать некоторые шероховатости.

Вы многое узнаете о людях после того, как раз или два сыграли с ними. Я с завистью подумал, когда впервые увидел их, какой компактной, сыгранной труппой они выглядели. Мне следовало бы учесть свой опыт из прошлого. Нет такого понятия, как театральная труппа без конфликтов.

Например, я не представлял, насколько сильно Рой Копли зависит от своей жены, пока не посмотрел его игру в первых сценах. В нем было много мальчишеского обаяния, и он довольно хорошо представлял себе его воздействие на других, но это качество проистекало из свежести и непринужденности человека, которому никогда в жизни не приходилось принимать решения. Полли несла весь груз ответствен-

ности за него, и в результате получился странный эффект мужчины, который не совсем был приспособлен к реальной жизни. Он был достаточно активен, дал своей роли правильную, хорошо продуманную интерпретацию, быстро освоил реплики. Но у меня никогда не было ощущения, что Рой Копли чем-то удивил меня.

Эгоистичность была основной чертой характера Эйлин Хенкен. Сильное и враждебное напряжение окружало ее все время, пока она была на сцене с другими актрисами. Я сразу понял почему. Она была самой опытной похитительницей чужих образов, которую я когда-либо видел. Ей было наплевать на остальных актеров, на пьесу, на все, что я ей говорил. Все, чего она хотела – это быть в центре внимания на сцене. Вне ее она была такой милой и кроткой старой леди, которую невозможно было представить в свете рампы сущим дьяволом.

Она знала каждый поворот сюжета, и поверьте мне, трудно превзойти другого актера, когда зрители находятся по обе стороны от вас одновременно. Актер, стоящий спиной к зрителям с одной стороны, будет обращен лицом к ним с другой. Но я знал, что через пять минут после начала спектакля Эйлин инстинктивно определит, где находятся мертвые зоны в зрительном зале, и заставит своих соперниц выглядеть в невыгодном для них свете, причем с минимальными усилиями.

Она знала, как внести неожиданные изменения в свои реплики, чтобы ответы другого актера звучали тускло. Она тонко чувствовала, как начать речь на тональности достаточно высокой, чтобы заставить другого повысить голос до пронзительного крика, если он попытается превзойти ее. Дважды она выкрадывала ключевое слово из чужой реплики и оставляла партнера додумывать свой монолог на ходу. В первый раз я подумал, что это было сделано нечаянно. Была сцена, в которой Рой подыгрывал Полли в надежде возбудить ревность наивной молодой девушки. Он забавно закатывал глаза, глядя на то, как она пришивает пуговицу на свою красную форму Комуса. Эта сцена наверняка вызвала бы смех у большинства зрителей.

Эйлин должна была спросить его, любит ли он горячий кофе. Но она невинно произнесла:

– Как вам нравится кофе?

Рой впал в ступор.

Когда его реплика не прозвучала в нужный момент, Полли, сидевшая возле меня, резко подняла голову, поняла, что произошло, и вскочила на ноги, крича:

– Черт бы тебя побрал, Эйлин Хенкен, если ты еще раз поступишь также, я... я расшибу твою музыкальную шкатулку!

Эйлин очень мягко и мило извинилась. Полли снова села и яростно ткнула иголку в отверстие пуговицы.

– Только смотри, – пробормотала она. – Я тебя предупредила.

Гатри держал наготове сценарий для подсказок, и казалось, что он уделяет слишком пристальное внимание и тратит много времени на некоторые участки текста, и только в последнюю секунду сцены подсказывал нужную фразу. Я хотел сделать ему замечание, но потом передумал. Знал, что это ни к чему не приведет. До сих пор мы не сталкивались открыто. Для актеров он был своего рода второсортным гражданином труппы, сознательно подчеркивая это. Если бы он бросил мне вызов, все бы удивились.

Я наблюдал, как Кресси грациозно репетирует сцену со своим местным ухажером (Роем), укоризненно глядя на него и приговаривая:

– Не прошло и десяти минут, как я отошла от тебя, а ты начинаешь орать, как будто я принадлежу тебе. – Она сделала паузу, словно прислушиваясь к тому, что только что сказала, затем вернулась назад и начала снова.

– Я была вне поля твоего зрения всего *десять минут*... – после этого она попыталась снова, – ты меня *не видел* лишь десять минут ... – затем она слегка погладила своего воздыхателя по плечу, очень деликатно и умиротворяюще, и посмотрела вниз на свой собственный вытянутый носок, как будто внезапно застеснялась.

Она была хороша. Она обладала тонкостью и воображением, а также той внутренней властью над сценой, которой обладают только хорошие актеры. Я вдруг почувствовал, что хочу увидеть, как она войдет в сцену, идеально подходящую для нее, и крикнул Рою, чтобы он быстрее подбирал реплики.

– Ладно, давай вернемся к тому, что ты где-то видел Сьюзен, я не могу ее найти.

Он ответил:

– Хорошо, – и все на сцене на мгновение замолчали, глядя немного рассеянно, как будто они перенеслись назад во времени примерно на полторы минуты, а затем начали сцену с «Вы видели Сьюзен?»

Было приятно смотреть, как она продолжает.

Но созерцание натолкнуло меня на некоторые мысли о прошлом. Я подумал о роли сцены театра в такой момент репетиций, когда все усердно работают против времени. Я задавался вопросом, кто нас направляет. Кто бы это ни был, я знал, что он видит наши труды. Актеры упрямо повторяли свои реплики, в то время как вокруг них поднимались декорации, звук пилы и молотка иногда заглушал их речи. Никто не обращает внимания ни на какую другую работу, кроме собствен-

ной. Может быть, световик проверял освещение, поэтому сцена была залита теплым солнечным светом, а потом затемнена с драматической внезапностью, как будто должно было произойти какое-то грандиозное событие. И из темноты невозмутимо доносились голоса актеров. Это ощущение сложных сил, работающих на результат. Все вместе: электрики и плотники, режиссер, декораторы и художники по костюмам, работа сложных механизмов сцены – я удивился, почему я не скучал по всему этому раньше.

А потом я подумал, *вот как все начиналось давным-давно, когда маленькие группы людей репетировали простые пьесы на открытом воздухе под деревьями. Время подготовило для них почву, взрастило секвойи, зажгло звезды. Надо было многое пережить*, подумал я, *чтобы подготовить пьесу на лесной поляне, где свет фонаря высвечивал сцену для нас под секвойями.* Мы забыли об окружающей действительности, сельской местности, кипящей на самой грани взрыва.

Та часть сознания, которая оставалась на страже, наблюдая за сценой, зазвенела тревожным звоночком. Я наблюдал, как Кресси и Рой стояли друг против друга, выжидаяще глядя друг на друга, приоткрыв рты и не говоря ни слова. Пока я смотрел, они оба начали глупо хихикать, склонив головы друг к другу. Кто-то забыл свою реплику. Наверное, Рой. Я понял это мгновение спустя, когда Кресси сказала вполголоса, едва сдерживаясь от смеха:

– Ты меня ни на минуту не обманешь ...

– Ты меня ни на минуту не обманешь, Сьюзен Джонс, – подхватил Рой.

И вдруг я увидел то, что было очевидным с самого начала. Я видел, по крайней мере, часть того, что с ним происходило. Я ощутил это по тому, как его глаза смотрели на нее, по тому, как его рука колебалась, прежде чем взять ее руку, а еще по тому, как его разум затуманился, когда она вышла на сцену.

Если для меня это было новостью, то для его жены это была старая история.

– Просто держи рот на замке, Кресси, – устало предупредила Полли.
– Не подсказывай ему. Он знает свое дело, если ты дашь ему хотя бы полшанса.

* * *

– **МИСТЕР РОХАН**, – раздался голос Гатри позади меня, – не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Я обернулся, и он кивнул в сторону грузовика. Это озадачило меня. Голоса на сцене смолкли, когда я встал и резко свистнул.

– Возвращайся к началу эпизода, Кресси, и пробегись по нему еще раз, – пробормотал я. – Я вернусь через минуту. Продолжайте.

Гатри открыл дверцу грузовика ровно настолько, чтобы в нее мог проскользнуть один человек.

– Кое-кто хочет вас видеть, – загадочно произнес он. – Входите же.

Теперь внутренний объем фургона казался намного больше. Это произошло потому, что в дальней стенке засветился экран, на котором я увидел знакомый кабинет Ная с движущимися фресками на стенах. Тед оторвал взгляд от своего стола и улыбнулся мне. Над ним в круглой клетке спала желтая канарейка, спрятав свою голову под крыло.

– Привет, Говард, – небрежно бросил Най. – Ну, как дела?

Я быстро и сильно встряхнулся, пытаюсь привести вселенную в порядок. И как раз вовремя я остановился, чтобы не сказать экрану телевизора: «Как ты сюда попал?»

Он рассмеялся, увидев выражение моего лица. Потом Най присмотрелся повнимательнее и спросил:

– Что с тобой случилось, Говард? Кто-то протащил тебя лицом по щебенке?

– Очень смешно, – буркнул я. – Когда-нибудь это должно случиться и с тобой. Почему ты не сказал мне, что я еду в революцию?

– Да брось ты, все не так уж плохо, – проговорил он спокойно. – Я слышал, ты отлично справляешься. Каково это, снова оказаться в упряжке?

Мне показалось, что он очень пристально наблюдает за мной.

– Хорошо, – ответил я. – Мне нравится. Почему ты спрашиваешь?

Кажется, он немного обиделся.

– Просто так. Я как раз собирался уходить. Решил сначала проверить, как ты. Мне просто интересно, не могли бы вы немного уплотнить свой график. К примеру, ставить по два спектакля в день.

Я ответил:

– Ну, я... конечно, я думаю, что мы могли бы. Премьера в субботу. Я бы...

– Это совсем другое дело, – он прикусил ноготь большого пальца. Знакомый жест, который всегда означал, что он находится в большем напряжении, чем ему хотелось показать. – А возможно ли перенести ее на пятницу, скажем? Я дал...

Я начал взрываться.

– Ладно, ладно! – он сделал успокаивающие движения обеими руками. – Попробуй в пятницу, Говард. Это очень важно. У меня есть на то свои причины. Позже я тебе все объясню.

Он вздохнул, и его узкие плечи поникли. *Он стал похож на смерть*, подумал я. Даже больше похож, чем сам Рэйли, который сейчас очень близок к ней, иначе эта спешная беседа не состоялась бы.

— О, конечно, мы начнем представление прямо сейчас, если ты так хочешь. Кому нужны репетиции?

— Это очень важно для меня, Говард, — сказал он, с тревогой глядя мне в глаза. — Если кто и может это сделать, так это ты. Я знаю точно.

— Я постараюсь, — с раздражением ответил я.

— Говард ... — он замялся. — Все в порядке?

Внезапно в моей голове громко зазвенел тревожный звонок. Я подумал, что он знает о произошедшем сегодня. У него есть технические возможности для слежки за Комитетом Свободы, или, может быть, сам Комитет был только проверкой для меня... Но нет, это было слишком сложно, чтобы отследить. Я подумал, что он не отнимет и пяти минут из напряженного рабочего дня, проведенного за управлением Соединенными Штатами, только для того, чтобы спросить, как я себя чувствую. Я посмотрел на печальное сморщенное лицо и подумал, *может быть, он еще более одинок, чем я*. В конце концов, мы дружим уже много лет, почти полжизни.

Времени на обдумывание и выводы не было. Мне пришлось все отдать на откуп инстинкту. Он же помог мне сохранить невозмутимое выражение лица, когда я сказал:

— Спасибо, Тед, все в порядке.

Он заглянул мне в глаза. Затем он провел рукой по лицу, как человек в последней стадии истощения.

— Что ж, постарайся, Говард. Увидимся через день или два. Удачи.

— Ладно, — буркнул я. — Спокойной ночи, Тед.

Изображение помещения в Нью-Йорке превратилось в сверкающую звездочку и исчезло. Най, его кабинет и дремлющая канарейка улетели в космос на пять тысяч километров, и я почти физически ощутил звон, когда оборвалась нить, связавшая нас вместе.

Потом я долго сидел и пытался унять нервную дрожь. Неужели я совершил самую большую ошибку в своей жизни, не рассказав ему всего? Или я сделал самую умную вещь из всех возможных? Или это вообще имело какое-либо значение?

Через некоторое время я усталое поднялся и вышел в освещенную фонарями поляну под секвойями и вернулся к пьесе, которая так много значила для стольких людей, хотя я и не знал по каким причинам.

МЫ РЕПЕТИРОВАЛИ до полуночи. Около часа ночи мы рухнули на свои койки, смертельно уставшие, но слишком возбужденные,

чтобы заснуть. Снаружи нас окружала необъятная тишина ночи, но было трудно разорвать пути образов и скользнуть в сонное забытие. Под Хенкен и Рой время от времени тихо переговаривались, еще слышались голоса, доносившиеся из фургона грузовика, где ночевали женщины, но мы с Гатри лежали молча, думая о чем-то своем. Почему-то в голову полезли мысли о нем. Пожилой служака Комуса, с неизбежными для его возраста многочисленными болячками и замедленной реакцией. Как он будет выживать в стране, охваченной партизанской войной?

Через некоторое время я достал свою бутылку и сделал несколько шумных, вызывающих глотков, не предлагая ничего соседям. Интересно, думал ли Гатри о Кресси? Очень милая девушка. Я видел, как он наблюдал за ней из-под седых бровей, склонившись над сценарием. Я его еще не раскусил. Во всяком случае, я знал, что Рой думает о ней. А я?

Нет, вместо этого я подумал о Нае, который сейчас беспокойно ворочался в кровати с исполинским грузом ответственности на противоположной стороне континента. Я подумал о том, как много зависит от одного только Рэйли. Жизнь, мерцающая в нем, наконец угасала. И на мгновение мне показалось, что в темноте вокруг нас, когда мы уже почти заснули, происходит какое-то тайное движение. Как некое гигантское живое тело, стремящееся объединить внутри себя приверженцев Анти-Кома, связывая их в единое и жизнеспособное целое, которое могло бы повлиять на дальнейший ход истории.

Меня начало клонить в сон. По шоссе пронесся грузовик с грохотом, отдаленно напоминавшим раскаты грома или артиллерийский залп. Меня это не раздражало. Это был Комус, и в ночи слышался успокаивающий звук. Я подумал о Кресси, лежащей в тепле на своей койке, о ее нежных глазах с пушистыми ресницами.

Я подумал о Миранде, а потом сделал еще глоток и отключился.

Глава 12

УТРОМ Я ПОЗАВТРАКАЛ в кафе дальнобойщиков, так как никто не пригласил меня присоединиться к зевающей маленькой труппе вокруг печки, на которой они готовили завтрак. Мне было все равно. Было приятно снова войти в теплую, дымную маленькую часть Комуса, чувствуя себя в безопасности, зная, что независимо от того, какие беспорядки охватили штат снаружи, здесь Комус правил спокойно и уверенно.

Да, снаружи были определенные волнения. Водители грузовиков уже начали узнавать меня, и разговоры текли немного свободнее, когда я находился среди них. Я узнал от них о рейде на Карсон-Сити, в ходе которого был схвачен лидер повстанцев, а мятежники обстреляли город, чтобы отогнать войска Комуса. Они долго рассуждали о том, что еще, кроме захваченного в плен предводителя, они пытались отбить столь решительными действиями.

Кто-то за стойкой напротив меня, склонившийся над яичницей с беконом, сказал, что слышал, что силы повстанцев не так хорошо питаются к северо-востоку отсюда, и чумазый водитель с забинтованной челюстью произнес:

— Мародеры снова в Райской долине. Они пугают даже мятежников.

Я вспомнил объявление, которое видел в Сан-Андреасе на эту тему. Меня это тоже пугало. И если кто-то из моей труппы пронюхает об этом, то они, скорее всего, разбегутся.

Когда я вернулся в лагерь, Рой ходил взад и вперед по поляне, повторяя свои реплики то громко, то шипящим шепотом, а Полли, повесив сковородку на гвоздь над походным столом, выпрямилась и с вызовом посмотрела на меня.

— Я слышала, что неподалеку появились мародеры, — проговорила она. — Настоящие бандиты, дезертиры с обеих сторон. Может быть, нам стоит отменить наше шоу?

— Ты можешь слышать все, что угодно, — безразличным голосом ответил я. — Начнем с тринадцати, и давайте с самого начала увеличим темп репетиции. Произошли небольшие изменения. Премьера переносится с субботы на вечер пятницы. Ладно, все актеры, на сцену.

И в косых лучах утреннего солнца, в глубокой тишине деревьев мы снова изображали городскую площадь и бесконечно полировали маленький эпизод, доводя его до реалистичной правды, который был всего лишь выдумкой автора. Мы с Роем отработывали сцену кулачного боя в замедленном темпе, репетируя действие, как балет, пока оно не начало выглядеть правдиво. Если он и вспомнил о нашей стычке при первой встрече, то виду не подал. Его прежняя враждебность теперь исчезла, и он вернулся в свой маленький обособленный мир, в котором существовал он сам, еще, может быть, Кресси и множество прекрасных, сказочных снов.

Во время полуденного перерыва Гатри, проводивший много времени в своей электронной камерке за запертыми дверями, вышел и молча подогнал все грузовики труппы к мощеной площадке позади кафе, припарковав их близко друг к другу. Когда Под Хенкен спросил, зачем он это сделал, то получил ответ, что в эфире появились новости

о приближении ливня с Тихого океана, и он не доверяет грунту, который может запросто размыть. Полли спросила, не будет ли нам всем рядом шумно, на что Гатри ответил, что нет, водителям тоже надо поспать, а я сказал, что к тому времени мы все слишком устанем, чтобы беспокоиться о таких мелочах.

Мы в поте лица трудились весь день до самого вечера. К этому времени всякая новизна ощущений исчезла, и работа превратилась в сплошную рутину. Репетируя снова и снова каждый жест и интонацию, мы добивались постепенно того, что образы стали сначала неуклюжими, потом автоматическими, пока, наконец, не приобрели ту странную правдивость, которая выглядела так, как будто никто на Земле никогда не делал этого жеста и не произносил эту фразу раньше.

Сюжетные линии персонажей в пьесе тоже начали проявляться, и актеры так органично слились со своими ролями, что мне начало казаться, что Сьюзен Джонс я знал лучше, чем Кресси Келлог. А я стал совершенно другим. Человеком, который никогда не работал в сельскохозяйственной бригаде, не видел своего имени на Бродвее и даже не слышал имени Миранды. Вокруг нас вырисовывалась узкая городская площадь, исчезала лесная поляна и все окружающее. Время стало одновременно и текучим, и твердым, что мы могли остановить его или повернуть вспять по своему желанию. Строки пьесы стали единственными словами, которые человек когда-либо произносил на земле. Даже когда мы не репетировали, я ловил себя на том, что критически оцениваю, как та или иная фраза впишется в пьесу, когда Полли произносит:

– Передай кофе...

Или:

– Гатри спрашивает о пропавшем молотке...

Ближе к вечеру мы все превратились в роботов, которые неуклюже двигались по заложенной в них программе. Холодно, почти ненавидя друг друга, мы обнимались, пожимали руки, обменивались легкими шутками. Ничего не чувствуя, мы проклинали друг друга. А Рой и я продолжали устало оттачивать движения нашей схватки, слишком уставшие для настоящей вражды.

Мы даже немного поссорились с Гатри из-за сцены драки. Я поднимал руку ладонью вверх на уровне подбородка как раз в тот момент, чтобы кулак Роя громко впечатался в нее. Правильно рассчитанный удар выглядел и звучал точно так же, как будто он сломал мне челюсть. Но у нас были проблемы с синхронностью движений. Один из способов устранить это – считать.

– Ты можешь произнести реплику типа: «Почему ты...» – сказал я Рою. – Это дает нам счет до трех, и сразу после слова «ты» я буду готов ударить.

Мы попробовали, и это сработало отлично. Но тут Гатри выглянул из своего грузовика, как кукушка, выскакивающая из часов при первом же ударе нового часа.

– Извините, мистер Рохан, – заявил он, – но это сбивает меня с толку. Нельзя вносить изменения в сценарий. Вообще нельзя.

Поэтому мы вырезали эту реплику.

Это был нескончаемый день. К одиннадцати часам я вообще перестал что-либо соображать, да и актеры чуть не падали от усталости. Пьеса начала выглядеть безнадежно плохой, от этого мы все были подавлены и раздражены. Я хриплым голосом приказал прекратить репетицию, и мы покинули импровизированную сцену, не глядя друг на друга.

В этот момент Гатри ошарашил всех нас, достав бутылку скотча, набор складных стаканчиков и разлив напиток по кругу. Когда он дошел до меня, бутылка была пуста, и он достал новую. Мы молча выпили, разошлись и рухнули в постели.

Я лишь смутно отметил, что Гатри не пошел с нами. Грузовики, проезжавшие по шоссе, издавали гулкие звуки в ночи, сверчки пронзительно пели в промежутках между ними, и мир вокруг меня растворился в переутомленном хаосе жестов и фраз. Я перестал существовать.

Глава 13

КТО-ТО ОСТОРОЖНО потряс меня за ногу. Я кое-как очнулся ото сна. Голубой лунный свет, будто искусственный, как в декорации, падал через открытую дверь на склонившийся силуэт Гатри. Одной рукой он тряс мою ногу, а другой подзывал к себе. Я перевернулся и застонал. Он снова потянул меня за ногу. Я слишком устал, чтобы проявить любопытство. Я сел и с трудом выбрался из койки. Грузовик покачнулся подо мной, но Под и Рой продолжали похрапывать. Смутно соображая спросонок, я выбрался наружу.

Когда мои ноги коснулись земли, Гатри сунул мне в руки что-то металлическое, холодное и тяжелое. Я тупо посмотрел на предмет. Это оказалось дробовое ружье.

– Дробовик, – тихо пояснил Гатри. – Но особенный. Вы когда-нибудь стреляли из подобного?

– Только из бутафорского, на сцене, – ответил я. – Что происходит?

– Мародеры, – коротко ответил он. – Возможно. Если нам повезет, они нас обойдут стороной. Даже если они этого не сделают, может быть, наши актеры проспят это. Я подсыпал им кое-что в скотч, и теперь они спят сном младенца. Эти пушки отличаются необычно тихим звуком выстрела и поражают большую площадь. Из них невозможно промахнуться.

Я растерянно огляделся, еще не уверенный, что действительно проснулся. Наш лагерь на станции дальнобойщиков выглядел темным и спокойным в лунном свете, но теперь я увидел, что вокруг нас выстроился неровный круг грузовиков, нос к хвосту, как импровизированная крепость из крытых фургончиков в фильмах о Диком Западе. Самое главное, что под защитой этой крепости находились три наших театральных грузовика со спящими актерами внутри. Я услышал негромкое шарканье шагов по бетону, и лунный свет высветил два или три темных силуэта с длинными ружьями в руках.

– Послушайте, – пробормотал Гатри.

Я прислушался. Где-то далеко на юге, казалось, раздалась канонада далеких выстрелов. Еще два раза гроыхнуло, а потом все стихло.

– Наверное, напали на фермерский дом, – предположил Гатри. – Это большая банда, их разбросало по всему штату, теперь они активизировались на юге. Они не нападают на укрепленные места, но мне бы не хотелось, чтобы меня застукали сегодня на той ферме.

– Откуда ты об этом знаешь? – глупо спросил я, поднимая дробовик и прикидывая, как с ним справиться. Внезапно липкий страх охватил меня, и сердце бешено заколотилось.

– Мы получаем отчеты со вчерашнего вечера, – сообщил Гатри. – Мы надеялись, что они обойдут стороной, но минут десять назад подъехал грузовик, и водитель рассказал, как несколько бандитов пробираются через лес в нашем направлении. Главное, не поднимать слишком много шума, когда мы их схватим, иначе на нас обрушится вся банда. Вперед.

– Куда же? – я последовал за ним сквозь безмятежный голубой лунный свет. – Что же нам теперь делать?

– Присоединяйтесь к нашему составу. И молитесь, – он тихо рассмеялся, – чтобы наша трупка ничего не узнала. Один взгляд на этих парней – и вы не сможете удержать ее в Калифорнии, даже если посадите всех на цепь.

В нем чувствовался какой-то охотничий азарт, и я подумал, *вот так, наверное, было, когда он пришел молодым полицейским в Комус, где жизнь протекала среди погонь и перестрелок. Интересно, вспомнил ли он сегодня, что ему уже за шестьдесят?*

Стальная глыба фуры вырисовывалась перед нами, окутанная мягким лунным светом.

– Сюда, – пробормотал Гатри, и мы проскользнули между двух грузовиков. Впереди был виден склон холма, который спускался к невидимой реке в черных неподвижных тенях деревьев.

Крупный мужчина в кепке и кожаной куртке почти бесшумно пробежал по бетону позади нас, остановился, окинул нас оценивающим взглядом и тяжело произнес:

– Ребята, будьте осторожны. Если нам повезет, они даже не заметят нас. Но если начнете стрелять, то не промахивайтесь. Нам не нужны крики и прочий шум.

– Не волнуйся, – сказал Гатри. Мужчина хмыкнул и отошел.

Я посмотрел на освещенный луной склон и почувствовал, как ствол дрожит в моих руках. Да, я был напуган, но меня переполняло предвкушение, ощущение того, что впервые в жизни происходит что-то новое и важное. Во всяком случае, для меня. Я подумал, что, вероятно, смогу выстрелить в человека и убить его в ближайшие несколько минут. Но умом я понимал, что это вряд ли будет так просто. Мне необходимо было собраться и быть готовым ко всему.

Я видел результат, когда пиротехники воспроизводили (просто для воздействия на публику) то, что эти дробовые ружья могут сделать. Я не очень-то в это верил, и все же у меня не было причин сомневаться.

Ничто не казалось реальным. Все это было декорацией. Тишина, звезды среди крон, выбеленных ярким лунным светом, приглушенные звуки вокруг меня, кто-то кашлял и задыхался, кто-то стучал прикладом по грузовику и ругался – все это было ненастоящим. Я слышал сильные, размеренные всплески трелей сверчка и гадал, что еще я услышу. Как мы узнаем, когда они нападут?

И кто они такие? Последователи Чарли Старра? Люди, работающие на Комус или на Комитет Свободы? Я и сам задавался вопросом, какой стороне сейчас я принадлежу? Подумалось, что если Тед Най проиграет, то проиграю и я, так что в конечном счете я – за Комус. Внезапное ощущение огромной силы Комуса охватило меня там, в темноте, его незримые нервные сети, мускулы и стальной костяк связали континент воедино. И я знал, что независимо от того, что я делал или не делал, ничто не могло повредить Комусу. Ничто не могло разорвать сеть.

Я был рад и немного огорчен.

Гатри прошептал:

– Тихо! Слышите?

Где-то внизу, в темноте под деревьями, хрустнула сухая ветка. Потом еще одна чуть правее. Еще две или три слева. Довольно много людей поднималось к нам по склону через секвойи. Они рассредоточились далеко друг от друга и двигались очень осторожно. Теперь мы сидели слишком тихо. Никто не кашлял и не шевелился. Мы ощутили себя единственной крепостью, окруженной неизвестностью, и все чувства были направлены в сторону приближающихся людей. В тот момент я вообще не осознавал себя как отдельного человека. Я был полностью частью Комуса и защитником станции, которую мы должны были отстоять любой ценой.

Голос Гатри прозвучал у меня над ухом с придыханием:

— Там, видите?

Я ничего не видел. Только тень, которая быстро промелькнула за деревьями и исчезла. Затем слева послышался звук, как будто кто-то зашипел и кашлянул, и я увидел вспышку голубоватого света. Фигура под деревьями упала навзничь и ударилась о землю без единого звука. Шипение и кашель были звуками от необычного дробовика. Я был искренне удивлен, как тихо он стреляет. Он только кашляет и вежливо плюется голубым огнем, а потом разносит в клочья любое препятствие на пути.

Я прижал приклад дробовика к плечу и положил палец на холодный спусковой крючок. Но стрелять мне было не во что. Я на мгновение представил себе круглое лысеющее лицо Харриса, человека в коричневом свитере с дыркой на манжете. Мятажники, конечно. Но действительно ли я хотел расстреливать их из дробовика? Смогу ли я?

Послышались какие-то переговоры внизу на склоне. Затем человек вышел из укрытия и начал взбираться на холм. Ружье Гатри рядом со мной вздохнуло и вспыхнуло синим огнем. Крик оборвался и застрял у него в горле, когда человек упал.

Среди деревьев грохнула винтовка, и я услышал, как что-то гнусаво звывало и впилося в борт грузовика рядом со мной. Звук был такой, как будто грузовик дал задний ход у реки, и пуля громко ударилась о гулкую сталь.

Мгновенно вдоль всего ряда грузовиков раздался шипящий кашель, и веера голубого пламени вырвались наружу, как будто грузовики были одним длинным сегментированным, плюющим огнем драконом. Гатри раздраженно посмотрел на меня и прокричал:

— Давайте стреляйте, стреляйте же! Нужно уничтожить их всех быстро! Просто стреляйте по склону!

Я видел, как темные фигуры падают и лежат, слегка подергиваясь на земле. Я видел вспышки выстрелов внизу и слышал свист пуль.

Какой-то абстрактной частью сознания я подумал, что наша труппа все еще спит, одурманенная усталостью и действием скотча, думая, что весь шум – это грузовики на шоссе и далекие крики дальнбойщиков, сменяющих друг друга на дежурстве. Или они проснулись и испуганно затаились?

Теперь вся дуга дракона шипела, выплевывая голубое пламя из каждого сустава. И все же я не мог стрелять.

Я не мог встать ни на чью сторону.

Я услышал, как рядом со мной Гатри неожиданно хмыкнул. Я никогда раньше не слышал этого звука, но знал, что он означает. Может быть, какая-то наследственная память моих предков о великих войнах прошлого века. Я просто знал. Резко повернувшись к нему, я на мгновение увидел его осунувшееся лицо в голубом лунном свете. Кровь начала просачиваться сквозь клетчатую рубашку высоко на плече, он слегка вздохнул и сказал, глядя вниз:

– Слишком высоко, – потом поднял глаза, его лицо внезапно исказилось, и он приказал, – Рохан, стреляйте, стреляйте! Вон там!

Я развернулся, чтобы посмотреть. По склону трое мужчин, пригнувшись, бежали к нам, освещенные, как днем, ярким лунным сиянием. Первый смотрел мне прямо в глаза, и все внутри меня, казалось, перевернулось в одном быстром порыве ужаса и отвращения.

В нем было так много всего, что можно было понять с первого взгляда. Даже теперь я вижу его во всех подробностях и думаю, что буду видеть всегда. Но уму требуется некоторое время, чтобы разобраться в том, что видит глаз. И только тогда я ощутил, как волна ненависти и отвращения вырвалась наружу из глубины моего «я», такая же сильная, как внезапная боль.

На нем был красный камзол Комуса весь в пятнах жира и грязи, идеально сшитый по фигуре, но растянутый спереди, поэтому была видна его волосатая грудь. Он выглядел толстым из-за всего того, что нес. Две мертвые обезглавленные курицы свисали с его пояса, и кровь стекала по бледно-серым штанинам. На другой стороне его пояса висела на серебряной цепочке дамская вечерняя сумочка, инкрустированная бриллиантами. На шее у него болтались два ожерелья поверх грязного камзола Комуса и ключев растянутой рубашки под ним. Одна из них была ниткой жемчуга. Другая...

Я даже удивился, зачем кому-то понадобилось нанизывать сушеные абрикосы таким образом на нить? И тогда до меня дошло, что это...

Абрикосы не кровоточат. Странно, как похожи половинки сушеного абрикоса на человеческие уши, нанизанные на нитку, словно трофеи.

Очень много человеческих ушей. Белая рубашка казалась темной в лунном свете там, где ее пересекало страшное ожерелье.

Я все еще вижу его лицо. Но я понял, что там нет ничего человеческого. Ни в глазах, ни где-либо еще за толстыми, напряженными чертами лица. Я наконец-то с полной уверенностью нажал на спусковой крючок дробовика.

Я испытал дикое удовольствие, услышав, как он застонал, когда заряд разорвал его грудь. Я почувствовал толчок приклада в плечо, услышал кашель, потом повернул ствол влево, чтобы поймать в прицел его соратника рядом. Голубая вспышка на мгновение осветила его, и я увидел, что он тоже носит ожерелье поверх синей запятнанной рубашки с приколотым к ней кусочком белой бумаги. Пародия на эмблему Чарли Старра. Или, может быть, никакой пародии. Здесь были отступники с обеих сторон.

Эти мысли пронеслись в голове в тот момент, когда я еще дважды нажал на спуск, и последний из трех типов с глухим стуком упал на залитую лунным светом землю, поднимая пыль с сосновых иголок.

Я знаю, что все это было почти мгновенно, хотя мне показалось, что прошла вечность. Так всегда бывает в минуту опасности. Все шло своим чередом и закончилось менее чем за четверть часа от первого выстрела до последнего, и по большей части все происходило тихо, как во сне. И теперь все было тихо, как сама смерть там, в лесу. Я почти ничего не помню, что было потом. Мародеры отступили. Их рейд закончен. Но вдалеке за горами я услышал еще одну далекую вспышку приглушенного ружейного огня, когда тяжело брел на станцию, чтобы сдать оружие.

Проходя мимо нашего припаркованного фургона, я остановился, чтобы заглянуть внутрь, не веря, что они могли проспать бой даже под снотворным. Когда я просунул голову в дверь, зашуршали одеяла, и голос Пода Хенкена хрипло спросил, не случилось ли чего. Я сказал успокаивающим голосом, что все спокойно, и услышал, как он повернулся на другой бок. Рой не шевельнулся. Я задержался на мгновение, чтобы посмотреть на два грузовика в лунном свете, чувствуя мимолетную и глупую отцовскую теплоту к трупам, чьи сны я только что охранял.

Гатри сидел за стойкой в кафе, положив локти на стол, и катал в руках стакан с содовой, но виски там явно было больше. На станции было еще темно, если не считать маленького голубого огонька под кофейником, и я лишь смутно его видел. Гатри казался бледным даже при таком освещении, и лицо его было напряжено, как будто гравитация каким-то образом давила на него чуть сильнее, чем десять ми-

нут назад. Он болезненно повернулся ко мне, оберегая забинтованное плечо.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я.

– Неплохо. – Он выпил один глоток виски и закрыл глаза от наслаждения. – Ничего страшного. Потерял немного крови, вот и все. Никто не должен знать об этом, прошу вас держать рот на замке.

Я сел рядом с ним и без приглашения потянулся к бутылке, стоявшей на стойке. Меня снова сильно трясло, и виски помогло лишь отчасти.

– Кто эти люди? – поинтересовался я. – Там, в лесу? Они что, мятежники?

Гатри покачал головой.

– В основном ренегаты с обеих сторон. Дезертиры из Комуса. Тюремщики. Такие крупные банды, как эта, выходят из-под контроля местных жителей.

– Не понимаю, Комус...

– Комус не хочет этого делать. Включите мозги. Местные хотели все делать по-своему, так пусть делают.

– А как насчет нас самих? Как насчет завтра? Лагерь теперь в безопасности? – Я повернул голову, чтобы прислушаться, и мне показалось, что я снова слышу отдаленную стрельбу, возможно, где-то в другом уединенном фермерском доме, который не был вовремя предупрежден. – Если бы я знал, что все может обернуться так плохо... не знаю. Я могу сделать свой собственный выбор, но какое право я имею выбирать за других? Скажем, за Кресси? Или за стариков Хенкен?

Тревога отразилась на его лице. Он смотрел вниз, в янтарную глубину своего бокала, как будто это был какой-то непостижимый колодец с мудростью, возможно, на дне.

– Кресси, – задумчиво произнес он, печально прикрыв глаза.

Я легонько подтолкнул его.

– Кресси?

Он выдохнул и вздрогнул, когда я машинально задел его больное плечо. От него так сильно пахло виски, что я даже удивился, насколько много он выпил.

– Рохан, – внезапно обратился он, повернувшись и встретившись со мной взглядом, – ответьте мне на один вопрос. Сегодня ночью вы убили человека. Наверное, первый раз в жизни. Что вы чувствуете?

Я на мгновение закрыл глаза и проверил себя, как бы осторожно прощупывая свои чувства.

– Даже не знаю. Еще не понял. Да, он был первым. Потом я застрелил еще двоих и, возможно, убил бы еще. Я не считаю их за людей,

но это пока. Может быть, завтра, когда я успокоюсь, меня как следует встряхнет.

– Это всегда толчок, – сказал он. – Я делал это много раз, по долгу службы, так же как и вы сегодня. Я никогда к этому не привыкну. Но это часть моей работы. – Он понизил голос, глядя в пустой стакан, а не на меня. – Часть моей работы мне не нравится. Может быть, это было ошибкой – попытаться вернуться на службу после стольких лет отставки? Когда ты молод, ты никогда не сомневаешься в себе. Ты никогда не задумываешься, оправданы ли твои действия. Но с возрастом человек учится сомневаться. Может ли он что-то сделать и должен ли?

Он потер рукой глаза, поколебался, а потом добавил:

– У нас с вами много общего, мистер Рохан. Мы оба слишком долго были оторваны от привычного образа жизни, от нашей работы. Нам обоим пришлось вернуться в реальный мир, который иногда бывает довольно жестоким. И у нас есть еще одна общая черта. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Я выпил, – проговорил он, – иначе, наверное, не стал бы так откровенничать. Дело в том, что я тоже потерял жену, около года назад. Мы были женаты тридцать лет.

Я не знаю, действительно ли он замолчал, или в моем сознании наступила минута полной тишины.

– Вы спрашивали о Кресси, – пробормотал он. – Может быть, вас удивляет, почему я думаю о ней больше, чем можно было бы ожидать от мужчины моего возраста. Я не дурак. Просто она так напоминает мне мою жену, когда я впервые с ней познакомился. Не знаю, рассказывала ли она вам что-нибудь о себе, мистер Рохан. Но у нее было тяжелое детство, и юность прошла в непосильном крестьянском труде. Я восхищаюсь этой девушкой. Она похожа на мою Бесс не только внешне. Если бы у нас когда-нибудь была дочь...

Он замолчал, затем осторожно поставил пустой стакан.

– Вы задали мне сложный вопрос, мистер Рохан. Какое у нас с вами есть право делать выбор за остальных членов труппы, когда их безопасность поставлена на карту? Я знаю, что вы чувствуете. Я даже знаю, что они чувствуют. Я очень сочувствую старикам, и у Полли с Роем большие проблемы, а Кресси ... Ну... – он повернулся на табу-рете и посмотрел мне прямо в глаза. – Мы будем продолжать нашу работу, пока не закончим, – отчеканил он твердым голосом. – Именно это мы и собираемся сделать.

ПТИЦЫ ЩЕБЕТАЛИ, бурундуки метались по своим важным делам, утреннее солнце теплым оранжевым светом скользило по гигантским стволам деревьев. Секвойи Вечнозеленые, что значит, вечно живущие. Многие они повидали за последние пару тысяч лет. Прошлой ночью тоже насмотрелись вдоволь. Но кто знает, что им предстоит еще увидеть. Прошлая ночь – лишь незначительный эпизод в их жизни. Будто ничего и не случилось.

Когда после завтрака я спустился к костру, поляна уже расцвела желтыми и синими цветами выстиранных костюмов, свисавшими с веревки, которую натянули между деревьями. Полли, склонившись над ведром с водой, выжимала воду из розовой юбки и неожиданно расхохоталась, увидев выражение моего лица.

– Завтра премьера, не так ли? Я думала, вы планируете сегодня генеральную репетицию.

Она еще раз встряхнула юбку с оборками, и капли с нее упали в ведро. Она выглядела усталой. Веки ее голубых глаз навывкате слегка припухли, а морщины на лице казались более глубокими, чем обычно.

То, что произошло прошлой ночью, в некотором смысле выбило меня из повседневной жизни. Я совсем забыл про пьесу. Я забыл о мятежниках и своих обещаниях. Я совсем забыл о нас и о том, что произошло до этой ночи. Все, кроме того, что происходило в лунном свете в прицеле моего оружия, каким-то непостижимым образом отступило и заставило посмотреть на все по-другому. Полли все еще выглядела уставшей от вчерашних репетиций, и вид чистых костюмов, выстиранных для генерального прогона, резко вернул меня к окружающей действительности. Это было довольно-таки неприятно.

– Рохан, – вдруг обратилась ко мне Полли, – я хочу поговорить с вами. Помогите отнести это ведро в прачечную, ладно? Там нас никто не услышит.

Хвойный ковер пружинил у нас под ногами. Пока мы шли, я внимательно оглядывал поляну, ища следы того, что произошло здесь прошлой ночью. Ничего не было видно. Если на поляне ночью и валялись трупы, то, видимо, сейчас их убрали дальнобойщики.

– Рохан, что-то случилось прошлой ночью, – сообщила Полли отрывисто, но спокойно. – Что же это было?

Я бросил на нее тревожный взгляд и быстро отвернулся.

– Не понимаю, о чем ты.

– Не надо мне зубы заговаривать. Я хочу знать. За лагерем что-то случилось, не так ли? Стрельба?

– Может, тебе приснился кошмар, – предположил я. – На шоссе, конечно, шумно. Иногда рев моторов напоминает канонаду.

– Я слышала крики, – настаивала Полли, но вид у нее был озадаченный. – Мы спали как убитые, но мне кажется, что где-то неподалеку были слышны крики людей и выстрелы.

– Ты выходила из фургона, чтобы посмотреть?

– Нет, я слишком устала за день и только желала, чтобы ночной кошмар прекратился. Но я знаю, что что-то происходило, Рохан. Там было... я не знаю что. Какое-то чувство витало в воздухе этим утром. Здесь происходят непонятные вещи, которые мне не нравятся. Я имею право знать правду.

– Почему ты думаешь, что я знаю больше, чем ты? – спросил я.

Она всматривалась в мое лицо большими тревожными глазами из-под рыжей челки. В них отражались тревога и усталость от переживаний. Я увидел в ней несчастную, которая очень долго несла свой тяжелый жизненный груз. Она произнесла тихим голосом:

– Мы с Роем нуждаемся в этой работе, мистер Рохан. Нам обещали хорошее вознаграждение, если доведем дело до конца. Неужели вы не понимаете? Я должна принять решение за нас обоих, но у меня нет полной уверенности в безопасности. Я должна решить, соизмерим ли наш риск с обещанными деньгами? Посмотрите на меня, мистер Рохан. Что случилось прошлой ночью? Я думаю, вы что-то скрываете. Скажите мне правду.

Я не хотел глядеть ей в глаза. С тех пор как я расстался с Тедом Наем в Нью-Йорке, я все больше запутывался в своих ощущениях, и теперь чувства боролись между собой, более явно, чем у Полли.

В Нью-Йорке все казалось простым. Приезжаешь в Калифорнию и делаешь свою работу. Это шанс вернуться к прежней жизни, к той жизни, которую я оставил, когда Миранда покинула мир и меня. В каком-то смысле, нам с Гатри представилась такая возможность возвращения в свои прежние миры. Но я не думал, что это будет так трудно. Есть ли смысл лгать Полли и говорить, что опасности нет? Как сохранить репутацию, зная то, что я знаю?

– Рой зависит от меня, мистер Рохан, – сказала Полли немного неуверенно. – Нам необходимы эти деньги. Я не хочу сейчас отступать. Но если мы действительно подвергаемся опасности, то я должна об этом знать.

Я был в замешательстве. Я не мог сказать правду. Я и сам слишком много поставил на карту. Только теперь я осознал это. Риск, на который я пошел, драки, опасности в прошлом и неизвестность будущего. Даже предательство Теда Ная на полиграфе ради его и моего блага,

даже риск того, что он узнает об этом — все это было ничто в сравнении, если я получу свою награду. Прошлой ночью, глядя на спящие в лунном свете фургоны, я испытывал чувство глупой теплоты и привязанности к трупке. Я все еще чувствовал это, но не настолько, чтобы отказаться от цели, ради которой работал.

Все, что я мог сделать, так это посмотреть с сочувствием и решимостью в глаза Полли и продолжать лгать ей.

— Насколько мне известно, — проговорил я, — никакой опасности нет. Я ответил на твой вопрос?

Голубые глаза снова впились в меня. Не говоря ни слова, она покачала головой и отвернулась. Я тоже молчал. Гатри выглянул из грузовика и небрежно помахал мне здоровой рукой. Он выглядел суровым и спокойным, старик, который в душе сохранил молодость. Старик, способный на многое, когда придет время.

Я увидел, как Кресси причесывается перед зеркалом, висящим на стволе красного дерева, и застегивает серьгу в ухе. Я подумал о бандитах со страшными ожерельями прошлой ночью. Люди, которые противостоят друг другу, сказал я себе, находятся на той стороне, которая больше подходит им в данный момент.

И я был в чем-то похож на них.

ЧЕТВЕРГ ВЫДАЛСЯ как в кошмарном сне. Мы все еще не очень хорошо заучили свои реплики, когда нам приходилось произносить их на генеральной репетиции. Сцены, которые должны были проходить стремительно, выглядели вялыми. Сцены, которые венчали кульминацию, хромали и становились невзрачными. Но после некоторых корректировок я начинал получать ту отдачу от актеров, на которую рассчитывал, так что постановка на данный момент представляла в целом сбалансированную картину, и определенный ритм действий развивался. Но все это еще выглядело слабо. Раз за разом мы проходили по вытоптаным тропинкам, которые проложили на сосновом ковре, и уже ходили по ним автоматически, вживаясь в свои роли. Если бы мы не трудились так фанатически, то спектакль был бы точно обречен на провал.

Когда я сам был в качестве зрителя или режиссера вне сцены, я мог сетовать на актеров за ошибки, когда все шло не так. Но на сцене, как актер, я совершал те же самые ошибки, что и они. И все же, в некотором смысле, было познавательно окунаться в актерское амплуа и видеть изнутри проблемы. По крайней мере, мне был понятен путь их устранения. И чем больше я увлекался работой, тем больше воз-

никало моментов, для решения которых у меня физически не хватало времени.

Мы работали весь день и около полуночи рухнули в постели, слишком уставшие, чтобы думать или чувствовать. Грузовики все еще стояли вокруг станции, и я подумал, что охрана сможет противодействовать любому нападению грабителей. После этой мысли сон поглотил меня.

ПЯТНИЦА НИЧЕМ не отличалась от четверга, только в ней было больше напряженного ожидания. Премьера должна была состояться сегодня вечером, но всех охватило чувство, что нас ожидает провал. Пьеса казалась намного хуже, чем в тот день, когда мы начинали. Это, конечно, нормально, но репетировать всего три дня... Зритель может не понять сути.

В три часа дня мы прошли последнюю полную генеральную репетицию без моего вмешательства. А когда закончили, я пробежался по ошибкам. Под Хенкен передвигался очень медленно. Рой постоянно забывал, что работает на открытой сцене, а двигался, так, словно играет на классической. Кресси все еще неуверенно произносила свои реплики. Госпожа Хенкен придумала какой-то новый, абсолютно надежный способ завладеть вниманием публики во время любовной сцены ближе к концу, но я не знал, хорошо это или плохо отразится на общем фоне, поэтому оставил все, как есть.

– Ну, вот и все, – мрачно констатировал я. – Сегодняшний вечер расставит все по своим местам, готовы мы или нет. Советую всем хорошенько отдохнуть перед спектаклем, если это возможно. Мы должны быть в городе около восьми, так что нам лучше уехать отсюда около семи. Гатри, когда выезжаешь ты?

Он ответил, что поедет в шесть, и попросил Роя помочь ему смонтировать скамейки для зрителей. Рой послушно кивнул, и все актеры удрученно покинули сцену. Внезапная мысль поразила меня, и я крикнул им вслед:

– И никому не покидать лагерь. Никому. Все поняли?

Полли резко обернулась с вызывающим взглядом. Я попытался было опять наорать на нее. Но что-то остановило крик в горле. Дело было не в том, что я солгал ей и не мог объяснить теперь, что в лесу все еще существовала опасность нападения мародеров, насколько я знал. Нет, это было нечто иное, что я увидел в ее лице, и внезапное чувство сострадания, которое охватило меня. Я знал, как она устала, и понимал, что она на все готова ради премьеры. Как и все мы. Но неу-

веренность и страх, которые она испытывала, были исключительно ее собственными переживаниями.

Не только чувство неуверенности в завтрашнем дне, но и страх новых переживаний из-за Кресси постепенно поглощал меня. Я видел ее настоящее как актрисы, подающей большие надежды, и немного будущего из ее актерского амплуа. Она стремительно совершенствовала мастерство, в то время как Рой продолжал играть роль вечно молодого любовника и остановился в своем развитии. Я не мог на нее кричать. Но и не мог проявить снисхождения.

– Просто делайте то, что вам говорят, – приказным тоном сказал я. – А теперь – всем отдыхать! Сегодня вечером мне нужен свежий актерский состав.

Слишком уставшая, чтобы спорить, она отвернулась, но явно обиделась на меня и не скрывала этого. Она не воспринимала меня как личность. Наверное, никто из них не воспринимал. Но я был хорошим режиссером, и они это знали. Они усердно работали, с готовностью воспринимая критику. Каждый в отдельности они, казалось, были готовы довериться мне до определенного момента. Но как труппа в целом – нет. Я все еще был чужаком. Они разошлись по поляне, оставив меня одного.

В ПОЛОВИНЕ четвертого по шоссе с жужжанием пронеслась стайка небольших машин, подпрыгивая на своих колесах, как кузнечики на лапках, и размахивая антеннами. Они ворвались внутрь и устроились на стоянке вокруг станции. Люди из Комуса в штатском (их невозможно перепутать) вошли внутрь станции и, по-видимому, совещались подальше от посторонних глаз. Я подумал, что Комус все-таки решил принять участие в преследовании мародеров, напавших ночью на лагерь.

Минут через сорок я оторвал взгляд от сценария, который изучал снова и снова. Я протер уставшие глаза и боковым зрением увидел толстяка в коричневых джинсах, стоявшего среди деревьев, окаймлявших дорогу к шоссе. Он так хорошо сливался с коричневыми стволами и коричневым хвойным ковром, что был почти неразличим. Поймав мой взгляд, он поманил меня пальцем, а затем молча двинулся вверх по тропинке и скрылся из виду.

Я оглядел поляну. Хенкены отдыхали на одеялах под деревьями, а музыкальная шкатулка что-то мелодично напевала между ними тоненьким голоском. Полли и Рой уединились в одном из грузовиков, а Кресси разговаривала с Гатри на подножке его грузовика. Казалось, никто, кроме меня, не заметил толстяка.

Я встал и пошел по тропинке. Таинственный тип ждал меня на дальней стороне стоянки за одной из больших секвой, в которой была большая полость в стволе, выеденная огнем от молнии.

— Меня прислал Харрис, — бросил он. — Он просит напомнить о твоём задании.

— И что теперь? — спросил я. — У меня не так уж много времени. Мы начинаем сегодня вечером в Сан-Андреасе.

— Нет, если только ты не сделаешь эту работу.

— Черт бы побрал Харриса, — буркнул я с внезапной злостью. — Он сам мне сказал...

— Он сказал, что, *может быть*, тебе будет позволено поставить пьесу, но не прежде чем окажешь нам услугу. Что ответишь? Да или нет?

— Послушай, — устало пробормотал я. — Я три дня репетировал и устал, как собака. Я не спал позапрошлой ночью, отбиваясь от мародеров с ожерельями из человеческих ушей на шее. Сегодня у меня премьера спектакля, и я не только играю, но и режиссирую. У меня есть предел. Иди и скажи Харрису...

— Ты хочешь, чтобы я сказал ему, что ты не будешь ставить спектакль? — Он сверкнул на меня маленькими красновато-кариими глазками на массивном лице, и мне показалось, ему нравилось помыкать мной.

— В конце концов, — заявил он, — теперь, когда мы знаем, для чего на самом деле предназначено шоу, некоторые из нас больше желают избавиться от тебя, чем помогать.

— Мы это знаем, не так ли? — спросил я, пытаюсь угадать, блефует он или нет. Сомнения зашевелились во мне, а вдруг я ошибся?

— Мы — да. А ты — нет... пока. — Он широко улыбнулся. — Вот что я тебе скажу, Рохан. Ты сделаешь свою работу, и, может быть, Харрис скажет тебе, зачем ты здесь на самом деле. — Он дразнил меня, и красные глаза ждали ответа.

Я вздохнул.

— А что это за работа? Я не совсем понимаю.

Он наклонился вперед и понизил голос.

— Похоже, организации сейчас не помешал бы лишний автомобиль. Харрис сказал мне, что ты должен угнать один для нас.

Я согласился:

— Хорошо. — У меня было ощущение, что он наконец отстанет от меня. — Я должен подойти и угнать первую попавшуюся машину со станции, так?

Он ухмыльнулся.

– У тебя в команде есть полицейский из Комуса. Когда он собирается сегодня вечером в город?

– Примерно за час до начала шоу.

– Нормально. Ты называешь время. В назначенный час, на стоянке грузовиков мы устроим небольшой переполох. После этого все зависит от тебя.

– А если у меня не получится?

– Лучше, чтобы получилось. Потом поезжай через лес к городу. Ты знаешь сельскохозяйственные угодья в долине? Там есть коричневый амбар, самый дальний из всех, в низине. Дверь не заперта. Оставь авто там. Мы заберем его утром. Ладно?

Я молча кивнул.

– Конечно, – ответил я.

– Назови время, когда нам нужно устроить переполох на станции.

Я все обдумал и добавил:

– В шесть тридцать.

– Хорошо. Запомни, не вздумай играть по своим правилам. Увидимся позже. – И он пошел по дорожке, слегка покачиваясь, а сигаретный дым струился из-за его плеча.

Глава 15

В ШЕСТЬ ЧАСОВ Гатри и Рой загрузили звукоусилитель. Перед самым их отъездом я поманил Гатри в сторону.

– После той ночи, – сказал я, – я чувствую себя не очень комфортно, выходя из лагеря безоружным. Мне нужен пистолет.

Он задумчиво посмотрел на меня, кивнул и пошел к грузовику. Вернувшись, он вложил в мою протянутую ладонь холодный маленький, но тяжелый автоматический пистолет. Я сунул его в пальто, и вес приятно оттянул карман. Мне понравилось это ощущение.

Через десять минут после того, как грузовик Гатри скрылся за поворотом, я сообщил нервно притихшей труппе, ожидавшей на скамейках:

– Если я не вернусь к семи, езжайте без меня. Встретимся в городе.

Они кивнули без всякого интереса, слишком погруженные в свои роли, чтобы беспокоиться о том, увидят ли они меня снова.

Я непринужденно подошел к станции, пытаясь контролировать учащенное дыхание. Я не знал, какое наказание полагается за угон полицейского автомобиля, но в таком состоянии, в каком сейчас находился штат, существовала большая вероятность того, что дальнобойщики сначала начнут стрелять, а потом будут задавать вопросы. Я не был

уверен, что пойду на кражу даже сейчас. Все, что я намеревался сделать, так это осмотреться и оценить шансы.

На стоянке припарковалось около двадцати машинок. Я постоял возле крайней с минуту, потом вытащил из кармана носовой платок, с шумом бросил монету в пятьдесят центов и стал смотреть, как она катится. Делая вид, что я чрезвычайно увлечен поисками монетки, я продолжал нагибаться и всматриваться, пока не обнаружил две машины с ключами в замке зажигания.

Потом я зашел в ресторан выпить пива, хотя сейчас меня не мучила жажда. Я не сводил глаз с часов и за пять минут до назначенного времени снова вышел на улицу. Я закурил сигарету, и, медленно прогуливаясь, посмотрел на верхушки деревьев. Потом обошел станцию сбоку и направился к бельевым веревкам, где на ветру трепетали простыни и полотенца. Не торопясь, я остановился на углу здания, чтобы вытряхнуть камень из ботинка.

Началась ужасная суматоха. Я не знал, чего ожидать от мятежников, когда грохот взрыва в дальнем конце станции сотряс землю и воздух. Я слышал, как бьется стекло. На мгновение воцарилась ошеломленная тишина. Я осторожно высунул голову из-за угла. Грузовик, только что съехавший с шоссе, тяжело катился на больших шинах по инерции, скрежеща и изрыгая огонь сквозь разорванные бока прицепа. Затем оцепенение прошло, и послышались крики и топот бегущих ног.

Низко пригнувшись, я перебежал прямо к ближайшей из двух замеченных мною машинок. Потом я скользнул на низкое ковшеобразное сиденье и почувствовал, как пружинистая кабина ожила от звука заведенного двигателя. Авто ничем не отличалось от любого другого автомобиля, если не считать тошнотворного подпрыгивания на каждой кочке. Я дал задний ход и интуитивно погнал его вниз по склону к реке, полагая, что белье на веревках скроет меня из виду. Еще я надеялся, что маленькая машина не перевернется на крутом спуске.

На полпути вниз по склону я понял, что пересекаю поле битвы прошедшей ночи. Примерно здесь, на промелькнувшей полянке, я убил трех человек, и их кровь, наверное, еще не высохла под опавшей хвоей. Затем ужасающая скорость моего спуска по склону затмила все остальные мысли. С разгона я пересек прибрежные валуны и реку в сверкающей стене брызг, и ровная дорога понесла меня вверх по противоположному склону. Речная вода стекала по лобовому стеклу ручьями, пока я мчался между деревьями, отчаянно управляя отзывчивым автомобилем, огибая заросли и петляя среди секвой. Листья папоротников струились по стеклу сильными зелеными потоками и расступались, чтобы выпустить меня из своих объятий. Я ехал слиш-

ком быстро и знал это, но ничего не мог поделать со своим паническим состоянием.

А вдруг кто-нибудь на станции видел меня в момент кражи? Может, Комус уже организовал погоню за мной? Я низко пригнулся над рулем, ожидая услышать сзади тонкий свист пули. А банды ренегатов? Они рыскали по здешнему лесу совсем недавно. А может быть, отдельные мародеры все еще бродят неподалеку? Мои уши горели, будто уже оказались нанизанными на ужасное ожерелье.

Я спугнул небольшую стайку оленей и увидел, как они отбежали от дороги, повернув головы в мою сторону, и посмотрели на меня большими изумленными глазами. Но я скрылся раньше, чем они успели по-настоящему испугаться, а деревья, казалось, сдвинулись позади машины, чтобы отгородить нас друг от друга. Позже, кажется, я пролетел мимо двух мертвецов, лежавших лицом вниз среди папоротников. Возможно, это были жертвы нападения бандитов. А может быть, это были спящие лесные бродяги, только они не шевелились, когда я проезжал мимо. Вполне возможно, это были только тени или галлюцинации, которые проносились мимо слишком быстро, чтобы я мог сосредоточить на них свое внимание. Теперь я этого никогда не узнаю.

Примерно на полпути рация на панели передо мной кашлянула и заговорила. Звук человеческого голоса немного вывел меня из панического состояния. Из того животного состояния ужаса или паники. Услышав голос на том конце, я понемногу стал приходить в себя, и лес мне перестал казаться таким дремучим.

Рация тонким голоском сообщала, что со станции 12-101 был похищен автомобиль Комуса, и что его видели на другом берегу реки. Предположительно угонщик направляется в Сан-Андреас. Всем патрулям немедленно принять меры к задержанию.

Теперь у меня было больше причин для беспокойства, но я чувствовал себя гораздо менее напуганным. Мой пульс почти восстановился к тому времени, когда между деревьев показались поля. К ним я и направлялся, а если за мной и были преследователи, то они наверняка уже потеряли след.

Радиостанция продолжала транслировать переговоры об угоне, когда я пересек еще один ручеек и прорвался сквозь заслон высоких сорняков в нижнюю часть долины Сан-Андреас.

В трех метрах от меня из травы показалась мужская голова, и два глаза в стальной оправе дробовика смотрели прямо мне в лоб. Я тормознул с такой силой, что земля вздрогнула.

— Меня прислал Харрис, — быстро протараторил я. — Я ищу коричневый амбар.

Он оглядел меня, прислушался, подождал минуту или две и, очевидно осознав, что я не просто так заезжаю на территорию, махнул мне рукой.

— Нужный сарай вон там, в нескольких сотнях метров отсюда. Поезжай, я замету твои следы.

Он ухмыльнулся, когда рация снова объявила о коварном хищении. Я оставил его усердно замечать следы шин и поехал по песчаной дороге между высоких стеблей кукурузы. Я ехал в полной тишине, если не считать мягкого урчания мотора и переговоров по рации. Сумерки сгущались, и несколько звезд начали неуверенно подмигивать из темноты над головой.

Силуэт амбара казался черным в свете тускнеющего неба. Я вышел и открыл одну из створок ворот. Теплый, пыльный запах люцерны ударил мне в нос, когда я заезжал внутрь.

Затем я закрыл ворота, а поскольку в огромном внутреннем пространстве амбара было очень тихо и темно, сел в маленький автомобиль, включил единственную фару и закурил, пытаясь унять дрожь в руках. Пылинки мерцали и оседали в луче. Серо-зеленая люцерна уже отцвела и лежала на земле. По периметру амбара стояли пустые стойла, в которых когда-то, судя по густому, сильному запаху, содержались коровы. На стене висел потрескавшийся кожаный хомут, который, должно быть, давным-давно одевался на лошадь. На стене виднелся пожелтевший остаток плаката, и я лениво смотрел на него, гадая, что же ждет меня дальше.

В тот момент, когда я сидел неподвижно и позволял мыслям спокойно собраться, сами собой посыпались вопросы, и на них я пока не находил ответов. «Теперь мы знаем, для чего на самом деле готовится это шоу...» Я вспомнил коричневую шерстяную нитку, зацепившуюся за петлю дверцы в грузовике. «Некоторым из нас больше хочется избавиться от тебя, чем помогать». Я вспомнил, как слова Теда Ная перекрыли голос толстяка в моем сознании, словно слова, произнесенные в огромном помещении: «Просто скажи, что нужна крупномасштабная диверсия в Калифорнии... Люди должны отвлекаться на что-то другое».

Одно было совершенно ясно. Мы все еще были частью Комуса. И наличие грузовика со сложной аппаратурой, которое никак не увязывалось с качеством освещения и звуковыми эффектами, добавляло что-то довольно очевидное. Незнакомцу в коричневом свитере не потребовалось много времени, чтобы выяснить намерения Комуса. И теперь мятежники знали о нашем предназначении. Возможно, мне тоже станет понятна наша миссия, когда снова увижу Харриса.

Что же мне делать?

Предупредить Гатри, что мы обнаружены и рассекречены? Предупредить Теда? У меня есть еще достаточно времени, чтобы решить эту проблему, после того, как я узнаю, во что меня заманили.

Внезапное и непреодолимое желание выпить заставило горло сжаться на мгновение. Проблемы надвигались слишком быстро. Мне нужно было встряхнуться от реальности. Я не рассчитывал на столь тяжелое испытание, когда позволил Наю уговорить себя. Я подумал, что если я потороплюсь, то у меня будет время пропустить стаканчик-другой перед шоу.

Я похлопал беспокойный автомобильчик по боку и выключил рацию на середине фразы. Потом заглушил мотор, включил сигнализацию и опустил ключ в карман.

— Спокойной ночи, — обратился я к нему. — И оставил его наедине с призраками лошадей и коров.

Вечером на улицах Сан-Андреаса людей было гораздо больше, чем я ожидал. Ярko горели огни, многие магазины были открыты, женщины в ярких ситцевых платьях и мужчины в джинсах и широкополых шляпах шумно ходили взад и вперед по центру города. Мне почему-то не нравилось ощущение толпы. В тоне голосов и быстрых нервных движениях людей чувствовалось скрытое, почти истерическое напряжение. Конечно, я не был удивлен, учитывая то, что Сан-Андреас пережил в последнее время, но мне это определенно не нравилось.

Мне все еще хотелось выпить, но теперь я поостерегся бы принимать алкоголь. Но, как бы то ни было, я не рассчитывал на толпу с таким темпераментом. Чтобы найти труппу, мне оставалось только следовать за большинством прогуливающихся людей, и течение несло меня прямо к яркому новому блеску стальных трибун, возвышающихся над головами. Гатри оборудовал места для зрителей, как и планировалось, по эту сторону площади, и строгое мраморное лицо Рэйли решительно смотрело в ночь над нами. Основание монумента еще не было освещено прожекторами, но сложно было не заметить бледную благородную челюсть в драматических тенях, которая возвышалась над крышами.

Трибуны смотрели друг на друга через улицу, которая должна была стать нашей сценой. Слева и справа располагались витрины магазинов, которые были частью наших декораций. Я с восхищением заметил, как Гатри искусно расположил театральное освещение над головами зрителей, и прожекторы светили в глаза любому, кто пытался наблюдать за спектаклем из верхних окон стоящих рядом домов, думая, что они перехитрили всех.

Фургон с аппаратурой был припаркован за одной из трибун, и я увидел, что Гатри оставил узкое пространство между сиденьями, через которое он мог наблюдать за сценой из задней двери грузовика. Две другие машины стояли у обочины, и по некоторым покачиваниям кузовов грузовиков я заключил, что актеры сейчас внутри, одеваются и гримируются, явно волнуясь перед премьерой. Мне тоже нужно было переодеться и привести себя в порядок, но сначала я хотел поговорить с Гатри.

Я нашел его под трибунами, он смотрел вверх и проверял крепления опор. Взгляд его выглядел обеспокоенным, и повод для этого действительно был. В толпе вокруг него преобладала шумная молодежь, и на одежде большинства были приколоты бумажные треугольники с красными цифрами девяносто три, нацарапанными внутри синей звезды. Возбужденные зрители кричали, смеялись, толкали друг друга и звали Гатри. Он не обращал на них внимания, но его челюсти были сжаты, а лицо покраснело. Я заметил, что он старался не беспокоить раненое плечо, но в остальном он казался удивительно бодрым, учитывая то, что ему пришлось пережить.

Похоже, он был рад меня видеть.

– Вы опоздали, – проговорил он. – Я думал, что приедете раньше. Что вы думаете обо всем этом?

Пока он говорил, небольшая кучка подростков-переростков вырвалась из толпы и с криками бросилась на опоры трибун. Весь ряд сидений зашатался, и металл жалобно зазвенел.

Гатри сердито выругался.

– Это продолжается с тех пор, как я начал монтировать трибуны. Становится все хуже. Что же нам теперь делать?

Я начал было что-то говорить, но глухой, гулкий звук, словно кто-то тряс жестяной лист, заглушил мой голос. Раздался взрыв воплей и пьяного смеха. Толпа расступилась, и на улицу, смеясь и пошатываясь, вышла небольшая группа людей, похожих на земледельцев, которые несли огромные куски чего-то ярко-малинового и очень тонкого. Эти куски издавали жуткий грохот, когда их трясли. Красный цвет был цветом Комуса. (Быстрая, произвольная мысль мелькнула у меня в голове. *Что же они несли такое ярко-малиновое и грохочущее под ударами? Загадка. И каков же ответ?*)

Ответ лежал на поверхности. Листы формованного пластика, оторванные от стены контрольной станции Комуса рядом с шоссе. Один из жнецов наклонился, пьяно захохотал, размахнулся огромным куском пластика и с силой швырнул его в стальные опоры трибуны. Лист

раскололся с жутким грохотом, и осколки полетели в толпу. Некоторые возмущенно закричали, некоторые – засмеялись.

Гатри посмотрел на меня.

– Подожди минутку, – сказал я.

Я оглядел яркую, многолюдную улицу позади трибун. Как я и ожидал, я заметил знакомое лицо. Неторопливо перейдя на тротуар, я минуту-другую постоял на углу бакалейной лавки, оглядывая толпу. Затем повернул налево и пошел по аллее между магазинами. Оглянувшись, я увидел темную тень, которая двигалась за мной.

– Харрис? – тихо спросил я.

– Приветствую, Рохан, – поздоровался он.

– Что здесь происходит? – поинтересовался я, с трудом скрывая раздражение.

– Пока ничего, – спокойно ответил Харрис. – Мы просто хотим убедиться, что вы выполнили свою часть сделки. Вы сделали это?

– Я понял. Разве ваш человек с дробовиком вам не доложил?

– Пока нет. Вы хотите сказать, что авто находится на месте? Как вы можете доказать это?

– Как, черт возьми, я могу? У меня его нет в кармане.

– А разве нет?

– А, если вам нужен ключ, так и скажите, – раздраженно ответил я, доставая его из кармана. – И это все? Вот.

Он кивнул и взял его.

– Отлично. Я распоряжусь, чтобы машину завтра забрали. Ладно, дайте мне десять минут и можете начать свое представление.

– Подождите минутку, – обратился я. – Я слышал, у вас есть информация касательно целей нашего спектакля.

Он заколебался, но лишь на мгновение.

– Нам кажется, что мы знаем, для чего затевается премьера. Полагаю, у вас есть право знать. Вы работаете с нами. Кажется, у вас в грузовике есть что-то вроде портативного детектора, сканирующего мысли человека. Только Комус не это ищет.

– Тогда что же он ищет?

Он не ответил прямо.

– У Комуса есть множество зондирующих аппаратов, установленных по всей стране. Данный гаджет тоже предназначен для этого. Но он гораздо чувствительнее известных нам. Ваш детектор ищет особый вид настроения толпы, а в Калифорнии сейчас существует только один настрой электората, за которым может охотиться Комус.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять его. Анти-Ком был тем, за чем охотился Комус. Итак, стало ясно, мы путешествовали

с Анти-Ком-детектором, по мнению Харриса. Если парень в коричневом свитере не ошибся в своих предположениях и понял все с первого взгляда, но у него было слишком мало времени. Мне пришло в голову, что Тед Най, возможно, придумал какой-то отвлекающий маневр, чтобы скрыть реальные факты. Но есть такое выражение, как перехитрить самого себя. Я только кивнул.

— Вы, кажется, не очень волнуетесь, — заметил я. — Наверное, собираетесь отменить нашу премьеру?

— Пока нет. По многим причинам.

— Тогда зачем вы мне это рассказываете? — удивился я.

Он рассмеялся.

— Может быть, я просто хочу посмотреть, как вы сыграете пьесу, — проговорил он, двусмысленно глядя на меня. — Не обращайтесь к Рохан. Мы знаем, что делаем. А теперь почему бы вам не вернуться на площадь и не начать свое шоу? Я буду в первом ряду, так что все будет хорошо.

Довольно глухо я сказал:

— Тогда мы начинаем. Пойдемте.

Глава 16

ЖНЕЦЫ И ПОДРОСТКИ, должно быть, были людьми Харриса, потому что толпа сразу же успокоилась. Но я не спускал глаз с земледельцев. Я знал, каково это — работать так, как они работают, весь день, каждый день, и ничего не ожидая, кроме сна и новой работы завтра. Им нужны новые ощущения. Они приветствуют даже беспорядки, чтобы скрасить унылое существование. Революция была бы глотком свежего воздуха для таких, как они. И я подумал, что некоторые из этих работяг были не так уж далеки от того, чтобы податься в банды мародеров, которые я видел некоторое время назад.

Посмотреть на нас собралась довольно приличная толпа. Трибуны были почти полны к тому времени, когда Гатри, взяв на себя обязанности кассира, решил, что все собрались, и дал мне знак для начала представления.

Мое лицо словно одеревенело под гримом. У меня замерзли руки и ноги. Поначалу я заметил это только краем сознания, потому что мой ум был слишком занят словами Харриса, но я должен был убедиться, что Хенкены готовы к выходу и остальные актеры тоже. Со мной было что-то не так, но пока Хенкены не вышли на сцену, у меня не было времени гадать, в чем причина беспокойства.

Оба они казались предельно собранными для премьеры. Розово-щекие от наложенного грима, с морщинами, подведенными черным карандашом, они спокойно прошли между трибунами и зданиями. Эйлин вошла в дверь магазина. Под вышел вперед в своих пыльных коричневых джинсах, сдвинув шляпу на затылок, поглядывая на одного из зрителей, заблудившегося на сцене в ожидании начала представления. Он поддернул джинсы на коленях и сел на край тротуара, слегка кряхтя от досады на больные кости. Достав перочинный нож, Под вытащил из кармана деревянный брусок и принялся строгать, время от времени поднимая его к глазам, чтобы получше рассмотреть. Постепенно толпа притихла, не совсем понимая, что происходит.

Голос Эйлин от двери заставил всех слегка вздрогнуть. Это был твердый, уверенный, полностью контролируемый голос.

– Муженек! – она почти кричала. – Дорогой, ты меня слышишь? Со всеми этими людьми в городе сегодня вечером, кажется, ты найдешь себе занятие получше, чем сидеть здесь и строгать.

– Погоди, жenuшка. – Под даже не поднял головы. – Ты бы кричала гораздо громче, если бы я был сейчас в «Ирландской Розе».

По трибунам прокатилась волна довольного смеха. Под увлеченно проводил большим пальцем по лезвию ножа, выжидая, когда своими действиями вызовет у зрителей новый приступ смеха. Представление набирало ход.

Я глубоко вздохнул с облегчением и успел на мгновение сосредоточиться на себе. Я с удивлением обнаружил, что сердце бешено колотится, губы одеревенели, а руки заledenели и дрожат. Любопытно, что разум был занят другими вещами, а тело помнило. Это был страх сцены. Сильное ощущение, может быть, самое худшее в моей жизни. Каждый, кто когда-либо ступал на сцену, испытывал страх перед ней. Я крепко сжал холодные пальцы, чтобы руки не дрожали, и оглядел остальных актеров.

Кресси в колоколообразном платье ярко-желтого цвета стояла, склонив голову, и шевелила губами, с отрешенным взглядом, погруженная в свой собственный мир. Она превращалась в ту Сьюзен Джонс, которая выйдет на свет через сорок секунд. Полли стояла, прикрыв лицо рукой, и что-то повторяла про себя, забыв даже о Рое, который в это время ходил взад и вперед короткими быстрыми шажками и что-то про себя бормотал. На очень бледном гриме у него были нарисованы карминовые точки в углу каждого глаза, что придавало ему странный вид вблизи.

Я взглянул на них один раз и отвел глаза. Мой разум отрешился от их проблем, отрешился от революции, тайно кипящей вокруг нас, и

от опасности, которая все еще исходила от толпы. Я был совершенно пуст. Я не помнил, когда должен появиться перед публикой, чтобы произнести свою первую реплику. Но это не имело значения, потому что даже если бы я вспомнил, мои губы были слишком скованными для монолога, а колени противно дрожали, чтобы уверенно передвигаться.

– Будь, что будет, – пробормотал я себе, – мы недостаточно репетировали. Мы не можем поставить пьесу. Нас освистают. Но мы, шестеро дураков, хоть попытаемся.

Я смутно видел, как Кресси глубоко вздохнула, разгладила юбку, внимательно прислушиваясь к голосам с улицы. Она сосчитала до пяти осторожным постукиванием пальца по ладони, потом протиснулась мимо края стальных сидений и спокойно вышла на свет. Я слышал ее голос, как она произносила слова, смысла которых я не улавливал.

Полли трясла меня за руку.

– Ваш выход! Очнитесь, Рохан, ваш выход!

На мгновение мир ожил передо мной, как будто я снова очутился в Нью-Йорке в родном театре и снова стоял на знакомой сцене, слышал знакомые слова. В последний раз я слышал их сквозь туман алкоголя, и слова бессвязно клокотали у меня в голове. Воспоминание было настолько живым, что я на мгновение ощутил глубокую волну опьянения от выпитого спиртного. Я подумал, *я не могу этого сделать, я не могу, я слишком часто терпел неудачу, и на этот раз меня вновь ожидает провал.*

Но руки Полли развернули меня лицом к выходу. Я двинулся вперед на негнущихся, ватных ногах.

Огни ослепляли. Я чувствовал их пульсирующий жар на затылке. Я видел плывущее море лиц со всех сторон, всех! Знать, что все будет именно так – это одно, но встать реально между ними – совсем другое, нечто ошеломительное. Раньше я всегда стоял на сцене, привычно окруженный с трех сторон декорациями и актерами, а зрители были видимы с четвертой стороны. Так было всегда, так я привычно ощущал спектакль. Но здесь у нас не было ни сцены, ни декораций, ни стен. Ничего, кроме широкой улицы, открытой со всех сторон и заполненной наблюдающей публикой. Это было похоже на выход в самую жизнь после долгого нахождения в мире иллюзий. На мгновение меня парализовала тяжесть устремленных на меня глаз.

Потом Кресси развернулась ко мне в желтом платье, чуть склонила голову набок, подняла глаза и произнесла:

– Я не знала, что ты придешь. Я действительно не знала.

Моя ледяная рука поднялась сама собой и нежно погладила ее по шее. Я видел, как она слегка вздрогнула от холода, а затем улыбнулась. И я услышал свой собственный голос...

А потом чудо взяло верх. Знакомое чувство, которое я почти забыл, так это было давно. Я услышал свой голос, полный, уверенный и более богатый, чем он когда-либо звучал на сцене. (Возможно, на меня повлияли события последних дней, так сильно изменившие меня, может быть, даже сильнее, чем я думал). Я слышал эти слова так, словно никогда не слышал их раньше: свежие, спонтанные, возникшие в моем сознании от прилива глубоко переживаемых эмоций, потому, что эта светловолосая девушка в желтом платье была не Кресси, а Сьюзен Джонс. Юная, свежая, прелестная Сьюзен, чья молодость могла бы послужить толчком для обновления моей собственной жизни, если бы я смог завоевать ее. И я просто обязан был это сделать.

Я больше не был самим собой. Я был измученным изгнанником из города, случайно заигрывающим с деревенской девушкой. Я больше не играл в пьесе. Я жил в ней, стал тем, кто случайно обратил на себя внимание и оказался пойманным в ловушку, стал беспомощным против собственной страстной потребности в источнике молодости, которым становится для него девушка. Понимая, что не в состоянии вызвать в ней ответные чувства, он приложит все силы для этого. Я чувствовал глубокую и мучительную тоску, как если бы она была моей собственной. Слова, которые я произносил, были словами из сценария, каждый шаг и жест были по сюжету, но новая сила вливалась в роль, которая увлекала за собой не только меня, но и весь актерский состав, всю пьесу.

Я переосмыслил пьесу, не меняя ни строчки, ни движения. Это все еще была комедия, но теперь в ней появилась глубина и эмоции, и что-то такое, что можно было назвать простыми истинами жизни, немного грустными и наивными, и очень трогательными для всех зрителей.

Я осознал все эти нюансы немного позже. В то время я не знал ничего, кроме того, что должен мобилизовать все силы, которые бурлили во мне, чтобы завоевать девушку по имени Сьюзен и продлить себе молодость из источника ее юности. И сила во мне была бесконечной. Пьеса постепенно превратилась в новую жизнь вокруг меня и заиграла, засветилась новыми гранями. Я чувствовал поток эмоций, идущих от зрителей. Казалось, что они даже дышат в унисон нашему дыханию. Весь актерский состав был захвачен действием вместе со мной, и новый смысл, казалось, расцвел в каждой строке. Я не смог бы достичь этого без своих актеров, и думаю, что чувства, которые вызы-

вала наша игра, были настолько сильными, что ни один из зрителей не смог бы противостоять им, даже если бы захотел.

«Перекресток» больше не был спектаклем о ссоре молодых влюбленных. Речь шла о стареющем искушенном человеке, который слишком поздно понимает, чего хочет, и никогда не сможет этого достичь. А может, и никогда и не смог бы. А может быть, обретя желаемое, он поймет, что не того хотел. Но в то время как он пытается завоевать любовь девушки, то проходит через сильнейшую бурю эмоций, увлекая за собой аудиторию.

Мы дошли практически до конца спектакля, когда я немного пришел в себя, почувствовав впереди в тексте что-то неподходящее для нового «Перекрестка», который мы создавали в процессе игры. Песня Полли и моя ссора с Роем. Это были акцентирующие моменты в конце комедии, но неправдоподобные, очень фальшивые для впечатлений, которые я хотел оставить зрителям.

Я знал, что нужно было сделать. Моя роль была стержнем пьесы, и не было ничего невозможного, что было бы мне не по силам. Уверенность, которая росла во мне, была больше, чем я, больше, чем весь мир. Я чувствовал, как Земля вращается вокруг меня просто потому, что я шел по ней сейчас. Подобно тому, как лесоруб ногами катит бревно к реке, я заставлял крутиться вокруг себя весь сюжет спектакля. Я создал вокруг нас волшебный мир, не шире своей волшебной комнаты, в которой я запирался, чтобы не впускать реальность. Но теперь этот мир сконцентрировал всю бесконечность реальности, а внутри него бурлящие чувства были настолько обнажены, что обжигали при прикосновении к ним.

Момент для песни Полли неумолимо приближался, пока мы продолжали играть. Но песня последовала за моей репликой, и я не успел. Спокойно и уверенно я вырезал дюжину фраз из диалога, чем перевернул весь смысл песни целиком. Затем я, перепрыгнув через страницу сценария, акцентированно задал Полли вопрос. Вопрос, на который она должна была ответить, чтобы привести к моей драке с Роем.

Она подыграла мне виртуозно, не споткнувшись, не моргнув глазом. Я почувствовал лишь легчайшую рябь непонимания, пробежавшую по остальным актерам на сцене, когда они мысленно корректировали свои собственные реплики. Но они очень ловко перевоплотились в новые сюжетные линии, которые шли с более поздними диалогами, к которым я всех нас перетаскил.

Я перешел к кульминации и моей драке с Роем. Но я играл без борьбы. Мы точно следовали сценарию, за исключением того, что не было никакого обмена ударами. Физически.

Это было очень странное чувство – переживать события так, словно они происходили впервые в мире, спонтанно и свежо, но в то же время знать, каким должен стать результат, и идти вперед сквозь время, чтобы придать ему желаемую форму.

Человек, которого я играл в этой пьесе, боролся за проигранное дело, и теперь он знал это, и зрители знали, и знали, что это правильно, что он проиграл. Но было бы неправильно, если бы победоносный любовник победил нокаутирующим ударом. Нокаут был эмоциональным, а не физическим.

В этой сцене было странное, сильное качество, потому что мы никогда не вступали в драки, а ощущение победы над насилием разряжалось на эмоциональном уровне в сознании самой аудитории. Я чувствовал боль побежденного любовника более реальной, чем когда-либо чувствовал синяки от падений, которые получал на репетициях. Было невыносимо расставаться с молодостью и свежим источником радости, которым стала для меня Сьюзен. Я ощутил опустошение и отчаяние...

И в последний момент я понял, что у человека, в которого я превратился, появилось еще одно чувство. Будучи тем, кем он был, он просто обязан был это осознать. Он начинал чувствовать первые слабые проблески облегчения.

Весь свой груз переживаний, накопленный за эти годы, я отдал зрителям. Просто нюанс, но они его приняли. Воздушная легкость в плечах, выпрямленная спина и избавление от бремени – было наградой за это.

Спектакль закончился мертвой, напряженной тишиной на долгие мгновения, а затем последовала мощная лавина аплодисментов, от которых закачались трибуны и задребезжали окна по обе стороны улицы.

Овация длилась добрых пять минут и могла бы продолжаться всю ночь. После нас чуть ли не толпой окружили ошеломленные люди, отчаянно желающие прикоснуться к нам, как к богам.

Когда все закончилось, и сцена почти очистилась, я услышал голос Гатри, звучащий ровно и мрачно из фургона грузовика:

– Мистер Рохан, не могли бы вы зайти сюда на минутку? Я хочу поговорить с вами...

Я НИКОГДА не видел человека в такой крайней степени ярости, граничащей с безумием. Должно быть, минут десять я стоял и слушал, как он кричит на меня шепотом, багровея от напряжения и стараясь говорить тише.

Я не слышал ни слова из того, что он сказал.

Потому что Рохан снова стал самим собой. Лучше, чем когда-либо прежде. Все, через что мне пришлось пройти, стоило того, чтобы это привело к чувству уверенности и триумфа, как сейчас. Все так бы и осталось ничем, если бы я не смог отвоевать свой путь обратно. Я вновь увидел родной театр, сияющий на вечерней улице, толпы людей, стекающих под его крышу, и Говарда Рохана, возвышающегося в ослепительных огнях в половину высоты здания. **РОХАН ПРИШЕЛ В СЕБЯ.** Рохан снова был на пути к вершине, и ничто из того, что мог сказать или сделать Гатри, не проникало сквозь бурю эмоций в моей голове.

Я позволил Гатри разозлиться. Я говорил «да» или «нет», и «никогда не повторится», не слыша его, пока его гнев не унялся, а вены на лбу не перестали разбухать. Но это не имело значения. Я даже не видел его. Мир вращался только потому, что мои ноги шли по нему, поворачивая его, и никого больше не существовало, кроме меня.

Глава 17

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда нам было пора возвращаться в свою рощу, поднялся теплый, довольно сильный ветер. Кое-как мы собрали реквизит и декорации и отправились в лагерь. Гатри был слишком зол, чтобы говорить, да и актеры как-то странно молчали. Не знаю, чего я от них ждал, но явно не этого. Впрочем, это не имело большого значения. Видимо, еще были под впечатлением постановки.

Воздух был наполнен шелестом листвы и поскрипыванием огромных стволов, так что мы продолжали свой путь и с тревогой поглядывали на небо. Шуршание иголок под ногами было таким же непрерывным, как и сам ветер, наполняя наши чувства, как ветер наполнял рощу. Очень ярко светили большие звезды.

Сильный теплый ветер чувств бушевал и во мне. Сдувая прошлое, полируя каждую грань нового Рохана до состояния бриллиантового блеска. Я словно заново родился. Я стал сильным и свободным. Я чувствовал себя *лучше*, чем когда-либо прежде. Даже трудное время не прошло даром. Я быстро опустился на самое дно после смерти Миранды, и годы, проведенные среди полевых рабочих, не были лучшими в моей жизни, но стоили того, чтобы пережить их и стать таким, каким я стал сейчас.

Тяжелое время прошло.

– Иди сюда, – позвал я Гатри, когда он неуклюже спрыгнул из кабины. – Надо кое-что обсудить. – Я кивнул в сторону задней двери, которая вела в брюхо стального кита, где находился телевизор.

Он снова покраснел и начал что-то мне высказывать. Но я пропустил его ворчание мимо ушей.

В ту ночь я ощущал себя совсем другим Роханом, и один из них мыслил остро и ясно, пока мы возвращались в лагерь. Другой просто глубоко дышал, глядел на звезды и наслаждался теплым сильным ветром. Третий находился еще там, на сцене, где публика сливалась в единое целое и дышала только тогда, когда им позволял дышать Рохан.

Но думающий Рохан по дороге выяснил кое-что важное. *Значит, я снова вернулся, подумал он. Я снова в форме, лучше, чем когда-либо. Я вновь обрел бесконечный поток Силы, бурлящий, как река, которым нужно управлять. Поэтому я должен направить его в нужное русло. Мне необходимо вернуться на сцену. Я уже потерял достаточно времени. Мне нужны деньги, чтобы начать с того места, где я остановился. Много денег. Но кто повернется ко мне, кто захочет поддержать меня? Я слишком часто не оправдывал их надежд. Слишком много дверей закрывалось перед моим носом. У меня не осталось друзей, и никто не вложит в меня даже цента, пока я снова не начну трудный путь наверх. А я так устал от этого трудного пути.*

Да, никто не даст мне и цента. Я так ясно увидел перед собой монетку, круглую и блестящую, с выступающей в профиле каменной челюстью Рэйли и грибовидным облаком за его головой, чтобы показать, с чем он боролся и что завоевал давным-давно. И, проплывая между мной и серебристым профилем Рэйли, мысленно я увидел маленькое несчастное личико Теда Ная.

И я подумал, каким же дураком я был там, в Нью-Йорке, согласившись на такую работу за гроши. Я мог бы поторговаться... Сколько мне нужно? Мог бы попросить достаточную сумму, чтобы создать новое шоу. Скорее всего, нет. Так или иначе, момент для торга на старой основе был упущен. Но, может быть, мне стоит поискать что-то новое? Вот что мне сейчас было нужно – точка для торга. Что-то новое и ценное всегда стоит денег в Нью-Йорке.

Думающий Рохан перебирал варианты в поисках источника брэнного металла. *Я здесь, сказал он себе, здесь, во взбунтовавшейся Калифорнии. И это хорошо. Месте, где все дышит революцией. Здесь так много всего происходит. И так много уже произошло, что может привести к еще большему.*

– Мне необходим разговор с Тедом Наем, – уверенно произнес я.

Просто поставил его перед фактом.

Гатри ответил, что не хочет этого делать. Потом добавил, что даже если он бы захотел, то это невозможно, у него нет таких полномочий. Он продолжал ругаться и говорил, что на другом конце континента эта идея тоже не понравится. Я настаивал. Тогда он просто махнул рукой.

Я сидел на ступеньке грузовика, ожидая разговора с Тедом, курил и смотрел, как голубой дым уносится прочь с теплым ветром, слушал шум деревьев вокруг. Я знал, что все будет хорошо.

Минут через пятнадцать появился нахмурившийся Най. Нью-Йорк сверкал в окне за его спиной. Я рассмотрел угол Таймс Сквер, правда, очень маленький, все ярко окрашенные огни были близко друг к другу и затмевали его лицо каждый раз, когда он менял положение головы.

– Послушай, Тед, – уверенно начал я, не дав ему раскрыть рта, – здесь происходят вещи, о которых даже ты не подозреваешь. Я знаю. Поэтому хочу поторговаться с тобой, Тед. Сегодня вечером я устроил лучшее представление в своей жизни и хочу вернуться на Бродвей.

Он проговорил:

– Говард, ты пьян.

На что я парировал:

– Заткнись и слушай. Если я и пьян, то не от алкоголя. Тед, мне нужны деньги, чтобы финансировать новую пьесу. Я могу заработать. Здесь много чего происходит.

– Нет, – резко ответил он. – Ты говоришь как дилетант, Говард. У меня там есть подготовленные люди для работы. Не вмешивайся. Ты просто все испортишь.

– Ладно, я не все тебе рассказал той ночью, – произнес я. – Кое-что *произошло*. Я не был уверен, как ты это воспримешь, и, во всяком случае, тогда мне было все равно. А теперь мне наплевать, что ты думаешь. Я собираюсь пробиться в эту повстанческую организацию и узнать достаточно, чтобы снова создать свой театр. Как насчет этого, Тед?

Он начал было говорить «нет», но потом он замолчал, и его маленькие тревожные глазки попытались проникнуть в мои мысли. Наконец, он сказал усталым голосом:

– Говори, я слушаю.

Отдаленный проблеск осторожности подсказал мне, что не стоит раскрывать все карты сразу. Не сейчас. Не совсем подходящий момент.

– Когда я приехал сюда, то обнаружил, что дела обстоят еще хуже, чем ты говорил, – заявил я. – Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы добраться до нужных людей в Сан-Андреасе. Ты же видел мое помятое лицо. Поэтому знаешь, что все серьезно. Тогда я не сказал тебе, с кем познакомился. Я не сказал, что люди, которые дали мне

разрешение на постановку пьесы в Сан-Андреасе, были местным Комитетом Свободы. Все они присутствовали лично на встрече со мной.

Най наклонился, чтобы внимательно посмотреть на меня, открывая большую часть Таймс-сквер за левым ухом. Нью-Йорк мерцал на расстоянии пяти тысяч километров.

– Ты узнал их имена? – спросил он. – Сможешь ли ты распознать...

– К черту имена. Я мог бы их опознать, но не буду – они мелкие сошки. Я могу использовать их, чтобы добраться до дичи покрупнее. Мне нужны деньги, Тед. Ты дашь мне задание, и я гарантирую, что выполню его. Тебе нужны данные о тайных складах боеприпасов? Тебе нужны имена руководителей мятежников? Ты хочешь знать, что такое Анти-Ком? Просто кивни мне, и я найду ответы. Но за хорошую цену.

– Ты заблуждаешься, Говард, – голос у него был усталый. – Ты хочешь сказать, что они тебе доверяют? Ты просто пришел к ним, и они раскрыли перед тобой свои планы, так просто? Никакой проверки на полиграфе? Я в это не верю.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– У них нет полиграфа. Во всяком случае, здесь. И они доверяют мне так же, как я доверяю тебе. Но я заслужил их доверие. Я сделал для них небольшую работу. Я украл машину Комуса и передал его местному Комитету. Так что теперь я – бунтарь. Как тебе это понравится?

Он оскалился.

– Черт бы тебя побрал, Говард, я же предупреждал! Я не хочу вмешиваться в дела местных властей. Если ты высунешь шею слишком высоко, тебе отрубят голову. Зачем им понадобился автомобиль?

– Они не сказали. Но я смогу это выяснить. И позволь мне самому позаботиться о своей шее, хорошо?

– Я буду беспокоиться об этом, пока не закончится твоя миссия. Мне нужно, чтобы ты руководил труппой, а не шпионил. Подожди минутку, мне нужно подумать. – Он устало потер лоб и порывисто вздохнул в пяти тысячах километрах от меня.

Интересно, как чувствует себя Рэйли в своей богатой постели в эту ночь? Умирает? Или уже умер? (В голове у меня вдруг сложился бессмысленный стишок. Тед-мертв. Най-умри).

– Хорошо, – пробормотал он. – Значит, ты украл машину? Она все еще в пределах досягаемости? Можно ли добраться до нее незаметно?

– Думаю, что да.

– Хорошо. Я скажу Гатри, чтобы он дал тебе маячок. Нужно, чтобы ты установил его на угнанной машине, где его не смогут обнаружить. Тогда мы сможем отследить ее передвижение. После этого ты больше не должен предпринимать никаких действий. Забудь о шпионаже. У

меня есть специалисты для этой работы. А дилетанты могут только помешать.

– А что мне будет за это? – спросил я.

Он вздохнул.

– Накину лишнюю сотню.

Я вздохнул сквозь зубы и сказал ему, что я о нем думаю. Он рассмеялся. Изображение ненадолго задрожало, словно отражаясь в воде. Он покачал головой, и его левое ухо затмило Таймс Сквер.

– Успокойся и делай, что тебе говорят, – пробормотал он. – А теперь пришли сюда Гатри. Он знает свое дело. Следуй его инструкциям. Спокойной ночи, Говард. Уйми свой шпионский пыл, ради Бога, и перестань строить из себя героя. Просто выполняй приказы.

– Конечно, – ответил я. – Так и поступлю. Спокойной ночи, Тед.

Я СТОЯЛ, смотрел на фургон, в котором находилась моя койка, и чувствовал теплый ветер, струящийся вокруг меня. Спать не хотелось. Возможно, я слишком далеко зашел в своих шпионских делах. Сейчас я испытывал потребность в общении с девушкой по имени Сьюзен Джонс, которая, как в актере, все еще жила в моих мыслях. Я посмотрел на звезды и понял, что мне сейчас было нужнее всего. Я нуждался в такой девушке, как Кресси Келлог. Это было странное чувство, чистое, свежее и новое, как будто все мои старые переживания вечером смыло волной аплодисментов.

Озаренный этой мыслью, я медленно побрел по поляне в лунном свете прочь от стоянки. В лагере было тихо. Актеры молча улеглись спать, не обращая на меня внимания, и я остался один в этом мире, наполненный счастьем, уверенностью и новой, теплой потребностью. Лунный свет косыми длинными лучами падал на деревья, освещая все вокруг голубой нереальностью, как притушенные огни рампы. Или, может быть, наоборот, очень реальный свет, чистый до ясности, который может дать только сцена. Папоротники серебрились на фоне густых темных деревьев, и чувство какой-то тайной жизни наполняло всю рощу. Деревья, папоротники, все живое сегодня было живым. Даже воздух жил собственной жизнью. Даже я сам...

Я закурил сигарету, глядя, как бледно-голубой дым рассеивается по ветру, и подумал о Кресси. Интересно, смогу ли я позвать ее, не разбудив всех остальных? И если она выйдет ко мне, что я скажу ей? Все еще думая об этом, я медленно последовал за своим дымком вверх по тропинке к сгоревшей секвойе, шагая как во сне сквозь полосы синего света и густой, ветреной тьмы.

Кто-то сидел, прислонившись к дереву. Я увидел струйку голубого дыма и услышал шорох жестких юбок. Затем в призрачном свете увидел бледные кружева платья, похожие на сахарную пудру, и понял, что не один я сейчас почувствовал необходимость в продолжении спектакля. Я был не одинок. Кресси тоже хотела стать частью этой истории, и она следовала ей.

Она молча наклонилась вперед, без удивления глядя на меня так, словно ждала меня. Я тоже молчал. Пьеса говорила за нас. Чужими словами мы уже сказали друг другу сегодня вечером все, что можно было сказать. Я осторожно затушил сигарету о внутренний изгиб сгоревшей сердцевины огромного дерева, убивая живой уголь на мертвом. Я взял сигарету из пальцев Кресси и осторожно затушил ее о ту же обожженную сторону вечнозеленого ствола.

Она повернулась ко мне прежде, чем мои руки поднялись, чтобы обнять ее, и юбки, как сахарная вата, шумно зашуршали, создавая барьер между нами. Я почувствовал, как ее колени и бедра прижались ко мне через грубую ткань. Кресси была теплой и трепетной в моих объятиях, она откинула голову назад, а ее глаза выжидающе смотрели в мои. Улыбающиеся губы жаждали моего поцелуя.

Все это отдавало какой-то неискренностью. Все, с чем я боролся в пьесе и передал с такой страстью и трепетом переживаний зрителю. И это не давало мне покоя... Я позволил своей руке скользнуть вниз по ее спине, заставив Кресси упруго напрячься подakraхмаленными юбками. Но что-то пошло не так.

Где-то в моем сознании медленно и крепко закрылась дверь.

Свежая новизна исчезла во мне, и вернулось старое и циничное чувство. Я держал в своих руках заводную куклу, и серебряный лунный свет выключился, как лампочка. Голос в моей голове сказал: «Нет, нет, это все неправильно. Это не для тебя. Еще нет. Не сейчас». А потом неконтролируемое воспоминание о сне, казалось, осветило меня и снова исчезло, прежде чем я успел осознать его. Я увидел лишь яркое свечение, слишком быстро исчезающее, чтобы понять его, но и слишком ослепительное, чтобы забыть. Еще мгновение назад я готов был сказать слова признания, но не сказал. Пока не сказал. Я ослабил объятия и отпустил Кресси.

Сказать было нечего.

Минуту или две я стоял, глядя на ее растерянное лицо. Потом покачал головой, скрестил руки в знак отрицания и медленно побрел сквозь темную ночь обратно к фургону и своей постели.

Я долго лежал на койке, глядя через люк в потолке на мерцающие звезды, слушая, как в раскачивающихся кронах надо мной посвисты-

вает ветер, мягкий и необъятный. Я был слишком озадачен и встревожен, чтобы заснуть.

Одно казалось несомненным. Тот сон, который приснился в нью-йоркской спальне, не был сном в обычном понимании. Он был частью реальности. В тумане алкоголя и наркотиков я, должно быть, слишком поверхностно воспринимал загадочного незнакомца, который говорил мне на ухо пророчества, да и туман искажал происшедшее в этом сне. Кто это был и почему он все это говорил мне, все еще плыло в тумане галлюцинаций. Но он сказал мне то, во что я и поверить не мог. Он так и сделал...

Я продолжал рассуждать. Он *послал* меня сюда, в эту труппу, в эту рощу, выбрал за меня единственный путь из всех дорог к этому месту. Почему? Что такого он мне сказал, чего я не должен помнить? Я постучал костяшками пальцев по виску, пытаюсь найти ответ. Но невозможно получить ответы таким образом.

Одно, по крайней мере, казалось несомненным. Он вложил в мой разум некий предначертанный путь, который вел меня в неизвестность. Не совсем против моей воли. Но вопреки моему сознанию. Когда я сворачивал туда, куда не следовало, старое чувство мертвого оцепенения возвращалось, как и сегодня вечером. А когда я повернул в верном направлении... Я вспомнил, как сегодня вечером на сцене разливалось счастье, и само воспоминание о нем снова зажгло огонь. Все это было со мной. Оно придет снова. Внезапно я почувствовал себя очень усталым, очень расслабленным и очень уверенным в себе. Что бы ни случилось, я знал, что смогу справиться с этим, если буду следовать тому курсу, который подсказывал мне мой инстинкт.

Небо было напудрено до бледно-серебряного цвета нагромождением звезд, отступающих в бесконечность. Звезда мятежников, свет Чарли Старра, мигала красным, белым и синим снова и снова среди вершин вечнозеленых деревьев. Подул ветер, мир перевернулся, и я погрузился в забытие.

Глава 18

ГОЛОС ПОД МОЕЙ подушкой звучал твердо и отрывисто. Это был мой собственный голос. «Вставай, Рохан. Пора вставать, Рохан!». Я так мучительно боролся со сном, что не совсем понимал, кто я такой. Когда в голове появилась кое-какая ясность, я сунул руку под подушку и выключил учитель сна, который положил туда прошлой ночью вместо будильника. Темнота снаружи постепенно ослабевала,

ночь только приближалась к рассвету. На койках вокруг меня грузно лежали неподвижные силуэты Пода Хенкена, Роя и Гатри. Ветер стих, звезды бледно сияли над неподвижными секвойями, а вдали по шоссе с приглушенным ревом проехал грузовик, который в мертвенном холоде рассвета звучал смутно успокаивающе.

Я спокойно пошел по своим делам, и никто не шевельнулся, чтобы посмотреть в мою сторону. Под деревьями все еще было темно, и хвоя сонно вздыхала под ногами, когда я шел к стоянке дальнобойщиков. В одном кармане пальто у меня лежал пистолет, а в другом маленькая металлическая коробочка с маячком, которую дал мне Гатри, чтобы я пометил угнанный автомобиль. Она был размером со спичечный коробок, но довольно увесистая. Я остановился на краю поляны и оглянулся.

В безмолвных грузовиках безмятежно спали актеры. Конечно, я должен был извиниться перед ними. Вчера вечером я спонтанно переделал пьесу у них под носом, ослабил роль Полли, присвоил лавры главного героя Роя себе. Они великолепно подыграли мне, но я все равно должен был извиниться перед всеми. Придется сделать это позже. Сегодня утром я направлялся к чему-то более значимому, чем спектакль, и знал, что больше никогда не увижу эту рошу.

Наша импровизированная сцена уже казалась пустой. Под деревьями плотным слоем лежал хвойный ковер. Ветер прошелся по нашим сценическим тропинкам прошлой ночью, но их все еще можно было различить. И мысленным взором я видел призрачные фигуры всех нас, все еще бесконечно репетирующих под висящими прожекторами. Здесь, на этой поляне, со мной много чего случилось. На ней родился другой Рохан.

Уверенный в себе Рохан. Вчерашняя дрожь прежнего страха прошла. Теплое чувство того, что все должно пройти как надо, вернулось ночью, как прилив, заполнив все мое сознание целиком. В карманах пальто пистолет и коробочка с маячком уравнивали друг друга, тяжелые и твердые. Я шел с ними сквозь темноту, озябший и немного удивленный красками горного рассвета, но счастливый от своей уверенности.

Я купил кофе, яйца и горячие пирожки у сонной официантки, которая кое-как передвигалась за стойкой. Поймал попутку с дальнобойщиком, который ехал в Сан-Андреас. Сошел в нужном месте и направился через поля к коричневому амбару.

Это был день, когда мне нельзя было ошибиться. Эпизод с Кресси прошлой ночью каким-то образом растворился в памяти, как сон, и мне казалось, что я никогда не терял полной уверенности в себе. Если

в поле вокруг старого амбара и стоял охранник, то он либо спал, либо был с другой стороны. Дверь меланхолично скрипнула, когда я проскользнул внутрь. Автомобильчик все еще стоял в затхлой, пахнущей коровами темноте, как я и предполагал. Я не мог ошибиться. Не сейчас.

Я коснулся бока авто, и он задрожал, как что-то нервное и отзывчивое, радующееся компании. Коробочка с маячком приятно отдавала тяжестью. Когда я прикреплял ее к нижней части рамы машины, то почувствовал, как она выпрыгнула на последнем сантиметре из моей ладони и нетерпеливо шлепнулась на металлическую поверхность. Намагниченная, понял я. Как бы то ни было, она крепко села на место.

Мне показалось, что я слышу ядовитый голос Ная: «Ради Бога, перестань изображать из себя героя и выполняй приказы». Я рассмеялся, похлопал машинку на прощание и вышел в быстро набирающий силу рассвет. Я не собирался выполнять приказы.

С точки зрения Ная, я уже закончил дело. Со своей – еще даже не начинал. Мне нужна была отправная точка, которую я купил своими собственными потом и кровью. Я рисковал головой ради контактов с повстанцами и из-за авто. Из того, что я сделал, кто-то должен был подмять все под себя, отследить зацепки, получить бонусы. Я хотел, чтобы этим кем-то был я.

Сам по себе угнанный автомобиль был ничем. Это может привести или не привести к чему-то. Мне нужно было сделать что-то очень важное, чтобы создать новый театр. Я стоял в сереющей темноте, глубоко дышал и осторожно проверял свои оценки реальности будущих планов. Смогу ли я это сделать? Останется ли мир твердым и послушным под моими ногами? Это было бы неплохо. Уверенность переполняла меня, как мощный, спокойный прилив. Я был на правильном пути. Назад дороги нет.

У меня не было ни малейшего сомнения, что мне по силам то, что задумал.

МИР ПРОСНУЛСЯ и зашевелился вокруг меня, когда я с трудом поднимался по склону горы над полями, где стоял амбар. В листве пронзительно кричали птицы. Небо сияло ярким золотом на безоблачном востоке, и утро пахло свежими монетами для моего театра. Я сел под деревом и стал ждать. Это чудесно – быть живым.

Если я правильно угадал, тот, кто придет за автомобилем, должен перегнать его в этом направлении. Вряд ли он поедет моей дорогой в обратную сторону. Еще меньше шансов было проехать через Сан-Андреас. Со своего наблюдательного пункта я увижу, куда он направится. Мне нужно было опередить его.

Он не появлялся так долго, что я задремал. Лес вокруг меня ожил, и теплый воздух, поднимавшийся с лугов, дышал тихо, мирно и благоуханно. Но через некоторое время я услышал слабое жужжание вдалеке и очнулся от полудремы. Сначала я не видел ничего, но потом высокая трава начала пригибаться по диагонали через один из лугов. Через мгновение промелькнул автомобильчик с фигурой за рулем. Прежде чем он снова нырнул в укрытие и невидимо продолжал приближаться к горе, что было понятно по колышущейся траве, мне послышалось его жужжание, которое было не громче, чем у пчелы. Мне все еще везло.

Я отряхнулся и направился в его сторону, чтобы срезать путь. У меня было достаточно времени. Я не знал точно, что буду делать, но сейчас это меня не беспокоило. Магия вернулась, и я знал, что не могу ошибиться. Я услышал, как гудение усилилось, когда машина начала ползти по подъему. Я достал пистолет из кармана и побежал, низко пригибаясь, не обращая внимания на ветви, хлеставшие меня по лицу. Водитель направлялся к ущелью в горном хребте, и я должен добраться туда первым.

Я сделал это с небольшим запасом времени. По дороге я наткнулся на сломанную ветку, которая больно поцарапала мне лоб, и даже это было удачей, хотя тогда я этого не знал. Я почувствовал, как начинает сочиться кровь, и сердито вытер ее тыльной стороной ладони, поднимаясь по склону. Жужжание внизу нарастало, как улей, полный пчел, когда я поднялся на гребень и посмотрел вниз на овальную крышу машины, которая быстро неслась по склону холма. Было забавно наблюдать, как автомобильчик подпрыгивал из-за конструкции своих колес — передние были малюсенькие, а задние, наоборот, выглядели огромными. Водитель низко сидел на ковшеобразном сиденье, высоко согнув колени. Я оказался достаточно близко и не мог промахнуться.

Я очень тщательно прицелился и выстрелил в его левую ногу. Треск выстрела прозвучал в лесу отчетливо и громко. Эхо отскакивало от дерева к дереву, как от выстрелов множества стволов. Может быть, именно в этот момент мне пришла в голову новая идея.

Я увидел, как водитель согнулся пополам, схватился за ногу, и машина, описав полукруг под горкой, остановилась. Решив как можно правдивее реализовать свой замысел, я развернулся и пополз по склону в овраг, из которого только что выбрался. Пробежал немного вниз по склону, а потом три или четыре раза прокричал так громко, как только мог, каждый раз меняя голос. Затем выпустил несколько пуль наугад в разные стороны и продолжал кричать. Одна пуля со свистом отрикошетила от камня. Эхо от выстрелов отражалось от стен оврага

и затихало среди сосен, пока моя короткая перестрелка с самим собой не стала походить на бой нескольких бойцов. Я быстро перезарядился и сделал еще три выстрела, крича на несколько голосов. А потом спокойно пошел обратно по склону холма к машине.

Парень лежал на земле за скальным выступом, пистолет был направлен в мою сторону, а его выпученные глаза удивленно смотрели на меня. Я опустил оружие в карман и поднял обе руки.

– Все в порядке, – крикнул я ему. – Они ушли. Как ты?

– Кто они? – спросил он, не шевелясь.

– Комус, я думаю. Или мародеры. Как это можно определить?

Я не очень хорошо его разглядел. Я размазал кровь, стекающую по лицу, чтобы выглядеть правдоподобнее.

– Мне повезло, – скромно ответил я. – Я отделался царапиной. А как насчет тебя?

– Не беспокойся обо мне, – буркнул он, все еще глядя на меня через прицел пистолета. – Кто ты такой? Что ты здесь делаешь?

Я откровенно посмотрел на него.

– Меня зовут Рохан. Вчера вечером моя труппа поставила спектакль в Сан-Андреасе. А еще я тот, кто угнал этот автомобиль по приказу Харриса. – Я снова вытер кровотоочащий лоб и повернулся. – Если с тобой все в порядке, я пойду.

– Я спросил, что ты здесь делаешь. – Он слегка постучал стволом пистолета по камню, чтобы напомнить мне об этом.

– По правде говоря, – честно признался я, – я не знал, что Харрис собирается делать с этой машиной. В конце концов, я ее украл. Там повсюду мои отпечатки. Если Харрис хочет, чтобы меня пристрелили, все, что ему нужно сделать – это доставить ее на ближайшую станцию связи. Я думал об этом прошлой ночью и не мог заснуть, пока не проверил, все ли в порядке. Когда я увидел, как ты едешь в гору, я решил немного подняться, чтобы разведать обстановку на другом склоне. Я так думаю, это был отряд Комуса. Потом я услышал выстрелы, и ... – я показал на свой кровотоочащий лоб. – Их было только двое, и они, наверное, уже далеко отсюда. – Я сделал паузу. – Ничего, если я сейчас уйду? – устало добавил я.

Он с трудом выбрался из-за скалы и убрал пистолет.

– Мне очень повезло, что ты оказался здесь, – пробормотал он неохотно. – Спасибо.

Он посмотрел на свою ногу. Штанина промокла, и кровь начала стекать по камню, на котором он лежал.

– Выглядит не очень, – быстро сказал я. – Давай посмотрим.

Пуля прошла навывлет, оставив неприятные на вид дыры с обеих сторон его икры, и он довольно сильно истекал кровью. Я знал, что ранение несерьезное, но хотел, чтобы он думал иначе. Я надеялся, что он так же мало понимает в подобных вещах, как и я.

— У тебя есть носовой платок? — спросил я. — Ты теряешь слишком много крови. Может, тебе лучше вернуться в город? — Я дал ему подумать, а потом добавил: — Я мог бы сесть за руль. Не думаю, что ты в состоянии управлять машиной.

Он выглядел бледным и просто молчал.

— Давай-ка наложим жгут, — проговорил он. — Может быть, кровотечение ослабнет. Я хочу вести машину сам, если смогу.

Я старался помочь.

Глава 19

ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ мы уже мчались по лесной дороге, я был за рулем. Мы ехали вперед, а не назад. Получилось все именно так, как я и рассчитывал. Сегодня я не мог ошибиться.

Горы поднимались большими лесистыми хребтами с обеих сторон. Я повел машину на северо-восток, следуя указаниям моей новообращенной жертвы. Его звали Клифф. Я не задавал никаких вопросов. В этом не было необходимости. Я знал, что под днищем маленькая коробочка прижимается к металлу и посылает невидимые, неслышные сигналы. Где-то на карте Комуса, пока мы ползли, ползла и маленькая светящаяся точка. Может быть, на карте они увидят, куда мы направляемся. Сам я не знал. В принципе, мне было все равно. Главное, что Клифф знал. Дважды я слышал отдаленный шум вертолета, ненавязчиво следующего за нами. Оба раза я начинал слишком быстро тараторить, а Клифф был слишком занят раной, чтобы внимательно слушать меня.

Я думал о трупке, которая осталась далеко позади. Они проснулись, собирали вещи и, наверняка, гадали, куда я пропал. Я позволил их образам пронестись в сознании. Гатри и наши конфликты, Полли и Рой с их узлом банальных неприятностей, Кресси — сосредоточие стольких желаний всех нас, Хенкены, у которых осталось так мало времени. Как долго они будут ждать меня?

Мне было немного жаль Гатри, который сейчас пребывал в мучительной нерешительности, гадая, состоится ли еще постановка, не смотря на пропажу Роухана? *Пусть попотеет*, подумал я. Дуглас Флэтс не так уж далеко отсюда. Я знал следующую остановку в маршруте

труппы, и я намеревался попасть туда до начала спектакля. А если и нет, у меня была бы на то причина.

Но в глубине души я знал, что буду там. Труппа тоже это знает. Они бы не очень волновались. Дикие лошади не смогли бы удержать меня вчера на сцене. Я бы сделал это, даже если бы мне пришлось свернуть горы, чтобы добраться туда. Между тем передо мной стояла другая задача, решение которой тоже выглядело многообещающе.

Примерно через полчаса мы перевалили через гребень и покатались вниз по склону через высокую, струящуюся траву на один из самых красивых маленьких горных лугов в мире. Голубой ручей змеился по нему, и дно долины было покрыто цветущим тростником и травой почти в рост человека.

Клифф наклонился вперед, указывая пальцем.

– Ну вот, – сказал он.

Нужно было хорошенько напрячь зрение, чтобы заметить это. Здание было широким и низким, с соломенной крышей, покрытой растущей травой, так что самолеты-разведчики, способные отличить зеленую краску от травы, не могли его заметить!

Я спросил:

– Что это?

– Распределительный центр, – ответил Клифф и вернулся к своему колену, которое было обмотано большой окровавленной повязкой.

Я жадно уставился на здание, и сердце учащенно застучало. Так много зависело от следующих нескольких минут. И минуты – это все, что у меня было. То, что я успею сделать до того, как десант из вертолетов прижмет нас, может определить успех или неудачу для меня, вернется ли Рохан к прежней жизни деревенского работника или вновь окажется на вершине славы в Нью-Йорке. И я даже понятия не имел, что должен делать. Мне оставалось только ждать.

Трава струилась по стеклу, как вода, когда мы, покачиваясь, тащились по болотистому грунту долины. Дважды часовые останавливали нас, и под дулом дробовиков требовали, чтобы мы назвали цель визита. Мы оставили машину под деревом на углу здания, и Клифф, поддерживаемый мной, болезненными прыжками двинулся к двери. Теперь я слышал оживленный гул голосов изнутри. Я продолжал твердить себе, что каждая минута на счету. Мне нужно было как можно лучше осмотреть все внутри и найти какую-нибудь причину задержаться здесь. Любую, прежде чем Комус превратит здесь все в ад.

Внутри все напоминало улей. У меня было время на один быстрый взгляд, слишком поверхностный, чтобы что-то отложилось в памяти. Я помогал Клиффу поддерживать вертикальное положение, пока на нас

никто не обращал внимания. Это было больше похоже на фабрику, чем на большой дом, скрытый в глубине горного луга. Как все эти люди добрались сюда, не оставив следов, у меня не было времени удивляться. Комус, должно быть, усиленно охотился за такими местами. По центру помещения расположились длинные столы – сборочные линии, а стоящие по бокам работники упаковывали ящики с боеприпасами и продовольствием. Вдоль стен шли бесконечные полки и стеллажи с одеждой, ботинками, одеялами. Там же были складированы штабеля сухих пайков и аптечек первой помощи.

А в углу за ширмой кто-то управлял машиной, которая время от времени издавала длинные, приглушенные звякающие звуки металла о металл. Из-за ширмы доносился запах йода, и несколько человек, казалось, двигались вокруг стола, на котором было собрано что-то захватывающе интересное. С того места, где я стоял, мне были видны две или три склоненные головы, и одна из них принадлежала женщине, с темной, заплетенной в косу короной волос, которую я, кажется, помнил.

В этот момент кто-то у двери поднял голову и увидел нас. Сразу же возле нас образовалась небольшая группа, и все хотели немедленно узнать, что случилось с Клиффом, и стоит ли это расценивать как подготовку к захвату распределительного центра. Несколько голосов одновременно позвали Элейн и доктора Томаса, которые оказались одной и той же женщиной. Толпа расступилась перед ней, а она, хладнокровная и деловитая, была одета сегодня в голубую рубашку и брюки, которые шли ей гораздо больше, чем белый халат, который я видел на ней при последней встрече. Черные глаза внезапно настороженно округлились, когда она узнала меня.

Седовласый мужчина со шрамом на щеке, казалось, был здесь главным. Элейн Томас достала аптечку и принялась обрабатывать рану Клиффа, пока я рассказывал им свою простую историю. Возможно, мне повезло, что Элейн присутствовала на заседании, когда меня проверяли на полиграфе в Сан-Андреасе.

– Я сама испытывала его, – сообщила она, мельком взглянув на седовласого типчика, который засыпал ее вопросами. – Если только с тех пор он не изменился кардинально, он все еще на нашей стороне. – Она бросила на меня быстрый взгляд снизу вверх.

– Или это не так? – спросила она.

– Я на своей собственной стороне. Я говорил вам это с самого начала.

Я ответил ей тем же взглядом. Черные глаза умудрились передать, что она все еще думает, что между нами может возникнуть что-то лич-

ное и волнующее, если мы когда-нибудь встретимся в подходящей обстановке. И, как ни в чем не бывало, она продолжала перевязывать рану со спокойной деловитостью.

Седовласого очень интересовал предполагаемый налет двух человек на угнанный автомобиль там, на окраине Сан-Андреаса. Мне было нетрудно сохранить правдоподобие истории. Я говорил быстро, включив все свое актерское мастерство, убедительно и красноречиво, со всеми деталями. Все, что мне нужно было сделать, это затянуть разговор на несколько минут, потому что Комус уже был в пути и быстро приближался. Я рассказал ему об автомобильчике, оставленном под деревом. Я описал двух парней, которые якобы напали на меня. И все это время я отчаянно пытался найти самую важную вещь в этом шумном улье, которая помогла бы мне вытянуть деньги из Ная. Мне нужны были козыри. Теперь я не мог вернуться без ценной информации, которая могла бы подсластить ожидающий меня прием.

Думаю, именно тогда я услышал нарастающий гул вертолетов. Я услышал его, потому что прислушивался. Что касается остальных, то никто не обратил на него внимания. Элейн закончила перевязку и выпрямилась, держа окровавленные руки подальше от себя, ладонями вверх и посмотрела на меня со слабой улыбкой.

— Ну и что нам теперь с тобой делать, Рохан? Это место знают немногие. Непосвященным, вроде тебя, сюда вход воспрещен. Ты поставил нас, и себя в первую очередь, в неловкое положение.

— Ты можешь просто пристрелить меня, — предложил я и улыбнулся.

Черные глаза, серьезные и задумчивые, смотрели на меня с тайной заинтересованностью, что может произойти между нами, окажись мы наедине. Как сильно мы могли бы наслаждаться друг другом, и как мало шансов, что это время когда-нибудь наступит. Но в этом взгляде была уверенность, какая-то настороженная доверчивость, и я подумал, что уже давно никто так на меня не смотрел.

Это заставило меня вспомнить о Миранде. Женщина с теплотой и красотой, женщина, искушенная в своей профессии, смотрела на меня с ожиданием. Миранда смотрела на меня так всегда. Миранда думала, что это ожидание основано на чем-то реальном. Искала во мне что-то, чем я могу поделиться с ней. Я не знаю, чего именно она ожидала. Но явно не фанатичное, а порой и яростное чувство преданности своей профессии. Чувство фанатизма, с которым я всегда отдавался работе да еще с моим диким характером и под жестким контролем. Но для Миранды там вообще ничего не было.

Внезапно вся теплая уверенность, которая наполняла меня яркими, горячими волнами, остыла и отступила. Внезапно я снова почувство-

вал себя пустым, каким был так долго. Я с тайной ненавистью взглянул на Элейн. Мне захотелось крикнуть ей в лицо: «Ты думаешь, что я смогу дать тебе то, что я не смог дать Миранде?! Так у меня не было ничего, чего она ожидала, и это убило ее! И уничтожило меня. И я не знаю, чего желаешь ты! Но я знаю, что я не смогу тебе этого дать. Все, что я умею, так это двигаться прямо к своей цели, пусть трудным путем, перешагивая через всех, чего бы это мне ни стоило. Цель оправдывает средства. Даже если мне придется вычеркнуть Миранду из своей жизни. Даже если мне придется заигрывать с мятежниками, которые ведут борьбу против Ная, который знает меня таким, какой я есть. Даже если мне придется обманывать Ная, чтобы получить то, что мне нужно. Я не знаю другого пути. Я не могу поступить иначе. Если бы я мог, то пошел бы другой дорогой. Я — Рохан, и я делаю все по-своему!»

Все это мгновенно пронеслось в голове в одно мгновение, пока черноглазая девушка стояла передо мной с окровавленными ладонями, слабо улыбаясь мне. Пока я стоял, опустошенный и потрясенный, ненавидя ее, внезапный треск выстрелов раздался прямо перед входом в центр. Чей-то предостерегающий вопль превратился в крик.

После этого все пошло наперекосяк.

Еще мгновение я был опустошен. Все снова исчезло из моей жизни. Я слишком быстро упустил шанс что-то сделать. Здесь все и кончилось.

Но во внезапной дикости обстановки был определенный порядок. Повстанцам потребовалось всего несколько секунд, чтобы собраться. И в этом порядке я увидел свой шанс. Теплые, яркие волны уверенности вернулись, и Рохан снова стал самим собой.

Я видел, как некоторые бежали к оружейным бойницам в стене, заряжая оружие на ходу. Другие рабочие приступили к целенаправленным действиям, организовавшись на моих глазах в хорошо тренированную группу, которую они, должно быть, репетировали бесчисленное количество раз, готовясь к тому дню, когда Комус найдет их. Седовласый отскочил от меня, перекрикивая шум оглушительных выстрелов снаружи и отдавая четкие приказы. Комус. И часовые там вели яростный бой. Внутри никто не стрелял, хотя у бойниц люди с оружием стояли, напряженно чего-то ожидая.

Я присоединился к ним немедленно. Ко мне снова вернулось чувство счастливой уверенности в удаче. Я не мог ошибиться. И это было восхитительно. Потому что они спасали самое важное. Они взглядами говорили мне яснее слов, что делать дальше.

Я играл честно. Две женщины из всех сил пытались сорвать крышку с ящика с винтовками. Я выхватил зубило у них из рук и раз-

жал доски под визг выдираемых гвоздей. Люди у полок с антибиотиками набивали карманы маленькими коробочками, и я с табурета передавал им припасы с верхних полок.

Вот так я и увидел коробку с ампулами, изготовленными в виде перстней. На верхней полке с надписью «СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД» большими красными буквами поперек лицевой стороны. Я открыл крышку, потянувшись за новыми пакетами антибиотиков, и два ряда аккуратных позолоченных ампул смотрели на меня из своих гнезд, каждое с округлой синей головкой, как невинный глаз. Они были разных размеров. Под крышкой коробки мой быстрый взгляд успел прочитать одну единственную строчку напечатанной инструкции, приклеенной к подкладке: «Раздавить стекло зубами. Цианид – мгновенная смерть».

Секунду я стоял неподвижно, позволяя информации отложиться в мозгу. Ампулы смотрели на меня невинными голубыми глазами, полные мгновенной смерти. Сознание будто отрешилось от всего этого шума, когда я размышлял. Я медленно закрыл крышку.

Сгребая коробки автоматическими движениями, я попытался вспомнить, почему ампулы с цианидом не показались мне в этом месте совершенно странными. Я видел такую ампулу в форме перстня на чьей-то руке здесь, в этом здании, несколько минут назад. Просто мимолетный взгляд заметил это машинально. У кого? Кто бы это ни был, он должен был занимать важный пост. Вы же не носите кольцо с цианидом ради забавы. Вы должны быть носителем секретных знаний, которые вы не должны разгласить даже под воздействием наркотиков. Кто это мог быть?

И тут я вспомнил. Седовласый со шрамом.

Я стоял и обдумывал это, когда канонада снаружи ослабла, а потом и вовсе прекратилась. В ушах зазвенело от наступившей тишины. Затем голос, многократно усиленный громкоговорителем проревел снаружи:

– На счет десять, – вещал он, – мы применяем сонные бомбы. У вас есть десять секунд, чтобы выйти с поднятыми руками. Один! Два..!

На мгновение меня охватила паника.

Я никогда не ощущал на себе действие этой бомбы, но знал, что большой процент отравленных газом жертв даже не просыпается. Насколько велик этот процент, мне было неизвестно.

Если кто-то и был напуган, то не подавал виду. Я слышал быстрые приказы нескольких людей, перекрикивающих друг друга, точно также сбивающих с толку актеров, как голоса толпы.

– Всем руководителям секторов – встречаемся с Педро в одиннадцать восемьдесят.

– Все разносчики продовольствия собираются у Олсенов после захода солнца.

– Диверсионные группы, работайте с юго-восточного угла. Прикройте эвакуацию автомобиля.

Последний приказ был от седовласого, который забрался на стол, чтобы его все слышали. Я увидел, как блеснуло голубое кольцо на пальце. Он перекрикивал шум и махал рукой, привлекая внимание.

– Бункер отдыхай! Через запасный выход отвлеките внимание от машины! Вы меня поняли? – повторял он. – Любым способом!

Снаружи громкий металлический голос зловеще отсчитал:

– Пять! У вас осталось пять секунд, чтобы выйти с поднятыми руками. Эй, вы там внутри! Шесть! Семь!

Человек на столе обвел взглядом стены и людей, стоящих наготове у бойниц. Он поднял руку, чтобы подать сигнал.

– Вот оно, – произнес он. – Всем приготовиться. Огонь! – и опустил руку.

Со всех сторон я услышал одновременный грохот выстрелов. Чудовищный шум снаружи раздался так внезапно и так громко, что у меня возникло странное чувство, будто я не заметил этого. Потом на мгновение стало сравнительно тихо. Но через долю секунды моя голова загудела, как колокол, от такого ужасающего грохота, что я чуть не лишился рассудка.

Какой-то дальний уголок разума подсказал мне, что мятежники, наверное, подорвали какие-то замаскированные мины снаружи по периметру здания. Может грохот был результатом массированного обстрела из заранее оборудованных позиций. Но все мы внутри, даже те, кто знал, чего ожидать, на мгновение были ошеломлены.

Затем шум открывающихся тяжелых дверей отдался гулом по всему помещению. Свет хлынул синим дымом и закипел пылью, и мятежники моментально рассеялись. Все, кроме меня, точно знали свои задачи.

На секунду я замешкался. Затем я вспомнил, что мне необходимо сделать. Угнанный мной беспокойный автомобильчик. Добраться до него. Что бы они ни загрузили в него, это очень важно. Вот для чего я здесь. Не упusti свой шанс.

Снаружи, ослепленный солнечным светом, я увидел зависшие вертолеты Комуса, которым трудно было приземлиться на цветущем болотистом лугу неподалеку. Вокруг здания тлело кольцо почерневшей травы и сырой земли. Среди мерцающих углей лежали тела, а те люди Комуса, которые еще держались на ногах, выглядели сильно контуженными и ничего не соображали. Но они быстро приходили в себя.

Не так стремительно, как рассредоточились мятежники, но достаточно быстро.

Вдруг из дальнего угла здания раздались крики и выстрелы, а со стороны реки донеслась серия мелких взрывов. Мне ужасно хотелось обернуться и посмотреть, но я подумал, что это маскировка диверсионных групп. Я знал, что автомобиль был действительно важен.

Толпа рассеялась, и каждый бежал к лесу, как кролик. Они рассыпались между кустарников. Но несколько направились к дереву, где мы оставили угнанный авто, и я добежал до него первым. Но через несколько мгновений я уже был в центре сосредоточенной, молчаливой толпы, загружающей коробки на сиденье рядом с водителем, а Элейн сортировала пакеты, чтобы освободить место для большого плоского квадратного свертка шириной около шестидесяти сантиметров, который был заботливо закутан в одеяла, словно ребенок, которого постоянно донимают сквозняки. Так, как она держала его, и то, как все здесь бережно относились к нему почти с благоговением, заставило меня смотреть на сверток с нарастающим интересом.

Что находится внутри? Я подумал, *может быть, я принимаю желаемое за действительное, или это было то, что мне нужно...*

Седовласый тип отдавал приказы быстрым твердым шепотом:

– Ну, вот и все, – тараторил он после быстрых тридцати секунд работы, которые показались ему намного длиннее. – Прекрати, Элейн. Не спорь. Быстро! Держитесь высокой травы и постарайтесь пересечь хребет через ущелье. Остальные, рассредоточьтесь и бегите рядом по траве. Сбивайте траву вокруг. Уничтожайте все следы. Направьте их по ложному следу. Ладно, вперед! Удачи!

Мы двинулись. Все рассредоточились и побежали вслепую, я бежал вместе с остальными. Жесткие стебли камыша хлестали меня по лицу, болотистая почва засасывала ботинки. Позади меня раздавались выстрелы, когда люди Комуса начали приходить в себя. Со всех сторон я слышал топот ног, хруст тростника, тяжелое дыхание бегущих людей, а справа от меня – пчелиное гудение машины, уносящей Элейн и неведомое сокровище прочь быстрее, чем я был в силах бежать.

Так я ничего не добьюсь. У меня был только один шанс, не более, добраться до очень важной вещи, а возможно самой важной в Калифорнии. Или ее части. Но через несколько минут машинка поднимется на холм, проедет вверх по склону и скроется в лесу. И это был крах моих надежд. Кто-нибудь другой проследит за ним по сигнальному маячку, все еще прикрепленному к днищу машины. Кто-то другой получит желаемое. Если не...

Стрельба позади нас стала громче. Я услышал глухое, тяжелое гудение запускаемого вертолетного двигателя и понял, что, что бы я ни сделал, мне придется действовать быстро. Причем скрытно. Я оказался между двух противоборствующих сторон, и если кто-то из них поймает меня на этом, то мне конец.

Земля под ногами казалась тверже. Она больше не цеплялась за подошвы, и под густой травой начинался склон. Я слышал, как скорость автомобиля увеличивалась по мере того, как дорога становилась лучше, и его работающий мотор понес его вверх с меньшим напряжением. Потом камыши поредели, и сквозь них я увидел маленькую машину, которая покачивалась и ползла вверх по склону. Увидел в кабине Элейн, низко склонившуюся за рулем. Она уже обогнала свое сопровождение. Через минуту-другую она перемахнет за гребень и окажется вне досягаемости.

Я остановился в зарослях камышей, вытащил из кармана пистолет и тщательно прицелился. Я ждал очередного выстрела преследователей. Через некоторое время, когда он раздался, я выстрелил одновременно с ним и звуки слились в один. Автобус достиг уже вершины холма, поэтому я хорошо видел, что произошло дальше.

Машина сильно накренилась. Огонь вырвался короткими, яркими искрами из его нижней части, куда попала моя пуля. Я был рад, что ничего не загорелось. Это была чистая удача, потому что через мгновение из его автоматической коробки передач вырвался поток тягучего темного масла и лениво полился на камни. В оцепенении, затаив дыхание, я ждал взрыва. На одно яркое мгновение мне показалось, что я смотрю в блестящие черные выжидательные глаза Элейн, которые просят меня о чем-то, чего я не мог ей дать. Защита? Мысль о том, что я избавлю ее от опасности, если она встанет между мной и тем, чего я добиваюсь? Я никогда не щадил себя. Теперь я знал, что никогда не щадил Миранду. Нет, если Элейн ожидала подобного от меня, то она просила слишком многого.

Но когда я увидел, как черное масло тягуче вытекает из жизненно важных органов нервного маленького авто густыми потоками, я на мгновение испытал глупую жалость к машине, которую не мог позволить себе испытывать к живым существам.

Все это произошло за долю секунды. В тот момент, когда я нажал на спуск, я упал ничком на землю, но не слишком быстро. Три или четыре пули просвистели над моей головой, улетев в камыши. Я никогда не узнаю, были ли это пули Комуса или повстанцев. Шуршание сухой травы и топот вокруг меня в камышах внезапно прекратились, а затем, выждав, возобновили свое осторожное шевеление. Тихо звали голоса.

Я тоже позвал и вместе с остальными спросил, что случилось. Никто ничего толком не мог пояснить.

Через несколько мгновений, обменявшись многозначительными взглядами, мы вышли из кустов, вытирая грязь и пот с наших лиц. Вертолет с трудом оторвался от земли на лугу. Время от времени вокруг покинутого нами здания гремели выстрелы, и иногда над нашими головами тонко свистели шальные пули. Я поднял глаза как раз вовремя и увидел, как трое или четверо незнакомцев вскарабкались к неисправному автомобилю, перекатали его через гребень и скрылись вместе с ним из виду.

Я начал подниматься по склону. Пуля просвистела мимо моего уха и ударила в скалу в двух метрах от меня, осыпав мое лицо осколками камня. Слева я услышал глухой звук и не понял, что это такое, пока кто-то рядом со мной не закашлялся, потом наклонился вперед и начал мягко сползать вниз по склону, вызывая небольшую лавину гальки. Я почувствовал, как адреналин вливает свежую энергию в каждый нерв и мышцу, когда я бросился вверх, перепрыгнул через гребень и упал с другой стороны хребта, приземлившись на ушибленный бок. Я проскользил по камням несколько метров, прежде чем смог остановиться.

Седовласый рывком распахнул дверцу машины, и я увидел, как Элейн вылезла из кабины, волоча завернутый в одеяло сверток через сиденье. Даже сейчас, в напряжении, мне казалось, что она держала его с благоговением, как будто это мог быть святой Грааль*. А может, так оно и было. Может быть, это было частью самого большого сокровища в Калифорнии. Больше, чем самая высокая секвойя. Больше, чем залив Сан-Франциско. Больше, чем Лос-Анджелес. Больше, чем весь мир, по крайней мере, для Ная, для меня и для всех мятежников во всей стране. Если бы это было то, о чем я думал...

С того склона, который я только что покинул, донесся грохот выстрелов, эхом отразившийся от камышовых зарослей внизу. Сначала он был непрерывным, потому что оружие мятежников гремело во всю мощь, а потом шум стал менее интенсивным, потому что склон полностью простреливался из камышей, и там не было никакой возможности укрыться. У нас было всего несколько минут, чтобы скрыться в безопасной зоне.

Я видел, как седовласый тип быстро огляделся вокруг, оценивая ситуацию. Я подскочил, чтобы помочь Элейн. У меня руки чесались нащупать очертания того, что было завернуто в одеяло. Не то чтобы

* Святой Грааль – волшебный сосуд, обладающий чудесными свойствами. (прим. перев.)

из-за своего невежества я мог что-то сказать, но, по крайней мере, мне было бы что доложить Наю, даже если бы сейчас весь этот проект провалился. С большей трепетностью, чем жених тянется к невесте или отец к своему первенцу, я взял сверток в руки. На одно мучительное мгновение я ощутил под одеялом его неровную и таинственную, замысловатую, расплывчатую и неопишемую форму.

Затем вспышка из криков и треск выстрелов донеслись с дальней стороны поляны, где находился автомобиль. Я был слишком растерян и не понимал, что происходит. Седовласый оказался проворнее. Он схватил меня за плечо, развернул и выхватил завернутый в одеяло Грааль. Он швырнул его обратно на сиденье машины, затем схватил Элейн за руку и потащил за собой в лес.

– Назад! – закричал он. – Элейн, прочь от машины!

Она знала, что он имел в виду, а я только мог догадываться.

– О нет! – взмолилась она с горечью в голосе. – Тони, мы как-нибудь справимся. Это почти последний образец. Тони, мы *не можем*...

– Мы должны это сделать! – он накричал на нее. – Мы окружены. Я должен это сделать. Отойди. – Он вытащил из-за пояса пистолет и закричал: – Разойдитесь! Разбегайтесь! – приказал он остальным.

Теперь стрельба усилилась с обеих сторон, поднимаясь по склону с луга и приближаясь к нам из-за деревьев за поляной. Седовласый направил пистолет на лежащий на сиденье автобуса сверток.

Элейн закричала:

– Нет, Тони, не надо! – и отчаянно попыталась броситься между ним и свертком. Он ничего не ответил, но нанес ей такой сильный удар по лицу, что она отшатнулась. А потом он нажал на курок.

Взрыв оказался колоссальной силы. Сам Грааль, должно быть, имел свой собственный потенциал разрушения, встроенный в него именно для такой чрезвычайной ситуации. Летящие осколки стекла и металла с шипением просвистели мимо нас в напряженном воздухе. Поляна стала ослепительно яркой на мгновение, а затем невидимой, пока наши глаза привыкали к нормальному свету после вспышки. Когда ко мне вернулось зрение, я не увидел ничего, кроме дыма, искореженных обломков авто и сине-фиолетового остаточного изображения взрыва, которое плавало на сетчатке моих глаз и наполовину скрывало все, на что я смотрел.

Раздался знакомый голос, все еще кричащий:

– Все в стороны, уходите! – прямо за моей спиной. Я вслепую повернулся и заковылял на звук.

Туман на поляне, казалось, наполнился фигурами, которые сходились в рукопашной схватке. Вспышки освещали все вокруг, слышался

треск близких выстрелов. Я увидел, как седовласый бежит от меня сквозь деревья. Комус наконец догнал нас.

И все было кончено. Мне нечего было потребовать за все мои усилия, за все мои риски. Я прикоснулся к драгоценной тайне, но не более того. Да, я почувствовал прикосновение к идолу мятежников, но не увидел его. Должно быть, это *была* часть Анти-Кома. В моем оцепенении мне казалось, что меня привели сюда силы из сна и собственного слепого следования ему. Я прикоснулся к драгоценному предмету, а затем, подобно Граалю, он исчез во вспышке света, в семь раз ярче дневного.

Я инстинктивно огляделся, но Элейн нигде не было видно. Я видел мятежников, которые либо лежали в пыли, либо убегали. Я увидел седую фигуру, исчезающую среди деревьев. И внезапная слепящая ярость захлестнула меня при виде его. Парень, который вырвал успех из моих рук в тот миг, как я к нему прикоснулся. Парень, который разбил чашу Грааля.

Через вспышку гнева я услышал тихий, спокойный голос, прозвучавший у меня в сознании. *Если ты не можешь вернуть Грааль, почему бы тебе не вернуть того, кто знает все о нем?*

Я развернулся, чувствуя, как пыль скользит у меня под ногами, и бросился в погоню за убегающим...

Я помню, как пуля пролетела мимо, и когда я разворачивался, аккуратно разрезала рукав моей рубашки. Следующее, что я помню, это то, как седовласый бежит прямо передо мной, а я бросаюсь на него. Я немного промахнулся, поймал его за колени, и мы вместе покатались вниз по каменистому склону. Я услышал, как он выдохнул со стоном удивления и боли. Когда я поднялся на колени, в руке у меня был камень. Я ударил седовласого по затылку, молясь, чтобы удар не размозжил ему череп. Он хрипло вздохнул и обмяк.

Я схватил его вялую руку и дернул за синее кольцо с цианидом. Оно не снималось. *Должно быть, он носил его очень долго*, подумал я с удивлением. Я смотрел на его седую голову и удивлялся тайнам, которые он хранил. И я был готов пожертвовать многим, чтобы узнать эти секреты. Очень многим, почти всем!

Синий стеклянный перстень не должен быть твердым. Если владелец захочет прокусить его, он не должен прилагать много усилий, когда придет время. Я постучал его рукой по камню, пока стекло не разбилось, и бесцветная смертельная жидкость вытекла, пахнувшая горьким миндалем. Я затаил дыхание, пока ветер не унес пары прочь.

Потом я лег рядом с ним в пыль и выжидал. Казалось, что прошло довольно много времени. Шум вокруг нас медленно затих. Наконец

чья-то нога, упершаяся мне в плечо, перевернула меня на спину, и я взглянул в дисциплинированное лицо незнакомца.

– Вставайте, – сообщил он. – Вы арестованы.

Я с трудом сел.

– Я думаю, что я захватил лидера повстанцев для вас, – ответил я. – Отвезите нас в штаб.

Он скептически посмотрел на меня.

– Что-то новенькое. Не беспокойтесь. Нам по пути. Штаб-квартира – это место, куда вы будете доставлены.

Глава 20

НИКТО НЕ ЗНАЕТ, насколько велик кусок с налогов, который съедает Комус, но он явно не маленький. И Комус не скупится. На полу в кабинете местного капитана лежал толстый ковер с богатым рельефным рисунком и золотой бахромой, обвивающей его контур. Вся мебель была из стекла. Сам капитан отливал желто-зеленым в отражении витражных вставок в окне позади него.

Я сидел в кресле из черного стекла с золотым тиснением на подлокотниках и яростно спорил с капитаном через позолоченный стеклянный стол. Это был щеголеватый парень, который выглядел неуклюже без униформы, и я ему явно не нравился.

Я уже подумывал, как мне обратиться к Теду Наю, для того, чтобы меня освободили из-под стражи. Я вел себя высокомерно и самоуверенно. Я думаю, что именно наглость склонила чашу весов в мою сторону. Они многократно выслушали мой рассказ, пересмотрели мои удостоверения личности, сличили фотографии с моим лицом и, наконец, согласились поговорить с Гатри. Я сказал им не больше, чем должен был.

– Человек, которого я захватил для вас, – один из самых главных, – повторял я снова и снова в разных вариантах. – Ради Бога, позаботьтесь хотя бы о нем, если вы мне не верите.

Они неохотно согласились.

Бойцы Комуса должны были связаться с Вашингтоном, чтобы узнать номер телефона Гатри, это не заняло слишком много времени. Через некоторое время на экране возникло хмурое лицо Гатри. Хотя из-за плохой связи изображение постоянно дрожало, позади него я мог видеть внутренности фургона во всех деталях. Задняя дверь была приоткрыта, и сквозь щель я видел залитую солнцем дорогу, по кото-

рой фургон трясся в сторону Дуглас-Флэтс. Они, должно быть, долго ждали меня.

Гатри взорвался.

Я молчал, позволив ему выпустить пар. Он кричал, что надеется, что меня повесят. Он сказал, что не знает, где я, черт возьми. И что, черт возьми, делать, и если я не доберусь до Дуглас-Флэтс вовремя к вечернему выступлению, он это сделает...

– Заткнись, Гатри, – резко оборвал я, когда мне надоело слушать его вопли. – Слушай, у меня есть для тебя новости. Всякое случается. Я хочу поговорить с Тедом Наем как можно скорее наедине, поэтому прошу назначить мне сеанс связи. Это не составит большого труда, так как он ждет меня.

Я сказал это для ушей капитана. Гатри начал было возражать мне, но я прикрикнул на него.

– Я буду в Дуглас-Флэтс, как только вертолет доставит меня туда, – сообщил я. – Тебе не о чем беспокоиться. Просто поговори с капитаном и скажи ему, кто я такой. Я не хочу больше терять время.

Гатри сердито посмотрел на меня, забарабанил пальцами по столу и сосчитал до десяти. Красный румянец, заливший его лицо, медленно отступил, когда он взял себя в руки. С большой неохотой он заговорил с капитаном.

Полчаса спустя я чистый, гладко выбритый и залечивший все ссадины сел в вертолет и поднялся в яркое, жаркое полуденное небо, направляясь на юг. Через полчаса я уже шел по улицам Дуглас-Флэтс.

Три грузовика нашего каравана стояли бок о бок в небольшой роще деревьев со светлыми листьями вокруг каменной походной печки, точно такой же, как та, что мы оставили в секвойях. Рядом стоял все тот же заляпанный жиром дощатый стол. Общественные лагеря очень похожи по всей Калифорнии. Под ясным небом за трепещущей листвой виднелись крыши Дуглас-Флэтс.

Под и Эйлин Хенкен играли в карты на одном конце стола. Рой Копли, который выглядел очень молодо и по-мальчишески, пробовал различные интонации в своей речи «горячий кофе», в то время как Полли серьезно наблюдала и слушала, склонив рыжую голову набок. Кресси и Гатри не было видно.

Первой меня увидела Полли. Не знаю, чего я от них ожидал. Гневных упреков или полного безразличия? То, что произошло на самом деле, удивило меня. Полли подняла глаза и сказала почти небрежно:

– Ну, вот и вы. Где вы были так долго? Боже, вы выглядите ужасно. Слушайте, мистер Рохан, как вам эти реплики? Давай, Рой, повер-

нись еще раз вполоборота и немного заикайся, прежде чем начнешь говорить.

И Рой послушно отступил назад, повернулся вполоборота, потом развернулся ко мне лицом и, спонтанно заикаясь, заговорил так свежо и по-новому, словно никогда прежде не произносил этих слов. Я слегка встряхнул головой, и мой разум снова возвратился в мир сцены и актеров, как будто я никогда и не покидал его. Для части моего сознания это было трудное возвращение. Но с другой стороны, это было довольно легко. Я чувствовал себя так, словно никогда не расставался с трупной. Будто не было никаких мятежников, погонь и перестрелок.

— Интересно, — обнадеживающе сказал я Рою. — Хорошо. Давай попробуем еще раз.

Полли неохотно улыбнулась мне.

— Обедали? — спросила она. — Я что-нибудь приготовлю.

Я небрежно кивнул.

— Спасибо. Буду очень признателен.

Нет, я никуда не отлучался. И все же в каком-то смысле я стал немного другим, и мое отсутствие внесло некоторые изменения в жизнь труппы. Какие именно, я пока не понимал. Впрочем, это не имело значения. Они знали, что я вернусь. После прошлой ночи они чувствовали, что никакая сила на земле не сможет удержать меня от постановки в Дуглас-Флэтс. Я был благодарен им за маленькие знаки внимания. Теперь отношения с ними стали проще.

Я спросил, получено ли разрешение на сегодняшнюю вечернюю премьеру? Полли, поставив передо мной саморазогревающуюся тарелку с чем-то похожим на тушеную говядину, сообщила, что Гатри позаботился об этом еще в пути. Она протянула мне вилку. Рой обмакнул палец в пролитый кофе и нарисовал на столе овал.

— Повстанцы не очень сильны в Дуглас-Флэтс, — констатировал он, рисуя в овале глаза, нос и рот. — Гатри видел местного мэра, и тот сказал, что все в порядке.

Он дорисовал повязку и висячий замок на лоб карикатуры. Затем он написал на замке «Рохан» вместо «Комус» и криво усмехнулся мне.

— Репетиция сегодня днем? Боже, как я ненавижу сцену.

Я положил кусочек тушеного мяса в рот и покачал головой. Я чувствовал себя прекрасно, уверенность согревала меня, но усталость начала брать верх над этой уверенностью, и я знал, что сломаюсь на сцене, если не отдохну до вечера. Годы, проведенные на сельхозработах, закалили меня, но всему есть предел.

— Ты можешь сам пробежаться по сценарию разок, начиная примерно со второй главы, — ответил я. — Просто чтобы потренироваться.

Кое-что мы пропустили вчера вечером. Я сожалею об этом. С этого момента мы будем играть точно по сценарию. Но мне нужно немного отдохнуть. Может быть, Гатри подыграет тебе вместо меня.

В этот момент Гатри выглянул из двери своего грузовика, увидел меня и позвал с непонятной интонацией:

– Мистер Рохан!

Я взял свою тарелку с тушеным мясом и подошел к задней двери кузова.

Кресси беспокойно смотрела на меня широко раскрытыми глазами из окна, которое открывалось в фургон грузовика из-за водительского сиденья. Все, что я видел, – это ее сложенные друг на друга руки на полочке под окном, на которые она упиралась подбородком. Свет, падавший из окна позади нее на прическу из соломенных волос, создавал нимб над головой. Я бросил на нее настороженный взгляд. Кто знает, как она стала относиться ко мне после прошлой ночи?

– Когда *вы* вернулись? – спросила она совершенно дружелюбным тоном. – Мы все удивлялись, куда вы исчезли? – Тут она сделала паузу, а затем проговорила: – Что-нибудь случилось?

Я медленно покачал головой.

– Нет. Ничего страшного. – Я почти не слышал собственных слов.

Увидев ее там, в обрамлении окна, словно оживший восхитительный портрет, я снова машинально подумал, *Копия Миранды. Нет, Миранда была совсем другой. И все же она – Миранда.*

Самое странное, что до этого момента я не думал о Миранде с тех пор, как покинул лагерь. Это было самое долгое время в жизни, проведенное без беспокойного призрака, который постоянно находился рядом, за исключением периодов сна или пьяного забытья. Я почувствовал странное облегчение и легкость, и какую-то странную печаль.

– Нет, – повторил я. – Ничего страшного.

– Беги, Кресси, по своим делам, – ласково сказал ей Гатри. – Нам с мистером Роханом надо поговорить.

Она подняла на него брови, одарила меня безразличной улыбкой и сказала:

– Хорошо, намек поняла.

Гатри постоял немного, глядя ей вслед, и на его лице снова появилась прежняя печаль. Было любопытно, как она заставила нас обоих чувствовать себя грустными в этот момент. Но когда он повернулся ко мне, грусть в его взгляде моментально была вытеснена волной гнева. В ответ я тоже испытал к нему нечто подобное, только подкрепленное горячей уверенностью в правоте своих действий. Я повернулся лицом

к экрану телевизора, когда он включил его громким, нетерпеливым щелчком кнопки.

Пространство растворилось перед нами. Мы окинули взглядом скалистые горы, пролетели через великие равнины, перепрыгнули через Аппалачи и, не входя в двери, внезапно оказались внутри Комус-Сити, штат Нью-Йорк, разговаривая с неуступчивыми секретаршами, которые продолжали нас переадресовывать к другим, к таким же непреклонным. Наконец, последний оплот обороны сдался, и на экране появился Тед Най.

Рассеянный и раздраженный он посмотрел на меня через заваленный бумагами стол. Его глаза глубоко запали в темных кругах на маленьком морщинистом лице. Он выглядел так, словно не спал целую неделю.

– Какого черта тебе надо? – раздраженно спросил он. – Говори быстрее. У тебя есть одна минута.

Я слышал, как два его аппарата связи жужжали и мигали, скрытые из виду, а в комнате раздавались голоса, в которых слышались истерические нотки. Дела в Комус-Сити шли не слишком хорошо. Перекрывая голоса, я услышал один отчетливый писк и ухмыльнулся, осознав, что, по крайней мере, один житель сердца Империи чувствовал себя сегодня довольно хорошо.

– Есть что-нибудь новое по Анти-Кому? – небрежно спросил я.

Най хмуро посмотрел на меня, стукнул кулаком по столу и взял свой наушник, как я и надеялся. Теперь, если только за ним не наблюдали люди, читающие по губам, все что я скажу, останется совершенно конфиденциальным.

– Продолжай, – отрывисто сказал он. – Что у тебя есть?

– Хорошая новость. Если ты беспокоишься о том, что Анти-Ком в ближайшее время перейдет к активным действиям, ты можешь расслабиться. Сегодня утром при моем участии было взорвано одно из его важных подразделений. Восстановление займет некоторое время, если только у них нет запасного.

Его маленькое напряженное личико медленно расслабилось под густым румянцем.

– Что тебе еще известно? Расскажи мне, как это случилось. Говори быстро.

Я рассмеялся. Беспечная уверенность, которую я излучал, была пьянящей, как спиртное. Теперь он был у меня в руках. Я поймал удачу за хвост. Я рассказал ему все, опуская подробности. Он слушал очень внимательно, покусывая кончик карандаша и наблюдая за мной, как будто мог заставить меня говорить быстрее лишь усилием своей воли.

Когда я закончил, он заявил:

– То есть, ты точно не знаешь, что сверток был тем, о чем ты подумал?

Он почти с истерикой умолял меня сказать: «Да, я уверен». Рука, державшая наушник, задрожала у его щеки.

– Я знаю, что думаю, – вымолвил я. – Я видел, как они четко действовали, как справлялись с обстоятельствами. Что они чувствовали, когда им пришлось его взорвать. Нет, я не могу поклясться, что это был Анти-Ком, но я знаю, кто может рассказать больше, чем я. Тот типчик с седыми волосами, которого я захватил и передал для ареста вашим ребятам. Он был главным. Похоже, он знал об организации все. Пропусти его через психоанализ под сывороткой правды – пентоталом, а потом расскажешь мне.

Най стукнул карандашом по зубам. Затем, не говоря больше ни слова, он протянул руку и выключил экран. Он быстро отвернулся, когда изображение превратилось в точку, которая с бесконечной скоростью удалялась на другую сторону континента.

Я посмотрел на Гатри и усмехнулся.

– Разбуди меня, когда он перезвонит, – буркнул я. – Я собираюсь наверстать упущенное во сне. Если повезет, я снова проснусь богатым человеком.

Я вышел, ступая уверенным шагом. Я знал, что это сработает именно так, как я и говорил. Я не мог потерпеть неудачу. Актеры посмотрели на меня, когда я проходил мимо, но я только кивнул. Сейчас не они занимали мои мысли.

Когда я засыпал на койке, лицо Элейн смутно всплыло в моем сознании. Лицо седовласого перекрыло его, как изображение на киноэкране. Я попытался представить себе, что они сейчас думают и чувствуют. Что все эти события могут значить для повстанцев. Что это может значить для всех нас. Меня это не тронуло. Я сделал то, что должен был сделать. Я знал, чего хочу.

Сон засосал меня в водоворот небытия, и все мысли сжались, как Тед Най, до сияющей точки, которая исчезла.

Глава 21

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ секунд кто-то сильно встряхнул меня. На меня смотрел Под Хенкен. Я никак не мог понять, как он умудрился так быстро загримироваться в ярко розовый цвет с нарисованными черными морщинками в уголках глаз. Во-первых, на это не было времени. Я

видел, как он играл в карты за столом меньше минуты назад. Но за ним дверь грузовика обрамляла голубые сумерки с деревьями, колышущимися на легком ветру.

— Гатри хочет, чтобы вы как можно быстрее пришли к нему в грузовик, — доложил Под. — У него для вас какое-то сообщение. Он просит поторопиться. В любом случае, пора просыпаться. До спектакля осталось меньше часа.

Одурманенный сном, я ощупью пробирался через лагерь. На какое-то мгновение мне показалось, что Тед Най каким-то образом телепортировался за пять тысяч километров меньше чем за минуту и теперь сидит в фургоне, возбужденно жестикулируя. Но это было всего лишь его изображение на экране. Как только он увидел меня, сияющая улыбка от уха до уха отразилась его на лице. Он заговорил прежде, чем я успел открыть рот.

— Ты сделал это, Говард! — воскликнул он. — Бог любит тебя, ты это сделал! Мятажник выложил все, что знал, а знал он многое.

— Значит, это было Анти-Комовское подразделение, — сказал я, ничуть не удивившись.

— Его значительная часть. Один из последних отрядов. Говард, теперь они у нас в руках. Если повезет, мы их быстро переловим.

— Что значит «повезет»? — поинтересовался я, потирая лицо, чтобы окончательно избавиться от сонного тумана.

Я не мог отделаться от ощущения, что это было продолжение нашего последнего разговора, закончившееся всего несколько секунд назад. Время, казалось, сделало большой скачок, и я еще не догнал его.

— Разве Анти-Ком не уничтожен полностью? Разве все еще не кончено?

По лицу Ная пробежала тень.

— Ну, не совсем так. Еще нет. Нам все еще нужна твоя помощь, Говард. И, между прочим, я был совершенно не прав тогда, когда запретил тебе вмешиваться в события. Теперь ты можешь назвать собственную цену. Ты проделал работу, на которую не способен ни один из моих опытных людей. Я все думаю ... — тут он замолчал и посмотрел на меня прищуренными глазами. Он казался озадаченным. — Говард, как ты узнал?

— Узнал что? — я почувствовал, как что-то тревожно зашевелилось у меня в голове.

Он покачал головой.

— Я даже не знаю, о чем спрашиваю. Ты каким-то образом так прямо попал в цель. В точку. Прямо с самого начала, как ты с трупной прие-

хал в Сан-Андреас, а не в какой-то другой город в этом районе. Как ты узнал, что штаб заговорщиков в Сан-Андреасе?

– Ты веришь в счастливый случай? – спросил я.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Нет, Сан-Андреас был просто отправной точкой для вас. Но ты сразу добился таких результатов. Я ... Говард, может, тебе помог кто-то из актеров?

В глубине моего сознания зазвенел колокольчик, *будь осторожен, Рохан*. Я попытался уйти от прямого ответа:

– Вот что я могу тебе сказать. Полагаю, это удача. Это должно было случиться с кем-то, и этот кто-то оказался мной. Это все. Почему ты говоришь, что Анти-Ком еще не уничтожен? Разве мой пленник не все вам выложил?

– Нет, он рассказал только о той части, которую курировал. Он не мог сказать нам о полной структуре Анти-Кома и где его главный штаб. Эти мятежники ведут себя очень осторожно. Каждый знает ровно столько, сколько ему положено. Они умны, но недостаточно. Не совсем. Если повезет, мы их поймаем. Вот тут-то нам будет нужна твоя помощь, Говард.

Я осторожно погладил лицо, так как мои порезы и синяки болели. Сегодня вечером мне предстояло немало потрудиться над наложением грима. Я проговорил:

– Продолжай. О какой конкретно помощи ты просишь?

– Сегодня вечером ты поставишь свою пьесу точно так, как она написана. Понимаешь? Именно так. А завтра я изменю твой маршрут. Судя по тому, что рассказал твой пленник, Карсон-Сити – это основной рассадник. Мы собираемся проверить его слова всеми доступными методами, какими располагаем. Мне надо, чтобы завтра вечером на спектакле собрались все мятежники. Я предоставлю право тебе решать, как это сделать, это очень важно. Что ты можешь мне сказать на это?

Я уклончиво ответил:

– Конечно. Попытаюсь что-нибудь придумать. Но почему, Тед? Почему мы должны ставить пьесу слово в слово, не допуская импровизаций? Я не понимаю...

– Просто делай, как я говорю. Не морочь голову. Я все объясню тебе позже, когда мы победим.

Мы настороженно посмотрели друг на друга. О чем он думал, я не знаю, но в голове пронесся небольшой вихрь мыслей. Мне пришлось отвечать на его вопросы уклончиво. В его глазах все выглядело так, как будто я знаю больше, чем на самом деле. Также естественно он дал

понять, что наши спектакли имеют какое-то скрытное предназначение для борьбы с мятежниками в Калифорнии.

Кстати, Тед, повстанцы прекрасно осведомлены о том, что за оборудование находится в грузовике Гатри, и для чего оно предназначено. Они знают, что с его помощью вы отслеживаете некоторые Анти-Комовские подразделения. Как это может отразиться на наших планах?

Я этого не говорил. Мне хотелось найти Анти-Ком так же сильно, как и ему. Мне было все равно, каким образом я это сделаю. Но тот тихий колокольчик в дальнем уголке моего сознания, который звучал недавно: «Будь осторожен, Рохан», теперь превратился в набат: «Держи рот на замке, Рохан. Не говори лишнего!».

А я ничего и не говорил. Я даже не задавал вопросов внутреннему голосу. До сих пор он не обманывал меня. И я был готов подчиняться ему до определенного момента.

Най уставился на меня, нервно ликуя.

— Если мы захватим главаря Анти-Кома сегодня или завтра, ты сможешь просить все, что твоей душе будет угодно, — высказал он. — Я серьезно, Говард. — Он беспокойно заерзал. — Ну, я думаю, что это все. Увидимся позже. Спокойной ночи и удачи, Говард.

Я скрестил пальцы, когда изображение погасло.

Я СТОЯЛ под трибуной на улице Дуглас-Флэтс, прислушиваясь к шарканью ног над головой, скрипу скамеек, голосам, слегка повышенным от возбуждения. Что-то новое пришло в Дуглас-Флэтс, и публика уже была в предвкушении. Я вдохнул ночной воздух так глубоко, сколько могли вместить мои легкие. Я чувствовал себя прекрасно. Я чувствовал, как мир вращается под ногами, и знал, что он вращается, потому, что я шел по нему. Я хотел заставить крутиться его быстрее. Мне хотелось переместиться в тот момент, когда я выйду в свет прожекторов, и жизнь закружится вокруг меня и моей пьесы. В жизни нет более чудесного и трепетного переживания. Абсолютно нет. Пусть сегодня я буду играть точно по сценарию, но это все равно будет моя роль, моя пьеса. Я уже предвкушал эти первые мгновения, когда я почувствую, как огонь творчества зажжет во мне искру жизни, протянется и затопит сцену, публику и мир, и поглотит нас в едином дыхании со мной в центре.

Рой и Полли стояли рядом со мной, но в миллионе километров от меня, окутанные своими маленькими отдельными мирками, создавая из себя новые личности. Кресси нервными, бессознательными движениями разглаживала юбку, погрузившись в себя без остатка, пре-

вращаясь в ту Сьюзен Джонс, какой она станет через минуту, когда переступит через границу темноты в свет сцены. Они с Полли вообще не разговаривали по дороге сюда. Я догадывался почему, но это меня не касалось.

Все выглядели напряженными и взволнованными. Страх перед сценой во второй постановке не так страшен, как в первой, но он долго не отпускает. У некоторых актеров это никогда не проходит, независимо от того, как долго они играют. Я был немного удивлен, осознав, что за себя я совсем не боюсь. Это было что-то новенькое и казалось почти неестественным.

Над нашими головами заскрипели трибуны. Я поднял глаза и впервые заметил, что снизу балки и скамьи украшены полосой какой-то тусклой краски, а посередине каждой полосы проходит тонкая серебряная нить. Она была достаточно выпуклой, чтобы образовать небольшой гребень на металле, и я рассеянно провел большим пальцем по ближайшей полоске, желая, чтобы быстрее наступил момент моего выхода на сцену.

Я услышал голос Эйлин Хенкен из-за трибун, полный, легкий и звучный.

— Муженек! Дорогой, ты меня слышишь? Со всеми этими людьми в городе сегодня вечером, кажется, вы могли бы найти что-то получше, чтобы сделать ...

Я нетерпеливо ждал своего выхода. Через четыре минуты, три, две я почувствую, как мой талант и обаяние захватят это знакомое, легкое, уверенное, бесконечно доверчивое внимание аудитории. Я почувствую, как зрители поддаются моим чарам. Еще минута.

Кресси, сидевшая рядом со мной, подняла палец и принялась медленно отсчитывать секунды, бессознательно кивая головой. В последний момент она глубоко вздохнула, лучезарно улыбнулась в пустоту и выпорхнула на сцену.

Теперь пришло мое время. Я тоже глубоко вздохнул и уверенно шагнул в жаркий, яркий павильон света...

Топор упал.

Топор, который вот уже двадцать четыре часа висел у меня над головой, хотя мне и в голову не приходило взглянуть на него, с беззвучным стуком опустился прямо мне на темя.

Кресси повернулась ко мне, сияя в свете ламп, откинула голову назад и сказала голосом, который был чуть громче ее собственного, потому что сцена была со всех сторон:

— Я действительно не знала.

Я молча смотрел на ее лицо, будто парализованный. Мои реплики навсегда вылетели у меня из головы, холодные, как камень, совершенно забытые. Я не мог вспомнить и слова. Я не знал, о чем идет речь в пьесе. Я не знал, кем должна быть Кресси. Я не знал своего имени, не знал, какой сейчас год и на какой планете нахожусь. Все замерло вместе со мной, мертвым, но стоящим на ногах. А зрители напряженно ждали.

Пауза тянулась мучительно долго. Пот обжигал все мое тело, как лед. Мир перестал вращаться, мы все были заморожены прямо здесь и сейчас, будто время остановилось, и прозвучал последний звонок мироздания.

Кресси смотрела на меня с нарастающим ужасом. Она повторила свои последние слова, перефразируя их ровно настолько, чтобы они прозвучали естественно.

– Я действительно думала, что ты не придешь, – проговорила она. – Ты хоть догадывался об этом?

Она задавала мне прямой вопрос, которого не было в сценарии, пытаясь любым способом вывести меня из ступора. Очевидно, она думала, что если ей удастся заставить меня заговорить, то, может быть, я смогу встрепенуться и вернуться к диалогам.

Я просто тупо смотрел на нее. Холодный пот теперь струился по моим щекам и проступал сквозь грим крупными, явными каплями. Мой желудок узлом сжался в мучительный комок, и меня так сильно тошнило, что если бы мне повиновался хоть один мускул, то меня разорвало бы на части. Я не мог двинуть даже пальцем.

Никогда в жизни со мной не случилось ничего подобного. Конечно, боязнь сцены была присуща мне. Но никогда ничего похожего на эту абсолютную, парализующую агонию не происходило. Это было невероятно. Это казалось невозможным. Но в тот момент я даже не пытался это понять. Я оказался слишком замороженным в этом кошмаре, чтобы осознать причину.

Кресси беззаботно рассмеялась и вдруг встала на цыпочки, чтобы обнять меня за шею и поцеловать в щеку. Все еще цепляясь за нее, она сказала:

– Это за то, что не разочаровал меня. Удивлен?

Затем, приблизив губы к моему уху, она яростно, шепотом подсказала мою следующую реплику.

Я пробормотал фразу следом за ней, как автомат, ровным голосом. В то же мгновение остальные актеры, как и я парализованные от неожиданности, одновременно начали действовать. К черту пьесу. На этом этапе. Теперь все хотели только одного, чтобы Рохан ожил.

Рой выскочил на сцену и схватил Кресси за руку, сердито крича на меня за то, что я поцеловал Сьюзен Джонс прямо здесь, на улице. Под Хенкен решительно встал между нами, чтобы разнять нас. Рой, отбиваясь от него, наклонился ко мне и прошептал мне на ухо мои следующие строки.

Я повторил эти слова странным ровным голосом, подражая каждой интонации, с которой говорил их мне Рой, не заботясь о том, уместна она или нет в этот момент. Кресси оттащила меня от Роя, обхватила мою шею обеими руками, положила голову мне на плечо и прошептала следующую строчку. Да поможет мне Бог, если бы я мог говорить фальцетом, я бы сделал это, подражая ее голосу, как подражал голосу Роя.

Но какая-то механическая жизнь возвращалась. Будто издалека, наблюдая за действием я, казалось, смутно припоминал, о чем была эта сцена. Я даже почувствовал, насколько мы исказили сценарий, и мой мозг со скрипом начал задавать мне вопросы, как мы можем вернуться к смыслу спектакля. Теперь я двигался с трудом, но, по крайней мере, двигался. Я уловил смысл последней услышанной фразы и что-то прохрипел в ответ. Возможно, в этом не было никакого смысла, но, по крайней мере, я произнес фразу сам.

Во всем этом было что-то ужасно знакомое. Мне уже приходилось раньше опускать занавес, когда я был не в состоянии продолжать. Когда я был слишком пьян или слишком устал, чтобы переживать действие. Но никогда прежде я не был таким пустым, как сейчас, или просто таким ошеломленным, застывшим. Я чувствовал себя так, словно из меня высосали всю кровь, и не осталось ничего, кроме оболочки заводной куклы, которая могла двигаться и говорить только тогда, когда кто-то внутри нее заводил пружину.

Каким-то образом, и это было не понятно никому из нас, мы заставили сцену двигаться. Вся труппа, почувствовав отсутствие режиссуры, пошла вразнос, акцентируя внимание публики только на себе. На любой нормальной сцене занавес уже опустился бы. Но здесь не было занавеса. Гатри мог бы выключить свет, но он был совершенно не искушен в театральных делах, чтобы понять, что происходит. Я мог отдаленно и безразлично представить себе его ярость, когда я в очередной раз нарушил непрерывность сюжета пьесы, но он мало чем мог насолить мне, по крайней мере, сейчас.

Через некоторое время что-то похожее на жизнь слабо вернулось ко мне, и я даже смог улавливать скрытый смысл диалогов и в некотором роде продолжить сносно играть свою роль. Мой язык одеревенел, а во рту пересохло, но каким-то образом спектакль шел своим чередом,

ведя нас к не совсем ожидаемой развязке, которую мы так часто репетировали. Я почувствовал, как оцепенение немного спало, словно с моего тела сняли гипс.

Ближе к середине спектакля, когда я ушел на свою трехминутную паузу, Полли, поджидавшая под трибуной, схватила меня за плечи и принялась ко мне. Затем она озадаченно покачала головой и прошептала:

– Вот, – и протянула мне полулитровую бутылку.

Я жадно схватил ее, как утопающий соломинку, и залпом опорожнил половину, прежде чем удар действительно поразил меня. Потом был приступ мучительного кашля. Потом я подумал, что вся выпивка вот-вот вылетит обратно. Затем волна тепла начала распространяться, и я расслабленно откинулся назад, чувствуя, как алкоголь возвращает мне чувство раскованности. Мне смутно пришла в голову мысль, что это была моя первая выпивка за ... сколько дней? И я даже не вспоминал об этом.

Когда я снова попытался отхлебнуть, Полли вырвала ее у меня из рук.

– Хватит! Через минуту вы снова выходите на сцену. Как вы себя чувствуете?

Я вытер рот тыльной стороной ледяной ладони.

– Подскажи мне следующую реплику.

Она произнесла ее. Я попробовал повторить фразу еще пару раз, чувствуя, как пьеса медленно и напряженно возвращается в мое сознание. Но сейчас я думал о мертвой сцене. Населенная мертвецами, разыгрываемая заводными актерами и актрисами в мертвом заводном мире...

Я вспомнил, как эта же самая пустота заполнила меня, когда я сжимал Кресси, теплую и отзывчивую в своих объятиях в лунном свете. Неужели это было только вчера вечером? Всего двадцать четыре часа назад. И с тех пор я безумно метался между приступами маниакального возбуждения и приступами мертвящего отчаяния.

Не сошел ли я с ума? Да что со мной такое? Что происходит?

– Вам пора, – пробормотала Полли. – Вы можете продолжать?

Я выпрямил спину и глубоко вдохнул мертвый ночной воздух.

– Да, – ответил я глухим и безликим голосом, – я могу продолжать.

И я вышел к публике.

Каким-то образом, пока я был вне сцены, актеры развернули сюжет к чему-то близкому, нормальному. И, когда я включился в свое амплуа, мне сразу удалось поймать линию, которую Полли буквально вложила в мою голову с минимумом изменений, чтобы освежить представле-

ние. Мучительно, со скрипом, но мы довели постановку до конца. Это было чертовски трудно. Мне нужно было много подсказывать. Иногда я снова терял дар речи. И когда я произносил что-то, я все равно был мертв. Но каким-то образом нам удалось дойти до конца пьесы.

Публика была благосклонна к нам, хотя мы этого не заслуживали. Люди не уходили с трибун до самой развязки. Они много кашляли и ерзали, они шептались в наиболее напряженных сценах и никто не смеялся над шутками. Но, по крайней мере, никто не ушел до конца спектакля. Вероятно, очень немногие из них когда-либо были в живом театре, и они, наверное, ушли домой с впечатлением, что это скучно по сравнению с телевидением и фильмами. По крайней мере, они не устроили овацию и не окружили, в попытках прикоснуться к нам, как это было в Сан-Андреасе.

Трибуны опустели. Проекторы погасли. Я сел под трибуной и забрал у Полли полупустую бутылку. Она молча отдала ее. Остальные актеры тоже стояли и смотрели на меня сверху вниз, слишком ошарашенные, чтобы хоть как-то выразить свои эмоции. Это было за пределами их опыта. Или моего. Иногда на сцене случается такое. Мы все это знали. Мы все знали, что обычно говорят и делают по этому поводу потом. Но эта пустота, поразившая меня, была слишком ненормальной, чтобы с ней кто-то мог справиться. Они все еще беспокойно перешептывались и смотрели, как я допиваю бутылку, когда Гатри вышел из-за трибун и подошел ко мне.

Я даже не поднял головы. Я знал его походку и не видел смысла вновь смотреть ему в глаза. Я не слышал, что он говорил, но все актеры постепенно начали расходиться от меня, как будто он отдал им безмолвный приказ. Виски жужжало у меня в голове, смутно успокаивая. Я выпил последний глоток, мысленно благодаря того, кто изобрел забвение. Поверх пустой бутылки я посмотрел на Гатри.

Он не был красным от гнева. Он был очень бледен, а печальные глаза казались каменными. Он перестал быть добреньким философом и стал похож на человека из Комуса, каким и был, решительным и безжалостным. Тихим голосом, который не донесся дальше, чем он хотел, он сказал:

— Ты испортил все, как только приехал к нам, Рохан. С меня хватит. Я не знаю, о чем ты договорился с мистером Наем насчет дальнейшей миссии, но я знаю, что ты развалил всю работу труппы. Я уже послал за заменой. Можешь собираться и уезжать прямо сейчас. Ты больше не играешь в труппе Суонна, Рохан.

В тумане виски, гудевшем у меня в висках, мне казалось, что он говорит вовсе не словами. Он говорил огненными буквами, которые мне

не нужно было читать, а я не хотел. Поскольку было слишком больно понимать, что он на самом деле говорит...

КАЖЕТСЯ, в тот вечер я побывал во все барах в округе. Возможно, я проводил время во многих шумных компаниях. Я не уверен потому, что моя маленькая жужжащая комната оградила меня от всего неприятного. Я осторожно балансировал алкоголем, как большим жужжащим защитным пузырем. Я уже не совсем понимал, что происходит в реальности. Иногда казалось, что я снова сижу в автобусе, который трясется по дороге между полями Огайо. Иногда казалось, что я снова с трупной, тоже трясушейся по ухабам, но на этот раз в фургонах, в тесной рабочей группе, обсуждающей пьесу, направляясь к... Где же она? В Карсон-Сити, и новый спектакль.

За исключением того, что я был выброшен из труппы навсегда... Как актер и режиссер. Если сегодняшний вечер и доказал что-то, то только это.

И даже в своей гудящей волшебной комнате я не мог представить, что могу возвратиться. Я слишком хорошо помнил, как стоял на дороге с рюкзаком в руке и смотрел, как грузовики исчезают в лунном свете. Актеры попрощались приглушенными голосами, стараясь не встречаться со мной взглядом. И маленький мир, частью которого они были, уехал по темной дороге, оставив внутри меня пустоту, слишком холодную, чтобы ее согрело спиртное, и слишком большую, чтобы заполнить ее чем-то другим.

Но я старался. Я очень старался.

Глава 22

НЕБО НАДО МНОЙ было прозрачно-голубым. Верхушки деревьев склонились друг к другу, покачиваясь в медленном, завораживающем движении. Оказалось, что я лежал на хвойном ковре, но я понятия не имел, где нахожусь и даже кто я такой. Вспышка предупреждения в глубине моего сознания подсказала, что лучше не вспоминать, кто я такой. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Я медленно сел. От этого движения моя голова взорвалась, словно от удара грома. Я сжал виски обеими руками, борясь с тошнотой. Похмелье? Да, я вчера напился... Шаг за шагом я возвращался к недалекому прошлому, с трудом напрягая серое вещество. Затем мягкий солнечный свет вдруг потемнел, когда я вспомнил.

Да, это был конец. Ослепительное будущее, которое я считал уже реальным, ускользнуло, как ртуть, сквозь мои пальцы, и я вернулся к тому, с чего начал. В конце концов, я не актер. Я – ничто. Я вспомнил мертвый, застывший час на сцене. Я снова увидел Гатри, который стоял предо мной, глядя сверху вниз и произнося свою изобличающую речь. И все кончилось.

И мне снова приснился странный сон...

Я оглядел небольшую поляну в лесу, где провел ночь. Ночь и добрую часть дня, если судить по косым солнечным лучам, пробивающимся сквозь кроны деревьев. Я пытался вспомнить сон.

Миранда. Что же это было? Мой театр жил в ней? Каким образом? Что-то нелепое привиделось мне. Кочующий театр в обрамлении кольца бомб, отсчитывающих время до взрыва, выставленных в виде круга, и внутри находится Миранда, играющая роль в сцене бесконечной важности для меня, но совершенно беззвучно. Она что-то говорила мне со своей прекрасной улыбкой, и ее рот нашептывал что-то без единого слова, в то время как огненные буквы мерцали над ней, а ее шелковистые светлые волосы мягко обрамляли лицо.

Подождите. Шелковистые светлые волосы? У Миранды были темные волосы. Это у Кресси были светлые кудри. Во сне что-то было не так. Миранда и Кресси слились в одно целое? Мне это не понравилось. У Миранды и Кресси не было ничего общего. Миранда была любовью, верностью, блеском и красотой. Миранда была всем, что имело для меня смысл. Миранда была фундаментом, на который я опирался, и огнем, который освещал мне путь. Она создала меня. Без нее мир превратился бы в трясину, а свет – во тьму. А я был бы никем.

Во сне бурлили ярость и разочарование. Миранда говорила что-то, что я должен был знать. Должен был, но огненные буквы постоянно уплывали куда-то, чтобы их можно было прочесть. Какой-то рев, похожий на ураган, потревожил мой сон, и я смутно ощутил, как мой каменный кулак ударил кого-то неизвестного, кого-то враждебного для меня, вставшего между мной и всем, к чему я стремился. Я ненавидел его. Я почувствовал, как кулак погрузился в его тело, и услышал, как враг застонал.

В разгар ураганного рева, я открыл глаза и обнаружил, что снова и снова бью по ковру из сосновых иголок, нанося тяжелые, яростные удары. Рев стихал вдали. Моя рука нещадно ныла от ударов. И я снова погрузился в путаницу сновидений, потому что пробуждение было хуже забытья.

Я снова услышал этот звук и приподнялся, вспоминая свой сумбурный сон. Шум стремительно приближался ко мне, сотрясая воздух

вокруг меня, а спустя мгновение быстро унесся вдаль. Грузовик на шоссе. Итак, прошлой ночью я каким-то образом выбрался из города и очутился в этой ложине среди сосен рядом с дорогой, по которой уехала труппа. Полли и Рой, Кресси и Гатри, Хенкены, удаляющиеся по длинному шоссе со всеми своими планами и проблемами, бросая меня наедине с собой.

Голова гудела. Я поскреб небритую щеку и задумался, что делать дальше. Слабый лучик надежды мелькнул в сознании, и я задал себе вопрос. Почему, в конце концов, все закончилось именно так? Да, Гатри меня выгнал. Но за кем будет последнее слово? Я работал на Ная, а не на Гатри. Будет ли Най думать о моей судьбе, если узнает, что я покинул труппу? Возможно, работа актера больше не для меня. Но я здесь не только для того, чтобы играть. Я шел по следу самого Анти-Кома, и у Гатри не было полномочий избавиться от меня. Все, что мне нужно было сделать, это выйти на связь с Наем, закончить работу по поиску Анти-Кома и...

И как же мне быть? Каким образом вернуться в труппу, которой я уже не руковожу? Возвратиться в прежнюю жизнь актера, который не может играть? Какое место найдется для Рохана в мире, где он не сможет полноценно жить? Нет, я был прав с самого начала, с того самого часа, когда умерла Миранда. Может быть, именно об этом и говорили мне огненные буквы во сне. Без Миранды я был никем. И только сейчас я это понял. С ней я ощущал себя значимее, сильным, могучим и живым. Один я был никем. Так что одно блестящее выступление, когда я почувствовал себя снова великим, было последней вспышкой перед мраком, а провал был истинным отражением меня самого.

Почему Най снова должен думать обо мне? Чем он может помочь мне? Воскресить Миранду?

И все же я должен был что-то предпринять. Я не могу сидеть здесь вечно. Я с трудом поднялся и посмотрел на заходящее солнце. Через несколько часов труппа Суонна будет устанавливать свои трибуны в Карсон-Сити. Как быстрее мне добраться до них? Надо действовать! Воспоминание о сне мгновенно раскрыло очевидное. Вот оно! Трибуны и их опоры были начинены взрывчаткой, представляющей из себя кольцо зарядов, минута за минутой отсчитывающих момент взрыва. И это значило, что я должен был предотвратить это. Но это всего лишь сон. Во мне бушевала тревога за то, чему я не мог дать названия. Мысли яростно бурлили в голове, но внутренний голос говорил: «Нет, успокойся, я не вижу опасности».

Неуклюже двигаясь, я с трудом начал подниматься по склону в сторону звука проезжающих машин.

ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗОВИК с грохотом остановился в сумерках.

— Приехали, — сказал водитель. — Карсон-Сити. — Он искоса взглянул на меня. — Ты в порядке, приятель?

Я оторвал подбородок от груди и выдавил улыбку. Всю дорогу от Дугласа я был неважным собеседником. Слишком многие думы роились у меня в голове.

— Конечно, я в порядке, — ответил я и с трудом выбрался из кабины.

Он наблюдал за мной, рассматривая мои царапины, синяки и порванную одежду. Он покачал головой, глядя на меня, и я пробубнил:

— Что ж, спасибо, что подвезли.

Водитель поколебался, сунул руку в одно из отделений приборной панели и бросил мне пакет.

— Вот, лови.

Это был пакет с пайком, сверток с едой, которые водители берут с собой для дальних перегонов. Я с благодарностью поймал его. Никто не знал, как долго мне придется зарабатывать на пропитание с этого момента. Водитель все еще смотрел на меня, когда отъезжал, и как раз перед тем, как шум двигателя заглушил все остальные звуки, мне показалось, что он крикнул:

— Мне нравились ваши картины, мистер Рохан, — но я этого никогда не узнаю.

Я купил кофе в киоске у шоссе. Это немного помогло. Карсон-Сити не очень большой город. Недалеко от центра города есть парк с фонтаном посередине и огромными деревьями, густо покрытыми летней листвой, которая при дуновении шелестит на ветру. Я нашел скамейку и съел немного еды из пакета, через силу. Я не был уверен, как она усвоится с похмелья.

К тому времени уже стемнело, и мне оставалось только следовать за толпой. Карсон-Сити был очень важен для Комуса, как говорил мне Най. Это было место, где он хотел собрать на спектакль большую аудиторию, где наверняка окажется множество мятежников. Глядя на трибуны издали, слыша первые знакомые строки, звучащие знакомыми голосами, я задавался вопросом, во скольких других городах Калифорнии сегодня вечером ставили такие уличные пьесы? И было ли что-то действительно особенное в Карсон-Сити. Что именно?

Все голоса внутри магического кольца были знакомы, кроме одного. Тот, что произносил мои реплики. Я чувствовал себя призрак.

Я подождал, пока не убедился, что Гатри занят тем, что он обычно делал в своем грузовике, а все актеры были на сцене. Затем я проскользнул между балками и стеной и вскарабкался на трибуны, чтобы

занять место на самом верху. Почти все скамейки были заняты. Я прошел несколько метров и сел на свободное место.

Сидя там и глядя на освещенную сцену, я чувствовал себя очень странно. Я был частью пьесы, а не частью публики. Я не мог до конца поверить, что сижу здесь в качестве зрителя, а второе мое я находится на сцене. Самое странное ощущение возникало при наблюдении за актером, который играл мою роль. Человек, притворяющийся Говардом Роханом, в роли, в которой я достиг таких высот и таких глубин. Он хорошо с этим справлялся. Достаточно хорошо. Он был примерно моего роста и цвета кожи, играл чисто, четко, но без души. Впервые «Перекресток» мне предстояло увидеть в этой постановке именно таким, каким он был написан.

Актеры нервничали. Актер, играющий мою роль, был немного заторможен, потому что до этого он репетировал с другим коллективом. Не раз он оказывался не совсем там, где должен был быть, когда кто-нибудь поворачивался к нему, чтобы вести диалог. Однажды я заметил, что лицо Полли в такой момент стало напряженным и немного мрачным, и мне показалось, что она видит призрачное присутствие меня, Рохана, на сцене. Впрочем, я и сам видел там себя. Глядя на ее лицо, я с некоторым удивлением подумал, *может быть, они все-таки скучают по мне.*

Мое похмелье уже давно прошло. Чувствовалось, что я почти снова ожил. Я смотрел на зрителей и гадал, что они думают о такой экзотической вещи, как живая пьеса на улице Карсон-Сити. Они ответно смеялись во всех нужных местах, и такая публика больше всего ценилась актерами.

К своему удивлению, я обнаружил, что думаю об Анти-Коме.

С высоты я заметил, что бледно-золотистые волосы Кресси нуждаются в покраске. Я заметил, что Рой наложил слишком много туши на веки, поэтому его глубоко посаженные глаза казались маленькими и измученными. Я мысленно отметил, что следует поговорить с ними обоими, и пришел в себя от мысли, вспомнив, что я и актеры труппы Суонна больше не имеем ничего общего.

Потом увидел знакомый профиль в паре рядов впереди себя и с удивлением подался вперед, чтобы разглядеть получше. Конечно, я узнал ее по Сан-Андреасу, склонившуюся над датчиками полиграфа. А чуть позже видел ее в горной долине в распределительном центре повстанцев, когда стрелял по машине, увозящей святыню от Комуса. Доктор Элейн Томас. Она спокойно сидела на скамейке впереди меня, одетая в желтое платье и синий свитер, брошенный на плечи. Черные волосы были туго стянуты в обычную корону из косичек, а слегка

раскосые глаза пристально смотрели на сцену. Я быстро взглянул на ее руку и увидел на ней кольцо с большой синей вставкой.

Кресси в ярком свете прожекторов внизу описала полукруг своей ярко-розовой юбкой и протянула обе руки к мужчине, который играл мою роль. Они стояли там, смеялись друг над другом и сияли в ярком свете. Я почувствовал укол странной ревности. Кресси вкладывала в эту роль больше интимности, чем следовало бы для роли Сьюзен Джонс. Но она же была Кресси Келлог, добывающей всего, пусть и путем обмана. Она играла со всем блеском и очарованием, предназначенным для нового человека в актерском составе. Очевидно, что она преследовала какие-то свои цели.

Она склонила голову набок, и ее пшенично-шелковые кудри взметнулись вверх. Беспочинная дрожь беспокойства холодно прошла сквозь меня. Она вдруг стала Мирандой, Мирандой из сна, двигающейся в окружении тикающих бомб. По какой-то причине мой взгляд переместился на Элейн, которая сидела, улыбаясь, и наблюдала за пьесой. И я почувствовал, как смерть витает в холодном и пахнущем пылью воздухе вокруг нас. Что-то странное происходило в моей голове. Старое, жестокое противостояние внутри меня вернулось. Я должен был хранить память о любимой и не мог вынести ее измену. *Миранда*, подумал я. *Миранда*...

Почему мне так не хотелось видеть Кресси в роли Миранды во «Сне прошлой ночи»? Потому что Кресси и Миранда были женщинами на противоположных полюсах в моем сознании, и я не хотел, чтобы они слились в единое целое? Кресси не была Мирандой. Миранда была светом и жизнью, безопасностью, любовью.

Миранда?

Я почувствовал, как в голове у меня словно грянул гром.

Каким-то образом так много вещей аккуратно укладывалось в схему с серией беззвучных щелчков. Элейн Томас и синее кольцо на ее руке, мысль и запах смерти, сон о бомбах, отсчитывающих безжалостно время вокруг сцены, Кресси, похожая на Миранду, и мой разум, отвергающий их сходство...

На мгновение в моей памяти всплыло то, чего я так старался не замечать и возвращался к этому только тогда, когда был очень пьян или в минуты сильного отчаяния. Я снова ясно и отчетливо увидел Миранду, лежащую мертвой в ярком кимоно на ярко-зеленом склоне холма, траву под ее щекой и волосы, которые трепал ветерок.

А чуть поодаль от нее я увидел ее любовника.

Я о нем ничего не знал и даже не подозревал. Чье имя я даже не хотел знать. И это не было... не как имя. Но кем бы он ни был, он был тем, с кем она умерла и ушла в бесконечность, бросив меня.

Миранда *не была* верностью, любовью и безопасностью.

Как странно устроен ум человека, он пойдет на все, чтобы обмануть самого себя, если захочет. Так же и я полностью спрятался от этой невыносимой мысли, надежно защитив ее от неприятных воспоминаний о Миранде. Я просто хотел запомнить ее непорочной. Это был нарисованный образ Миранды. Как же глубоко я убедил себя в этой лжи!

Почему я вернулся к правде именно сейчас? Что-то произошло в моем сознании, когда я пережил столько всего... Какие-то ворота открываются из-за ... чего? И почему отчаянная тревога поднималась все выше и выше, как прилив, который вот-вот заполнит и утопит меня?

Миранда не была верностью и любовью.

Мне нужно было обдумать все это в одиночестве и тишине. Хотя я и сидел на жесткой металлической скамье, меня бросило в жар, когда вдруг с невероятным, ослепительным всплеском мне пришла в голову эта парализующая мысль. Мне надо разобраться с самим собой, со своим тайными уголками подсознания, слишком интимными и от этого разрушительными, чтобы поделиться ими с другим человеком.

Я встал, как во сне, и тихо спустился вдоль скамеек, затем проскользнул между зданием и балками на тихую улицу. Я пошел к маленькому парку с фонтаном и большими тихими деревьями, которые я заметил по дороге на спектакль.

Это было то, что мне нужно. Тихое место и одиночество.

На пустынных аллеях парка, казалось, никого не было, кроме меня. Я сел под одним из больших деревьев у самой воды. Прислонился спиной к стволу и посмотрел на звезды, отражающиеся в ряби воды. Теперь я спокойно рассуждал.

Кем была настоящая Миранда? Только не той богиней, в которую я ее превратил. Только женщиной с красотой и талантом, но без души. Женщиной, которая неохотно подчинялась моим прихотям. И которая ушла от меня к другому за любовью, какую я не смог ей дать. Не было никакой богини. Не было никакой путеводной звезды, чья вера и любовь могли бы стать основой моего успеха. Она не дала мне ни веры, ни любви. Она была женщиной, заводной куклой, которая, должно быть, так же легко и приглашающе улыбалась любому подходящему мужчине, подобно Кресси.

Я вжался спиной в дерево. Вокруг меня и во мне царили необъятная тишина и спокойствие. Издалека я слышал голоса со сцены, смех и возгласы публики. По темной улице время от времени проезжали ма-

шины. Надо мной зашуршали листья. Но тишина в голове заглушала все остальные звуки. Я не мог ни думать, ни чувствовать. Я застыл в своем молчании.

Потом чувства возвратились. Я сопротивлялся им. Это было невыносимо. Мне не хотелось возвращаться в прежнее состояние. Но и уклониться от него я тоже не мог. Я почувствовал истинную сущность Миранды, и это врезалось в меня с шокирующей ясностью. Я попытался встать, но ноги меня не держали. Я едва стоял. Я снова обхватил рукой ствол дерева, чтобы не дать миру перевернуться.

Я так ясно запомнил яркие цвета кимоно Миранды на зеленой траве. Прекрасная мечтательница, которая никогда больше не проснется. И эта моя прощальная мысль была тяжелее, чем шок от ее смерти, потому что до сих пор я бережно хранил ее образ, ставший частью меня. И он ушел в небытие, в забвение.

Так пусть твоя возлюбленная вечно спит, неверная. Кто это сказал? Не важно. Не важно. Дерево коснулось моей щеки. Я обнял твердый ствол, чтобы опереться, и почувствовал, как слезы текут по лицу между щекой и бесчувственной корой. Ночь была бесконечно тихой.

Не открывая глаз, я чувствовал его тихое присутствие. Я слышал, как вода издает на берегу слабые тревожные звуки. Я слышал, как листья мягко колышутся надо мной. Мне показалось, что от их движения я чувствую дрожь ствола, за который я цеплялся. Эта дрожь передавалась длинным корням глубоко под землей. Дерево простояло здесь долгое время, выдержав все потрясения жизни. Так же, как и мне приходилось переживать удары судьбы.

Я чувствовал и ощущал все, что чувствовало дерево. Я чувствовал, как вода плещется о берег, и вечное движение, передаваемое от молекулы к молекуле, передавалось нам обоим. Вода и ветер, живое дерево, земля и я были связаны в единое целое, которое жило и дышало.

И я больше не испытывал одиночества. Я не вычеркнул Миранду из своей жизни. И ничего не забыл. Миранда не была святой, но она и не предавала меня, хотя теперь мне было все равно. Она сделала то, что должна была сделать. У каждого брака существует срок, после которого острота ощущений притупляется. Кроме того я не имел никаких прав на нее или она на меня. Я должен был отпустить ее.

Все это время я пытался удержать ее живой в своем сознании так крепко, как никогда не мог удержать при жизни. Но теперь я принял то, чем она была и чем не была, продолжая любить ее, чтобы отпустить.

Я был не один. Я был деревом и прудом, звездами, сияющими в воде, ветром в темноте. И Миранда была со мной, везде и нигде, ча-

стью дерева, земли и меня. *Пусть все тучи ... и печали рассеются прочь... прекрасная мечтательница, пробудись ото сна...*

Теперь все было в порядке. Она могла проснуться со мной или уйти навечно. Она мне больше не нужна. Я снова стал самим собой.

Через некоторое время я встал и вытер грязь с лица, где мы с деревом разделили это странное общение. Теперь все было очень спокойно и ясно. Миранда была прекрасна и порочна, так же как Комус был красив, силен и вероломен. Я не мог ее вернуть. Я и не хотел, чтобы она вернулась сейчас. Не такой, какой она была на самом деле. Не больше, чем она хотела бы вернуться ко мне. Все эти воспоминания, вся эта жизнь, богатая, блестящая и неустойчивая, были теперь далеко. Как и Комус отошел на задний план. У меня вдруг перед глазами возник тот ренегат с болтающимся ожерельем из человеческих ушей. Он двигался передо мной ясно и осязаемо, как сильный и ужасный Комус, слишком опасный, чтобы позволить ему жить.

Сейчас я осознал свое место в жизни. Я во всем разобрался. Я знал, что важно для меня, и чего я хочу, не смотря на риск и цену будущих поступков. Сейчас это занимало все мои мысли.

Когда я снова вышел из темного сада на свет, я понял, что я бунтарь. И я знал, какую работу мне предстоит сделать.

Глава 23

Я ПОСТОЯЛ немного у трибун, прислушиваясь к плавному течению пьесы и наблюдая сквозь решетчатые спинки сидений и десятки ног. Я ждал одного из самых смешных моментов. Пьеса приближалась к этому эпизоду. В нужный момент я проскользнул под балками и начал пробираться к Элейн.

Время было выбрано весьма удачно. Волна смеха прокатилась по всей аудитории, когда я склонился над ухом Элейн и попытался заговорить. Худощавый мужчина рядом с ней повернулся и холодно посмотрел на меня.

— Здесь нет места, — сказал он громким шепотом, его взгляд остановился на моей разорванной рубашке и щетине на моем лице.

— Я только на минутку.

Элейн удивленно посмотрела на меня.

— Я не подумала... почему ты не участвуешь в спектакле? Я ждала...

— Я все расскажу тебе позже. Ты здесь одна?

Она кивнула и немного подвинулась на скамейке, освобождая мне место. Я покачал головой, глядя на нее.

– Нет, я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Она бросила на меня еще один быстрый взгляд.

– Не сейчас. Подожди, пока спектакль закончится.

– У нас нет времени, – ответил я. – Подождем следующего смешного эпизода и тогда уходим!

Через мгновение она кивнула, хотя ее глаза все еще вопросительно смотрели на меня. Я ждал, прислушиваясь к разговору на сцене.

– Сейчас! – прошептал я.

Элейн тихо поднялась как раз в тот момент, когда волна смеха начал нарастать. Внизу, на сцене, я увидел, как Полли неожиданно заметила нашу активность на трибуне. Думаю что, несмотря на слепящий свет, она узнала меня, но после краткого перерыва в репликах она продолжила плавно играть свою роль. Я последовал за Элейн по узкому проходу между скамьями и стеной. Затылком я ощущал опасность. Подумалось, что сейчас нас схватят. Кто-то должен остановить нас. И тут я с ужасом подумал, *может быть, им это и не нужно. Может быть, теперь мы уже раскрыты.*

Казалось, никто не заметил нашего ухода.

Выйдя на тихую улицу, Элейн повернулась ко мне с горящими, вопрошающими глазами.

– Что с тобой случилось, Рохан? – спросила она, понизив голос. – Что ты здесь делаешь? Я думала, ты должен быть сейчас с актерами.

Я потер заросший щетиной подбородок.

– Многое изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз. Теперь уже неважно.

Я на мгновение задумался, насколько она осведомлена о моих последних делах? Я сдал ее соратника силам Комуса, что стало следствием приезда трупы в Карсон-Сити, чтобы заманить повстанцев в ловушку. Но было уже слишком поздно думать об этом.

– Подожди минутку, – заявил я. – Слушай пьесу.

Озадаченная, она повиновалась. Через мгновение я сказал:

– Что ты думаешь про ловушку для Анти-Кома?

Вспышка удивления на ее лице, когда она повернулась ко мне, подсказала мне ответ, прежде чем она сказала:

– Как это возможно...

– Это я тебе тоже потом расскажу, – ответил я. – Если будет время. Этот спектакль – ловушка. Трибуны – это большой детектор лжи для охоты на Анти-Ком.

В наступившей тишине над трибунами снова раздался взрыв смеха. Элейн подняла на меня встревоженный и испытующий взгляд.

– Ты уверен? И это работает? – она не хотела мне верить.

Я видел, как жизнь и румянец покидали ее лицо, когда она смотрела на меня, пытаясь не верить и все же, вопреки самой себе, начинала осознавать, что я был прав.

— Откуда ты знаешь? — спросила она сдавленным шепотом.

Я покачал головой, глядя на нее.

— Это долгая история. Если ты можешь что-то сделать, чтобы противостоять ловушке, тебе лучше сделать это немедленно. Или тебе это не нужно? Есть ли на трибунах ваши люди?

— О Боже! — ошеломленным шепотом произнесла она.

— Может, мне прервать спектакль? — спросил я с нетерпением. — Я мог бы это сделать, но...

Внезапно она резко отвернулась от меня, не говоря ни слова, и бросилась бежать. Я на мгновение заколебался, глядя ей вслед. Потом я бросился за ней, стараясь двигаться как можно тише. Она бросила на меня взгляд через плечо и побежала дальше, не обращая внимания.

Я уже задыхался, когда она остановилась у низкого двухэтажного офисного здания и достала из сумочки ключ. Она открыла дверь и одним движением скользнула внутрь, исчезнув в темноте. Я следовал за ней.

— Закрой дверь! — крикнула она, задыхаясь. — Закрой дверь!

Я услышал, как щелкнул замок, когда закрывал ее. Тусклый свет осветил лестницу, ведущую наверх, и Элейн, которая уже стояла там и отпирала следующую дверь. Я догнал ее как раз вовремя, чтобы увидеть, как она пересекает кабинет, отодвигает картину на стене и нажимает две кнопки, расположенные вровень со штукатуркой. Она стояла, прислонившись головой к стене, с закрытыми глазами, и пальцы продолжали нажимать кнопки. Она дышала открытым ртом и пыталась прислушаться.

Я услышал отдаленный вой городской сирены, сначала тихий, но постепенно набирающий силу. Вой становился то высоким, то исчезал, напоминая какую-то звуковую комбинацию, похожую на шифр. Снова и снова звучали отрывистые послания городу и тихой сельской местности. Я представил себе, как весь Карсон-Сити сидит ошеломленный в течение первых нескольких сигналов и не понимает, что происходит. Я представил себе, как прислушиваются к этим звукам люди на далеких фермах, путники на дорогах, птицы и звери, пробуждающиеся ото сна в сумерках. И на мгновение у меня мелькнула шальная мысль, что Карсон-Сити похож на тонущий корабль посреди Атлантики, который медленно погружается в черные воды и подает сигналы SOS. Элейн вздохнула, открыла глаза и отступила назад. Картина снова встала на

место, закрывая кнопки. Она посмотрела на меня, все еще бледная, но уже более спокойная. Вой сирены затих вдаль.

– Призыв к бунту? – проговорил я.

Она слабо улыбнулась.

– «Э» и «Ч» на азбуке Морзе значат «*Эй, Чарли*», – констатировала она. – Это и есть сигнал. Прислушайся.

Даже отсюда мы слышали низкий, нарастающий гул голосов с улиц и домов, людей, зовущих друг друга, открывающихся дверей, бегущих ног.

– Нам пора расстаться – произнесла Элейн. – Оставь свои дела здесь и отправляйся домой. Бросай все и уезжай! Сейчас все зрители покинули трибуны... я надеюсь. Это значит...

Теперь настала моя очередь возразить:

– Слушай! – и она умолкла.

Мы оба услышали отрывистые звуки выстрелов с той стороны, откуда пришли.

– Может быть, кто-то из зрителей все-таки не успел скрыться, – мрачно заметил я. – А ты как думаешь?

Она направилась к двери. Затем взяла себя в руки, медленно повернулась, отодвинула стул от одного из столов и села на него, снова закрыв глаза на мгновение. Она посмотрела на меня, и ее блестящие черные глаза были очень встревоженными.

– Садись, Рохан, – вымолвила она. – Мы должны прояснить ситуацию. Что тебе известно обо всем этом?

Я был рад возможности присесть. Мне через многое пришлось пройти за последний час. Я чувствовал, как нервы и мышцы напряглись, когда я попытался расслабиться, а голова дико заболела.

– Это может занять некоторое время, – со вздохом произнес я.

Она кивнула.

– У нас есть минут десять. Давай не будем тратить его впустую.

– Примерно неделю назад я работал по контракту на сельскохозяйственных... – тут я сделал паузу и удивился самому себе.

Неделю назад? Казалось, прошли годы.

– Меня доставили в штаб-квартиру Комуса, – продолжил я. – Когда-то давно я выступал на Бродвее, и мы с Тедом Наем были хорошими друзьями. Ему нужен был актер. Он предложил мне работу. Но прежде он заставил меня пройти процедуру испытания на детекторе лжи, чтобы убедиться, что я не принадлежу к числу мятежников. Я уже говорил тебе об этом, когда мы впервые встретились в Сан-Андреасе. Помнишь?

Она кивнула, наблюдая за мной, моими реакциями, мимикой.

– Ты видел моего брата в Нью-Йорке, в центре психоанализа.

– Вы очень похожи, – я колебался. – С ним... все в порядке? Не знаю, насколько я помню, но...

– Ты помнишь, – мрачно ответила она. – Джо... умер совершенно неожиданно всего неделю назад. Какая-то передозировка, как сказали в новостях. – Ее рот скривился в мрачной улыбке.

– Он предвидел, что это произойдет, – тихо произнес я. – Он, кажется, передавал тебе привет. И сообщение о ловушке, которая представляет собой передвижные театры, я думаю. – Я протер глаза. – Меня накачали наркотиками. Они накачивают тебя всякой дрянью во время этих сеансов на полиграфе. В ту ночь ... ну, мне показалось, что мне приснился сон. Все это время меня беспокоило сообщение, которое внушил мне твой брат, и то, что он рассказал. Во сне они были настолько нереальны, что не имели смысла. Через некоторое время я начал понимать, что это наверняка не сон. Но я все еще не осознавал это до конца.

Я остановился и задумался о темном лесу, о спокойной воде и о своем новом предназначении, с которым боролся сегодня вечером.

– Я не мог вспомнить, пока ... до недавнего времени. Было что-то еще, что постоянно беспокоило меня. Некоторые вещи, которые произошли со мной давным-давно.

Я замолчал и продолжил свои размышления. Вспомнил огненные буквы, ведь я так долго не мог их прочесть. Теперь я догадывался, что произошло там, в Нью-Йорке, когда тот другой доктор Томас пренебрег рутинной проверкой личности, которую Най заказал для меня. Что бы он ни увидел в моей реакции, это заставило его поверить, что я передам его послание мятежникам в Калифорнии. И оказался прав. По сути, я уже тогда был бунтарем, рожденным для бунта и живущим в бунте против мира.

Но то, что он мне рассказал, пугало меня. Он должен был сказать что-то вроде: «Я работаю с повстанческой организацией, которая собирается уничтожить Комус с помощью Анти-Кома. Я только что узнал, что передвижные театры – это своеобразный полиграф для выявления мятежников, обладателей важных знаний о своей организации. Ты должен предупредить всех. Ты должен мне помочь».

Но я запротестовал. Я не был готов взять в руки оружие против моря неприятностей, его, моих или чьих-либо еще. А потом он сказал... Что мне не нужно постоянно помнить о его словах. Что я вспомню это, когда придет время, то есть время постгипнотического внушения. Или что-то вроде того, я уверен. Тед Най был прав, выбрав меня, хотя, возможно, у него и не было другого выбора. Его противники явно не

давали ему покоя, иначе бы он не стал рисковать, связавшись с таким ненадежным человеком, как Говард Рохан.

Я потратил много времени, чтобы понять его образ мышления. Мне удалось избавиться от своих навязчивых размышлений о Миранде, прежде чем я осознал, чего же я действительно хочу, и на чьей я стороне. Мне пришлось пройти долгий путь, чтобы понять истину. Может быть, даже слишком долгий.

– В чем именно состояло послание, Рохан? – спросила Элейн. – Ты можешь вспомнить?

Я закрыл глаза и попробовал сосредоточиться.

– Твой брат хотел, чтобы я присоединился к актерам труппы Суонна, потому что их гастроли должны были пройти в вашем районе, где вы с Харрисом руководили, и ... – я замолчал, глядя на нее. – Анти-Ком ведь здесь, не так ли? В Карсон-Сити? Я знаю, что Най ищет его в этом месте.

Она бросила на меня безразличный взгляд.

– Нет, его здесь нет. Продолжай.

Я пожал плечами.

– Он сообщил мне, что Анти-Ком уничтожит Комус, точнее заставит его совершить самоубийство, как он выразился. Он хотел предупредить о передвижных театрах. У него не было времени послать сообщение непосредственно тебе, и ему пришлось рискнуть со мной. – Я слабо усмехнулся, снова увидев нечитаемые до сих пор огненные буквы, которые кружили передо мной. – Это была очень сомнительная затея, с минимальными шансами на успех, – пробормотал я.

– Не беспокойся об этом, – сказала Элейн. – Я ожидала, что он применил к тебе постгипнотическое внушение. Если брат не был уверен, что ты полностью на нашей стороне, он должен был так повлиять на некоторые участки сознания, что ты не вспомнишь до того времени, когда это будет необходимо. Значит, ты до сегодняшнего вечера до конца не верил в нас?

– У меня были кое-какие сомнения, – сдержанно ответил я. – Но...

– Подожди, – остановила меня Элейн и повернулась к двери.

Я услышал звук шагов на лестнице, возбужденные голоса, переговаривающиеся почти шепотом. Затем ключ повернулся в замке.

Элейн промолвила:

– Я тебе этого не говорила. Это штаб-квартира Карсон-Сити. Сейчас мы узнаем, что произошло. Если ты не опоздал.

В кабинет вошли двое мужчин, один из них выглядел растрепанным, а другой все еще застегивал рубашку, как будто не успел одеться.

За ними следовала женщина, а за ней еще трое мужчин. Они посмотрели на нас с Элейн.

— А где Бердсли? — спросил кто-то.

— Он остался в театре... — ответила Элейн дрожащим голосом, с трудом сдерживая эмоции. — Что там произошло? Кто-нибудь может объяснить?

— Я все видел, — заявил взъерошенный парень. — Когда прозвучал сигнал тревоги, мы все попытались разбежаться. Мне показалось, что они не ожидали чего-то подобного в этот момент, потому что сначала было легко уйти. Но они быстро опомнились. Прежде чем Бердсли и Фергюсон успели покинуть трибуны, к ним подошли полицейские из Комуса.

— Только не они! — воскликнула Элейн, ее голос немного смягчился.

Мужчина мрачно кивнул. Элейн восстановила контроль над собой и голосом и спокойно промолвила:

— А кто стрелял?

— Комус, по нескольким беглецам, — ответил мужчина. — Из наших — никто, так уж вышло. Это доказывает серьезность их намерений.

— Думаешь, они знают о нас? — спросил кто-то сзади.

— Рохан, — сказала Элейн, — расскажи им о театре.

Я встал и рассказал им все. Пока я говорил, все больше и больше людей входило в комнату, большинство из них запыхались от бега и выглядели потрясенными и немного взволнованными, как будто после последних событий жизнь каким-то образом изменилась к лучшему.

Я рассказал им о пьесе, о настойчивых указаниях сыграть ее дословно, без изменений темпа или действия. Я рассказал им о грузовике с его сложной, непонятной аппаратурой. Я вспомнил линии серебристых цепочек, нарисованных вдоль полос из темной краски снизу сидений трибун. И я подумал, *как часто, сидя сегодня вечером на трибунах, погруженный в свои мысли, слово «Анти-Ком» всплывало в голове без какой-либо реальной причины.*

В этой пьесе было что-то не так. Я чувствовал это постоянно, сам не зная почему. Я думал о «Перекрестке» с отрешенностью и теперь понял, что это были две пьесы, соединенные в одну. Она состояла из двух уровней. Если вы знали что-нибудь об Анти-Коме, вы реагировали на постановку на обоих уровнях. Для людей, сведущих в электронике, приборная панель Гатри, должно быть, отражала эмоции людей определенными сигналами. Этот лабиринт электронного оборудования в грузовике, запутанный донельзя, был связан с действием пьесы и предназначен для отражения подсознательных реакций людей, которые знали больше, чем следовало.

Слово «Анти-Ком» никогда не упоминалось в пьесе. Там не было о нем никаких упоминаний, даже самых косвенных. И все же раз за разом я обнаруживал, что самые потайные мысли всплывают в сознании под действием ключевого слова или фразы.

Кто-то с сомнением проговорил:

– И это работает? Это невозможно. Без какой-либо прямой физической связи?

Я пожал плечами. За меня ответил кто-то другой.

– Да, это может сработать. Это тот же принцип, что и полиграф, но с более сильным полем. Он вызывает, а потом сканирует электромагнитные импульсы головного мозга.

– Но как он может найти одного или нескольких человек во всей толпе?

– А вы ощущаете на себе электромагнитное поле? Ведь вы не чувствуете его. Черт возьми, это давно доказано. Как только вы начали выражать свои эмоции от игры актеров в спектакле, аппаратура уже следит за вами. Нужно быть очень наивным, полагая, что Комус об этом не подумал.

– А как насчет остальных передвижных театров? Должно быть, они уже выявили много наших людей.

– Расходный материал, – цинично отметила Элейн. – Никто за пределами этого района не знает достаточно, чтобы быть опасным в случае ареста. Но Фергюсон и Бердсли не мелкие сошки. Себя тоже отношу к их числу. Если Комус захватит кого-нибудь из нас...

– Живым, – добавил кто-то.

Последовала пауза. Элейн переводила взгляд с одного лица на другое.

– У них Бердсли и Фергюсон, – произнесла она. – Наши действия?

На мгновение воцарилась тишина.

– Оба были живы, когда их уводили, – раздался голос из задних рядов собравшихся.

Снова наступило молчание, на этот раз более короткое.

– Мы их еще увидим, – прервала его Элейн. – У нас есть время. Есть вопросы?

– Да, – произнес чей-то голос. – А что насчет театра? Они уже поставили два или три спектакля. Выходит, это не в первый раз, когда детектор лжи используется в нашем районе.

– Нет, это случилось впервые, когда он сработал. Я сорвал два предыдущих выступления, которые мы давали. Сегодня у Гатри была первая возможность сканировать публику.

Я на мгновение замолчал и впервые ясно осознал возможное объяснение моего потрясающего прозрения прошлой ночью. Возможно, это произошло потому, что уровни цензуры в моем сознании все время менялись? В глубине души я знал, что будет с пьесой «Перекресток», если все пойдет так, как написано. В первый раз я блокировал полиграф своим блестящим выступлением, которое изменило смысл пьесы. Я заблокировал его во второй раз своей полной заторможенностью.

Ослепительный свет разгадки вспыхнул в самом центре сознания. Неужели это навязчивое оцепенение вызвано ничем иным, кроме того, что первоначально вложил в мое серое вещество брат Эйлин? Только этим я мог объяснить, что не дал полиграфу выявить повстанцев, которым я сочувствовал? Может ли это означать, что моя способность играть, держать аудиторию, жить в своей роли не исчезла, в конце концов? Я стоял безмолвно, тепло робкой радости начало разливаться во мне теплой волной. Может быть, тогда еще есть шанс...

– Рохан, что случилось? – резко спросила Элейн.

Я довольно смущенно посмотрел на нее.

– Ничего. У меня появилась идея насчет моей собственной миссии. Я не думал, что ты это заметишь.

– С тобой что-то произошло, – сказала Элейн. – Ты выглядел таким счастливым, и я подумала, что у тебя есть какие-то идеи насчет Комуса. Видит Бог, нам нужны новые способы борьбы с ним. – Она оглядела комнату. – Теперь, когда Фергюсон и Бердсли захвачены, я думаю, что буду следующей арестованной из состава руководства. Джордж, ты не мог бы узнать что-нибудь о пленниках? Джонни, поднимись на крышу и посмотри, что там происходит. Я думаю...

Кто-то бегом поднимался по лестнице. Все обернулись. Запыхавшийся молодой типчик прислонился к дверному косяку и произнес:

– Они арестовывают каждого, кто пытается покинуть город. И еще. Многие говорят, что видели на дороге мародеров. А где Бердсли?

– Джонни, иди, – произнесла Элейн. – Бердсли здесь нет, он арестован, Тони. Пока я здесь за руководителя. Что с тобой случилось?

– Когда я услышал сирену, то сразу же побежал сюда, – проговорил парень. – В двух кварталах от нас ко мне подошли двое незнакомцев. У одного из них был шприц. Я выхватил его у него из рук как раз вовремя. Кое-кто из ребят видел, как мы дрались, и помог мне, как нельзя кстати.

Элейн кивнула.

– Брюстер, возьми на себя задачу собрать как можно больше людей для патрулирования улиц. Следите за арестами. Попытайтесь отбить у Комуса наших, если сможете.

– Я попробую, – пробормотал коренастый, – но, боюсь, уже слишком поздно.

– Ну так иди и пробуй!

Он кивнул и быстро направился к двери, подзывая к себе стоявших рядом. Мне в голову пришла неожиданная мысль.

– Подожди минутку, – громко завил я. – Я о театральной труппе. Никто из них понятия не имеет, что они делают. Я должен им все объяснить.

На мое предложение никто никак не отреагировал. Никто даже слова не произнес. Последовало короткое молчание, а затем Брюстер сказал:

– Пошли, – и вышел со своей группой.

Я посмотрел на Элейн.

– А как же актеры?

Она покачала головой.

– Даже не знаю. У меня есть более неотложные дела, Рохан. Они сами по себе.

Прежде чем я успел возразить, шум у двери заставил нас обратить внимание на появившуюся женщину с растрепанными волосами. Она говорила, задыхаясь, как будто долго бежала.

– Джонни сказал, что вы хотите знать, что происходит снаружи, – сообщила она. – Я только что была там, наверху. – Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание. – На окраинах, в полях, я никогда не видела столько машин. Танки. Мародеры. Полицейские машины Комуса. Они взяли город в кольцо. Даже мышь не смогла бы проскользнуть через оцепление. Должно быть, они выжидали момент в лесу. Они даже установили радар. Мы... заперты в городе.

Я повторил:

– Как насчет моей труппы? – И снова никто не обратил на меня внимания.

– Что делают эти машины? – спросила Элейн. – Просто окружили?

Женщина кивнула, откидывая со лба слипшуюся от пота прядь волос.

На лестнице послышался приглушенный крик. Потом раздались глухие шаги. Вошел старик с угрюмым лицом. Он протиснулся сквозь толпу прямо к Элейн.

– Фергюсон, – четко вымолвил он. – Мертв. Он прокусил кольцо, когда его вели в здание Комуса.

– А Бердсли... – он помолчал. – Сэм не смог, – он покачал головой. – Они скрутили его.

– А до того?

Старик кивнул.

– А он не мог дотянуться до своего кольца? – спросила Элейн.

– Он поднес его ко рту. Я видел, но потом он... Я не знаю... Он просто опустил руку. Позже он не смог этого сделать, когда копы надели наручники.

Воцарилась тишина. Потом Элейн произнесла:

– Где он сейчас?

– Его допрашивают в штабе Комуса.

– По прямой телевизионной связи с офисом Ная, я полагаю, – пробормотала Элейн. Ее плечи слегка поникли. – Ну, вот и все.

– Насколько все плохо? – спросил кто-то.

– Я была уверена, что Сэм воспользуется ядом, если понадобится.

– Она посмотрела вниз на свое собственное кольцо. – Я думаю, мы никогда не узнаем, почему он этого не сделал, – констатировала она, – пока мы не встанем перед таким выбором сами.

Она еще немного помолчала.

– Это плохо, – заявила она. – Сэм знает, в каком городе расположена штаб-квартира Анти-Кома. Не точное место, но город знает. Могло быть и хуже.

– Разве этого недостаточно? Им нужно время для того, чтобы вытянуть из Бердсли признание. Сейчас они не могут просто захватить этот город...

– Может быть, – согласилась Элейн. – Помните, однако, что Най хочет накрыть весь Анти-Ком целиком, если это только возможно. По крайней мере, сейчас он только догадывается, что это такое и как это работает, Анти-Ком пока для него недосыгаем. Даже если он уничтожит часть его, мы все равно сможем создать недостающее.

– Но он подвергнется опасности, если мы его активируем?

Элейн коротко рассмеялась.

– Пока мы не собираемся прибегать к его помощи. Этого Бердсли не знает.

Наступила мертвая тишина. Кто-то тонким голосом произнес:

– А почему мы его не сможем подключить?

– Потому что это небезопасно! – С внезапной яростью воскликнула Элейн. – Потому что вчера Комус совершил налет на распределительный центр, и нам пришлось уничтожить единственное предохранительное устройство, которое у нас было для Анти-Кома. Вот почему мы не будем его использовать.

– А я подумал, что все кончено, – произнес чей-то голос после минутного шокирующего молчания. – Оказывается, еще не все готово к работе.

– Да, – уже не так сердито ответила Элейн. – Все остается по-прежнему. Нужно время, и это сработает. Это уничтожит Комус. Но на прошлой неделе мы впервые разобрались с одной его частью и обнаружили, что он способен еще на кое-что, о чем мы даже не догадывались. Высвобождается огромное количество энергии. Он вырубит Комус, это точно, но он может навредить и нам тоже. Это может стереть целый штат с лица земли и создать еще один залив в Тихом океане.

– Может, – спросил кто-то. – Или точно *это произойдет*?

Элейн пожала плечами.

– Есть шанс, что удастся не допустить этого. У нас было предохранительное устройство, которое без вреда отводило энергию. С тех пор, как мы потеряли его вчера, мы работаем круглосуточно над новым. Новое устройство почти готово. Но оно пока не привязано к Анти-Кому. Если бы это было... – она деликатно пожала плечами. – Если бы нам удалось это, то Комусу уже пришел бы конец. Остается только ждать.

Мы все переглянулись друг с другом. Меня терзали противоречивые мысли и догадки. Что могло в мгновение ока положить конец Комусу?

– А где же предохранитель? – поинтересовался кто-то.

Элейн покачала головой.

– Я лучше не буду говорить. У нас еще есть шанс. Довольно маленький, но все же есть.

В тишине, когда все осмысливали новую информацию, откуда-то издалека, с окраины города, донесся отдаленный звук выстрелов.

– Если бы это был я, я бы рискнул, – бесстрастно произнес кто-то у двери. – Я бы активировал Анти-Ком и позволил ему взорваться. Нам конец в любом случае. Но мы таким образом уничтожили бы и Комус. Если у нас есть хоть какой-то шанс, надо воспользоваться им.

Последовала короткая перепалка, по большей части в знак согласия.

– Мы никогда не узнаем, что произойдет то, что они решили в Анти-Коме. Еще не настало время.

– Если он *взорвется*, – настаивал невозмутимый голос.

Элейн кивнула.

– Если он взорвется.

– А что тогда произойдет?

– Прямо сейчас, – проговорила Элейн, – Най, вероятно, допрашивает Бердсли по каналу связи из Нью-Йорка. Как только он заговорит, они узнают, в каком городе находится Анти-Ком, и начнут обыскивать его от дома к дому. Рано или поздно они его найдут. Если нам повезет, то дело Анти-Кома будет продолжаться, Комус будет ... – она поколебалась. – Ну, Комусу придет конец. И по всей стране повстанческие отряды захватят власть.

– А как они узнают?

Элейн улыбнулась.

– Они узнают. Если дело Анти-Кома будет продолжаться, ни у кого в стране не останется сомнений в том, за кем правда. В лучшем случае все закончится хорошо. В худшем случае взрыв может на минуту или две осветить половину континента. Гм, люди все равно узнают.

– Но что мы сейчас будем делать? – нетерпеливо зазвучал чей-то голос. – Должно же быть что-то, что мы можем сделать!

– Да, – отметила Элейн. – Мы уже это делаем. В ближайшие полчаса я должна получить известие из мастерской, где заканчивают сборку предохранителя. Тогда нужно будет активировать Анти-Ком, прежде чем силы Комуса найдут его. Теперь нужно запомнить только одно. Убедитесь, что вы все вооружены и окажете все возможное сопротивление, если Комус попытается захватить Карсон-Сити. Вы должны быть в постоянной готовности. Я просто хотела напомнить вам, что сейчас это важнее, чем когда-либо.

– Почему сейчас важнее? – мягко спросил я.

– Просто потому, что таким образом мы выгнали Комус из Калифорнии – сказала Элейн. – И сейчас мы будем держать их подальше отсюда, пока у нас еще есть шанс включить Анти-Ком.

– В конце концов, Эндрю Рэйли все еще президент, – произнес парень в разорванной рубашке и с исцарапанным лицом. – Я не знаю, что надо сделать, чтобы он услышал нас. Старик все еще может уволить Ная... и он это сделает, если мы поднимем достаточно шума. Если восстание поднимется у нас, вести об этом разнесутся по всем штатам, и Най не сможет скрыть это при всем своем желании. Он все еще подчиняется и вынужден считаться с Рэйли.

– Комус должен будет захватить город, где находится Анти-Ком, – напомнил я им.

– Да, нам предстоят еще стычки. Но там сильное ополчение, много боеприпасов и оружия. На этот случай у Ная есть хороший козырь в рукаве. В конце концов, если он узнает местонахождение Анти-Кома, даже Рэйли не будет возражать против решительных мер.

– Най пока не пойдет ни на что радикальное, – добавила Элейн. – Вот почему мы выжидаем момента. Если Комус захочет проникнуть в город Анти-Кома, он это сделает. Помните, что Най желает, чтобы Анти-Ком был захвачен в целостности и сохранности, чтобы техники Комуса могли найти защиту от него. – Она оглядела комнату.

– Джонни, собери свою группу и попытайся найти безопасный выход из города. Мы должны просочиться через кольцо Комуса.

Джонни с сомнением покачал головой.

– Они постоянно контролируют все дороги, – выговорил он. – Но мы попытаемся.

Он подозвал к себе несколько человек, и они вышли вместе.

– Ты не думала, почему город так осажден? Ты знаешь, что они все еще ищут? – спросил я у Элейн, стараясь говорить спокойно.

Она бесстрастно встретила мой взгляд.

– Да, я знаю.

– Они ищут тебя, – воскликнул я.

Она вытянула руку, словно любуясь голубым камнем на кольце. Я знал, что она боится момента, когда встанет перед выбором, как Сэм Бердсли, умереть или остаться жить ценой предательства. Но в глубине души я знал, что она не дрогнет.

– Не только меня, – ответила она. – Любого, кто знает об Анти-Коме больше Сэма. Мы просто обязаны найти какой-нибудь способ выбраться из города.

Кто-то бежал вверх по лестнице снаружи. Ни с того ни с сего я поймал себя на мысли, что снова думаю о труппе Суонна, брошенной в осажденном и истеричном городе.

– За труппой надо присмотреть, Элейн, – начал я. – Они ведь не знали, что делают. Я хотел бы...

Но затем дверь распахнулась, вошел молодой человек и затараторил еще с порога сбившимся дыханием:

– Они раскололи Бердсли. Я подслушал большую часть их разговора. Он рассказал им все, что знал... Вам всем лучше быстро убраться отсюда. Они знают, что это штаб-квартира. И они уже в пути.

Толпа взволнованно загалдела. Через мгновение шум перекрыл высокий голос Элейн. Она отдавала приказы быстро и спокойно. Глядя на нее, я видел, как пульсирует артерия у нее на шее, как дрожат ее руки, но по ее голосу нельзя было догадаться, насколько она напугана. Ее мысли были ясны, она указывала направление куда бежать, назначала место следующей встречи. И через несколько минут толпа превратилась в дисциплинированные группы бойцов, и волна их стремительного рассредоточения увлекла меня вниз по лестнице вместе с остальными.

На улице почти стемнело. Стекла от разбитых уличных фонарей скрипели под ногами. Кто-то решил, что много освещения – это лишнее, и он был совершенно прав. Здесь, в полумраке, было легче затеряться в ночи.

Рука Элейн опустилась на мою.

– Я хочу закончить разговор с тобой, Рохан, – произнесла она. – Пойдем со мной. Теперь ты знаешь слишком много, и я не хочу, чтобы тебя поймали...

На одной из темных улиц нарастал звук урчащих моторов, с каждой секундой все ближе и громче. Это были маленькие полицейские машины Комуса, а может быть, мародеры, захватившие их авто. С тех пор как я пересек границу этого мятежного штата, я только один раз столкнулся с мародерами. Меня на секунду парализовал ужас от воспоминания того ночного боя, когда огромная туша бандита нависла надо мной.

Кто-то крикнул:

– Это они! Бегите! Быстрее!

И мы побежали.

Когда я наконец остановился, запыхавшись, в промежутке между двумя старыми деревянными домами на темной улице, я обнаружил, что остался один.

Я стоял тихо, старался не выдать себя громким дыханием, и прислушивался. Вдалеке то и дело раздавались крики, но шагов поблизости не было слышно. Я чувствовал запах пыли, старого, влажного дерева и мокрой травы с какой-то невидимой лужайки. Если в этих домах кто-то и прятался, то он стоял так же неподвижно, как и я, прислушиваясь и выжидая. На улице вообще не было никакого движения.

Через некоторое время я закурил сигарету и задумался, что же делать дальше? Но ответ пришел сам собой. Пока я не был уверен, что труппа в безопасности, я не мог расслабиться настолько, чтобы сделать следующий шаг, каким бы он ни был. Хотя причин для этого не было. Труппа отеклась от меня. По крайней мере, Гатри. Но чувство ответственности, которое я взял на себя за маленькую группу актеров, не давало мне права с легкостью отказаться от них.

Я смотрел на уличные знаки, чтобы сориентироваться. Потом на звездном небе я нашел ковш Большой Медведицы и увидел, что Полярная звезда слабо мигает. Театр располагался в южной части города. Я осторожно двинулся вперед, держась в тени.

Глава 24

Я ШЕЛ уже минут десять, когда услышал, как зазвонил первый церковный колокол. Это озадачило меня. Набат не был похож на сигнал тревоги, но через несколько секунд зазвонил другой колокол, а за ним еще один, далеко на северной окраине города. Один колокол зву-

чал большим и глубоким басом, другой звенел слегка приглушенно, в третьем преобладала теноровая нота. Они не очень хорошо звучали вместе, но это было неважно. Все, что они намеревались сделать, – наполнить ночь торжественным звуком своего колокольного звона. Интересно, это люди так звонят или какой-то механизм заставляет их звучать? И в любом случае почему? Зачем колокольный перезвон сейчас наполнил воздух в осажденном и напуганном городе? Я ускорил шаг.

Время от времени встречались отдельные прохожие, и я старался не попадаться им на глаза. Я пока не хотел встречаться ни с повстанцами, ни с силами Комуса, и тем более с мародерами. Колокола продолжали звонить. Я знал, что где-то в центре города наверняка установлен большой телевизионный экран, по которому могут передавать новости, которые сейчас мне были необходимы. Но это в случае, если телевизор остался цел.

Я миновал маленький темный парк, где провел самую свою скверную ночь в одиночестве. Я увидел знакомый водоем с деревом и свернул за угол на улицу, где стоял театр. В слабом свете ближайшего неразбитого уличного фонаря я увидел, что трибуны все еще стоят. Они выглядели уставшими и брошенными на пустой улице.

На дальней стороне скамеек притихла большая квадратная туша грузовика с фургоном. Его круглые раструбы громкоговорителей смотрели в небо. Кабина была пуста. Куда исчезла труппа? Я стоял на пустынной улице, чувствуя себя глупцом. Церковные колокола размеренно звонили, создавая мощные вихри звуков, которые эхом отдавались во мне. Естественно, труппа должна была укрыться где-нибудь и как можно быстрее, когда сирены начали трубить «*Эй, Чарли*», а толпа зрителей рассеялась. Куда же они подевались?

Я уже хотел было развернуться и уйти, но остановился и прислушался. Голоса? Приглушенный звук, странно резонирующий. Да, голоса и не очень далеко. Я вдруг рассмеялся и направился через улицу к грузовику Гатри. Тротуар у края трибун был усеян брошенными вещами убегающей публики: оброненными носовыми платками и шляпами, одним ботинком, несколькими сумочками, вывернутыми наизнанку предусмотрительными грабителями. Я пнул ногой по подножке и протянул руку, чтобы постучать в дверь фургона. Внезапно приглушенные голоса стихли, за исключением одного, который слышался невнятно. Слов я не мог разобрать.

Через мгновение внутри послышались шаги, и голос Гатри поинтересовался:

– Кто здесь?

– Рохан, – отозвался я. – Впусти меня.

Пауза. Затем он сказал:

– Ты один?

– Да. Открывай.

Дверь осторожно приоткрылась. В щели я увидел щеку и глаз Гатри, а прямо под ним еще один глаз Комуса – пистолет, зрачок которого смотрел прямо мне в лицо. Последовала еще одна пауза. Затем Гатри хмыкнул и толкнул дверь.

– Заходи, – бросил он.

Внутренность грузовика выглядела как пещера без плотно упакованных и сложенных трибун, которые занимали большую часть пространства. С одной стороны посреди пустоты стояли ряды приборов, которые управляли множеством полиграфов. Под прямым углом к ним, прижавшись к передней стене, стоял аппарат телевизионной связи. Экран был освещен, и кто-то что-то зловеще говорил. Вся труппа, собравшаяся у экрана, удивленно повернулась ко мне. Я переводил взгляд с одного лица на другое. Полли и Рой сидели вместе, далее расположились Хенкены и Кресси, потом я увидел маленькое темное взволнованное лицо Теда Ная на экране, и на мгновение качнулся на пятках от удивления. Я снова подумал, каким образом Тед оказался в фургоне?

Но тут здравый смысл взял верх. С экрана телевизора заговорил Тед. Это был Тед, говоривший зловещим голосом. У него на рукаве была прикреплена черная лента, и хотя его лицо выглядело застенчиво серьезным, но я ощущал восторг, который сиял прямо за серьезностью его взгляда.

– ...период национального траура, – говорил он. – Уже начинают поступать послания от глав иностранных государств, и приятно сознавать, что мир скорбит вместе с нами о потере величайшего человека современности. Тело президента будет захоронено в штате от ...

Осознание того, что произошло, запоздало поразило меня, но не слишком удивило. С тех пор как я услышал звон церковных колоколов, я, должно быть, понял на подсознательном уровне причину этого перезвона. Но потрясение все равно было сильным. На какое-то мгновение я вообще перестал слышать голос Теда Ная. Я перестал воспринимать что-либо вокруг себя.

Так много мыслей пронеслось у меня в голове. Благоговение и недоверие. Немыслимая идея нации без лидера. Я не мог припомнить времени, когда это сильное, спокойное лицо не доминировало бы над всем континентом. Нация была самой формой и сутью человека Рэйли, и казалось невысказанным, что мы можем продолжить жить без него. Это была серьезная личная потеря, потому что он с незапамят-

ных времен всегда оказывался таким сильным, когда мы нуждались в нем. Потому, что он сделал для нас так много, чего не по силам было любому другому человеку на свете.

Я взглянул на лица, обращенные ко мне. На всех них было написано одно и то же выражение ошеломленного недоверия. К этой мысли нужно было привыкнуть. Все мы знали, что когда-нибудь это произойдет. Но когда этот момент действительно наступил, это оказалось слишком тяжело для принятия.

Я взглянул на Гатри, а потом еще раз, уже пристальнее, и был потрясен серой, отчаянной пустотой его лица. Он не был похож на того, кто разделял бы национальную утрату с двумя сотнями миллионов соотечественников. Он выглядел как человек, испытывавший ошеломляющее личное потрясение и горе, которое ни с кем не делил. Сначала я подумал, что смерть Рэйли просто ударила его сильнее, чем большинство других. Но потом я понял, что тут скрыто что-то еще. Я видел, как его взгляд переместился на группу у телеэкрана и остановился на мягкой линии щеки Кресси, отвернувшейся от него, бледные кудри которой блестели в цветном свете экрана.

— А где актер, который исполнял мою роль? — поинтересовался я, перекрывая голос Теда Ная.

Я должен был знать, что произошло. У меня было такое чувство, что время уходит.

— Он ушел, — коротко ответил Гатри.

— Бежал, как кролик, — добавила Полли со смутным удовлетворением. — Что с тобой случилось, Рохан?

Я начал было отвечать, но изображение на экране телевизора изменилось, и мы все повернулись к нему. Най ненадолго отключился от камеры, и длинный панорамирующий кадр с впечатляющей медлительностью двигался слева направо над крышами ночного Нью-Йорка. Я видел огни сверкающих зданий. Все были возбуждены и ошеломлены известием о тяжелой утрате. Через пять тысяч километров я слышал торжественный набат церковных колоколов, когда звон восточного берега Тихого океана сливался со звоном в нашем городе. Народ бодрствовал, и всю эту летнюю ночь история шла своим чередом.

— Где ты был, Рохан? — снова спросила Полли. — Мне показалось, что я видела...

Я резко качнул головой, опережая ее вопрос. Если Гатри еще не знал, какую роль я сыграл в срыве спектакля, то ему и не нужно было знать об этом сейчас.

— Я только что приехал, — констатировал я. — Что случилось?

Кресси улыбнулась мне.

– Шоу сорвалось, вот что. Внезапно публика стала кричать, и мы как раз успели укрыться здесь. Они закидывали фургон камнями, пока Гатри не сделал несколько выстрелов. Ты знаешь, что произошло?

– Что бы это ни было, теперь все ясно, – проговорил я.

Я не смотрел прямо на нее, когда говорил. Сходство с Мирандой было слишком пронзительным.

Гатри положил руку мне на плечо.

– Рохан, я хочу поговорить с вами. – В тусклом свете телевизионного экрана его лицо казалось изможденным. – Выходите, сейчас нам никто не угрожает. Или вы считаете по-другому?

– Да, сейчас безопасно, – согласился я, – но...

Панорама Нью-Йорка мелькнула на экране, и голос произнес с невероятной торжественностью:

– Леди и джентльмены, мистер Роберт Дадли, вице-президент Соединенных Штатов, сейчас сделает важное заявление. Пожалуйста, мистер Дадли.

Бледное, неузнаваемое лицо вице-президента печально смотрело на нас. Под его глазом дернулся нерв, и даже телевизионный грим не мог полностью скрыть, насколько бледным он выглядел. Его голос слегка дрожал:

– Леди и джентльмены, я... в ожидании решения Конгресса, я... – он слотнул слюну и поспешно выдохнул. – Я считаю своим долгом отказаться от должности в пользу мистера Теодора Ная, недавно назначенного государственным секретарем и координатором Комуса.

Рука Гатри на моем запястье сжалась сильнее. Его голос тоже слегка дрожал.

– В городе небезопасно, – пробормотал он, протягивая руку к двери. – Они скоро вернутся.

На улице было прохладно и тихо, если не считать непрерывного тяжелого звона далеких колоколов. Гатри нервно огляделся.

– Какое-то время я думал, что нас собираются линчевать, – сообщил он. – Сейчас они собрались в центре у большого телевизора и уже в курсе новостей, но скоро вернутся. Рохан, дела плохи. Я хочу, чтобы вы сделали для меня одно дело.

– Ты же не доверишь мне, – пробормотал я. – Вспомни нашу последнюю встречу.

Он отмахнулся от этих слов.

– Ад вот-вот развернется, – рыкнул он. – Прямо здесь, в Карсон-Сити. Каждая минута на счету. – Он мотнул головой в сторону грузовика и услышал голос из Нью-Йорка. – Я знал, что это произойдет, – сказал он, – но не ожидал, что так скоро. Я...

– Ты знал, что Рэйли уже мертв? – я услышал, как мой собственный голос осип от изумления. – Ты же знал задолго до...

– Рохан, – устало произнес он.

В том, как он это сказал, был бесконечный цинизм.

Я почувствовал внезапный прилив крови к щекам от смущения и от собственной наивности. Может быть, нужно быть человеком Комуса, чтобы знать, когда Комус лжет.

– Значит, они нашли Анти-Ком, – выдохнул я.

– Не совсем, судя по тому, что я слышал, – ответил Гатри. – Но они знают, в каком городе он находится. В местечке под названием Корби, примерно в сорока километрах отсюда. Возможно, они уже захватили его.

Я стоял, почти не слушая, глядя на мерцавшие сквозь голые балки трибун звезды, и думал, какой же я дурак. Какой же недалекой была вся страна, если поверила, что Рэйли умер сегодня ночью.

Гатри знал, что это не так. Интересно, сколько еще людей знали об этом или пришли к тому же выводу, что и Гатри? Это было уже чересчур. Как давно старик на самом деле умер? Несколько дней назад? Неделью? Но Най не осмеливался обнародовать эту новость, пока не решил, что в его руках Анти-Ком. Если Рэйли был предохранителем, который держал Ная под контролем, то Рэйли был также защитой Ная. Пока президент жив, народ будет уважать его правительство. Най был частью этого. Если Рэйли умрет до того, как Най убедится, что Комус сможет удержать страну на плаву, то Най может погибнуть.

Но теперь Най чувствовал себя в безопасности. Теперь он мог объявить о смерти. Теперь он мог вышвырнуть вице-президента Дадли и захватить власть официально, которую он и так удерживал фактически. Теперь его ничто не могло сдержать. Сейчас...

– Вы поняли? – настойчиво повторил Гатри. – Пока Рэйли был жив, Комус не осмеливался сильно давить на Калифорнию, чем мог вызвать риск открытого восстания. Это значит, что Най готов нанести удар. Он не остановится ни перед чем, Рохан. В любую минуту он может начать репрессии.

– Что? – переспросил я. – Что же теперь будет?

– Во-первых, я думаю, что Най вышибет Корби из игры. Если придется. Он должен остановить Анти-Ком так или иначе. Я думаю, что силы Комуса приближаются к Карсон-Сити. Мы знаем, что здесь есть мятежники, которые обладают важной информацией. Какой? Это нам еще предстоит выяснить. Здесь, в городе, много хорошо вооруженных повстанческих сил. Сегодня вечером мы увидим в Калифорнии такие

стычки, каких страна не знала со времен Пятидневной войны. Рохан... – он наклонился вперед и энергично потряс меня за руку.

– Рохан, я хочу, чтобы вы мне помогли. Я хочу, чтобы вы увезли Кресси из города до того, как начнутся волнения.

Я непонимающе посмотрел на него.

– Кресси? – удивился я.

Он поморщился в кромешной тьме.

– Кресси ... она под моей ответственностью, – повторил он. – Я же говорил тебе. Я должен остаться. Это моя работа, и я буду выполнять приказы, как всегда. Но Кресси... она заслуживает чего-то лучшего. У нас с женой никогда не было дочери, Рохан, но я... я чувствую, что если бы у нас была дочь, она была бы такой же, как Кресси. Она хорошая девушка, и у нее будет свой шанс. Ей нужна помощь. Я хочу, чтобы вы помогли ей.

– Никто не может выбраться из города, – возразил я.

– Мне дана кое-какая власть. С ее помощью я могу обеспечить вам беспрепятственный выезд. Комус пропускает только свои машины. Я думаю, что смогу это сделать.

– Подожди минутку, Гатри, подумай немного. Я согласен, если ты сможешь достать для нас пропуск. Но я возьму с собой всю труппу.

Он подозрительно посмотрел на меня.

– Всю труппу?

– Я не могу оставить их здесь! – вымолвил я. – Их могут линчевать. Кроме того, как только мы вырвемся за пределы Карсон-Сити, что тогда? Страна полна отщепенцев. Чем больше нас будет, тем безопаснее. Тебе придется раздобыть нам оружие. Под Хенкен и Рой могут им воспользоваться. Держу пари, Полли тоже может. И нам понадобится вся защита, которую ты сможешь дать.

– Не знаю, Рохан, – с сомнением произнес Гатри. – Я не уверен, что смогу...

– Это всего лишь маленькая труппа, а не целый Нью-Йорк, – возразил я ему.

Он колебался еще мгновение. Затем он неожиданно сдался.

– Ладно, будь по-вашему. Нет времени спорить. Возвращайтесь в грузовик и ждите меня. Нужно действовать быстро. Это займет около получаса. Будьте готовы выезжать, как только я скажу.

Он повернулся и тяжело побежал по темной улице.

Я смотрел ему вслед. Мое сердце колотилось с глубокими, тревожными ударами, а руки снова начали дрожать. Я был напряжен, как никогда в жизни. Потому что я знал, что собираюсь сделать или по-

пытаюсь сделать, и риск был так велик, что я не смел даже думать об этом.

Я помню место, которое Элейн назначила для следующей встречи повстанцев. Интересно, хватит ли у меня времени сделать то, что я должен был сделать? Я услышал тяжелый набат церковных колоколов. Я посмотрел на звезды, мерцающие в темноте. Я спрашивал себя, сколько еще пройдет времени, прежде чем белое сияние взрыва осветит страну с того места, где сейчас расположилась Калифорния.

Глава 25

НАД ВХОДОМ в школьный дворик расположилась большая богато украшенная арка в честь Эндрю Рэйли. Школы, как и почти все остальное в стране, были частью Комуса. Это же средства связи, не так ли? Поднимаясь к неосвещенному зданию, я смотрел на большие буквы «ЭР» и размышлял, как Анти-Ком может уничтожить что-то столь разнообразное и мощное, как то, что Тед Най сделал из Комуса. Я не думал, что это возможно. Но я должен был рискнуть.

Классная комната с высокими стульями и детскими столами казалась очень странным, неуместным местом для встречи революционеров. Или, наоборот, уместным, в конце концов. Здесь, где первые семена непокорности были посеяны в умах новоиспеченных учеников, возможно, плоды восстания вот-вот будут собраны. На данный момент об этом можно было только догадываться.

В полутемной комнате, освещенной только уличными фонарями, свет которых едва проникал сквозь окна, я сначала не мог выделить Элейн из собравшихся повстанцев. Много людей входило и выходило из помещения, все передвижения были довольно упорядоченные. Внешне все находилось под контролем, но в комнате нарастала атмосфера истерики. Я знал, что они выясняют, насколько туго было стянуто кольцо окружения вокруг Карсон-Сити. Может быть, они догадывались, как и Гатри, о том, что произойдет дальше.

Я взял Элейн за руку, как Гатри недавно держал мою. Когда она увидела, кто это, она охотно приблизилась, лишь посмотрев тем знакомым, глубоко личным взглядом, который впервые мелькнул между нами так давно, когда времена не были такими напряженными. Но я не отреагировал. В коридоре пахло мелом и детьми, все было чисто деловым.

– У меня немного времени, – затараторил я. – Не спорь. Во-первых, ты сказала, что Анти-Кома нет в Карсон-Сити. Раньше я тебе не

поверил. Теперь верю. Он находится в городке под названием Корби, примерно в двадцати минутах езды отсюда?

С выражением слегка ослепленного смятения она повернулась ко мне и ответила утвердительно.

– Хорошо, – пробормотал я. – Следующий вопрос: предохранитель находится здесь, в Карсон-Сити? Мне нужно знать, потому что я думаю, что смогу выехать за пределы города в ближайшие полчаса. Не надо со мной спорить. Если эта штука здесь, если она закончена, и ее можно транспортировать, я доставлю ее в Корби. Да или нет?

Она посмотрела на меня с отчаянием.

– Я не могу ответить тебе, Рохан! У меня нет на это полномочий. Даже если бы я это сделала, я бы не осмелилась. Я...

– Посмотри правде в глаза, Элейн! Что может быть хуже? Комус сейчас обыскивает весь Корби в поисках Анти-Кома. Что ты теряешь? Сейчас ты не можешь сказать мне ничего такого нового об Анти-Коме, чего Комус и Най не узнают в течение следующего часа, когда найдут его. Самое худшее, что я могу сделать, это взять твой предохранитель и побежать с ним к ближайшему копу Комуса. Как это может повредить сейчас? Самое лучшее, что может случиться, так это доставить предохранитель в Корби до того, как Анти-Ком взорвет Калифорнию. Я сделаю все как надо. Ты мне веришь?

Она испытующе посмотрела мне в лицо, поколебалась еще мгновение, а потом глубоко вздохнула и выдохнула:

– Жди.

Я наблюдал, как ее темный силуэт исчезает в движущейся толпе. Я видел, как она остановила проходящего мимо человека, что-то настойчиво шепча, и очертила в воздухе вытянутыми ладонями что-то большое и квадратное.

Когда она вернулась, то взяла меня за руки холодными и дрожащими пальцами и стояла, глядя мне в лицо все тем же тревожным, неуверенным взглядом. Она глубоко вздохнула и начала говорить очень быстро и предельно тихо.

– Анти-Ком находится в Корби. В подвале методистской церкви. Ее каменную башню трудно не заметить из любой точки города. Я послала за предохранителем. Если ты сможешь передать его местной команде Анти-Кома, они подключат его к сети меньше чем за минуту. – Она сделала паузу. – С твоей помощью у нас появился шанс, – выдохнула она.

Я молча кивнул.

– Когда я думаю о взрыве, то прихожу в ужас от этой мысли. Ноги отказываются идти, – честно признался я ей. – Как скоро я смогу забрать предохранитель?

– Пять минут, – пробормотала она. – Может, и меньше. Техники стараются изо всех сил.

– *Что* такое Анти-Ком, Элейн? Как это работает?

Она покачала головой. Потом она неуверенно рассмеялась.

– Я так привыкла держать это в секрете, – произнесла она. – На самом деле сейчас это не имеет значения. Либо мы вовремя доставим предохранитель в Корби, либо нет. Рохан, все, что нужно сделать Анти-Кому, это поработать тридцать секунд, и каждый механизм Комуса, подключенный к трансформатору, вырубится по всей стране.

– Тридцать секунд! – удивился я.

– Это ужасно просто. Мы нашли способ вызвать постоянный резонанс практически в каждом трансформаторе в стране.

– Сверхпостоянный резонанс?

– Я, конечно, не совсем понимаю в терминах. Анти-Ком будет генерировать две определенные частоты в определенном порядке, что создаст своего рода замкнутый процесс в силовых сетях. Скорость ввода и вывода энергии будет одинаковой, и никакая внешняя сила не сможет разорвать этот цикл. Когда это произойдет, все трансформаторы выйдут из строя. А это значит, что все, что питается от электричества, перестанет работать.

– Все? Но...

– Я знаю. Больницы и дома, самолеты в воздухе – будут жертвы. Но ненадолго. Наши люди по всей стране готовы и ждут. Комус довольно слабо контролирует каждого гражданина в отдельности, потому что он так задуман. Ты же знаешь, как сложна его система коммуникаций. Вся его мощь зависит от сети коммуникаций и транспорта. Уничтожь эту организацию и ... ну, нас гораздо больше, чем их. – Она сделала еще один глубокий, прерывистый вдох. – Вот и вся история, – констатировала она. – Теперь ты знаешь.

– Элейн ... – начал было я, но снова замолчал, потому что она меня не слышала.

Она закрыла глаза и неудержимо дрожала с головы до ног. Я обнял ее, и она уткнулась лбом в мое плечо, позволив глубокой, сильной дрожи пройти по ней без сопротивления. Я стоял и крепко держал ее.

Припадок длился недолго. Затем она рассмеялась, больше от горя, чем радости, а потом оттолкнула меня.

– Это просто истерика, – пробормотала она. – Какое облегчение, Рохан, переложить свою ответственность на других!

– Ты отлично поработала, – похвалил я ее. – Теперь твоя роль сыграна. Я передам оборудование по адресу в Корби, если только что-нибудь мне не помешает. Если не смогу... Как ты думаешь, Элейн? Может быть, ячейка в Корби все-таки включит Анти-Ком и рискнет его взорвать?

Яркие темные глаза спокойно встретились с моими.

– Думаю, так и будет. Наверное, я бы так и сделала, если бы мне пришлось принимать решение. Раньше у нас не было ни единого шанса против Комуса. Может быть, больше никогда и не будет. В любом случае, это ужасное решение, которое придется принять. Но я думаю, что они его включают.

В конце коридора послышался звук торопливых шагов. Из-за угла показались две мужские фигуры с квадратным футляром размером с переносную пишущую машинку и ручками с двух сторон. Я с сомнением посмотрел на нее.

– Как же я проташу эту штуку в фургон? – спросил я у Элейн. Потом я сообразил, что не объяснил ей, как собираюсь пройти через кордон Комуса, и короткими фразами рассказал ей всю историю.

Она слегка нахмурилась.

– Он не очень тяжелый, если нести его в руках, – произнесла она. – Но это же неловко. И бросается в глаза, если только нет такого места, куда его можно было бы положить в грузовике, где он мог выглядеть естественно. Будут ли они вас обыскивать?

– Даже не знаю. Может, будут, а может, и нет. Я не думаю, что сейчас они ищут какое-то оборудование, сейчас они ищут людей. Ты сказала, что Бердсли не знал о предохранителе?

– Совершенно верно. – Она на мгновение задумалась. – Тогда возвращайся к грузовику. Мои парни пойдут с тобой. Мы устроим диверсию как раз перед тем, как вы доберетесь до очереди на контрольной станции. Будьте в задней части грузовика, и мы передадим вам прибор. Я не могу придумать ничего лучше, а ты?

– Это должно сработать, – согласился я. – Ладно, тогда пошли.

Она протянула мне руку, которая была холодной и все еще дрожала в моей ладони.

– Элейн, сегодня вечером в Карсон-Сити будет очень жарко. Теперь, когда Рэйли умер, Комус некому контролировать. Ты это понимаешь?

Она кивнула.

– Держись в укрытии, договорились? – промолвил я. – Если мы когда-нибудь выберемся отсюда ... – я сделал паузу и улыбнулся ей. – Я вернусь и найду тебя.

– Я буду ждать, – ответила она совершенно отвлеченно.

На этом мы и попрощались. Может быть, все закончится хорошо. Кто знает?

Глава 26

ГАТРИ В ПОСЛЕДНИЙ раз посмотрел на встревоженных актеров в фургоне. Его взгляд на мгновение задержался на лице Кресси.

– Все будет хорошо, – сказал он успокаивающе. – Рохан, я уже все приготовил. Как только вы выйдете на улицу, направляйтесь к стоянке дальнобойщиков к северу по шоссе примерно в шестнадцать километрах. Они будут ждать вас. Они достаточно хорошо вооружены, и вы будете в безопасности. Ладно?

Кресси улыбнулась ему.

– Перестань волноваться, – пробормотала она. – Мы будем жить, чтобы рассказывать об этом нашим внукам.

Она сидела на полу, спрятав ноги под ярко-розовую юбку своего костюма из последнего акта. Макияж немного расплылся на ее лице, тушь с ресниц ручейками растеклась по щекам, и я подумал, что она, наверное, плакала. Может быть, в тот страшный час, когда толпа закидывала камнями грузовик и расправа над беззащитными актерами казалась неотвратимой. Как бы то ни было, теперь к ней вернулось мужество.

– Гатри, ты уверен, что мы получим свое жалование и премию? Мы дали всего три спектакля, но...

– Вы его получите, – заверил ее Гатри. – Мы сделали свою работу. Не беспокойся.

Полли кивнула и холодно посмотрела на Роя. Он сидел рядом с Кресси, рассматривая пистолет, который дал ему Гатри, и даже не взглянул на жену. Судя по всему, в этот вечер они не разговаривали.

– Удачи тебе, Гатри, – проговорил Под. – Береги себя. Ты уверен, что не пойдешь с нами?

– Мне приказано остаться, – таков был ответ.

Миссис Хенкен, сидевшая на полу рядом с Подом, вытянув ноги прямо перед собой, протянула руку и вытащила из своих спутанных белых кудрей одинокую гвоздику, которую она сорвала в чьем-то саду по дороге на представление. Она покрутила цветок между пальцами

и каким-то совершенно таинственным образом ухитрилась приковать к нему взгляды всей труппы. Ее виртуозные приемы для привлечения внимания были безупречны, она продолжала играть естественно, даже когда в этом не было ни необходимости, ни смысла.

– Рохан, ты помнишь «Мышеловку»? – спокойно спросила она, не обращая внимания на остальных. – Ты помнишь «Мышеловку»? – И прежде чем я успел ответить, плавно перешла на знакомые строки из «Гамлета»:

*«Я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что...»**

Она замолчала.

– Как все прошло, ты помнишь?

Но ее прервал Гатри:

– Нам всем надо поторопиться. Увидимся позже. Удачи. До свидания. – Он прыгнул на землю, захлопнув за собой дверь.

Я улыбнулся миссис Хенкен и покачал головой. Интересно, давно ли она знает, что театр похож на гамлетовскую мышеловку? И, хотя теперь это уже не имело значения, мне было интересно.

– Под, – поинтересовался я, – ты поведешь машину?

ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР, который мне обещали повстанцы, начался точно по расписанию. Примерно в квартале от хвоста очереди на контрольно-пропускном пункте брошенный камень с грохотом отскочил от кабины грузовика. Взрыв криков и град камней привлек все внимание к дороге перед нами. Под нажал на тормоза и остановил наш грузовик с ошеломляющей внезапностью. Я так и не понял, почему он так резко затормозил. Может быть, из-за бревна, брошенного на дорогу.

Как только мы остановились, я очень тихо открыл заднюю дверцу фургона. Руки из темноты протянули мне квадратный футляр с ручками. Я положил его вместе с другим техническим оборудованием сцены, в то время как крики и грохот камней о металлические стенки кузова все еще оглушительно отдавались в наших ушах.

Все закончилось за тридцать секунд. Под снова двинул грузовик вперед. Крики постепенно стихли позади нас. Вся труппа облегченно перевела дух, и мы посмотрели друг на друга, нервно улыбаясь.

*

В. Шекспир «Гамлет» (пер. Т. Щепкина-Куперник). (прим. перев.)

На контрольно-пропускном пункте мы все предъявили копам обычные пропуска Комуса. Они тщательно сверили наши физиономии с фотографиями на бланках. Кто-то вошел в фургон и бегло осмотрел содержимое. Все выглядело так, что строгий контролер выискивал безбилетных пассажиров в салоне рейсового автобуса. Больше его ничто не интересовало. Осмотр занял меньше пяти минут.

Под направил грузовик вверх по пандусу к шоссе. Он повернул направо, свернул на подходящую полосу движения и перевел управление на автоматический режим. Затем он перегнулся через спинку сидения и улыбнулся нам в окошко.

— Мы уже на трассе, — сообщил он.

— Под, пожалуйста, дай мне карту, — попросил я. — Я бы хотел посмотреть, где мы находимся. Мне нужно кое-что уточнить.

Мы ехали по местности примерно посередине между Карсон-Сити и поворотом на Корби. Стоянка дальнобойщиков, где нас ждали, находилась примерно в восьми километрах от поворота. А Корби расположился в конце извилистой тридцатикилометровой горной дороги. Я сверился с картой. Очень скоро наша машина приблизится к развилке, где дорога на Корби отходит от шоссе. Если мы поедem в одном направлении, на стоянку дальнобойщиков, то можем оказаться в относительно безопасном месте, в некотором роде. Если только Антиком не уничтожит взрывом всю Калифорнию. Но у меня катастрофически не хватало времени, чтобы доставить труппу туда, а потом вернуться и отдать свой груз ячейке повстанцев в Корби.

Мне нужно было добраться до секретной базы Анти-Кома как можно быстрее. Возникла дилемма, какое направление выбрать. С одной стороны, труппе нужен наш грузовик, чтобы добраться до стоянки, а с другой, мне он тоже был необходим, чтобы добраться до Корби. Решить две задачи сразу казалось невозможным.

Я стоял, балансируя на качающемся полу, и хмуро смотрел на карту. Это была проблема, о которой я не подумал раньше. Там, в Карсон-Сити, казалось, достаточно было вывезти актеров из города до того, как начнутся боевые действия, и спасти их от неминуемой гибели от рук горожан. Но что же мне делать, как выйти из положения? Я не мог взять их с собой в Корби, но и не мог бросить на дороге, заставить их идти восемь километров в ночи по местности, кишашей бандитами.

— Прибавь скорости, Под, — попросил я. — Мы очень спешим.

Я переводил взгляд с одного лица на другое, оглядывая знакомую маленькую труппу актеров. Я думал о том, как сблизился с ними за последнюю неделю. Я вспомнил, как упорно они работали под моим

суровым руководством. Я вспомнил, как они поддерживали меня в том вечернем спектакле, когда я впал в ступор, и как они сплотились вокруг, чтобы не сорвать пьесу, когда я не мог говорить и двигаться. Ответственность, которую я чувствовал за них, тяжелым грузом давила на плечи. Но теперь на мне лежала еще большая ответственность.

Они должны были знать, что ждет всех нас впереди. Им придется самим принимать решение. Я не мог сделать это за них.

– Под, – пробормотал я, – следи за дорогой, ладно? Дашь мне знать, когда мы доберемся до отворота на Корби. – Я оглядел группу. – Всем вам, – обратился я, – необходимо кое-что узнать. Мы еще не в безопасности. Я думаю, что нас ожидают еще большие испытания. Так складываются обстоятельства.

Я коротко рассказал им, стараясь говорить спокойнее, чем чувствовал себя на самом деле. Я рассказал им об Анти-Коме и вероятности взрыва.

– Если это случится, – произнес я, – то это будет самая большая катастрофа в истории нашей страны.

Я сказал им, где находится Анти-Ком. Теперь это перестало быть тайной.

– И Най тут же уничтожит Корби, как только узнает, что это так, а может быть, рискнет и позволит Анти-Кому вывести из строя коммуникации, – заявил я. – У Корби есть два варианта из трех взлететь на воздух в течение следующего часа, если мы не успеем. Так что теперь вы знаете всю ситуацию.

Они смотрели на меня с ледяным вниманием все время, пока я говорил. Когда я закончил, воцарилась мертвая тишина.

– А как насчет третьего варианта, Рохан?

– Комус исчезает навсегда, и страна переходит в совершенно новую фазу, – констатировал я. – Власть переходит в руки повстанцев.

– Вторая американская революция, – продолжил Рой. – И это все?

Я молча кивнул.

– Да.

Снова тишина. Я быстро смерил их взглядом. Я небрежно опустил руку в карман пальто и сжал пальцами рукоять маленького пистолета. Все так же непринужденно я двинулся к задней части грузовика, пока не уперся в дальний угол. Потом повернулся лицом к ним, сидящим вокруг телевизионного экрана. Под, не мигая, наблюдал за мной с водительского сиденья в зеркало. Я не видел его рук.

– Хочу сказать следующее, – продолжил я. – Я отправляюсь в Корби. Я должен добраться туда быстро. Это значит, что мне придется забрать

грузовик. Мне очень жаль. Мне придется высадить вас у поворота на Корби.

Потребовалось некоторое время, чтобы до Пода дошел смысл сказанного. Тогда он резко возразил:

– Рохан, ты не можешь так поступить!

Я вынул из кармана пистолет и положил ствол на левое запястье.

– Я обязан это сделать. Поверь мне, если бы был какой-то другой способ...

– Но ведь это всего лишь лишние восемь километров, – растерянно побормотала Полли. – Я не понимаю...

– Еще десять туда и обратно, – рыкнул я. – У меня нет времени.

– Но Эйлин не может пройти и километра, Рохан, – возразил Под. – Это небезопасно! Мы не знаем, что за люди ночью бродят по дорогам.

– Ничего не могу поделать, – я настаивал. – Я перебрал все известные мне способы, чтобы найти выход, но...

Под посмотрел на меня поверх спинки сиденья.

– Нас пятеро против одного, – мягко заметил он.

– Я знаю об этом. Двоих я способен нейтрализовать быстро, – ответил я, имея в виду вооруженных мужчин. И слегка повел дулом пистолета, чтобы напомнить ему об этом.

– Извини, Рохан, – сказал Под Хенкен, и от спинки сиденья, как мне показалось, прямо в глаза ударила ослепительная звезда.

Я услышал странный звук, пистолет в моей руке лязгнул, и огромная сила вырвала его из ладони. На мгновение мне показалось, что он оторвал мне пальцы. Я почувствовал, как ледяная стрела пронзила предплечье, и двойной удар отбросил меня назад к стене грузовика. С глухим стуком я ударился головой об нее.

В глазах все поплыло. Очертания всех лиц стали размытыми в серой дымке. Очень смутно я видел, как Полли наклонилась, чтобы взять упавший пистолет. Я подумал, *что не могу сейчас отключиться. Я не могу! Все зависит от меня, я обязан это сделать.* Я почувствовал, как мои колени стали подгибаться, и пол фургона, казалось, стремительно приближался к моему лицу.

Очень быстро, прежде чем я успел упасть, мне удалось откинуться спиной на стену и сползти по ней в сидячее положение. Я наклонился вперед, пока моя голова не оказалась между коленями, и здоровой рукой стал наносить по лбу небольшие толчковые удары, чтобы прогнать черноту из моих глаз. *Оставайся в сознании, не отключайся!* Тихо молился я про себя.

Это было нелегко. В голове у меня звенело, и я не был уверен, что все-таки отключился, но следующее, что я увидел, – это озабоченное

лицо Полли, стоящей надо мной с пистолетом в руке. Под говорил из кабины:

– ...упоминал, что я когда-то устраивал показательную стрельбу перед закрытием карнавалов, не так ли? – кажется, он что-то говорил.

Я тупо моргнул, глядя на него.

– Похоже, я теряю снаровку, – воскликнул он. – Все, что я хотел сделать, это выбить пистолет из твоей руки. И не хотел повредить тебе руку. Извини, я, правда, не хотел. Как ты себя чувствуешь, Рохан?

Я с трудом поднялся и прислонился головой к качающейся стене, чтобы не упасть снова.

– Долго я был в отключке? – потребовал я ответа.

Еще более озадаченная Полли пробормотала:

– Как ваша рука?

Я посмотрел вниз, впервые почувствовав сильную пульсирующую боль. Кровь растекалась расширяющимися ярко-красными пятнами по рукаву рубашки в двух местах, которые заставляли ткань прилипать к руке. Дрожащей левой рукой я закатал рукав. На нижней части предплечья и в середине тыльной стороны два аккуратных пулевых отверстия сочились яркой кровью.

– О, ради Бога, Рохан! – раздраженно воскликнула Полли. – Что вы делаете? – Она опустилась на колени, бросила пистолет на грохочущий пол грузовика и взяла меня за руку твердыми, умелыми руками, поворачивая ее, чтобы посмотреть.

– Во всяком случае, кость не задета, – заявила она. – Но я думаю, что твоя пуля задела артерию, Под. – Она оглянулась через плечо. – Рой, давай свою рубашку. Кресси, подойди сюда и крепко прижми большой палец там, где я держу свой. Хорошо. Не отпускай.

Поверх их склоненных голов я посмотрел на Пода. Я глубоко вздохнул.

– Под, где мы сейчас?

Он посмотрел на темную дорогу.

– Подъезжаем к повороту на Корби, – безразлично ответил он.

Полли рвала ткань на полосы с длинными трескучими звуками.

– Под, ты что, из Комуса?

Последовала небольшая изумленная пауза.

– Черт побери, нет! – возмутился Под, и его красное лицо еще больше покраснело. – За кого ты меня принимаешь?

– Ты сейчас оказал неоценимую услугу Комусу, – заметил я.

– Что ты хочешь этим сказать, Рохан? – спросил Рой, натягивая пальто поверх майки.

Кресси смотрела мне в лицо очень близко, подтеки туши и недавние слезы придавали ей вид несчастного ребенка. Полли замерла, держа в неподвижных руках два конца разодранной ткани. Даже Эйлин Хенкен с гвоздикой в пальцах вопросительно посмотрела на меня. Я глядел Поду прямо в глаза.

– Шансы на вторую американскую революцию только что улетучились, – констатировал я. – Я не могу сейчас отдавать тебе приказы. Но я прошу тебя по-человечески, выйди на перекрестке и позволь мне уехать в Корби.

После долгой паузы Рой произнес:

– Почему?

– *Перекресток*, – как эхо, повторила задумчиво за мной Эйлин.

– Вот именно, – кивнул я. – Куда более важный перекресток, чем вы все думаете. Именно это я и пытаюсь объяснить вам.

Я подтянулся немного выше по стене. Руки Кресси неотступно двигались вместе с моей раненной рукой, по-прежнему пережимая артерию. Я попытался успокоиться и вложить в свой голос всю силу убеждения, на которую только был способен.

– Ты обязан это сделать, – проговорил я. – Я знаю, что это опасно. Может быть, вас ограбят по дороге. А может быть, и убьют. Но ты должен отдать мне грузовик.

– Я думаю, тебе придется все объяснить, Рохан, – пробормотала Полли напряженным голосом.

Но прежде чем я успел раскрыть рот, за меня заговорил Рой. Я глядел на него с изумлением, услышав внезапную ярость в его голосе. Его угрюмый взгляд посветлел. Впервые я увидел на его лице неподдельную жизнь и волнение. Он достаточно жестко отреагировал.

– Что объяснить? – почти кричал он. – Что он сотрудничал с повстанцами? Черт бы тебя побрал, Рохан, почему ты молчал об этом? Я с тобой. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

У меня отвисла челюсть, когда я услышал от него эту тираду. Полли только могла проговорить:

– Рой? – тихим, тоненьким голоском.

– Ты думаешь, я просто сидел как истукан? – сердито возразил он. – Я знаю, что сейчас происходит. Мне нравится то, что я узнал. Мне по душе эти чувства.

Он резким движением провел тыльной стороной ладони по щеке, размазывая грим. С каким-то диким презрением он посмотрел на жирную от грима руку.

– Ты думаешь, мне нравится быть актером? Ты думаешь, я хочу играть? Я ненавижу это. Я всегда это ненавидел. Но при Комусе я либо

играю, либо умираю с голоду. Я хочу выйти из этой крысиной гонки. – Он снова повернулся ко мне. – Рохан! У нас еще есть шанс?

Я попытался увидеть искренность в его глазах. Насколько можно ему доверять? Насколько надежным помощником он окажется? Рой вытер ладонь о штаны и протянул ко мне обе руки, дрожащие от волнения.

– Надо действовать! Я готов рискнуть. Что надо делать?

Я обнаружил, что тоже дрожу.

– Это слишком опасно, – произнес я. – Нет.

– Да! – закричал на меня Рой. – Мне надоело! Меня тошнит от Комуса. Сколько у нас времени?

Я оглядел трясущийся кузов фургона, посмотрел на проносящиеся за окном темные кроны деревьев, поглядел на восток, где в любой момент, внезапно, могло возникнуть зарево взрыва.

– Я не знаю! – крикнул я ему в ответ. – Черт возьми, я не *знаю*! Я думаю, что есть шанс, но не знаю наверняка. Я не могу предугадать будущее. Меня ужасает сам факт того, что может случиться!

– Но ты все еще хочешь попасть в Корби?

– Я должен это сделать!

– Ты не справишься один. Я с тобой.

– Я не могу остановить кровотечение, когда ты так кричишь, Рохан, – серьезно воскликнула Кресси. – Успокойся, или ты вообще ничего не сделаешь.

Я посмотрел на свежую кровь, с новой силой хлынувшую из раны, и прислонился спиной к вибрирующей стенке, глубоко и прерывисто вздохнув.

– Хорошо, – ответил я. – Вон там, за пультом управления, спрятан квадратный футляр с ручками. Внутри него находится предохранитель, который предназначен для повстанцев. Моя задача – доставить его в Корби до того, как местная ячейка мятежников, находясь в отчаянном положении, решится на подрыв Анти-Кома без этого устройства. Так что нельзя с этим тянуть.

– Сопротивления больше не предвидится, и все пройдет без сучка и задоринки? – спросил Рой. – Как ты думаешь? И это все, что мы должны сделать?

Я молча кивнул.

– Анти-Ком деактивирует Комус, *если* мы успеем. Если мы этого не сделаем, взрыв может просто стереть Калифорнию с лица земли.

Краем глаза я заметил, как Под напрягся на водительском сиденье. Я почувствовал, как пол кузова подо мной начал замедлять свою вибрацию. Мелькание темных деревьев за окном тоже сбавило свой ход.

Затем пневматика тормозов тяжело вздохнула, и грузовик медленно покати́лся по грунтовой дороге.

Раздался спокойный голос Пода:

– Все, решено, следуем в Корби, – произнес он.

Глава 27

ВО ВНЕЗАПНО наступившей мертвой тишине Полли с треском оторвала полоску от рубашки.

– А кто выходит? – спросила она. – Я бы на месте Рохана поступила бы также. Кресси, осторожно убери палец с артерии, хорошо? Давай наложим повязку.

Под ухмыльнулся ей из-за спинки сиденья.

– Я помню старые времена, – пробормотал он непринужденным тоном. – До Комуса. Я с тобой, Рохан. Эйлин?

Она одарила его безмятежной улыбкой.

– В нашем возрасте чего бояться, не так ли? Кого же мы ждем?

Кресси подняла голову.

– Я? – воскликнула она. – Ты имеешь в виду меня? – Она одарила меня улыбкой, которую немного исказил подпорченный макияж. – Может быть, мы все станем знаменитыми, – проговорила она. – Это стоит того, чтобы рискнуть.

Я выпрямился и вдруг почувствовал себя намного лучше.

– Поторопись с повязкой, ладно? – попросил я Полли. – Я поеду в кабине с Подом. Он лучше меня справится с управлением грузовика, и я хочу, чтобы мы добрались до Корби в целости и сохранности. Нам предстоит нелегкий путь. Держитесь!

МОСТОВАЯ ПОД НАМИ неслась извилистой неровной рекой, которая мерно раскачивала нашу машину из стороны в сторону. Сегодня на дороге в Корби было необычно оживленное движение. Впереди и позади нас огни то появлялись, то исчезали за крутыми поворотами и сопками. Я был рад большому количеству транспорта на дороге. Это делало нас менее заметными. Интересно, сколько еще людей, направляющихся к Корби, знают, куда они спешат? Вероятно, сейчас Комус спешно перебрасывает войска, как по воздуху, так и по дороге. Вполне возможно, они найдут Анти-Ком задолго до того, как мы туда доберемся. Может быть, через секунду или минуту, за этим поворотом или за следующим, мы увидим, как ослепительная вспышка мощнейшего

взрыва осветит полнеба, и ударная волна с бешеной скоростью начнет расползаться по континенту, сметая все на своем пути.

Я гнал эти мысли прочь. Меня сейчас занимало другое. Мы все приняли решение и были готовы принести себя в жертву. Моя рука пульсировала, и кровь продолжала расходиться широким пятном по повязке, но это тоже мало беспокоило меня. Я чувствовал себя спокойно и уверенно. Вся ночь вокруг меня была странно оживленной, и мне нравилось наблюдать за происходящим. Звезды сверкали на небе, и звук ночной птицы, звонко кричащей в темноте, был звуком, который отражал все мои ощущения. Мне казалось, что последние стены вокруг меня рухнули, и я стал бескрайне свободным. От этого почему-то стало немного грустно, сам не знаю почему, но чувства приобрели свежесть и ясность.

В зеркале заднего вида я заметил, как габаритные огни следующего за нами транспорта подпрыгивают вверх и вниз. Мы ехали слишком быстро, но я не обращал на это внимания. В голове прочно сидела мысль, что сегодня удача будет на нашей стороне. Мир снова послушно кружился у меня под ногами, и история творилась вместе с ним. История наших собственных дел, новоиспеченная, свежая, как ночь вокруг нас.

— Посмотри вон туда, направо, — вдруг нарушил молчание Под. — Подожди-ка минутку. Видишь огни? Наверное, это Корби.

Дорога поднялась на вершину холма, и на мгновение мы увидели вдали мерцающие гроздьи уличных фонарей. Потом грузовик покатился под уклон, и перед нами снова было бурлящее шоссе, вспышки света фар и короткие рыки машин, которые проносились мимо. Сияние города теперь озаряло небо над ним, и в этом сиянии снова и снова мерцала звезда красным, белым и голубым. Я подумал о Чарли Старре и резне в Сан-Диего, и мне пришла в голову мысль, что он каким-то образом из мира мертвых наблюдает за нами сейчас и помогает нам закончить то, что когда-то начал сам. Завершить любой ценой. Но это была отвлеченная мысль, чтобы надолго задержаться в голове.

Под прервал мои размышления с внезапной тревогой:

— Оглянись, Рохан. Мне показалось, что что-то красное мелькнуло сзади.

Мое сердце дрогнуло раньше, чем рассудок. Что-нибудь красное? Я высунулся наружу, тщетно пытаясь разглядеть дорогу позади нас. Что-то цвета Комуса следует за нами по дороге? *Не обязательно следовать за нами, сказал я себе. Сегодня в Корби решается судьба нации. Всех на этой дороге, кроме нас, я буду считать Комусом.*

Наш фургон прошел очередной поворот, и я посмотрел на шоссе позади нас. Что-то ярко-красное осветило фары следующих за нами машин. У меня перехватило дыхание.

– Ты был прав. По дороге за нами следует машина Комуса. Посмотри сам.

– По нашу душу? – тихо спросил он.

– Я так не думаю. Я не понимаю, как кто-то еще может знать о моей миссии. Если только... – эта мысль потрясла меня. Если только они не арестовали Элейн... Но в это я тоже не мог поверить. Я вспомнил синее кольцо на ее руке. Я не думал, что у них было достаточно времени, и они могли заставить Элейн говорить. У нее был свой безошибочный способ ускользнуть от Комуса, и я уверен, что она бы им воспользовалась. Нет, они не могли нас искать. ...

– Приготовься, – сказал Под. – Я отключаюсь от автоматики. У нас больше маневренности на ручном управлении, и мы все равно не смогли бы обогнать копов.

Я почувствовал странный маленький рывок, когда грузовик отключился от автоматического навигатора Комуса, и я подумал, что мы разорвали, возможно, навсегда связь с той гудящей артерией, которая вела нас вниз по шоссе. Артерия Комуса. Теперь мы были предоставлены сами себе.

– Послушай, – обратился ко мне Под.

И через мгновение я тоже услышал ее – сирену, которая завывала высоко, а затем низко, пронзительно и требовательно. В зеркале заднего вида показалось далекое красное пятно, которое с ужасающей скоростью приближалось к нам по шоссе, сияя в своем собственном багровом свете. Шум нарастал по мере того, как увеличивалась каплевидная форма машины. Зрелище, заставляющее сердце биться быстрее, а дыхание учащаться. Я уже начал забывать, какие они ярко-красные машины Комуса, какие большие и быстрые.

Машина обогнала нас, резко развернулась, безапелляционно завизжав шинами, и заставила два своих сверкающих глаза осветить обочину. Но Под резко прибавил скорость, и маленькая машинка стала быстро уменьшаться, пока не превратилась в красную точку. Грузовик глухо взвыл и застонал всеми своими железными внутренностями. Дорога проносилась мимо полноводной реки. Над верхушками деревьев белели звезды.

Я ощутил тяжелое жужжание над головой даже сквозь грохот грузовика, и мгновение спустя над нами промелькнули бортовые огни

вертолета, снижающегося к Корби. Я сравнил его с перегруженной пчелой. И еще один. И еще.

Когда мы поднялись на следующий холм, Корби оказался почти рядом. Весь город был ярко освещен, и мне послышался резкий треск выстрелов, хотя шум вокруг меня теперь был слишком сильным, чтобы быть уверенным в этом. *До города не больше пяти минут езды*, подумал я.

Но, возможно, у нас не было и пяти таких нужных минут. Сирена машинки Комуса снова зашлась в ужасающем, высоком, волнообразном крике. В зеркале я видел, как она мчалась за нами по дороге, увеличивалась и сверкала проблесковыми маячками и багровым цветом.

Ступня Пода уже давно вдавила педаль газа в пол. Грузовик недовольно трясся и раскачивался с надрывным ревом. Огни Корби устремились к нам, и деревья проносились возле нас непрерывными шипящими потоками. Тихие и прохладные звезды мерцали над Корби.

Машина Комуса прижала к обочине один из грузовиков позади нас, загнав ее на край проезжей части оглушительным воем сирены. И снова картинка в зеркале заднего вида уменьшилась и исчезла в темноте.

Но через некоторое время произошло нечто непонятное. Один из встречных громадных грузовиков Комуса, сопровождаемый машиной копов, полетел мимо нас, а потом вдруг широко развернулся и с грохотом помчался за нами, сокращая расстояние с ужасающей скоростью. Я видел, как рулевое колесо борется с хваткой Пода, словно что-то живое, испуганное и пытающееся вырваться. Он свернул к краю дороги, пересекая гудящие линии электропередач, пытаясь затеряться среди мчащихся грузовиков и легковых автомобилей попутного направления.

Но пока удача была не на его стороне. Преследователи слишком быстро приближались к нам, и нагоняли они именно наш грузовик. В нескольких метрах позади нас огромный фургон Комуса свернул на дорогу, параллельную нашей, и начал с ревом сигналить, яростно мигая фарами. Под с силой вдавил педаль газа до упора. Вся машина задрожала под нами, словно в агонии, но большой преследователь все набирал и набирал скорость.

Теперь он поравнялся с нами на соседней полосе. Он не пытался вырваться вперед, а с грохотом неся вперед, вровень с нами, колесо в колесо. Как в гонке на скорость в известном фильме, охотник и преследуемый одинаково быстро летели по шоссе. Я видел, как Под бросил на него быстрый взгляд, а затем уставился прямо перед собой, стиснув

зубы, борясь с рулем, чтобы удержать машину на дороге. Очень скоро я осознал, как мало я знал о старике до сегодняшнего дня. Теперь он кардинально изменился, начав свой путь от краснолицего ничтожества, которого я повстречал там, в секвойях. Или, может быть, меня изменили несколько прошедших дней. Скорее всего, дело было во мне.

Огромный грузовик возвышался над нами на гигантских колесах, как движущаяся фабрика, которая грохотала по дороге. Теперь он двигался так же, как полицейские машины останавливают нарушителей, тесня нас к краю тротуара. Водитель высунулся из окна, крича и размахивая руками.

– Под! – заорал я. – Твой пистолет! Я могу прострелить им колеса...

Под показал взглядом на свой карман и склонился вбок.

– В кармане! – закричал он, не отрывая глаз от дороги. Я нащупал левой рукой карман его пальто. А затем, держа пистолет в руке и поднимая его для прицеливания, я внезапно остановился, напрягая слух. Неужели я услышал то, что думал?

– Эй, Чарли! – тоненький голосок кричал в свистящей темноте между нами. – Эй, Чарли... ты меня слышишь?

Вспышка яркого возбуждения озарила меня. Я перегнулся через согнутые плечи Пода и яростно замахал руками.

– Чарли? – заорал я в ответ. – Что происходит?

Ветер разорвал его ответ в лохмотья в пространстве между нами. Все, что я мог услышать: «Блок впереди».

– Что? – крикнул я. И на этот раз сквозь рев ветра он был слышен отчетливее.

– Впереди блокпост! Успокойтесь, держитесь за нами, мы прорвемся! Давайте двигаться вперед. ...

Время, казалось, растянулось, как резина. Или полностью остановилось. Мы будем вечно лететь с огромной скоростью за массой грузовика, несущегося впереди нас.

Теперь я разглядел баррикаду из дальнобойных фур, стоящих поперек всего шоссе, сразу за огнями контрольной станции связи на окраине Корби. Грузовики были припаркованы плотно, нос к хвосту, образуя сплошную стену поперек дороги, оставив узкую щель, через которую осуществлялось движение.

Они знают о нас. Каким-то образом они узнали. Ловушка устроена для нас и ни для кого другого. И это было правдой, потому что произошла утечка информации. Иначе как объяснить, каким образом наши друзья в фуре узнали, что нам грозит опасность? Кто-то заговорил.

Это был единственный ответ. Я с болью подумал, *неужели это Элейн?* И я задался вопросом, узнаю ли я когда-нибудь правду?

Автомобильный клаксон на баррикаде начал выть высоко и пронзительно, когда грузовик мчался к ней, не замедляя хода. Фура наших помощников добавила свой собственный хриплый гудок к суматохе. В течение бесконечного мгновения он летел прямо на баррикаду, наводя ужас всеми своими сверкающими огнями и ревущим воздушным сигналом, пока эхо не откатилось от близлежащих холмов. Шум был настолько оглушительным, что закипела кровь в артериях, и это состояние охватило всех нас. Я тоже наклонился, чтобы вдавить кнопку нашего клаксона до упора, и услышал, как он с хриплым ревом влился в эту какофонию. Мир был полон ярости и азарта, и оглушительный звук клаксонов заполнял все пространство вокруг.

В следующее мгновение исполинский грузовик наших помощников перед нами врезался в баррикаду.

Звук удара был ужасен: высокий, глухой и гулкий. Все гудки смолкли на одной высокой ноте, и мир наполнился этим оглушительным грохотом. Мы видели, как фуры, перегораживающие нам путь, разметало влево и вправо, когда огромный таран с грохотом врезался в них, оставляя широкое открытое пространство для нашего проезда. Затем медленно, как-то торжественно, его начало заносить в сторону от шоссе. Было что-то удивительное и одновременно гипнотизирующее в его опрокидывании. Он плавно начал крениться, пока окончательно не потерял равновесие и величественно завалился на бок...

У нас не было времени остановиться или оглянуться. Копы уже отошли от шока, когда мы проскочили через проем, пробитый для нас безымянными мятежниками, и помчались прямо к центру города со скоростью около ста шестидесяти километров в час, и улицы Корби проносились назад по обе стороны от нас, словно смазанная картинка в кино.

Под нажал на тормоза. Фургон немного занесло, шины дымились и визжали на мостовой, пока мы наконец не остановились. Картинка центра Корби приобрела очертания.

Я посмотрел на улицу, моргнул и снова посмотрел. Но мой взгляд приковал не вид зданий и монументов, а ярко-красный цвет Комуса. Два из трех вертолетов, которые пролетели над нами по дороге, теперь стояли в центре главной площади Корби и поблескивали багрянцем. Перед вертолетами стояли люди в красных мундирах с оружием в руках, ожидая нас. Комус ждал нас. И Комус опередил.

На мгновение мне показалось, что после того, как мы остановились, мир снова поплыл по обеим сторонам, а дорога все летела перед нами. И по этой дороге шла знакомая фигура в знакомой клетчатой рубашке.

Лицо Гатри было таким же красным, как мундиры людей позади него. От гнева у него на висках вздулись вены.

– Хорошо, Рохан, выходи с поднятыми руками. Я ошибся в тебе, но еще не поздно все исправить. Где предохранитель для Анти-Кома?

Глава 28

ПОЗАДИ Я услышал резкое движение внутри нашего фургона. Я даже не повернул головы. Я смотрел на город Корби и гадал, куда же подевались его жители? Теперь я был уверен, что слышал выстрелы в городе, когда мы мчались по дороге. Я был вдвойне уверен, что здесь была схватка между мятежниками и Комусом, чтобы помешать поискам Анти-Кома. Меня осенило, что раз Анти-Ком еще не взорван, значит, еще не все потеряно. *Они еще не нашли его*, подумал я. *Еще есть шанс...*

Но был ли он? И сможем ли мы им воспользоваться? Сейчас мы в меньшинстве, и надо призвать на помощь наших сторонников, пока нас не арестовали и не обыскали фургон. В голову пришла шальная мысль о том, что Гатри обязательно выстрелит, если мы попытаемся его сбить на машине. Стрельба может привлечь внимание местных повстанцев, подаст им сигнал о помощи. Оставшись в одиночестве, мы ничего не сможем сделать. Мысли лихорадочно проносились в голове в поисках решения.

– Ты слышал меня, Рохан, – повторил Гатри. – Спускайся вниз.

На мгновение я остро ощутил невероятную слабость, боль в руке и головокружение. Я перевел дыхание и начал бормотать Поду свои спонтанные мысли. Все, что я мог придумать, это направить грузовик в сторону Гатри и заставить их стрелять по нам. Просто на ум больше ничего не приходило. Но позади нас в фургоне нашли блестящий выход.

Из репродукторов с крыши нашего грузовичка громом раздался внезапный, глухой, металлический кашляющий звук, звонкий и протяжный. Затем женский голос, искаженный усилителем до неузнаваемости, который шел немного вразрез с возрастом, прокричал в пустоту безмолвного города.

– *Эй, Чарли!* – взревели усилители на крыше грузовика. – *ЭЙ, ЧАРЛИ!* – чудовищный вопль покатился в темноту. – *ЭЙ, ЧАРЛИ!* –

Плосколицы дома вокруг нас подхватывали слова, многократным эхом передавая их друг другу, пока звуки не затихали на улицах Корби. – ЭЙ, ЧАРЛИ! – кричали фасады домов. – ЭЙ, ЧАРЛИ-ЧАРЛИ-ЧАРЛИ!

Весь город услышал это. Звук взмыл ввысь, образовав купол над крышами, и казалось даже звезды стали прислушиваться к нему.

Рука Гатри с пистолетом взметнулась вверх. Я видел, как шевелились его губы, но не расслышал ни слова из того, что он сказал. Его голос растворился в крике громкоговорителя. Потом рывком ударил его пистолет, и пуля ударила в металл одного из динамиков. Он кашлянул и замолчал.

Еще раз я услышал звонкий, не по возрасту, голос Эйлин Хенкен, который призывал горожан собраться на площади. Затем пистолет снова грохнул. Второй динамик издал хриплый писк и замолчал. Когда он утих, в ушах у меня зазвенело от пульсирующей тишины.

Почувствовалось какое-то движение за оконными стеклами в жилых домах слева и справа от нас. Или мне показалось это? Мое внимание сосредоточилось на сержанте отряда Комуса. Он жестикулировал перед неподвижным строем своих подчиненных в своем блестящем красном мундире в тот момент, когда Эйлин начала вещание. Я наблюдал за ним, пытаюсь разгадать по губам суть его указаний. Его рот выкрикивал какие-то приказы, но, судя по всему, его никто не слышал из-за громкоговорителей. Сейчас я даже не обращал внимания на Гатри. Я понял, что сержант – наша ближайшая и реальная опасность.

Когда рев динамиков захлебнулся благодаря выстрелам Гатри, голос командира взревел с неожиданной силой. Он продолжал уточнять задачи подчиненным.

– ФИ... – только успел крикнуть он.

Резко грохнула винтовка, рывкнув властно и решительно. Завопивший сержант так и не закончил свою команду. Гатри резко обернулся на крик, и в тот же миг я услышал звон быющихся окон, из которых показалось оружие всех мастей – от охотничьих дробовиков до пулеметов. Их гулкий залп прошелся по алым рядам, отприкошетил от бортов вертолетов и завыл, улетаая от мостовой. Люди Комуса заматались в диком беспорядке, пытаюсь найти приличное укрытие, паля в разные стороны на бегу. Исход противостояния изменился с поразительной быстротой.

Значит, мятежники знали, что мы уже в пути. До сих пор они терпеливо ждали сигнала для открытия огня.

Но нам еще предстояло сделать следующий шаг.

Я сжал тяжелую рукоять пистолета Пода, про который совсем забыл в суматохе, и неуклюже переложил его в левую руку.

Затем позади нас раздался раздражающий вой сирены полицейской машины, от которого мы так ненадолго ускользнули. Когда она проезжала мимо, из окон наверху раздался бесполезный винтовочный огонь. Я услышал глухой грохот и увидел вспышку угрюмого красноватого света, отразившегося от окон. Копы выстрелили из гранатомета по ближайшему зданию. Наверное, это был дом, который Комус уже обыскал. Они по-прежнему хотели захватить Анти-Ком в целости и сохранности, иначе весь Корби уже был бы стерт с лица земли. Я с опаской посмотрел на тихое звездное небо. Возможно, бомбардировщики уже в пути, готовые нанести удар, если не удастся заполучить Анти-Ком наземными силами.

Сквозь дикий визг полицейской машины и грохот выстрелов, мне в ухо из заднего окна кабины кричал чей-то голос. Достаточно громкий голос Роя ревел:

– Куда мы едем? – Где ... Анти-Ком?

Это вернуло меня к жизни. Чудовищный грохот и шоковое состояние от всего пережитого, на некоторое время притупили во мне потребность в дальнейших действиях. Пока стрельба повстанцев отвлекала на себя внимание сил Комуса, надо было действовать как можно быстрее. С каким-то безличным интересом я подумал, что теряю кровь, и как долго это продолжалось, полчаса или меньше? Время, как и сама потеря крови не имела для меня особого значения. Словно это была чья-то чужая кровь, окрашивающая повязку на руке.

Я наклонился, чтобы посмотреть через ветровое стекло на горизонт Корби. Элейн говорила, что церковную башню можно увидеть из любой точки города. И через мгновение я увидел ее, высокая и серая, которая освещалась снизу тем, что могло быть отблеском невидимого огня где-то рядом. Колокольня бледно светилась розовым светом на фоне неба, и я разглядел одну сияющую сквозь арки звезду.

Вдруг в окно кабины рядом со мной просунулась рука, нащупывая внутреннюю ручку. Рука в клетчатом рукаве. Я посмотрел на красное, решительное лицо Гатри, потемневшее от гнева. Мой пистолет находился в левой руке. Я поднял его, и ствол пистолета уперся в область между его глазами и нижней частью лица так близко, что я видел только глаза. Он посмотрел на меня обреченно, ожидая только одного – выстрела, и ничего больше.

Я не мог нажать на курок.

Я попробовал. Пальцы не слушались меня. Издалека... Да, я бы выстрелил. Но на расстоянии, когда мне бы пришлось выбирать между его жизнью и своей. И не сейчас, не в упор, когда его глаза выжидающе смотрят в мои. Я слишком хорошо его узнал. Он был крепким стариком, который выполнял работу, которая ему не очень нравилась, но делал ее потому, что был просто обязан ее сделать. По его мнению, я был дураком.

Я отвернул ствол пистолета в сторону и сильно ударил его по лицу тыльной стороной ладони, отбросив тело назад на улицу.

— Под, — проговорил я, стараясь говорить как можно тише, — поехали. Поверни налево, вон на ту улицу. Мы направляемся вон к той церкви из серого камня.

Мотор ожил прежде, чем я успел договорить, и грузовик с грохотом двинулся по короткой дуге через улицу. И как раз вовремя. Вой сирен и грохот боя окружал нас со всех сторон, топя нас в звуках, от которых сжимались все внутренности. Справа от нас как раз в тот момент, когда мы начали движение, пронеслась огромная темно-красная машина, так близко, что ее изогнутый борт со скрежетом ударился о кузов нашего грузовика. Они хотели протаранить нас. Но всего лишь чуть-чуть промахнулись. В следующий раз удача может покинуть нас.

Под понял это так же хорошо, как и я. Он даже не попытался straightify путь и выехать на улицу, на которую я показывал. Вместо этого он развернул грузовик бортом поперек ее, блокируя весь путь.

— Все вон из фургона! — приказал он. — Мы не оторвемся от них на машине! Может быть, пешком доберемся. Скорее!

Свои последние слова он выкрикивал уже на улице. Я перебрался через сиденье вслед за ним и спрыгнул в открытую дверь, слыша топот торопливых ног в фургоне. Вся труппа тоже поспешно покидала грузовик. Под подхватил меня, когда я спрыгивал с подножки, и пошатнулся. В следующее мгновение весь грузовик подпрыгнул, когда машина Комуса задним бортом на огромной скорости врезалась в нашу кабину, которую я только что покинул.

Улица была полностью перекрыта за минуту или две. Как же это было важно для нас. Под непрерывным воем сирен полиции я скорее почувствовал, чем услышал тяжелое сотрясение воздуха, и понял, что вертолеты с натугой поднимаются в воздух, неся свой багровый груз.

По одну сторону от меня бежала Кресси, по другую Эйлин.

— С тобой все в порядке? — С тревогой спросил Рой, мельком оглядев меня.

Я посмотрел мимо него на Полли. Ее лицо, как ни странно, больше не было изможденным, а сияло яркой свежестью возбуждения. Вдвоем они с Роем несли коробку с предохранителем за ручки.

— Я в порядке! — крикнул я сквозь шум. — Бегите!

Где-то в переулке прогремел еще один глухой взрыв, и на мгновение вспыхнул еще один веер малиновых искр. Густой дым валил в нашу сторону, заполняя улицу. Много людей бежало с нами в этом чаде, иногда разворачиваясь, чтобы открыть ответный огонь по преследователям. Из неприметного переулка донесся вопль еще одной сирены Комуса, достигший ужасного крещендо, и снова ринулся вниз с пронзительными нотками. Позади нас опять послышался удар грузовика Комуса, пытающегося оттеснить наш брошенный фургончик. Из ряда окон над нами вырвался залп предупреждающего ружейного огня, и пули безрезультатно ударили в высокий багровый борт тарана. Наши защитники сверху наблюдали, как его блестящая красная крыша открывается для нового удара.

Мы постарались ускориться вниз по улице под защитой занавеса дыма к церковной колокольне.

ЭТО БЫЛО ПОХОЖЕ на бег сквозь хаос. Голова у меня была легкая, а ноги едва касались мостовой. Дым, через который мы неслись, казалось, затуманил и мой разум. Я увидел ярко-красный авто, мчащийся к нам по улице, давя своей тушей беззащитных людей. Машинально отложилось в сознании, как один человек бросил бутылку, которая, сверкнув в свете единственной фары монстра, разбилась о его борт. Маслянистая жидкость брызнула в осколках стекла, вспыхнула, и пленка неустойчивого пламени начала разрастаться по всей машине. *Самодельная бомба*, подумал я. Они отбиваются всем, что у них есть.

Но этого было явно недостаточно.

Только не вертолеты. Силы Комуса наступали со всех сторон, а винтовки и простые ружья были бессильны против этой техники.

Только Анти-Ком мог обездвигить этих монстров.

Тяжелый гул вертолетных двигателей над головой заставлял вибрировать все вокруг. Чья-то рука затащила меня под козырек крыльца как раз перед тем, как ярчайший луч поискового прожектора винтокрылой машины ослепил улицу, метаясь по испуганным фигуркам бегущих людей. Их охваченные страхом лица выглядели неестественно бледными в слепящем столбе света. Новый ружейный залп ударил по вертолету, и луч прожектора, очертив на мостовой несколько зигзагообразных лихорадочных линий, погас.

Комус вышел из-под контроля. Тед Най перестал себя контролировать. Предохранитель, который мы несли с собой, был частью мощной вещи, которая должна была отрезвить амбиции Ная. Поэтому мы должны были доставить его по назначению любой ценой. Я помню, как в отчаянии подумал, *повстанцы больше этого не вынесут*. Они не могут ... они не должны ... они включают Анти-Ком, с предохранителем или без. Готовые пойти на самопожертвование, они готовы к уничтожению Калифорнии, чтобы остановить Комус... Я услышал, как голос Пода хрипит у меня над ухом.

– Гатри позади нас! – крикнул он, перекрывая шум. – Оглянись назад!

Сквозь дым я смутно разглядел клетчатую рубашку. Между ним и нами бурлил людской водоворот, и когда на мгновение видимость прояснилась, я увидел красные мундиры, следующие позади него. За нами охотились не только машины. Издалека я услышал крик Гатри, и пуля высекала пыль из кирпичной стены над нашими головами. На нас посыпались осколки кирпича.

Под произнес твердым, торопливым голосом:

– Ты беги. Осталось всего пара кварталов до церкви. Если я отвлеку Гатри, ты должен успеть.

Я начал было возражать:

– Нет, мы будем...

Под резко оборвал меня.

– Эйлин все равно не может идти дальше, – покачал головой он. – Видишь?

Я обернулся и увидел кровавое пятно, расплзающееся по краю ее фартука. Ее лицо было таким же ослепительно бледным, как и ее волосы в прерывистом свете прожекторов, но она все еще держала свою гвоздику и почти безмятежно улыбалась мне.

– По-моему, мне уже лучше, – пробормотала она мне. – Но у меня вроде как ... кружится голова. Я думаю, мне лучше... присесть.

Под оглядел задымленную улицу. Казалось, мы стоим посреди развалин в облаке пыли, пахнущей гарью и порохом. Уму было непостижимо, как мы сюда добрались. Я не удивился, когда увидел обломки дивана, беспорядочно разбросанные рядом с разбитой стеной. Под пинком отбросил несколько досочек в сторону, освобождая подушки.

– Садись сюда, – предложил он.

Рой и Полли, держа в руках квадратный чемоданчик, колебались лишь мгновение.

– Нам лучше не ждать, – решительно ответил Рой. – Удачи тебе, Эйлин. Увидимся позже.

– Пошевеливайтесь, – подгонял Под. – Держитесь вместе.

Он взглянул на жену. Она улыбнулась ему и нарочно поднесла гвоздику к носу, вдыхая с нежным удовольствием. Под кивнул, как будто она сказала ему что-то важное. Может быть, так оно и было. Затем он повернулся и тяжело зашагал по улице, крича во весь голос.

– Эй, Гатри, Гатри! – он помахал рукой над головой.

Пули пели над ним. Затем небольшая группка бегущих людей оказалась между нами. Я видел, как женщина в замешательстве остановилась на бегу, когда увидела Эйлин на подушках. Я видел, как она остановилась, наклонилась над седой головой и позвала через плечо своего спутника. Эйлин махнула в мою сторону гвоздикой.

Как только это было возможно, я бежал за Кресси, Роем и Полли, мои глаза щипало от дыма, боли и бури чувств, которые я не мог теперь контролировать. Пока не мог. Кресси оглянулась на меня и ненадолго остановилась. Потом подхватила меня под руку, когда я подбежал к ней. Мне было приятно на мгновение опереться на ее упругое молодое плечо. В горячке я не осознавал, насколько слаб, пока не коснулся ее. Все мое тело налилось свинцом. Она не могла долго меня поддерживать. Через мгновение я выпрямился и пошел дальше на своих двоих.

Нам нужно было пробежать два квартала. Мы спотыкались о кучи щебенки, которая перегородила половину улицы. Позади нас внезапно раздался вой еще одной машины, и мы инстинктивно оглянулись. Кабина автомобиля возвышалась над грудой разбитых стен. Он устремился в нашу сторону. Огромный тягач рушил кирпичи и балки, но неотвратимо продолжал движение. Люди разбегались от него, когда он, надрывно рыча двигателем, неся по длинной улице. Я увидел, как еще одна самодельная бутылочная бомба сверкнула в воздухе и разбилась о широкий красный капот машины. Огонь бесполезно разлился и загорелся на неповрежденном металле.

Автомобиль вдруг свернул и исчез за перекрестком с яростным, затихающим воем. Отвлеченно я подумал, *как он прекрасен, как совершенен по форме, цвету и мощи. Когда-то и Комус был прекрасен, в своем совершенстве и могуществе, пока коррупция изнутри не источила его.*

Хоть они и охотились за нами на улицах Корби, но теперь стало ясно, что нам удалось затеряться. Хаос, который они создали своим вторжением, был частью той силы, которая победила их, потому, что в

неразберихе мы слились с толпой, целенаправленно двигаясь по своему маршруту, хотя все силы были брошены на поимку именно нас.

Нам оставалось пройти всего один квартал. В конце улицы на фоне звездного неба вырисовывалась серая каменная башня. В этот момент шальная пуля пробила арку колокольни, и колокол отозвался единственным испуганным звоном, который еще долго вибрировал в моих ушах после того, как затих. И у меня было странное впечатление, что Тед Най сейчас здесь, на ревущей улице позади нас, хотя был за пять тысяч километров от этого стонущего городка. Машины были его руками. Вертолеты были его глазами. Он был Комусом, как Рэйли был нацией, который бросил всю мощь и возможности государства на поиск всего лишь нашей маленькой группки с бесценной ношей.

Тяжелый рев внезапно пронесся над нами над крышами домов. Луч прожектора скользнул вниз по диагонали и на мгновение ослепил нас всех яростным белым светом, обжигая кожу ужасом. Мы с Кресси одним движением нырнули под бетонную стену. Рой рванул ящик с предохранителем, а вместе с ним и Полли, к ближайшей открытой двери подъезда. Сам он с футляром был уже внутри, когда началась стрельба, а Полли замешкалась в белом звенящем луче. Мы физически ощутили, как пуля попала в нее, издав твердый, чмокающий звук.

Она рухнула, как от удара безжалостного кулака. Коробка с глухим стуком упала на бетон, когда Рой бросил свою ручку и выскочил под ослепительный свет луча. Пули моментально запели вокруг него, когда он схватил жену под мышки и потащил к сомнительному укрытию дверного проема. Они отскакивали брызгами, словно капли весеннего дождя от тротуара, молотя и промахиваясь мимо этих двух фигурок отчаявшихся людей, и за этот бесконечный миг произошла целая цепочка повторяющихся чудес. Потом луч прожектора безразлично двинулся дальше и град пуль иссяк.

Когда мы с Кресси подошли к ним, Полли сидела и ругалась матом, прижав руку к боку, где между пальцами начала проступать кровь. Рой посмотрел на меня, и его лицо внезапно отразило всю изможденность, с которой так долго жила Полли.

— Вам придется идти без нас, — заявил он ровным голосом. — Я не брошу ее.

Полли бросила на него взгляд, полный бесконечной благодарности и тепла. Она на мгновение замолчала, закрыв глаза, чтобы скрыть свою мимолетную слабость. Потом вновь посмотрела на него и в своей прежней манере высказала:

— Да ладно, Рой, к чертовой матери. Я в порядке. Не будь идиотом.

– Помолчи, – шикнул на нее Рой. – Ляг и перестань пререкаться. Рохан и Кресси справятся. Мы почти у цели. – Он бросил на меня решительный взгляд. – Не спорь, – проговорил он. – У вас нет времени, идите.

Мысленно я рассмеялся, думая о свежеиспеченном, безответственном Рое недельной давности, который никогда не принимал решений потому, что ему было так легче жить. Я снова подумал о «Перекрестке» и коротко улыбнулся ему.

– Мы уже идем, – сказал я. – Позаботься о ней.

Кресси уже подняла коробку с земли.

– Она не такая тяжелая, – пробормотала она. – Я одна смогу нести. Я отстранил ее и взялся здоровой рукой за одну из ручек.

– Вместе мы поедem быстрее, – заметил я. – Неудобно бежать, держа обеими руками. Пойдем.

Странно бежать, не чуя земли под ногами. Как будто во сне. Мы пересекли темную улицу, слегка раскачиваясь потому, что бежали не в ногу. Мимо проносились клубы дыма, и, как ни странно, на улице вообще никого не было кроме нас. И совсем рядом, и вдалеке были слышны выстрелы. Крики и вопли наполняли ночь, но здесь мы бежали в реальности, похожей на сон.

Мы были в шаге на пути к церкви, когда раздался резкий треск за спиной, и я почувствовал, как что-то сильно ужалило меня в ногу. От удара я начал падать. Почувствовался пронизывающий жар, который был очень холодным, или это холод был очень горячим, сверлящим мое бедро. Нога у меня отнялась.

Падая, я увидел перепачканное лицо Кресси, которая обернулась ко мне с ужасом и удивлением. Немного придя в себя, я нащупал под рукой траву. Я лежал на чьей-то темной лужайке буквально через дорогу от церкви.

Я приказал Кресси:

– Давай же, вперед!

Она ухватила за вторую ручку, подняла ящик двумя руками перед собой и побежала, не проронив больше ни слова. Я сидел обессиленный, смотрел на нее и пытался своей мольбой возвести некую магическую защитную стену вокруг нее и ее бесценного груза. Если она упадет, то разобьет и ящик с предохранителем. Все будущее Соединенных Штатов Америки сосредоточилось в этом футляре. Вся судьба каждого штата и округа, каждого города, фермы или городка, крохотные судьбы людей – все сплелось в этом устройстве. Подума-

лось что, *если бы она встряхнула его, то все бы сейчас почувствовали землетрясение. Даже я. Потому что я был рядом.*

Я сидел на клочке темной травы с растоптанным кустом герани. Ночь вокруг меня пропиталась сильным запахом раздавленных листьев. Так пахла кровь, гарь и порох. Я осторожно ощупал ногу, чтобы понять, насколько серьезна рана.

Звук приближающихся ко мне быстрых шагов, которые громко хрустели на битом кирпиче по мостовой, заставили меня поднять голову. Потом я увидел знакомую клетчатую рубашку.

В ногу у меня вдруг запульсировало, как будто рана знала, кому она должна быть благодарна своему появлению. Я был совершенно уверен, что не в ногу дело. Гатри меня не видел. Он даже не догадывался, что я здесь. Его взгляд неотрывно следил за Кресси, которая бежала к храму в пыльной розовой юбке сквозь клубы дыма с судьбоносным футляром.

Не издав ни звука, я сунул руку в карман и достал пистолет. Потом оперся на согнутое здоровое колено для более точного прицеливания своей левой неповрежденной рукой. Кровь уже стекала по ноге, и в голове появился неестественный, высокий, нарастающий гул, который отдавался в ушах странно и по-новому. Я подумал, что через миг потеряю сознание. Но у меня было дело, которое я должен был завершить. Дело, которое я должен был завершить еще там, на площади, когда он предложил мне сдаться. Я должен был убить его еще тогда.

Он был близко, перебегал в мою сторону через улицу. Даже стреляя левой рукой, я должен был попасть в него, если только удача не отвернется от меня. Но, держа палец на спусковом крючке, я вдруг перестал целиться, наблюдая за Гатри.

Он остановился в замешательстве. Стоял с опущенными руками, потерявший сам себя из-за какого-то своего внутреннего бунта.

Этим бунтом была Кресси, которую он должен был застрелить.

Я видел, как его рука с пистолетом поднялась. Но оружие само по себе не подчинилось ему, вернее, его рука вышла из-под контроля. Ствол медленно опустился. Он молча стоял, глядя, как она убегает, как ее волосы развеваются на ночном ветру. В полумраке я не мог разглядеть его лица, но в каждой черточке его лица читалась мука нерешительности и отчаяния.

Я вспомнил ту темную ночь на стоянке дальнобойщиков, когда мы отбивались от мародеров. Я вспомнил, как Гатри, глядя в свой стакан, проникновенно и мягко говорил о Кресси, о своей жене и прошлом, о том, на что он надеялся, и чего у него никогда не было.

Я подумал, что он не сможет этого сделать. Я наблюдал за ним с каким-то зачарованным вниманием. Я знал, что он обязан выстрелить. Но не мог ему этого позволить. У меня появилось смутное чувство, что Гатри оказался на своем собственном «Перекрестке», в центре своей собственной жизни, и должен сам принять решение, на чьей стороне он находится. Он имел право выбирать сам, без чьего-либо вмешательства. Важно было, чтобы он сделал свой выбор без посторонней помощи.

Он глубоко вздохнул и снова поднял пистолет, пытаясь прицелиться. Затем опустил руку, как будто из нее ушла вся сила. Я подумал, что его беспокоит не только Кресси, но и я. Но дело было не только в этом. Может быть, он тоже понимал, что вся судьба Соединенных Штатов сосредоточилась в ящике, который она пыталась сберечь. Если он выстрелит, и Кресси разобьет при падении футляр, то нацию ждет катастрофа.

Гатри вновь поднял руку в третий раз. И снова не смог. Я слышал, как тяжело он дышит. Затем я увидел, как он поднял левую руку, чтобы обхватить безвольное запястье правой. Я видел, как он широко расставил ноги, принимая более устойчивое положение.

Послышался странный нарастающий рев, который заполнял все вокруг.

Гатри снова целился из своего пистолета...

Ждать было больше невозможно, но и стрелять я тоже не мог. Мой палец лежал на спусковом крючке. И вдруг рука сама собой напряглась, без всякой команды от моего мозга. Пистолет дернулся, и мой выстрел громко рявкнул в гулкой улице, перекрывший на мгновение нарастающий гул с неба.

Через долю секунды после того, как моя пуля попала в Гатри, его собственный пистолет тоже выстрелил. Но пуля ушла в сторону, никому не причинив вреда, потому, что он уже падал замертво, когда прозвучал его выстрел.

Кресси даже не оглянулась. Она только пригнула голову к ящику, крепче обняла его и, пошатываясь, поднялась по ступеням церкви.

Я оперся рукой с пистолетом на мокрую траву. Несмотря на шум в ушах, мне казалось, что на пустой улице вокруг меня воцарилась необъятная тишина. Я наблюдал, как открылась дверь церкви, и Кресси исчезла в проеме, направляясь творить историю.

Я сидел один на влажной темной траве, и воздух окутывал меня тошнотворной смесью запахов свежей крови и цветущей герани.

Звезды светили очень ярко, и я почувствовал себя совсем одиноким в огромной Вселенной.

Шум в барабанных перепонках был далеким, но таким мощным, что я удивился, почему до сих пор не потерял сознание. Я попробовал тихонько покачать головой, пытаюсь избавиться от него. И тут до меня дошло, что этот звук не у меня в голове. И даже не в городе.

Рев шел с неба.

Он неумолимо приближался, надвигаясь на Корби из черной ночи континента. Это был последний аргумент Теда Ная в борьбе за власть. А ведь я ожидал от него чего-то подобного задолго до сегодняшнего дня, но не хотел верить, что он может отдать приказ на бомбардировку Корби. Най сделал свой выбор. Он знал, что рискнул и почти выиграл. Почти...

Станный, детский стишок снова зазвучал у меня в голове.

Тед – Мертв.

Най – Умри.

Я чувствовал, как эти строчки пляшут вокруг меня и пульсом отдаются в висках. Улицы заполняла дикая какофония из воя сирен и грохота выстрелов, но глухой гул бомбардировщиков начал вытеснять все остальные звуки. Я ощутил какую-то легкость, хотя голова сильно кружилась. Мне почему-то казалось, что вся моя жизнь до этой минуты была долгой репетицией наступающего дня. Вся она прошла ради этого мгновения на темной траве под мерцающими звездами.

Внезапно тишина ударила по ушам.

Тишина, которая, словно осязаемый удар, обрушилась на Корби и весь мир. Мне показалось, что я оглох и нахожусь на грани обморока. Сирены замолчали. Темп стрельбы удивленно замедлился, а потом и вовсе затих. Никто не кричал.

И в очищенном небе, словно по мановению волшебной палочки, прекратилась тяжелая пульсация бомбардировщиков.

Мой разум пытался догнать мои ощущения. *Анти-Ком*, подумал я. *Анти-Ком сработал...*

Комус побежден.

На мгновение я ощутил нечто похожее на боль от утраты всей этой власти, чудесной, сложной, прекрасной вещи, которая спасла нацию в свое время, прежде чем она погрязла в коррупции. Это был конец блестящего мира, в котором я жил и никогда больше там не окажусь. Мир стал темнее, мрачнее и тяжелее в этот миг, когда история пошла по новому руслу в утренней тишине. Впереди простирался новый мир. Единственное, в чем я был уверен, так это в том, что это будет суровый

мир, полный пота, кровопролития и неопределенности. Но реальный мир, дышащий и живой.

Прошлое – это пролог, подумал я. Подождем и увидим.

Я сидел на примятой траве, чувствуя головокружение, растерянность и какое-то странное чувство счастья. И спокойствия.

Вокруг меня на улицах снова начали слышаться голоса. То тут, то там спазматически вспыхивали перестрелки. Но никаких сирен. Никаких огней, кроме света костров. Комус лежал поверженный по всему континенту, как огромный, неподвижный исполин.

Я тихо сидел и ждал, когда за горами, где падали бомбардировщики, раздастся грохот взрывов.

Doomsday Morning, (Doubleday, 1957), пер. Светлана Белоусова

UNKNOWN

OCTOBER - 1940

TWENTY CENTS

OCT. '40

FANTASY FICTION

The DEVIL'S RESCUE . . . L. Ron Hubbard

Weeks in an open boat south of the Straits of Magellan—and even so queer a ship as that that rescued him is welcome! And once aboard, even so terrible a game of dice is welcome if it offers escape!

FRUIT of KNOWLEDGE C. L. Moore

The world's oldest tale, in the oldest setting of all—told again by one of modern fantasy's most sympathetic writers; the tale of a garden, a man, a woman and one—other.

The TOMMYKNOCKER..T. Calvert McClary

The best of wishes-come-true can involve a simple man in a most tangled and devious web! If a man wishes for—and gets!—a miraculous hundred-dollar bill each day—

THE WHEELS OF *IF* by L. Sprague de Camp

If the "If's" of history were changed a bit, what other worlds—

ПЛОД ПОЗНАНИЯ

ШЕЛ ПЕРВЫЙ Шабат*. Нежный ветерок тихонько ласкал траву на лужайках Эдема. Ничто не шевелилось, кроме маленькой крылатой головки, которая то и дело стремглав пролетала через поляну и исчезала в листве, чтобы вскоре опять появиться, и листва трепетала за ней, точно след на несравненно ясных водах. Издалека доносилось еле слышное пение Серафимов у Трона: «Осанна... осанна... осанна...»

Водоем на краю лужайки светился, как огромный, неяркий драгоценный камень. И, как в алмазе, в нем появлялись отражения. Это только что обнаружила склонившаяся над ним женщина. Она согнулась над водой, пока облако ее темных волос почти не коснулось поверхности. Ее, словно одежда, окутывала странная дымка или тень, которая ничуть не скрывала ее безупречную красоту, и хотя сейчас не было ни малейшего ветерка, одеяние из тени тревожно колыхалось, и волосы чуть приподнимались, словно на ветру.

Женщина была так безмятежна, что крылатая головка херувима зависла над водой, как колибри, чтобы полюбоваться на нее и ее неподвижное изображение в водоеме.

– Хорошенькая! – заключил наконец херувим тоненьким, как свирель, голоском. – Ты здесь новенькая, верно?

Женщина распрямилась с медленной улыбкой, откидывая за спину завесу волос.

– Да, новенькая, – негромко ответила она.

Ее голос звучал не вполне уверенно. Ей еще никогда не приходилось говорить вслух до сего момента.

– Тебе понравится Сад, – чуть покровительственно сказал херувим, трепеща радужными крылышками. – Могу я чем-то помочь тебе? Я сейчас не занят. Буду рад показать тебе тут все.

– Спасибо, – улыбнулась женщина, и голос ее прозвучал немного увереннее. – Я сама найду дорогу.

Херувим пожал разноцветными крылышками.

– Как скажешь. Между прочим, я думаю, тебя предупредили о Древе?

Женщина, чуть прищулив глаза, быстро глянула на него.

– О Древе? Оно опасно?

* Шабат (Sabbath) – священный День Отдохновения, суббота у евреев. (прим. перев.)

FRUIT OF KNOWLEDGE

by C. L. MOORE

❶ The oldest story of all — a tale of the First Man, and three who intruded — from the pen of one of fantasy's most popular authors.

Illustrated by F. Kramer

— О, нет. Просто ты не должна дотрагиваться до него, только и всего. Оно растет посреди Сада, Древо Познания добра и зла, ты не сможешь его не заметить. Я видел, как Мужчина вчера долго глядел на него. И это напомнило мне... Ты уже встретилась с Мужчиной?

Женщина наклонила голову, и волосы ее мотнулись, скрывая лицо. Голос из них прозвучал так, словно она улыбалась:

– Сейчас он где-то ожидает меня.

– О-о! – протянул впечатленный херувим. – Ну, так ты найдешь его в апельсиновой роще к востоку от Древа. Там он отдыхает. Ты ведь знаешь, что сегодня День Отдохновения? – Херувим чуть приподнял бровь и добавил: – И Он отдыхает тоже. Слышишь пение? Лишь вчера Он создал Мужчину, прямо из этой земли, на которой ты стоишь. Мы все смотрели. Это было так чудесно!.. А портом он нарек Мужчину Адамом, и затем Адам стал давать названия животным... Между прочим, как зовут тебя?

Женщина словно улыбнулась собственному отражению в воде. Секунду помолчала...

– Лилит, – сказала она.

Херувим смотрел на нее, и глаза его превратились в два расширяющихся голубых кружка от удивления. Затем он сморщил розовые губки и тихонько присвистнул.

– Да ведь ты... – Он запнулся. – Ты... Ты – Королева Воздуха и Тьмы!

Улыбаясь уголком губ, женщина кивнула. Мгновение херувим глядел на нее большими глазами, словно собирался что-то сказать, но внезапно затрепетал крылышками так, что они почти растаяли в воздухе, и рванулся к деревьям, тут же скрывшись в листве, лишь полупрозрачный воздух чуть колебался, оставляя за ним еле видимый след. Лилит посмотрела вдаль с помрачневшей улыбкой. Херувим явно спешил предупредить Адама. Затем ее улыбка стала шире. Ну и пусть себе предупреждает.

ЛИЛИТ ПОВЕРНУЛАСЬ, чтобы бросить последний взгляд на свое отражение в водоеме. Она уже знала, что Мужчина – последнее творение Бога. И, чуточку удивленно, подумала, что хочет даже полюбить его. Она не чувствовала себя ничем отягощенной, как ожидала, напротив, было что-то приятное в мягком ветерке, овеивающем ее тело, в весенних ароматах, услаждавших обоняние, в мягкой траве под босыми ногами. Сад был прекрасен, полон той красоты, которую она не понимала, пока не увидела ее человеческими глазами. Все, что она видела ими, странно отличалось от прежнего. Теперь, во плоти, все ее чувства оказались странным образом сфокусированными по-новому, и для нее, прежде всегда видевшей с кристальной ясностью, все теперь было словно окружено радужной дымкой. И это была прекрасная перифокусировка. Она даже жалела, что не сможет и далее наслаждаться

всеми пятью чувствами плоти, которой она сейчас владела так же, как и Адам.

Но у нее было слишком мало времени. Она взглянула на яркое, неизменное сияние над деревьями, словно могла проникнуть в сферу Небес и увидеть Господа на невообразимо сверкающем Троне, в то время, как серафимы пели ему чудными голосами нескончаемую осанну. Но в любой момент Он мог шевельнуться и глянуть вниз на Эдем. Лилит инстинктивно поежилась, и туманная ее одежда прильнула к телу. А если он глянет вниз... острое волнение, точно разветвленная молния, пронизало ее странную новую плоть. И ей понравилось это чувство опасности.

Она склонилась над водоемом, чтобы еще раз взглянуть на себя, и водоем показался ей большим, тусклым глазом, глядящим в ответ на нее, почти разумным, почти осведомленным о ней взглядом. Сад был живым. Полупрозрачный воздух дрожал в едином ритме над деревьями, земля пружинила под ногами, виноградные лозы расступались, давая ей проход.

Лилит, все еще оглядываясь на оставшийся после херувима след в воздухе, немного озадаченно шла среди деревьев. Она каким-то образом чувствовала близость между своей плотью и землей... Возможно, так реагировала ее плоть, которая не так уж давно была частью Сада. И если даже она чувствовала это родство, то что должен ощущать Адам, который лишь вчера возник из земли?

Сад походил на окружающий ее огромный полумрачный объект, пульсирующий в такт с прозрачным воздухом. И из этого огромного, пульсирующего плодородия Бог извлек все живое, что теперь населяло Эдем? Адам был просто частью его, фокусом и усилением той жизни, что пульсировала в Саду? Об этом Лилит могла лишь предполагать — слишком уж новым созданием был Адам.

И идя без помех между деревьями, она думала о Древе Познания. Об этом Древе, таком соблазнительном, но запретном. Почему запретном? Бог таким образом испытывал Человека? Значит, человек еще не совсем завершен? Или в самом Эдеме кроется какой-то дефект? Внезапно Лилит поняла, в чем тут дело. Само ее присутствие здесь являлось доказательством ее предположения, поскольку она, прежде кого другого, не имела никаких прав нарушать работу этой волшебной, закрытой сферы, являющейся самым большим творением Бога. Но вот она идет в ее сердце, и даже Бог не знает... пока что не знает...

Лилит улыбнулась сквозь листву хорам серафимов, пение которых становилось то громче, то тише, и снова громче, невыразимой сладостью несясь над кронами деревьев. Животные наблюдали за ней ши-

роко открытыми, изумленными глазами, почему-то не совсем непри-
нужденно, хотя еще никакой страх не мог проникнуть и потревожить
Сад. Лилит с любопытством глядела на них, проходя мимо. Симпатич-
ные были зверушки. Ей понравился Эдем.

И тут новый аромат дошел до нее через деревья, почти невыносимо
сладостный, и она услышала тихий, взволнованный голосок:

– Лилит... Королева Воздуха и Тьмы... Это не понравится Ему...
Нужно сказать Михаэлю...

ЛИЛИТ УЛЫБНУЛАСЬ и вышла из-под деревьев под открытое,
нежное тепло солнца Эдема. Правда, даже оно не могло уничтожить
тень, оконтуривавшую самую совершенную фигуру в Эдеме. Не-
сколько раз словно неосязаемый ветерок поднимал ее волосы пыш-
ным облаком, хотя при этом не колыхался ни один листочек, ни одна
травинка. Лилит остановилась и молча стояла, глядя через лужайку, и
пока смотрела, то почувствовала первую дрожь ее новой плоти.

Потому что на поросшем травой берегу, под ласковым солнышком,
возле цветущих апельсиновых деревьев лежал Адам. Деревья и цветы
Эдема казались прекрасными глазами тела, которое носила Лилит,
ветерок и ароматы – восхитительными, но теперь она увидела безу-
пречное совершенство фигуры, вылепленной из теплой красной земли
Эдема по образу Творца, и вид ее напугал Лилит, потому что сразу же
до восхищения ей понравился. Она не доверяла красоте, заставившей
ее остолбенеть возле деревьев, потому и замерла.

Адам растянулся во всем своем великолепии на траве и смеялся над
херувимами, откинув назад голову с желтыми волосами. В каждой ли-
нии его тела, в каждом движении чувствовалась великолепная муж-
ская красота, настолько совершенная, что ее мог создать лишь Творец.
Хотя Адам и не носил одежды, он не был нагим, потому что его окуты-
вала такая же странная дымка, полупрозрачное сияние.

Херувим взволнованно танцевал над ним, вереща тоненьким
голоском:

– Она не должна быть здесь! Ты же знаешь, что не должна! Она –
Зло! Вот кто она! А Богу не нравится Зло! Она... – Затем он глянул
поверх головы Адама, и слова застряли у него во рту. – Берегись! –
шепнул херувим и полетел в крону ближайшего дерева, оглядываясь
на лету через крылышко.

Пристальный взгляд Адама проследовал за херувимом, и веселье
исчезло с его лица. Он медленно встал, при этом красиво заработали
его мускулы под тонким сиянием при каждом движении. Он был со-
вершенством во всем, что делал, безусловно сотворенный Господом.

И встав, Адам медленно направился к ней, а на лице его медленно проявилось удивление.

Лилит с подозрением глядела на него. Сияние Сада нравилось ей больше, пока она шла по нему, сама себе госпожа. В Адаме же было то, чего она не понимала. Вечная Лилит всматривалась, изумленная, глазами своего нового тела, которое сочло Адама замечательным. Она положила ладонь себе на грудь, вздымавшуюся и опадающую, и почувствовала, как под кожей что-то взволнованно бьется.

Адам медленно шел к ней. Они встретились посреди лужайки, и долго никто не произносил ни слова.

Затем Адам сказал глубоким, резонирующим голосом:

– Ты... Я знал, что ты будешь именно такая... я знал, что ты есть где-нибудь, и мне нужно лишь отыскать тебя. Где же ты скрывалась?

Лилит с усилием подавила странную теплоту в груди, происхождение которой не понимала. В конце концов, Адам был всего лишь ограниченным сознанием, помещенным в новое тело, но это не имело никакого значения, потому что тело его со временем все равно изнашивается. Ей было опасно задерживаться здесь и восхищаться им, потому что, по несчастью, он оказался приятен глазам ее недавно обретенного тела. Она глянула на него из-под ресниц и ответила нараспев, сделав свой голос медовым:

– Меня вообще здесь не было, пока ты не подумал обо мне.

– Пока я... – нахмурил золотистые брови Адам.

– Бог создал тебя по Своему образу, – сказала Лилит, хлопая ресницами. – В тебе осталась частица Бога. Разве ты не знал, что можешь творить так же, как и Он, если достаточно сильно пожелаешь этого?

Лилит вспомнила, как почувствовала глубокие, пульсирующие волны, исходящие от Сада, и они показались ей вызовом. Восхищенная, она уступила им, сознательно подчинившись желанию, исходящему из глубины Сада. Она позволила этому желанию формировать плоть до тех пор, пока вся ее сущность не оказалась упакованной в странное, мягкое, податливое вещество, оказавшееся так предательски быстро реагирующим на все, что она встречала в Эдеме.

Адам недоверчиво покачал головой.

– Тебя здесь не было. Я не мог тебя найти, – повторил он. – Весь день я наблюдал за животными, и все они были парами, все, кроме Человека. Я знал, что ты должна где-то быть. Я знал, как ты выглядишь. Я решил, что назову тебя Евой, когда найду, Евой – Матерью всех людей. Как тебе нравится это имя?

– Это хорошее имя, – пробормотала Лилит, подходя к нему, – но оно не для меня. Я Лилит, вышедшая из Тьмы, потому что потребовалась

"God won't like this," the cherub scolded.

тебе. — Она улыбнулась ему пьянящей улыбкой, и дымка стала тонкой на ее плечах, когда она подняла руки.

Адам, казалось, не знал, что делать со своими руками, когда она обняла его за шею и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до его лица.

— Лилит? — ошеломленно повторил он. — Звучит бодро. Но что оно значит?

— Ничего не значит, — самым сладостным голосом сказала Лилит. — Я пришла, потому что ты возжелал меня. — И затем скомандовала. — Нагни голову, Адам. Я хочу тебе кое-что показать...

ЭТО БЫЛ первый поцелуй в Эдеме. Лилит открыла глаза и посмотрела на потрясенного Адама, так взбудораженного ее сладостным поцелуем, что она сама едва могла вспомнить, для чего явилась сюда. Адам, моргая, глядел на нее, у него явно голова шла кругом. И теперь он понял, что нужно делать руками.

— Слава Богу, что ты появилась! — запинаясь, ошеломленно произнес он. — Мне лишь жаль, что он не послал тебя раньше. Мы бы...

Но Лилит уже взяла себя в руки и тихонько пробормотала:

— Ты ошибаешься, дорогой. Меня послал не Бог. Это был ты, ты сам, ожидающий и жаждущий меня, ты создал меня из — не важно, не имеет значения, из чего именно, — и вот я явилась к тебе в теле, которое ты сотворил для меня, потому что я знала, как замечательно мы можем проводить вместе время здесь, в Эдеме. Ты образ Господа, и у тебя есть силы, о которых ты сам еще не знаешь, Адам. Нет никаких пределов тому, что мы могли бы сотворить здесь вместе! Сотворить нечто такое, о чем не мечтал даже Бог...

— Ты такая чудесная, — прервал ее Адам, улыбнувшись своей обезоруживающей улыбкой. — Я так рад, что ты явилась...

Лилит прервала свою речь, закончив ее длинным вздохом. Бесплезно было сейчас пытаться говорить с ним. Он был слишком юным. Да, мощный, с богоподобной силой, но не ведающий о ней — даже не осознающий еще себя Мужчиной. Он не отведал Плода Познания, и невинность его была столь же совершенна, как и красота. Ничего не было в его сознании и быть не могло, кроме того, что вложил туда Господь, создавая его из теплой земли Эдема.

И, возможно, в конце концов, это было к лучшему. Адам был слишком близок к божественности, чтобы сойтись с ней во взглядах на все, что Лилит захотела бы сделать. Но если он не Познает, то и не станет задавать вопросы. Значит, он не должен дотрагиваться до Древа.

Древо... Оно напомнило ей, что Эдем по-прежнему был испытательной площадкой Бога, а не законченным Творением. Она подумала, что знает теперь, в чем состоит дефект человека, позволивший Лилит, одной из всех эфирных созданий, стоять здесь, в Эдеме, в фокусе красоты и невинности. Лилит, являвшейся истинным Злом и знающей, что оно хорошо. Бог создал Адама несовершенным и, возможно, сам еще не понял, в чем его дефект. А ради своих потребностей Адам сам создал женщину, которая тоже не была совершенна. Внезапно Лилит поняла его и начала понимать глубину своей реакции на это великолепное создание, все еще державшее ее в своих объятиях.

Где-то, посреди всего прочего, у нее проскользнула мысль, что явилась она сюда совсем не за этим. Но она отбросила эту мысль и

стала думать о том, каково же жить с Мужчиной, на плечо которого она сейчас склонила голову. Каким же странным материалом была эта человеческая плоть! Она мешала Лилит думать над целью Господа, и даже опасность ее присутствия здесь не могла заставить ее перестать думать об Адаме, обнимающего ее. Приоритеты менялись пугающим образом, и самым страшным было то, что это ее вовсе не волновало. Лилит прижималась щекой к плечу Адама, вдыхала его запах и почти не думала о том, что опасно зря тратит время. В любой момент Господь может взглянуть вниз и увидеть ее, а нужно было еще многое сделать, прежде чем это произойдет. Она должна привыкнуть к странному размыванию сознания всякий раз, как руки Адама крепче сжимали ее. Сад нужно превратить в крепость, и она должна заняться этим прямо сейчас.

Вздохнув, она сплела пальцы на шее Адама и промурлыкала так сладостно, как только могла:

– Я хочу посмотреть Сад. Ты покажешь его мне?

– Да! – страстно воскликнул Адам. – Я надеялся, что ты попросишь меня об этом. Это такое замечательное место...

Херувим порхнул над долиной, когда они направились в восточном направлении, и завис над ними, часто-часто взмахивая крылышками.

– Ждите, пока Он не глянет вниз, – пропищал он. – Ждите – и дождетесь!

Адам рассмеялся, а херувим неодобрительно закудаhtал и улетел прочь, покачиваясь на лету.

Лилит тоже рассмеялась, опершись на плечо Адама. Она была рада, что Адам не понял предупреждение херувима, что он был глух в своей совершенной невинности. И пока она могла влиять на него, Адам никогда не попробует Плод. Познание Зла не было в нем и никогда не должно появиться. Поскольку Лилит была совершенно самостоятельна, то прекрасно понимала, что сущность абсолютного Зла в противоборстве с абсолютным Добром создает необходимый баланс. Сама Лилит была столь же необходима, как и Господь, в структуре Вселенной, поскольку свет не может существовать без темноты, положительный заряд без отрицательного, а добро без зла.

И все же она не чувствовала сейчас в себе Зло. Вообще не было никакого антагонизма между ее отрицательным началом и сильной положительной невинностью Мужчины рядом с ней.

– Гляди, – сказал Адам, делая широкий жест.

Перед ними тянулся низкий склон, покрытый звездами цветов за исключением шрама в одном месте, где была обнажена голая земля

Эдема. Шрам уже затягивался, заживлялся легким зеленоватым туманом.

– Здесь я был создан, – тихонько сказал Адам. – Прямо из этого склона. Для тебя это выглядит так же... ну, столь же чудесно, Лилит?

– Если для тебя это чудесно, – промурлыкала она, – то почему для меня будет иначе?

– А животные этого не понимают. Вот я и надеялся, что хоть ты поймешь. Это словно... словно весь Сад является частью меня. Как ты думаешь, Лилит, если появятся другие люди, то будут ли они любить землю так же, как самих себя? Как ты думаешь, у них будет та же любовь к месту, откуда они все вышли? Станет ли какой-нибудь склон или долина почти что единым целым с ними, так, чтобы им становилось плохо вдали от нее, и они сражались бы и умирали за то, чтобы спасти и сохранить ее? Я думаю, что будут. А что думаешь ты?

Мимо проносился ветерок, пульсируя в ритме со сладостной музыкой серафимов, а Лилит глядела на долину, где родился Адам. Она очень старалась, но не могла понять это странное отождествление с землей Эдема, что билось в крови Адама.

– Рай и ты, – пробормотала она. – Это я могу понять. Ты никогда не должен оставлять его.

– Оставлять его? – рассмеялся Адам. – Да куда мне идти? Рай принадлежит мне навечно – и ты принадлежишь мне.

ЛИЛИТ РАССЛАБИЛАСЬ, наконец, на его плече, внезапно поняв, что любит эту безответственную, даже опасную плоть Мужчины, хотя и не доверяет ему. И все же...

Что-то было не так. Эта мысль внезапно охладила ее, Лилит тревожно огляделась, затем склонила голову и, наморщив брови, глянула на деревья.

– Что там? – улыбнулся ей Адам. – Ангелы? Они, знаешь ли, прилетают довольно часто.

Лилит не ответила, пристально вслушиваясь. До сих пор весь Эдем был пронизан сладостным пением серафимов возле Трона Господня. Но теперь в ярком, прозрачном воздухе слышались уже не гимны славы. На Небесах была какая-то проблема. Лилит услышала звенящие золотом крики в бесконечной вышине, столкновение и шипение огненных мечей, а время от времени даже далекий грохот, словно часть самих небесных стен откалывалась от какого-то неудержимого натиска.

Трудно было поверить, но на Небесах шла война.

Лилит почувствовала прокатившуюся по телу волну облегчения. Война – это прекрасно. Она улыбнулась про себя и покрепче прижалась к Адаму. Независимо от того, что там происходило, это отвлечет внимание Господа подольше от Эдема, и Лилит была искренне благодарна за это. Ей нужна была эта отсрочка.

Ей нужно было задержаться здесь на какое-то время, чтобы привыкнуть к капризам своего нового, странного тела и к неожиданной реакции, что вызывал в ней Адам, прежде чем закончится война на Небесах и начнется война в Раю между Лилит и Богом.

Дрожь ужаса и ожидания вновь пробежала по телу, когда Лилит подумала об этом. Она не была уверена, что Господь сумеет уничтожить ее, если захочет, поскольку она являлась созданием Тьмы вне его Света, и ее существование было необходимо для структуры как Небес, так и Земли. Без существования таких, как Лилит, нарушился бы баланс всего Сотворенного. Нет, Бог не может, не должен уничтожить ее, однако Он может ужасно ее наказать.

Вот эта плоть, например. Такая мягкая, такая скоропортящаяся. Лилит сознавала определенный раскол между разумом и телом, служащим прибежищем сознания. Возможно, Бог знал, что делал, помещая в этот хрупкий контейнер, вместо нетленной субстанции, всю невинность и силу Адама. Но было опасно наделять такой силой бессмертную, неуязвимую оболочку, что Лилит уже доказала Богу самим своим существованием. Однако в ее планы не входило разгневать Бога настолько, чтобы тот уничтожил Творение по собственному образу.

Поэтому следовало найти какой-нибудь способ предотвратить это. Она должна выйти из восхитительно-теплой вуали, окутывающей их обоих, пока руки Адама обнимали ее, но спешки в этом не было. По крайней мере, пока на Небесах бушует война. Лилит никогда не испытывала такие ощущения, как сейчас, когда эмоции затмевали ее разум, и ничто не имело значения, кроме этого великолепного мужчины, на плечо которого она склонилась.

Затем Адам глянул на нее и улыбнулся, и все звуки войны тут же смолкли, словно их никогда и не было. Полуразумный Сад тревожно шелестел кронами деревьев, отвечая звону сражения, доносившемуся с высоты, но Мужчина и Женщина ничего не слышали.

Время словно исчезло. Но все-таки оно шло, и постепенно мягкие зеленоватые сумерки Эдема становились все гуще. Через какое-то время Адам и Лилит остановились на мшистом берегу ручейка, звенящего по камням. Склонившись головой на плечо Адама и слушая звуки воды, Лилит вспомнила, что именно вода была основой их плоти.

– Адам, – пробормотала она, – ты недавно упомянул об умирании. А что ты знаешь о смерти?

– О смерти? – беспечно переспросил Адам. – Не помню. Не думаю, что когда-либо вообще слышал о ней.

– Надеюсь, что никогда и не услышишь, – сказала Лилит. – Это означало бы, знаешь ли, уход из Эдема.

Рука его обняла ее еще сильнее.

– Я не могу! Я никогда не уйду отсюда!

– Но ты не бессмертен, мой дорогой. Это произойдет, если...

– Если что? Говори же!

– Если существует Древо Жизни, – медленно, обдумывая каждое слово, произнесла она. – Древо, плоды которого дадут тебе бессмертие, точно так же, как плоды другого Древа дадут тебе знания, и тогда, я думаю, сам Господь не смог бы изгнать тебя из Эдема.

– Древо Жизни... – тихонько повторил он. – На что же оно похоже?

– Я думаю, это темное Древо, – почти шепотом отозвалась Лилит. – Темные ветви, немножко светлее листва, и яркие плоды, висят среди нее, как фонарики. А ты случайно не видел такое?

Адам молчал. Лилит поглядела на него. Глаза его были закрыты, и на лице даже в сумерках была отчетливо видна тоска. Долгое время их окутывала тишина. Затем Лилит почувствовала, как его напряженное тело расслабилось. Он сделал глубокий вдох и выдох.

– Я думаю, Древо Жизни существует, – сказал он. – Кажется, оно стоит в центре Сада возле другого Древа. Я уверен, что оно там. Плоды его действительно светятся, как ты и сказала. В темноте они излучают свет, похожий на лунный. Завтра мы отведаем их.

Лилит тоже расслабилась на его плече и тоже вздохнула. Завтра он станет бессмертен, как и она. С тревогой она вслушивалась в далекие боевые кличи серафимов, эхом долетающие с Небес. Война на Небесах и мир на Земле...

Из углубляющихся сумерек Эдема не слышалось никаких звуков кроме музыки воды, текущей куда-то между деревьями и напевающей колыбельную тоненькими голосками, точно серафимы перед тем, как уснуть. Где-то неподалеку раздался какой-то тихий голосок, но тут же смолк. Восхитительная усталость объяла тело Лилит. Она положила на плечо Адама другую щеку и почувствовала, как мысли ее затуманиваются, словно она с головой погружается в воду.

И был вечер, и было утро, день восьмой.

ЛИЛИТ ПРОСНУЛАСЬ первой. Чудесно пели птицы, голова Лилит лежала на плече Адама, а над ручейком парил херувим, трепеща

радужными крылышками, и тоненьким голоском пел утренний гимн. Лилит почувствовала, как в мягкой прохладе утра пробуждается весь Сад, и улыбнулась. Адам слегка пошевелился. Она с нежностью поглядела на него сверху вниз, но тут же встревожилась. Она пришла сюда, чтобы стать единым целым с Адамом так же, как Адам был единым целым с Садом, но эта плоть была такой предательской.

Так резко, словно ударила молния, она поняла это. И ужас от того, что эта плоть делала с самой Лилит, накрыла ее, точно гигантской волной. Даже не понимая, что творит, она вырвалась из плоти и ринулась, неощутимая, ввысь хрустального утра. Адам, тело которого она оценила так высоко, стал почти невидим, поскольку вершины деревьев скрыли его перистыми зелеными кронами, но она ясно увидела стены, окружающие Сад, и реки, опоясывающие его, как четыре широких серебряных лезвия, блестящие под утренним солнцем.

И если спящий Адам был еще слегка виден, то женская фигурка подле него совсем растворилась в зеленом мху там, под деревьями.

Лилит плавала в восхитительно яркой пустоте начинающегося утра. Отсюда она уже слышала мощные голоса серафимов, поющие осанну на могучих золотых хорах вдоль яшмовых стен. Какие бы беспорядки не творились вчера на Небесах, сегодня все явно было разрешено. Так что Лилит даже не потрудилась подумать об этом.

Она была свободна от плоти и той слабости, что плоть влила в нее. Она все теперь видела ясно, ее не вводили теперь в заблуждения надуманные искажения, что делают жизнь во плоти такой сложной. Адама она теперь видела лишь превосходным сосудом, наполненным силой Бога. В Эдеме перспективы ее взглядов были слишком искажены, чтобы понять, как мало значения имеет его великолепное тело по сравнению со свойственной ему силой.

Лилит позволила чистому, холодному эфиру смыть все иллюзии, пока бесконечное время пустоты плавало вокруг неподвижной ее. И теперь она поняла, что находится в большей опасности, чем думала. Потребовалось парение в ярких высотах, чтобы очистить ее разум от мыслей об Адаме. Обновленная и укрепленная против этих опасных слабостей, Лилит теперь могла вернуться и продолжить свою опасную миссию. И нужно сделать это быстро, пока Господь не заметил ее. *Или он уже заметил?*

Она проделала длинную дугу в воздухе, резко опускаясь к Эдему.

Адам все еще спал на мягком мху. Лилит подлетела и собралась в ожидании входа в тело, которое недавно покинула. А затем шок молнией пронзил ее, в то время как ее уже окружал Сад. Поскольку там, где она оставила смятую, как бесполезную шелуху, оболочку плоти,

теперь на плече Адама спала полная сил женщина, и голова ее чуть колебалась в такт его мощному дыханию.

Лилит подлетела поближе, раскаленная гневом и ревностью, какие никогда прежде не чувствовала, и коснулась ее. Женщина была окутана слабо светящимся ореолом, как и сам Адам. Но под этим ореолом было тело, которое носила Лилит.

Потрясенная, бестелесная Лилит висела в воздухе. Наверное, Бог сейчас смотрит на нее, ожидая подходящего момента нанести удар. Он был здесь... совсем недавно, может, всего лишь миг назад. Лилит поняла это по объяввшей это место тишине. Все было упокоенно и одновременно трепетало перед Его недавним Присутствием. Бог прошел мимо, Бог увидел незанятую плоть, которую Лилит отбросила, чтобы поплавать в эфире, и Бог тут же все понял, поскольку Он был Всевидящим.

И он взял отброшенную ею плоть и использовал в Своих интересах, и вот эта плоть, светившаяся от прикосновения руки Адама, принадлежала теперь другой женщине, спавшей на ее месте на мужском плече. Лилит задрожала от невыносимых чувств при мысли об этом. Она не могла...

И ТУТ АДАМ проснулся. Лилит подлетела поближе, ревниво глядя, как он зевает, моргает, улыбается, поворачивая голову, чтобы взглянуть на лежащую рядом с ним женщину. Затем сел так резко, что золотистое создание, прижавшееся к нему, воскликнуло высоким сладким голосом и, открыв глаза, еще более синие, чем у херувима, укоризненно уставилось на него. Лилит уже успела возненавидеть ее, но все же не могла не признать, что есть в ней краса, сопоставимая с красотой Адама, изящная, совершенной невинностью наполнявшая пустой сосуд тела. Была в ней некая округлость и привлекательная мягкость, новая в Эдеме, хотя она носила то же тело, что и прежде Лилит.

Адам смутился под ее взглядом и был изумлен.

– Л-Лилит... – запинаясь, пробормотал он. – Кто ты? И где Лилит? Я...

– Кто такая Лилит? – нежным голосом требовательно спросила девушка, тоже садясь и обеими руками откидывая назад сияющие под солнцем волосы. – Я не знаю такой. Не помню... – Слова замерли, и она оглядела Сад пристальными синими глазами, яркими от удивления.

Затем взгляд ее вернулся к Адаму, и она сладенько так улыбнулась.

Адам схватился рукой за бок, нахмутив золотистые брови и поморщившись от первой боли, случившейся в Эдеме. Он вообще не помнил, почему у него вдруг заболел бок так, словно из него изъяли кусок.

И тут из сияния утра внезапно раздался беззвучный, бестелесный, но раскатившийся по округе Голос:

– Я вынул ребро из твоего бока, Человек.

И поляна затрепетала от этих звуков, ручей перестал журчать, а листья замерли на деревьях. Птицы прекратили преть, а животные – издавать голоса. А Голос продолжал, заполняя все утро, весь Сад:

– Из плоти твоей Я создал тебе помощника и жену. Отринь всех других, стань единым лишь с ней. *Отринь всех других...*

Голос замолчал, но не резко, а повторяя последнюю фразу, и листва на деревьях трепетала в ритме с нею:

– Отринь всех других... всех других... всех других...

А затем словно сияние утра на миг потухло в Саду, но никто не почувствовал, как Он удалился. Только воздух чуть потускнел и сгустился, словно мигнув во след уходящему Богу.

Женщина прижалась к Адаму, неуверенно обнимая его, напуганная этим безмолвным, всепроникающим Голосом и тишиной Сада. Адам машинально обнял ее, трепещущую, припавшую к его плечу. Затем вскинул вверх голову, поскольку Голос перестал отзываться эхом.

– Да, Господь, – покорно сказал он.

Какой-то момент тишина еще висела повсюду. Но затем ручей робко вновь зажурчал свою мелодию, запели птички, подул ветерок. Бог ушел.

Бестелесная, дрожащая от эмоций, которые не могла даже назвать, Лилит наблюдала за Мужчиной и его женщиной на мшистом берегу, на котором она сама вчера вечером возлежала с Адамом. Адам глянул на напуганную девушку, прижавшуюся к нему.

– Я думаю, что ты – Ева, – сказал он, и какая-то необычная нежность в его голосе заставила Лилит корчиться от ревности.

– Хорошо, если ты так говоришь, – пробормотала девушка, глядя на него из-под трепещущих ресниц.

Лилит моментально возненавидела его. Словно почувствовал ее справедливый гнев, Адам оглядел тихую лужайку.

– Лилит? – сказал он. – Лилит...

Порыв теплого ветерка донес то, что собрала в едином крике Лилит:

– Да, Адам – да! Я здесь!

Возможно, он мог бы услышать ее призыв, ее страстный ответ на его крик, но в этот момент Ева сказала с каким-то детским раздражением:

– Кто такая эта Лилит, Адам? Почему ты продолжаешь звать ее? Разве я не хороша?

Адам неопределенно опустил взор, и Ева тут же прижалась к нему всем телом, словно для того, чтобы не допустить сюда никакую Лилит. И Лилит поняла, что Бог действительно создал эту девушку из ребра Адама, используя тот же образец, который Адам сам создал для Лилит. Ева была теперь почти такая же, и тело ее изначально знало, не обучаясь, все тонкие приемы, которые древняя мудрость Лилит разработала за время, пока жила Во Плоти. Лилит лишилась плоти, которую так успешно испытала на Адаме – и теперь в такой же плоти была Ева.

ЛИЛИТ ОСЛЕПИЛИ ярость, дикое отчаяние и невыносимая боль, которую она почувствовала при виде той парочки под деревом. Она не могла больше их видеть. С беззвучным отчаянным воплем она развернулась и вновь ринулась в безграничный простор над Эдемом.

Но на сей раз эфир не стал болеутоляющим для ее горя. И она поняла, что и прежде он не служил ей утешением. Потому что у нее нынешней боли семя возникло именно в той плоти, которую она носила кратковременно – но все же слишком долго. Бог создал Адама несовершенным, и Адам, насыщая свои потребности, воспользовался силой, чтобы захватить себе некое неосторожное создание. Позор буквально жег ее теперь. Она, Королева Воздуха и Тьмы, попала в его ловушку, как бессмысленный элементар. Адам использовал ее, хотя это она хотела использовать его. Теперь частичка ее была захвачена плотью, а без нее она стала неполноценной, потребность в Адаме была в ней теперь так сильна, что она не могла отринуть ее, хотя больше уже не владела телом. Корни ее болезни были во плоти, но ад проник в самую сущность, которой являлась Лилит, и никакое купание в глубинах пространства не могло уже очистить ее от этого яда. Во плоти или без нее, на земле или в эфире, жадная потребность, угнездившаяся в ней, никогда теперь не утихнет.

И ужасное подозрение закопошилось в ее уме. Адам в своей невинности, вероятно, и не планировал такое. Но Бог, выходит, все это время знал? И, в конце концов, никакая это была не ошибка, что Адам получился несовершенным? Это действительно было наказание, придуманное Богом для Лилит, которая дерзнула вмешаться в Его планы? Внезапно она поняла, что так оно и было. Не было никакой борьбы между светом и тьмой, как она думала, Бог сразу же узнал об ее появлении. Она была побеждена, осуждена и наказана еще до того, как начала действовать. И не будет никакой победы, останется только эта невыносимая тоска, духовный голод, куда более жестокий, чем голод

плотский, потому что она никогда не сумеет насытить его. И пусть Лилит будет парить в воздушных сферах над Эдемом тысячу лет или миг, это уже не имело значения, потому что она знала, что Адам потерял для нее навсегда.

Навсегда? Она, корчась, неслась в эфире все выше и выше, в бесконечную пустоту. Навсегда? Адам все еще осматривал Сад и звал ее по имени, хотя и держал в объятиях эту бледную узурпаторшу. Возможно, Бог не понял силы того невысказанного, что возникло между Мужчиной и первой женщиной в Эдеме. Может, Господь не думал, что она станет бороться. А может, в конце концов, ей был оставлен шанс.

Она ринулась вниз, прямо в сияние, пока, словно чаша, под ней вновь не распахнулся Эдем, и мощные хоры серафимов вновь понеслись над Садам. Адам и Ева все еще были возле ручья, где она их оставила. Ева стояла на камне, и всплески ручья омывали ее маленькие ступни. Она бросила взгляд голубых глаз через плечо, и Адам улыбнулся, поймав его. О, как же Лилит ненавидела ее!

— Адам! — закричала Ева как раз в тот момент, когда Лилит подлетела уже настолько, что могла слышать их голоса. — Лови меня... Я сейчас поскользнусь! Лови же меня! Быстрее!

Это были те же самые слова, что Лилит поместила в горло утраченного ею теперь тела. Мысль об этом комом застряла у нее в горле, и она стала корчиться от ядовитой беспомощности, заставив Сад танцевать теплыми волнами вокруг нее.

— Лови меня! — вновь закричала Ева самым привлекательным голосом в мире.

Адам бросился и подхватил ее как раз в тот момент, когда она действительно поскользнулась. Она обхватила его белыми руками за шею и засмеялась таким заражающим смехом, что два пролетающих мимо херувима приостановились в воздухе, чтобы порадоваться вместе с ней, и крылышки их бились друг о друга.

— Адам... Адам... Адам... — безмолвно вопила Лилит.

Никто не мог услышать ее крик, но в нем было столько горя, отчаяния и невыразимой тоски, что Адам сильнее стиснул в объятиях Еву, и улыбка исчезла с его лица.

— Адам! — изо всех сил закричала Лилит.

И на сей раз он услышал ее.

Но он не ответил ей сразу. Связь с женщинами уже начала внушать ему некоторые правила. Вместо этого он подозвал парящих рядом херувимов. Те весело порхнули поближе. Ева вскинула на них округлившиеся от удивления глаза, пока маленькие пухлые головастики, балан-

сирующие на радужных крыльях, устремились к ней и остановились рядом, ожидая, что скажет Адам.

– Это наши херувимы, – сказал Адам. – Дэн и Бетуэль, живущие за Древом. Там их живет еще много. Расскажите ей о Древе поподробнее. Ладно, парнишки? А я пока, дорогая Ева, пойду наберу тебе фруктов на завтрак. Жди меня здесь.

Ева повиновалась, лишь задумчиво посмотрела ему вслед, но тут херувимы принялись нетерпеливо болтать, слегка препираясь друг с другом во время рассказа.

– Ну, так вот, посреди Сада растет Древо...

– Расскажи ей о Плодах, Дэн. Ева, ты не должна...

– Да, ты не должна дотрагиваться до них...

– Нет, все вовсе не так, Дэн. Михаэль говорил, что ты можешь дотрагиваться до них, но только не можешь вкушать...

– Не прерывай меня! Теперь придется начать все сначала. Так вот, здесь есть Древо...

АДАМ МЕДЛЕННО шел вниз по течению ручья. Никто еще никогда не лгал в Эдеме. И он действительно искал фрукты. Но Лилит видела, что он также всматривается в пестрые пробелы между деревьями, и лицо его напряжено от сдерживаемого нетерпения. И она снизилась, невидимая, но шелестя листвой.

– Адам... Адам!

– Лилит! Где ты?

С огромным усилием Лилит сфокусировала свою сущность, оставаясь все так же бестелесной, безмолвной и неосязаемой, но все же силы ее желания хватило на то, чтобы Адам смутно услышал ее и увидел колеблющуюся на фоне листвы фигуру, которую он сам создал для нее. Она изо всех сил концентрировалась, мерцая пред его взглядом.

– Лилит! – закричал он, двумя большими шагами приблизился к ней, протягивая руки.

Лилит склонилась к нему. Но мускулистые, окутанные светящейся дымкой руки сомкнулись вокруг нее, прошли сквозь нее и столкнулись друг с другом в пустом воздухе.

Она опять назвала его по имени и, трепеща, старалась прижаться к нему всем телом. Но и она чувствовала его не больше, чем он мог коснуться ее, и, словно порыв невиданного здесь урагана, вернулась прежняя боль, которую она испытала в эфире. Даже здесь, находясь в его объятиях, она не могла коснуться Мужчины. И никогда больше не сможет быть никем иным, как только воздушным видением, в то время как Ева... в то время как Ева в украденном у нее теле...

– Адам! – снова закричала Лилит. – Сначала ты был моим! Ты слышишь меня? Адам, ты вернешь меня, если приложишь усилия! Сделай это, и тогда мы снова можем быть вместе! Сделай же, сделай!..

Он увидел ее смутный силуэт, а сквозь него – усыпанный цветами склон.

– Что случилось, Лилит? Я едва различаю тебя!

– Ты один раз уже захотел меня, и я явилась тебе во плоти! – отчаянно закричала она. – Так захоти же меня еще один раз, Адам!

– Я сделаю это, – ответил Адам, и голос его внезапно задрожал, но тут же снова окреп. – Возвращайся, Лилит! Что с тобой случилось? Вернись!

Лилит закрыла глаза, чувствуя, как ее бестелесные конечности наливаются и облекаются в плоть. Она уже чувствовала под ногами траву, грудь Адама, которой касалась руками, его крепкие объятия, и в этих объятиях она возникала из небытия, возникала во плоти, созданной силой этого Божьего образа. Но тут...

– Адам... Адам! – раздался откуда-то из листвы сладостный голосок Евы. – Адам, где ты? Я хочу пойти посмотреть на Древо, Адам! Где ты, дорогой?

– Быстрее! – отчаянно закричала Лилит, ударив наполовину обретшими плоть руками его в грудь.

Но Адам уже ослабил объятие. Он оглянулся через плечо, и красное лицо его помрачнело. Он опомнился.

– *Отринь всех других...* – пробормотал он чужим голосом.

Лилит задрожала, распознав тембр Голоса, который говорил в тишине. «*Отринь всех других...* – так сказал Бог. – Отринь всех других, кроме Евы...

Руки Адама отпустили Лилит.

– Я... Я... Ты подождешь меня? – нерешительно сказал он, отступая от ее полуразмытой фигуры, прекрасной и скрытой под сенью деревьев. – Я вернусь...

– Адам! – вновь позвала его Ева, ближе и еще сладостней. – Адам, я заблудилась! Адам! Адам, где ты?

– Я иду, – крикнул в ответ Адам и бросил еще один долгий взгляд на Лилит.

Затем повернулся и пошел среди деревьев, которые расступались, давая ему дорогу, и его полубожественное свечение давало отблеск на листьях там, где он шел. Лилит смотрела на его красивую, слегка светящуюся фигуру, пока она не скрылась из виду.

Затем закрыла полутелесными руками своими лицо, колени ее погнулись, и она осела в траву, а темные волосы развевались на ве-

терке, который дул словно бы ниоткуда, не шелохнув ни один листок. И она почувствовала, как в ней начинают пробуждаться какие-то кровожадные инстинкты. У нее уже были слезы, и Лилит испытала определенное облегчение при открытии, что может плакать.

А потом, через, казалось, очень долгое время, она услышала шипение. Сквозь вуаль собственных волос она приглядывалась какое-то время, то и дело икая от приступающих к горлу рыданий. Шарила взглядом вокруг и вдруг с легким вскриком вскочила на ноги с такой легкостью, словно была еще не материальная.

Прямо на нее смотрел Змей – смотрел и усмехался, но глаза его были мудрые. В зеленоватом сумраке под деревьями он был так красив, что даже она, видевшая Адама, испытала острое восхищение. В те времена Змей ходил вертикально, как человек, но при этом был совершенно нечеловеческим по виду, и красота его отличалась от человеческой, как ночь от дня. Гибкое, великолепно сложенное и солидное по любым стандартам, в высшей степени *мужское* создание.

И вокруг его темной сущности висело сияние, неопределенно походившее на ангела, крылатого и огромного. Это от него тело Змея светилось, а не собственным светом. И из этого космического сияния Змей сказал ледяным голосом:

– Королева Воздуха и Тьмы? Я не ожидал встретить тебя здесь. Что ты делаешь в этом теле?

Лилит взяла себя в руки, икнула еще раз и встала, а облако волос тревожно последовало за ней.

– Я думаю, то же самое, что делаешь здесь ты, только ты обязан добиться успеха, если хочешь кого-то обмануть. Кто послал тебя в Эдем – Люцифер?

Змей мельком взглянул на себя и поправил парочку пульсаций, скользящих вдоль его переливающегося тела. Форма ангела, висевшая вокруг него в воздухе, постепенно материализовалась, и красота проявлялась еще сильнее, поскольку он более строго сфокусировался во плоти, которую носил.

– Кто послал? О, я прибыл сюда с определенной целью. У меня есть кое-какое дельце с Адамом. – Ледяной голос так шел к его мрачной внешности. – Возможно, ты слышала, что вчера на Небесах произошла небольшая заварушка. Так вот, это был я.

– Заварушка? – эхом отозвалась Лилит.

Она почти уж забыла о звуках боя и боевых кличах серафимов, погруженная в пучину собственного горя.

– Прекрасная была схватка, – усмехнулся Люцифер – а это был именно он! – Кровь, как вода, текла по золотым улицам! Говорю тебе,

как радостно было услышать хоть что-то, кроме осанны, на Небесах. Просто для разнообразия! Но, – пожал он плечами, – победили они. Слишком много дураков оказалось в резерве у Иеговы. Но мы задали им хорошую трепку и пробили яшмовые стены, когда нас вышвыривали вон. – Он с удовлетворенным видом кивнул. – Бог победил, но теперь он дважды подумает, прежде чем снова оскорбит меня.

– Оскорбит тебя? – спросила Лилит. – Каким это образом?

Люцифер неожиданно вырос и сделался еще прекраснее. Сияние струилось вдоль его увеличившегося тела.

– Господь создал меня из огня! Неужели ж мне будет ограничивать свободу этот... этот кусок глины, которого назвали Адамом? Может быть, он достаточно хорош для других ангелов, чтобы те стали поклоняться ему, когда Бог шевельнет пальцем, но только не для меня!

– Так вот почему ты здесь?

– А разве этой причины не достаточно? Я хочу разобраться с этим Адамом!

– Но ты не сможешь коснуться его! – отчаянно выкрикнула Лилит. – Он – образ Божий, но вспомни, что ты не идешь ни в какое сравнение с Богом!

Люцифер сделался еще выше и великолепнее, и с этой мерцающей высоты сверкнул на нее глазами.

– Это создание сделано из глины. Значит, в нем должен быть какой-то дефект? Ты случайно не знаешь, какой?

Лилит молча глядела на него, чувствуя, как в ней растет волнение, которое не может удержать ее полусформированное тело. Вот он, шанс! Сам Господь дал ей в руки оружие!

– Да, есть один дефект, – сказала она. – Я расскажу тебе, если взамен ты дашь мне обещание...

– Даю, – небрежно бросил Люцифер. – Говори.

Лилит заколебалась, тщательно подбирая слова.

– Ты враждуешь не с Адамом. Он никогда не просил, чтобы ты поклонялся ему. Это потребовал Бог. Значит, ты в ссоре с Богом, а не с Адамом. Самого Мужчины ты коснуться не можешь, но Бог дал ему... жену, – последнее слово она едва выдавила из себя придушенным голосом. – Я думаю, что она и есть слабость, и через нее ты можешь испортить план Бога. Но Мужчину ты должен оставить в покое... для меня.

Люцифер беззвучно присвистнул, приподняв одну бровь.

– О-о?..

– Я первой встретилась с ним! – обороняясь, выкрикнула Лилит. – Я хочу его.

Прищурившись, Змей поглядел на нее.

– Зачем же?.. Нет, ладно. Я не стану с тобой ссориться. Может, у меня возникнет кое-какая идея, которую я могу предложить тебе позже, если мой план удастся. Мы с тобой могли бы сотворить что-нибудь по-настоящему адское!

Лилит чуть вздрогнула. Прежде у нее с Адамом были большие перспективы. Но, может быть, они все еще оставались... Разумеется, если сейчас Бог не слышит их.

– Значит, ты обещаешь его не трогать?

– Да, я не стану вредить твоему драгоценному комку глины. Ты права, я поссорился с Богом, а не с оживленной глиной по имени Адам. Так каков твой секрет?

– **РАЙ ЯВЛЯЕТСЯ** испытательной площадкой, – медленно начала Лилит. – Наверное, в нем есть дефекты, иначе нас бы здесь не было. Бог посадил Древо посреди Сада и запретил всем касаться его. Это испытание... Кажется, теперь я это поняла. Это испытание на повиновение. Бог не доверяет человеку – он создал его слишком сильным. Древо рождает плоды знания Добра и Зла, и Бог не смеет позволить существовать этому знанию в Саду, потому что он управляет Человеком лишь до тех пор, пока Человек не знает собственной силы. Если кто-то из них вкусит тот плод, то Бог будет вынужден немедленно уничтожить его. Ты заставишь женщину съесть плод, Люцифер, и оставишь мне Адама и Эдем!

Змей искоса поглядел на нее. И рассмеялся.

– Но если любой из них провалит это испытание, как ты говоришь, тогда Бог поймет, что никому из людей нельзя доверять, не так ли? Он поймет несовершенство их вида, уничтожит обоих и создаст какой-то другой план относительно мира.

Лилит испустила глубокий вздох. Волнение неслось в ней потоком, и ветер пустоты скручивал темные волосы в облако на ее плечах.

– Так пусть Он только попробует! – торжествующе закричала она. – Я могу спасти Адама. Бог допустил ошибку, поместив такую силу в Сад. Он не должен был заставлять его жить в неведении о себе самом. Он не должен был говорить Адаму, как близок тот к земле, из которой был взят. Адам и Сад – единая плоть, и в них обоих есть божья сила. Бог не может уничтожить одного, не тронув другого, а вместе они очень сильны... И если они станут вместе игнорировать Бога, я им помогу...

Люцифер глядел на нее с состраданием на солидном лице рептилии.

– Бог победил *меня*, – напомнил он ей. – Неужели ты думаешь, что Он не сможет победить тебя?

Лилит бросила на него гордый взгляд.

– Я Королева Воздуха и Тьмы! У меня есть свои секреты и своя сила, неподконтрольная даже Богу. Если я соединю их с силой Адама и Сада... Бог создал Сад живым и могущественным, а Адам плоть от плоти его, и оба они неполноценны друг без друга, как мужчина без женщины. Сейчас у Адама есть Ева, но когда Евы не станет, он вспомнит Лилит. Уж я позабочусь о том, чтобы он вспомнил! И позабочусь, чтобы он понял грозящую ему опасность. А с моей помощью, возможно, он сумеет предотвратить ее.

– Если Бог уничтожит Еву, – сказал Люцифер, – то уничтожит и Адама. Они созданы по одному образцу.

– Но он не сможет уничтожить их одновременно. Я сыграю на этом. Я бы сама уничтожила ее, если бы смогла, но не могу ничего коснуться в Саду без Его согласия... Нет, я подожду, пока Ева докажет Богу свою непригодность, и пока он наказывает ее, я должна захватить этот момент, чтобы пробудить Сад. Он и так уже почти дает знать о себе. Я уверена, что смогу пробудить его – возможно, через Адама. Адам и Эдем – почти что единое целое, и я буду снова вместе с Адамом, если мы избавимся от Евы. Ни у кого из нас по отдельности нет силы противостоять Богу, но Эдем, Адам и я совместно могли бы это сделать! – Она гордо вскинула голову. И темные волосы покрыли ее лицо, точно вуаль. – Эдем – вещь в себе, и я думаю, что смогла бы сомкнуть вокруг нас пространство, чтобы появилось место, где моя Тьма может укрыться даже от Бога!

Прищурившись, Люцифер пристально поглядел на нее.

– Это может и получиться, – медленно проговорил он и кивнул. – Ты безумна, но с моей помощью у тебя все может выйти. Женщина прекрасна, как средство... – Он рассмеялся. – И таким образом я отомщу Богу!

– Женщина, – задумчиво сказала Лилит, – сейчас находится в моем теле, и я зла на нее за это... Я даже надеюсь, что Ева найдет тебя... интересным. Удачи, Люцифер!

В ПОЛОЙ БАРХАТНОЙ чаше Сада, в самой середине ее стояли два Древа. На краю поляны было темное Древо, со свернутыми, как плащи тусклого света, листьями, прикрывавшими Плоды Жизни. Но в самом центре поляны Древо Познания щеголяло своими яркими плодами, пламенеющими среди глянцево-зеленых листьев. Это было сердце

Сада. Именно из Древа Познания Добра и Зла исходила пульсация, сотрясавшая воздух Эдема.

Ева поставила маленькие босые ступни на пологий клон и робко обернулась через плечо. Змей щелкнул ей раздвоенным красным языком. Речь его была холодной и ясной, но сладкой, как мед.

— *Ева*, — нежно сказал Змей. — *Ева...*

Он подошел к ней слегка волнистой, неземной по красоте походкой, теперь утраченной навсегда. Ныне никто не ведает, как ходил Змей до Падения. Из всех человеческих созданий только Ева знает, что и как это было, и есть кое-что, о чем она не сказала даже Адаму.

Они остановились под тенью Древа. Воздух вокруг пульсировал в длинном, замедленном ритме. Светлые волосы Евы слегка шевелились, так сильна была здесь пульсация. Плоды Древа сияли среди листвы, манили Еву, и ветви ласково наклонялись к женщине, плоть от плоти Адамовой.

Самая близкая ветвь соблазнительно наклонилась к самому ее лицу, и Ева потянулась к алому яблоку, которое словно само легко ей в ладонь. Можно сказать, оно само отделилось от ветви. Ева уставилось на яблоко, лежащее в ладони, и рука ее задрожала. Она отступила от Змея, какой-то почти неслышный всхлип ужаса донесся из ее горла.

Змей тут же обвился вокруг прекрасной, бледной дымки ее одеяния и изогнул к ней свою красивую голову, что-то нашептывая на ухо голосом столь холодными и сладким, что ужас смыло с ее лица волной радости. Ева неуверенно улыбнулась, рука ее перестала дрожать.

Она поднесла Плод Познания к своим губам. Во всем Саду наступила тишина, когда она, долгое-долгое мгновение поколебавшись, все же вонзила зубки в алый бок Плода Познания. Несколько бесконечных секунд время стояло, и невинность все еще правила в Эдеме.

Затем Змей снова встревоженно зашептал:

— *Ева...*

ЛИЛИТ СТОЯЛА, дрожа, в объятиях Адама.

— Изначально у тебя была я, — отчаянно прошептала она. — Ты, я и Сад — разве ты не помнишь? Я была твоей женой до нее, и ты принадлежишь мне!

Адам видел собственные руки сквозь эфемерное тело Лилит. Он был потрясен силой в ее голосе, но мысли его были слишком завуалированы покровом невинности, чтобы он мог что-то понять. Хотя очень старался.

Ритм, в котором пульсировал Эдем, стал теперь странно неровным. Лилит поняла, что это означает, и ее охватило волнение.

– Адам... Адам! – отчаянно закричала она. – Не позволяй ничему разделить нас: тебя, Сад и меня! Ты можешь соединить нас воедино, если попробуешь! Я знаю, что можешь! Ты...

Могучая пульсация пролетела по воздуху, точно гром. Весь Сад содрогнулся от нее, каждое дерево в Эдеме согнулось, будто под напором чудовищного ветра. Адам ошеломлено огляделся. Но Лилит расхохоталась диким, взволнованным смехом, и закричала:

– Это Он! Быстрее, Адам, быстрее!

Она выскользнула из его рук и полетела, дрожа, и деревья расступались, пропуская ее. Адам же стоял, ошеломленный, посреди ошеломленного Сада. Весь Рай все еще содрогался от насилия, только что произошедшего под Древом.

По пути Лилит глядела на небо. Может, вот-вот с Небес ринется вниз молния, чтобы уничтожить женщину еще до того, как она с Адамом доберется до Древа?

– Подожди, подожди! – задыхаясь, безмолвно обратилась Лилит к Богу. – Дай мне еще секундочку...

Неужели молния сперва поразит Адама, бежавшего теперь за ней среди деревьев?

– Быстрее, Адам! – выдохнула Лилит.

Затаив дыхание, они остановились на краю поляны, где стояло Древо. В тени его они тут же увидели Еву с Плодом в руке, сияющим белым надкусом с одного бока. Ева оглядывала Сад, словно никогда прежде не видела его. *Где же Бог? Почему он не уничтожит ее, пока она стоит тут?*

Лилит не сразу заметила Змея, переливчато блестящего, который скрывался в тени Древа. Даже находясь в ужасном волнении, она все же криво усмехнулась ему. Люцифер рисковал попасть на глаза Богу.

Но теперь она не могла тратить впустую время на Люцифера или Еву. По какой-то необъяснимой причине Бог медлил, и Лилит должна максимально использовать эту отсрочку. Потому что, когда Бог покончит с Евой, то повернется к Адаму, а до того еще многое нужно сделать. Теперь ей нужно поработать с Адамом и живым Эдемом, и вся вечность ждала того, что случится в ближайшие несколько мгновений.

Лилит остановилась на краю поляны, и темный ветер, вырвавшийся из пустоты, распушил ее волосы так, что они стали облаком, целиком закрывшим ее лицо. И из облака послышался ее голос, то ли кричавший, то ли певший в ритме, которым дышал Эдем – и Адам.

– Сад! – воззвала она. – Рай, ты слышишь меня? Я Лилит, жена Адама...

Она почувствовала, как вокруг зашевелилось обширное, тусклое сознание. На всем протяжении Рая началось медленно пробуждающееся движение, идущее глубоко из земли под ногами, чудовищный и замечательный мир, оживающий по ее зову.

– Адам! – продолжала взывать Лилит. – Адам, дай знак, что ты слышишь меня! Ты и Эдем – единая плоть, и Ева хотела уничтожить вас обоих. Она только что привнесла в Эдем Познание, которому Бог не осмелился позволить существовать. Бог уничтожит всех вас из-за Евы... если вы не слушаетесь меня!

Лилит чувствовала, как внимание Адама оторвалось от Евы и сфокусировалось на ней самой со страхом и удивлением. Она чувствовала, как вокруг с нарастающей интенсивностью пробуждается сознание Сада, словно земля, Эдем и плоть Мужчины завертелись вокруг нее, словно мысль о разделении и разрушении дошла до них всех.

Неужели Бог запланировал завершение своего Божественного плана так же, как вначале планировала Лилит? У нее не было времени думать над этим, но эта странная мысль пришла ей в голову как раз тогда, когда она старалась привлечь к себе Сад голосом столь же сладостным и влекущим, словно обращалась к Адаму.

И весь Сад запульсировал вокруг нее, сознание его затрепетало всеми усиками, веточками и листочками, вплоть до того холмика, на котором стояла Лилит. Теперь оставался Адам. Сад услышал ее слова, и Адам услышал, и теперь все втроем они существовали вместе. Успех был в ее руках. Лилит уже чувствовала радость победы. Но тут...

– Адам... Адам! – закричала Ева под Древом.

И звучный зов Лилит осекся, а Сад заколебался вокруг нее.

– Адам! – вновь закричала Ева, и страх вымыл всю сладость из ее голоса.

– Ева?... – услышала Лилит у себя за спиной голос Адама.

Боже... Боже, уничтожь же ее немедленно! – беззвучно взмолилась Лилит, а вслух закричала:

– Ева не является частью Эдема! Не слушай ее, Адам! Она уничтожит и тебя, и Сад!

– Адам, Адам! Где ты? – продолжала звать Ева.

– Иду... – все еще неуверенно сказал Адам.

Лилит закружилась в туманном облаке собственных волос. Где же Бог? Почему он остается в стороне? Теперь же самое время нанести удар! Сейчас, сейчас! Наверняка молния ударит с Небес, если она сумеет задержать Адама хоть на секунду дольше...

– Адам, погоди! – отчаянно закричала она. – Адам, ты же знаешь, что любишь меня! Если ты уйдешь...

Голос ее задрожал, когда Адам развернулся и слепо поглядел на нее так, словно никогда прежде не видел. Свечение костром вспыхнуло вокруг нее, ее слова были для нее лекарством, как и тогда, когда они лежали в Саду одни, пока земля, которая любила и слушала ее, не стала единым целым с землей, из которой была создана плоть Адама. И в тот момент не было ничего для Адама и Эдема, кроме этой женщины, говорящей из Тьмы. Но теперь...

– Адам! – опять испуганно заверещала Ева.

– Да не слушай ты ее! – взревела Лилит. – Она не принадлежит этому месту! Ты уже не можешь ее спасти! Бог уничтожит ее, и Он уничтожит тебя, если ты покинешь меня сейчас! Останься же, и пусть она умрет! Мы с тобой снова будем одни в Саду... Адам, не слушай ее!

– Я... но я должен ее слушать, – запинаясь, пробормотал он. – Уйди с моей дороги, Лилит. Разве ты не понимаешь? Она плоть от плоти моей, и я должен пойти к ней...

Лилит молча глядела на него. Плоть от плоти его! Она забыла об этом. Она слишком сосредоточилась на мысли о связи Адама с Садам, и забыла, что он также составляет единое целое с Евой.

Внезапно пред ее взором ясно открылась перспектива поражения. Если бы только Бог нанес удар сейчас... Лилит полетела вперед в последнем отчаянном усилии удержать его, не пустить к Еве, в то время как Сад тревожно шумел вокруг, напуганный ужасом Лилит, разделивший страдание с Адамом. Лилит остановилась между поляной и Адамом, словно ее эфемерное тело могло сдержать его, но он прошел сквозь нее, как сквозь облако и вслепую направился вниз по склону к испуганной Еве, стоящей под Древом с надкушенным плодом в руке и ужасным знанием на лице.

Но Лилит уже увидела то, что еще не видел Адам. Внезапно она дико рассмеялась и закричала:

– Взгляни же на нее, Адам! Только взгляни!

И Адам поднял голову и посмотрел.

НАГАЯ ЕВА стояла под Древом. Искрящаяся красотой дымка, окутывавшая ее, словно одеяние, исчезла вместе с исчезновением ее божественной невинности, и Ева уже не являлась безупречной богиней, которая еще утром проснулась на плече Адама. Она мелко дрожала, выглядела съежившейся и несчастной, являясь карикатурой на совершенную красавицу, которая час назад спустилась сюда по склону со Змеем. Причем сама она этого не знала. Она посмотрела на Адама, который подошел к ней, и улыбнулась с какой-то хитрецой в улыбке.

– А вот и ты, – сказала Ева, и голос ее прозвучал теперь более резко. – Последние минуты все выглядело таким... таким странным. Вот, погляди. – И она подняла на ладони Плод. – Он очень вкусный. Куда вкуснее того, что приносил мне *ты*. Попробуй его.

Лилит уставилась на нее с вершины холма с ужасом, сменившим страх из-за промедления Бога. Почему же Познание такое уродливое? Почему оно уничтожило красу Евы, словно какое-то зло? Совершенное знание должно было, напротив, увеличить ее силу и очарование прежде, чем Господь ударит ее, если только... И внезапно Лилит все поняла. Совершенное знание! Но Ева попробовала лишь кусочек Плода, и у нее появилось только искаженное полужнание его истинного вкуса. Она потеряла красоту невинности, но не обрела красоту совершенного знания. Так вот почему Бог медлит? Пока ее знание несовершенно, она не является угрозой силы Бога в Эдеме. Но все же она выказала неповиновение, оказалась недостойной доверия Бога... Тогда почему он колеблется? Почему он не уничтожил ее в тот же момент, как она вкусила Плод? Паника стиснула горло Лилит. *Могло ли случиться так, что Он смеется даже сейчас?* Он дал Лилит отсрочку, о которой она молила, и теперь наблюдал за ее провалом?

– Попробуй же этот Плод, – повторила Ева, протягивая Адаму яблоко.

– Адам! – отчаянно закричала Лилит с вершины склона. – Адам, взгляни на меня! Ты же любил меня, я была у тебя первой... Разве ты не помнишь? Посмотри на меня, Адам!

И Адам повернулся к ней. Ветер, поднявший вокруг Лилит облако волос, как раз улегся, и она стояла на ярко освещенной вершине, и темнота, словно река, разделила белизну ее плеч. Она была прекрасна той красотой, какую не обретет ни одна смертная женщина. Она была первой мечтой Адама о красоте, совершенной красоте в теплой и бледной плоти. Никакое смертное очарование никогда не приблизится к той красоте, о которой Адам мечтал, пока в одиночестве бродил по Эдему.

– Я была первой! – кричала Лилит. – Ты любил меня до нее... Так вернись же теперь ко мне, пока Бог не поразил вас обоих! Вернись, Адам!

Он смерил ее беглым взглядом. Затем оглянулся на дефектное, дрожащее существо со странным ужасным знанием в ее глазах. Долго, очень долго глядел он на Еву. А затем потянулся к яблоку.

– Нет! – завопила Лилит. – Посмотри только, что это знание сделало с Евой! И ты станешь таким же уродливым и нагим, как и она! Не испытывай терпение Господа, Адам! Ты не ведаешь, что творишь!

Адам оторвал взгляд от совершенного, яркого Плода и вновь взглянул на Лилит. Великолепное сияние мерцало вокруг него. Он стоял под Древом, прекрасный, словно Бог, источник совершенной эманации.

— Нет, ведаю, — ответил он голосом, более ясным и твердым, чем когда-либо слышала Лилит.

— Бог уничтожит тебя! — закричала Лилит и зажмурилась, словно ожидала, что вот-вот с Небес ударит испепеляющая молния.

"Don't," Lilith pleaded. "You mustn't, Adam . . . see what it's done to her—I"

— И это я ведаю, — повторил Адам и после паузы добавил: — Ты не понимаешь, Лилит. Ева — плоть от моей плоти, — самое близкое мне существо в Раю, гораздо ближе, чем ты. А разве ты не помнишь, что сказал мне Бог? *Отринь всех других...*

— Ева! — безнадежно закричала Лилит. — Останови его! Ты бесспорно наказана... Но ты собираешься лишить божественной силы и Адама?

Ева задумалась, и от знания ее голубые глаза потемнели. Затем она тоненько рассмеялась, и вместе с этим смехом последние остатки красоты опали с нее, как листья с зимнего дерева.

– Чтобы оставить его тебе? – прошипела она сквозь смех. – О, нет! У нас с ним единая плоть – и мы сольемся друг с другом. Вот, попробуй же это яблоко, Адам!

Адам покорно взял у нее Плод, и его зубы прокусили плотную алую кожуру и вонзились в белую мякоть под ней. Немыслимая тишина нависла над всем Садом, ничто не шелохнулось в Эдеме, пока Адам жевал и глотал Плод Познания. А затем он поднял взгляд на Еву, в то время как в нем росло знание о самом себе и, вместе со свободой воли, постепенно пробуждало его разум.

А затем мерцающая дымка, окутывающая его, побледнела, вспыхнула и медленно исчезла. И он тоже предстал нагим. Какая-то странная, *человеческая* дрожь принялась сотрясать его тело, которое – увы! – уже больше никогда не станет великолепным.

Лилит забыла о Боге. Боль в груди стала такой невыносимой, что на мгновение она забыла о Боге, об Эдеме или о будущем. Адама не стало. И никогда больше не будет. Остался лишь жалкий человечек.

– Прислушайся, – негромко сказала Ева Адаму. – Как все стихло! Музыка... Серафимы перестали петь у подножия Трона!

Лилит безразлично прислушалась. Это могло означать лишь явление Бога... Но пока она прислушивалась, огромный хор золотистых голосов вновь понесся над Эдемом. Адам завертел головой.

– Да, ты права, – сказал он. – Они больше не поют.

Но Лилит уже не слышала его. Ужасная боль все росла в ней, и теперь она знала, что это – ненависть. Ненависть к Адаму и Еве, и к тому, что они сделали с ней. Ненависть к этой карикатуре, совсем недавно бывшей великолепным полубогом, которого она любила, с фигурой, которой она могла бесконечно восхищаться. Правда, теперь они могли доесть Плод и обрести совершенное Познание, чтобы снова самим стать совершенными, но это было бы то совершенство, куда ей, Лилит, не было пути. Они были единой плотью, и даже Бог не смог бы ничего теперь поделать. Глядя вниз, Лилит ненавидела их обоих. Само существование Евы было оскорблением того совершенства, которое продолжала чтить Лилит, а Адам... Адам, дрожащий под Древом, наполненный искаженными, неполными знаниями, проглядывающими из уголков его глаз...

Рыдания клокотали в горле Лилит. Адам прежде был безупречен, и она никогда не сможет его забыть. Она все еще почти что любила память о нем, потому и продолжала глядеть на это жалкое человеческое

создание под Древом. Лилит поняла, что, пока он жив, она никогда от него не освободится, ее вечно будет тянуть к этой плоти. Которая когда-то была Адамом. Перспектива вечной тоски по тому, кто уже никогда не будет существовать, внезапно стала ей невыносима.

Она завертела головой, а потом взглянула на сияние над Эдемом, откуда доносилось пение золотистых голосов, пение, которое уже никогда не услышит ни Ева, ни Адам.

– Иегова! – закричала Лилит. – Иегова! Ты, унижающий и уничтожающий всех нас! Ты был прав – они оба слишком испорчены, чтобы привнести в мир что-либо, кроме страданий всем тем, кто знает их. Бог, снизойти же и дай нам покой!

– Послушай! – в ужасе завизжала Ева возле Адама. – Адам, ты только послушай ее!

И простой человеческий ужас искажил прежде такие благородные, гордые черты бессмертного лика Адама.

– Древо Жизни! – закричал он. – Никто не сможет нам ничего сделать, если мы вкусим плоды и с него!

Он повернулся и бросился к темному Древу на краю поляны, и Лилит смотрела, как он бежит к нему. Прежние совершенные движения исчезли вместе с красотой его тела, само тело было теперь ему в тягость.

Но ему не было дано достичь Древа Жизни. Потому что в Саду внезапно возникло невыносимо-яркое сияние.

На Небесах воцарилась тишина, а в Эдеме перестал дуть ветерок.

– Адам, – раздался Глас в невыносимо абсолютной тишине Сада, – ты *вкусил Плод с Древа?*

Адам бросил взгляд на Лилит, застывшей в отчаянии на вершине склона на фоне неба. Красота, которую она не утратила, окутывала ее, но больше напоминала всего лишь оболочку, потому что теперь она не могла стать в Эдеме полубогиней, как мечтала. Адам посмотрел на стоящую рядом Еву, неуклюжую карикатуру на прежнюю красоту, о которой он мечтал. И голос его, когда он заговорил, был пронизан горечью.

– Ты, женщина, плоть от плоти моей, – укоризненно начал он, затем заколебался, встретившись взглядом с Евой.

Прежнее богоподобное совершенство было теперь им утрачено, но все же он не пал так низко, чтобы высказать Еве все, что думал о ней.

– Ты, женщина, плоть от плоти моей – но до тебя у меня была другая женщина, которая не сделала мне ничего плохого...

Нет, он не мог столь глубоко ранить плоть от плоти своей, но был теперь всего лишь человеком, поэтому не мог простить ее безогово-

рочно. И, нахмурившись, он продолжал, вскинув голову и обращаясь теперь к невыносимому сиянию, льющемуся с неба:

– Это она дала мне Плод, который я вкусил.

– Ева?.. – грянул Глас с неба.

Возможно, Ева помнила, как другой голос, холодный и сладостный, бормотал ей: «Ева...» в зеленом сумраке Сада, голос, который нашептывал ей секреты. Возможно, если бы сейчас он был возле нее... Но его не было, и негодование пузырями вскипело на ее губах.

– Меня обманул Змей, – коротко ответила она Богу. – Вот я и откусила от Плода.

Мгновение в Саду висела тишина. Затем Глас произнес:

– Люцифер... – и сострадание прозвучало в нем, сострадание, не имевшее отношения к тяжелому проступку стоящих перед Ним мужчины и женщины. – Люцифер, враг мой, будет теперь находиться далеко от Древа и никогда не сможет приблизиться к нему. – Затем Глас объявил свой приговор: – На животе, Змей, вечно будешь ты ползать, пыль станет твоей пищей до скончания твоих веков...

И тут из тени Древа возникло и, извиваясь, поползло по траве длинное, тонкое тело. Было время утраты красоты, и Змей потерял свое яркое, переливающееся мерцание, сопутствовавшее ему, пока в его плоти жил Люцифер, и передвигаться он мог теперь, лишь извиваясь на брюхе. Он понял сплюснутую голову к Еве, высунул и тут же спрятал раздвоенный язычок, и тут же уполз в траву. Лишь колыхание травы показывало его путь. Ева издала долгий, рыдающий вздох в зеленых сумерках сада.

– Адам, Ева, – продолжал неумолимый Глас. – Сад теперь не для вас. – В Нем сквозила бесконечная жалость, и весь Сад замер, вслушиваясь в Его слова. – Я создал вашу плоть слишком слабой, поскольку слишком сильна была в вас божественная сила, чтобы я мог доверять вам. Вы не виновны в этом – это Моя ошибка. Но Адам, Ева... Я дал вам такую силу, что даже элементарные огни и тьмы почувствовали с вами родство. Однако какой-то дефект все же был в вас изначально, потому что вы, даже будучи единственными человеческими существами, уже не смогли остаться верны друг другу.

Адам бросил короткий взгляд на Лилит, неподвижно стоящую на вершине склона, одетую безупречной красотой, о которой он так мечтал и которую больше никогда не сможет увидеть снова. Глаза Евы следили за ползущей в траве змеей, но все ей казалось размытым из-за первых в Эдеме пролитых слез. Оба они молчали.

– Вы, негодные, все же осмелились протянуть руку к Древу Жизни, чтобы вкусить его плодов и жить вечно, – через мгновение продол-

жал Глас. — И виновата в этом Лилит. Она встала между мужчиной и Мною, прежде чем он был готов обрести помощника, пока он еще формировал и лелеял мечты о Еве, которые Я вложил в его спящий разум. Она узурпировала форму его мечты, и для нее есть за это особое наказание. Это она воссоздала Древо Жизни, прежде чем Я был готов позволить ему вырасти, и из-за этого Адам и Ева должны покинуть Эдем. Мужчина и женщина — вы еще не пригодны для совершенного знания и бессмертия. Вам пока что нельзя доверять. Но Лилит, бесплотная, останется витать здесь, в стенах Эдема, а вы должны пойти расплачиваться за то, что поддались искушению, и спасением для вас будет тяжкий труд в поте лиц своих на землях вне Сада. Адам, более Я не осмеливаюсь доверять твоему родству с землей, из которой Я создал тебя. Из-за тебя я проклинаю эту землю, Адам... И она больше не должна быть одним целым с тобой. Но я обещаю тебе, что в конце ты вернешься в нее...

Глас смолк, и вдалеке над воротами Эдема сверкнул огненный меч.

И в тишине засмеялась Лилит ясным, звонким смехом с вершины холма.

— Ты хочешь оставить меня здесь, — сказала она безжизненным голосом. — Но я не хочу далее существовать в мире, где нет Адама... Уничтожь же меня, Иегова!

— Ты уже достаточно наказана последствиями того, что сделала, — раздался спокойный Глас.

— Достаточно наказана! — отчаянно завопила Лилит. — Положи же мне конец, Иегова!

— Только с концом Человека, — ответил ей Бог. — Но не ранее. Вы четвером разрушили мои планы в Эдеме, так что должны создать их снова, и до того не закончится ваш тяжкий труд. Пусть же вы четверо создадите новый план из элементов того, чем являетесь: Адам — землей, Люцифер — огнем, Лилит — воздухом и тьмой, Ева — материнством, плодородием всего сущего на земле и в морских глубинах. Вы считали, что ваш план был бы лучше Моего. Вот и создавайте теперь его сами!

— Что же должно остаться нам, Господь? — спросил Адам, маленький, приниженный человечек.

— Земля и вода, — ответил Глас. — Земное царство для тебя, твоей женщины и всех колен потомства после вас.

— Но я была женой Адама до нее! — ревниво завопила Лилит. — Что же теперь останется мне?

Глас некоторое время молчал, затем ответил:

— Сама сделай свой выбор, Королева Воздуха и Тьмы.

– Тогда позволь моим детям мучить потомство адамово в их могилах! – тут же решила Лилит. – Раз уж я лишена наследства – пусть они отомстят за меня! Сделай так, и пусть потомки адамовы боятся моих дочерей, которые будут завывать в темноте, и позволь им узнать гнев их. Позволь им вечно напоминать адамову семью, что Адам был моим до Нее!

– Да будет так! – заявил Глас.

И на миг тишина в Эдеме стала еще напряженной, в то время как тени грядущего проносились в мыслях Божиих. Лилит видела вспышки его сияния, такие яркие, что блеск каждой травинки больно бил по глазам. И она поняла, что мужчина любил землю, из которой родился, такой же любовью, какой любил собственную плоть, для того, чтобы он смутно вспоминал то время, когда земля была ему столь же близка, что и недавно созданное тело. Она поняла, что мужчина нерушимо любит жену свою, плоть от плоти своей, но все же вспоминает порой недостижимую и утраченную Лилит, оставшуюся совершенной в Эдеме. Она взглянула вниз с вершины холма, встретила взглядом с Адамом, и между ними вспышкой промелькнуло невысказанное прощание..

Никто не смотрел на Еву. Слезы текли у нее из глаз при воспоминании о той яркой, совершенной красоте, которой она лишилась по велению Божию. И затем... затем воздух вокруг нее чуть слышно зашелестел, и холодный, ясный голос прошептал у самой ее щеки:

– Ева...

Она огляделась. Не увидела ничего. Но...

– Ева... – повторил тот же голос. – Дай и мне обрушить свою месть на Мужчину. Симпатичная Ева, ты слышишь меня? Назови своего первого ребенка... Ева, ты сделаешь, как я говорю? Назови его Каин. Он будет Копьем моей мести, поскольку должен начать убийства среди детей адамовых. Запомни, Ева...

И Ева эхом отозвалась тоненьким, послушным голоском:

– Каин... Каин...

Fruit of Knowledge, (Unknown Fantasy Fiction, 1940 № 10), пер. Андрей Бурцев

ASTOUNDING

Science-fiction 25¢

THERE
SHALL BE
DARKNESS

by C. L. MOORE

FEBRUARY • 1942

A STREET AND SMITH PUBLICATION

ГРЯДЕТ ТЬМА

КОМНАТА КВАННЫ погрузилась в лиловые венерианские сумерки. В полной тишине Кванна сидела перед зеркалом, расчесывая волосы. Сейчас она сонно провела гребнем по длинным светлым прядям, глядя на свое отражение и находящиеся позади окна. Развешенные занавески скрывали огромные горные пики, отделяющие Дарву от остального мира. Откуда-то издалека донесся грохот сошедшей лавины, нарушивший тишину вечера.

Никто, даже другой венерианин, ни за что не смог бы догадаться, какие тайны хранят бесстрастные темные глаза, поблескивающие на бледном лице Кванны. На ней было синевато-зеленое одеяние цвета вечернего неба над Дарвой, а волосы в голубых сумерках стали отличаться зеленым. Она размышляла об убийстве.

Позади нее скрипнула дверь. В комнату вошел человек в военной форме, с усталым видом проведя пальцами по черной шевелюре. На его рубашке сверкала зеленая звезда, обозначающая Землю. Он улыбнулся Кванне.

– Принеси мне выпить, а? – попросил он ее на английском. – Господи, как же я устал!

Кванна тут же вскочила на ноги, прошуршав шелковой одеждой и наполнив воздух еле различимым ароматом духов. Ее зеленовато-белые волосы были такими тонкими, что словно проплыли по воздуху, когда она повернула голову. Если когда-нибудь на ее бледном лице и проступали какие-то предательские чувства, в основном, они были связаны с Джеймсом Дугласом, командиром последнего Земного Патруля, оставшегося на Венере. Кванна посмотрела на него с нескрываемой нежностью.

– Иди скорее приляг, – как можно нежнее предложила она.

Так же, как и Джеймс, она свободно владела английским.

– Тебе действительно нужно выпить, мой дорогой. Ты снова поздно задержался на работе, Джейми?

Он кивнул, позволив ей подвести себя к просторному ложу под окнами, выходящими на высокие голубые горы и крыши домов. Когда Джеймс с наслаждением откинулся на подушки, Кванна недолго постояла, глядя на его лицо. Кровать скрипнула под его весом, потому что он был весьма крупного телосложения, как и его шотландские предки из другого мира, а по сравнению с невысокими венерианами Джеймс и вовсе казался настоящим великаном. У него была широкая

THERE SHALL BE DARKNESS

By C. L. Moore

● Earth Empire was crumbling—and the captain knew it as he was ordered back, with the last of the troops stationed on Venus. The last civilization of the Solar System was falling into eternal darkness, as Mars and Jupiter had before it. And Venus could not be roused—

Illustrated by F. Kramer

бочкообразная грудь, такие же широкие плечи, а за последние несколько месяцев на темноволосой голове прибавилось седых прядей. Джейми Дугласу было о чем в одиночестве поразмыслить с тех пор, как пришли последние донесения с земной базы.

Он уткнулся кривым носом в стакан, принесенный Кванной, и сделал жадный глоток, позволив холодному разбавленному виски обжечь горло.

— Да, с *сегиром* ничего не сравнится, — ухмыльнулся он. — Я буду скучать по нему, когда... — спохватился он, — если меня когда-нибудь снова вызовут на Землю.

Глаза Кванны затуманились. Землянка попросила бы разъяснить смысл фразы, но венерианка применила выжидательную тактику.

Они оба знали, что спустя несколько часов она так или иначе втянет Джеймса в разговор, незаметно выудив у того всю нужную информацию, как она уже не раз делала в прошлом. Он мысленно выругался и снова плотнул *сегир*.

Пока он пил, Кванна с любопытством рассматривала его лицо. За двадцать лет тяжелая облачная атмосфера Венеры нисколько не обесцветила его смуглую кожу, но все-таки годы оставили на лице кое-какие следы. Сломанный нос напоминал о засаде в горах, в которую Джеймс попал, когда был еще только младшим офицером, а длинный белый шрам над ухом вызывал воспоминания о битве, принесшей ему звание капитана. В те далекие времена, когда империалистическая Земля еще только начала ощущать свою власть над колониальными мирами, в горах Венеры уже шли ожесточенные бои. Они продолжались и по сей день, но скоро все изменится...

Джеймс протянул пустой стакан.

— Еще один, — попросил он и расстегнул воротник рубашки. — Я очень устал.

Кванна заботливо положила длинную холодную руку ему на лоб, прежде чем повернулась к буфету, где хранились лед и *сегир*. Длинные складки ее плаща скрывали движения, но на этот раз она не стала бросать в напиток таблетку. Одной было вполне достаточно, и кроме того... кроме того, перед уходом ей все-таки хотелось вытянуть из Джеймса нужную информацию.

После того, как он принялся за второй стакан, Кванна пододвинула пуфик, сняла со стены маленькую арфу и замысловатыми движениями пальцев начала наигрывать мелодию на единственной струне. Он покачивал головой в такт музыке и напевал, улыбаясь Кванне.

— Забавно, — задумчиво произнес Джеймс. — Ты прямо космополит, моя дорогая, даже если никогда и не покидала Венеру. Ты играешь на марсианской арфе шотландскую балладу, переложенную на венерианский мотив. Если бы ты только знала, какая это старая песня, Кванна.

Он тихонько запел, не попадая в ноты:

*О, золотые поля Оттерберна,
Так приятно там находиться,
Но на полях Оттерберна, увы,
Нечем нам всем прокормиться.*

Он устало встряхнулся и затих. Кванна заметила промелькнувшую на его лице грусть, взяла минорный аккорд и заговорила тихим голосом в такт музыке:

— Я хочу увидеть Землю, Джейми. Можно мне полететь с тобой?

– Я бы так этого хотел, – тихо отозвался он. – Это будет нелегко, любимая... Я так буду скучать по Венере. Я... – Он внезапно выпрямился, бросив сердитый взгляд из-под насупленных черных бровей. – Так нечестно, Кванна! Я проговорился из-за усталости. О, да, черт возьми, я полагаю, ты все равно все узнала бы в скором времени. Сегодня пришли приказы. Мы возвращаемся на Землю.

– Последний Патруль, – пробормотала Кванна, все еще наигрывая тихую мелодию. – Венера снова будет свободной планетой, да, Джейми?

Он снова нахмурил кустистые брови.

– Свободна? – с горечью в голосе переспросил он. – О да, Вастари и его головорезам будет где разгуляться, коль ты об этом. Если для тебя так важна свобода, то имей в виду, что на Венере станет очень опасно. Вся культура, созданная нами за триста лет, будет уничтожена... за триста дней или даже меньше, как только падет защита Патруля. И, моя милая, снова начнется эпоха варварства. Так вот что значит свобода для венерианки?

На фоне сгущающихся сумерек лицо девушки казалось белее снега.

– Джейми, Джейми, – мягко упрекнула она его и улыбнулась. – Нам неплохо жилось до появления землян. И ты скоро вернешься домой...

Он поставил недопитый стакан на стол, словно от этой мысли у него перехватило дыхание, и глянул в окно, в промежуток между длинными колышущимися занавесками.

– О, да, конечно... Я родился на Земле сорок с лишним лет назад, – мрачно произнес он. – Наверное, мой дом там. Но... я все равно буду скучать по Венере, Кванна. – Он потянулся к ее руке. – Я буду скучать по тебе... Я так хочу спать, моя дорогая. Сыграй еще раз «Оттерберн», пожалуйста. Лучше вздремну-ка я перед ужином.

Когда дыхание Джеймса стало ровнее, Кванна поправила подушку под его темноволосой головой, накрыла легким одеялом и повесила арфу обратно на стену. В спальне она сняла бархатный плащ изумрудного цвета и сменила сандалии на мягкие кожаные сапоги для верховой езды.

Накинув на голову капюшон темного плаща, она остановилась у двери и коснулась панели, и та бесшумно скрылась внутри стены. Даже Джеймс, проектировавший дом, ничего не знал об этой панели, как, впрочем, и о многих других секретных приспособлениях, которые венерианские рабочие встроили в штаб-квартиру Земного Патруля.

Кванна взяла пистолет с полки за панелью и пристегнула его к поясу атласного платья. Ее пальцы задержались на длинной плоской коробке

на полке, и она нерешительно вытащила ее, предварительно глянув через плечо на пустую комнату.

В коробке, обитой бархатом, лежал кинжал с длинным стеклянным лезвием и серебряной рукояткой. Кванна вынула его и поднесла к свету. На лезвии акварелью были начертаны венерианские символы. С одной стороны алым цветом была выведена надпись «Вастари будет королем», а с другой английскими буквами было написано имя «Джеймс Дуглас». По странному стечению обстоятельств венерианское имя Дуглас имело то же значение, что и его шотландское имя на древнем гэльском – Дху Глас, что переводится как «темный человек».

Кинжал являлся церемониальным оружием, которое можно было использовать только один раз. Его еще никто не применил по назначению... пока что. Алые буквы смоятся при первом же соприкосновении с влагой, а лезвие расколется в ране. В честь передачи клинка Кванне даже устроили специальную церемонию, и ей уже давно следовало бы им воспользоваться.

Она положила кинжал обратно в шкатулку и быстрым движением закрыла панель. Стеклянное оружие часто являлось к ней в кошмарах.

Кванна запахнула зеленый плащ и поспешно вышла из дома. Кванну никто не видел, кроме слуг-венериан, которые украдкой поклонились, с благоговением посмотрев на нее, как и конюхи в конюшне, где ее уже ждала оседланная лошадь.

– Пещера у водопада, леди, рядом с Грозовым хребтом, – тихо произнес один из них и отсалютовал ей, как настоящей венерианке.

Девушка кивнула и взяла поводья.

Офицер-землянин, дежуривший у внешних ворот, не заметил Кванну. Подчиненные отвлекли его в нужный момент так, чтобы закутанная в плащ фигура на темной лошади успела выскользнуть из ворот, и он готов был поклясться, что мимо него никто не проходил.

Лошадь, плавно покачиваясь, мягкой походкой вышла на поднимающуюся тропу за пределами Дарвы. Венерианские лошади умели передвигаться совершенно бесшумно. Животное Кванны уверенно поднималось вверх по извилистой тропе сквозь синие сумерки, называющиеся ночью в той области, где находилась Дарва.

Для описания дня и ночи в венерианском языке нет точных терминов, но из-за естественного колебания планеты на солнечной стороне планеты происходит медленная смена тепловых потоков. Бывают периоды серовато-голубых заморозков и молочно-белых дней, когда сквозь плотный туман начинает просачиваться опаляющий свет солнца. В некоторых частях солнечной стороны тепло сменяется холодом лишь раз в несколько месяцев, но здесь огромные горы ускоряют

данный процесс, что, однако, все равно не позволяет венерианам четко различать день и ночь.

ПОКА КВАННА ехала по тропе, огромные синие горы в сумерках казались пурпурно-фиолетовыми. Она слышала, как журчат бесчисленные водопады, а умиротворяющий шум стекающей воды служил фоном для сходящих где-то вдалеке оползней, гулкое эхо которых отражалось от сизых скал.

Крутые скалы высотой несколько сот метров пронзали облака и своим величественным видом по-прежнему производили довольно сильное впечатление на землян, привыкших в жизни на Венере. Но Кванна, поднимаясь все выше и выше, не обращала никакого внимания на хорошо знакомые ей отвесные склоны из пурпурного камня, нависающие над ней словно сама смерть. Она выросла в этих горах, но не собиралась тут умирать. Будь ее воля, она умерла бы на другой планете, чтобы ее похоронили в мягкой почве Земли, где на голубом ясном небе свет солнца сменялся светом звезд и Луны. Несмотря на многочисленные рассказы, Кванна все равно не могла представить подобные природные явления.

Пещера, которую она искала, находилась в двух часах езды от горных пиков Дарвы. Никто, кроме венериан, не смог бы найти ее тут меньше, чем за несколько дней. И Кванна, и сама лошадь достаточно хорошо знали тропу, но подъем был труден даже для них, и, когда они вышли к глубокому каньону, где шумел водопад, без того взмыленная лошадь стала дышать еще тяжелее.

В узком ущелье грохот падающей воды казался оглушительным. Кванна накинула капюшон и поскакала прямо сквозь испаряющуюся на солнце пелену капелек к готической арке пещеры. Она свистнула три раза и, подъехав чуть ближе, в ответ услышала музыку, отразившуюся эхом от крутых склонов и на мгновение заглушившую рев водопада.

Проехав два поворота, Кванна увидела вдалеке мерцающий свет костра, соскользнула с лошади прямо в объятия поджидавших ее слуг и спустилась по поблескивающему песчаному склону к костру. Приглушенное свечение плясало в сказочном завораживающем мире сверкающих колонн, за многие века созданных каплями воды, падающими со сводов пещеры. Это словно была пещера Аладдина, и в свете костра казалось, что она выложена блестящими драгоценными камнями.

Когда Кванна вышла вперед и приблизилась к сидящей у костра группе людей, при виде ее изумрудного плаща, периодически скрывающего алые сапоги, все тут же вскочили на ноги, за исключением

одного человека. Кванну, как подобает настоящей венерианке, обучили всем тонкостям церемониальных ритуалов, и знание этикета не являлось исключением. Даже ее походка уходила корнями в древние традиции.

Люди в пещере поднялись – все, кроме старика в капюшоне, – не из уважения к Кванне или ее полу, ибо на Венере к женщинам не относятся с пиететом, а потому, что она являлась важным посланником, приносящим важные известия о враге. И если бы у них были причины думать, что Кванна придет с плохими новостями, или она потеряла престиж в лагере неприятеля, то они бы и не подумали встать. В основе взаимоотношений венериан лежит принцип «выживает сильнейший», который смогут понять далеко не все земляне. Также жители Венеры презирают неудачников и так стараются выслужиться перед теми, кто сильнее их, что их вполне можно назвать подхалимами.

При каждом движении яркие одежды собравшихся отбрасывали разноцветные блики на ледяные своды пещеры. Из группы, практически растолкав людей, вышел молодой человек. Когда он направился к Кванне, его алый плащ стал развеиваться на покатых плечах подобно длинным светлым волосам. Только слепой мог не заметить их удивительное сходство: эти двое определенно являлись ближайшими родственниками.

Кванна взяла молодого человека за руки с величайшим почтением, которое вполне соответствовало ее временному статусу важного шпиона. Лицо Вастари пылало нетерпением, пока она, согласно правилам приличия, обменивалась церемониальными приветствиями со старейшинами племени. Ее немного позабавило, что она заставила ждать своего царственного брата. Кванна с невероятным спокойствием ловила на себе свирепые взгляды остальных людей, так как всю свою жизнь только и делала, что видела в глазах и лицах напротив неприкрытую надежду на ее скорейший провал. Ни один венерианин никогда не достигнет вершин власти и влияния, если будет обращать внимание на злобные взгляды соперников, желающих другим неудач и провалов.

Кванна улыбнулась фигуре в капюшоне у костра, и та ответила грубым голосом с хрипотцой, который ей был очень приятен.

– Ну что? – спросил Вастари, велев ей усесться на разложенные у огня подушки.

По окончании церемонии приветствия старейшины уселись вокруг костра, чтобы послушать принесенные шпионкой новости.

– Как дела, сестра? Стекланный нож еще цел?

– Пока да, – стараясь говорить тихо и уверенно, ответила Кванна. – У землян есть басня о гусыне, несущей золотые яйца. Еще слишком

рано убивать ее, брат. Всего пару часов назад Темный Человек сообщил мне потрясающую новость. — Она использовала венерианскую систему измерения времени, которая настолько сложна, что лишь немногие земляне понимают ее значение.

Наблюдая за устремленными на нее горящими глазами, она продолжала доклад:

— Последний Патруль покидает Венеру. Сегодня пришел приказ.

Послышался звон браслетов и колец, — Вастари хлопнул в ладоши, выкрикнув что-то неразборчивое. Огонь, всегда тлеющий в его глазах, казалось, разгорелся с новой силой.

— Покидает! — радостно воскликнул он. — Значит, они, в конце концов, додумались до этого. Слышите меня? Нас ждет свобода! После трехсот лет земной тирании Венерой будут править венериане! Так это правда, Кванна?

— Совершенно верно, — внезапно выпалил тот, кто находился позади молодого человека.

Все обернулись. Сидящая у костра фигура в накидке откинула капюшон с седой головы, и стала видна грустная улыбка, а также ороговевшие веки, нависшие над глазами.

— Я наблюдаю за этим всю свою жизнь. Знаете ли, когда-то и Марс был великой планетой. Но вы слишком молоды, чтобы помнить о таком. — Старик пожал костлявыми плечами.

— Геж, ты что, не рад?

Вастари резко повернулся к нему, и край его алой накидки описал дугу.

Во всех движениях молодого человека виднелась легкость и стремительность.

— Долгожданная свобода сама плывет к нам в руки! Хватит прятаться в горах, Геж! Больше никаких земных законов! После трехсот лет тирании Венера наконец станет свободной!

— Значит, свобода превыше всего? — Старый марсианин поднял изогнутые брови. — Где свобода, там и анархия, мой мальчик.

— На анархию еще найдется какая-никакая управа, — ответил Вастари и нетерпеливо щелкнул пальцами. — А вот от тирании нет никакого спасения. Ты ведь поможешь нам, не так ли, Геж?

— В борьбе с Землей? — Марсианин одарил собеседника мрачным взглядом. — Тебе не нужна подмога в противостоянии с имперской планетой, сынок. Земля обрекла себя на погибель, и мы ничего не можем с этим поделать. Уж я-то знаю. Я видел падение Марса.

Он подпер подбородок рукой и уставился на горящий огонь. Геж имел привычку говорить о событиях тысячелетней давности, как будто

лично их наблюдал. Такое впечатление создавалось, потому что он, как и все марсианские школьники, в детстве черпал знания из курса истории, рассказанной посредством цветных трехмерных фотографий.

Лицо отвернувшегося Вастари исключительно красноречиво выражало нетерпение молодого поколения по отношению к мечтательности стариков.

ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИН ПЛЕМЕНИ наклонился вперед, и под капюшоном персикового цвета появилось исполосованное шрамами хищное лицо. Он вперил подозрительный взгляд в Кванну.

— Она принесла новости, которые старый марсианин мог бы рассказать нам много лет назад, — с завистью заявил он. — Мои шпионы завтра вернутся из города с теми же самыми известиями. За какие заслуги она считается равной нам? Я считаю, что она должна убить землянина и вернуться в гарем, где ей самое место.

Послышался гул возбужденных голосов: некоторые повстанцы согласились со старейшиной, но большинство осудило не столько его намерение, сколько грубость его слов. Истинные венериане предпочитали выражать неприязнь более изощренным способом.

Кванна совершенно спокойно смотрела на старейшин, ничем не выдавая своего негодования: женщине не пристало в открытую спорить с мужчиной и осуждать его слова.

— С городом не все так просто, господин, — тихо произнесла она. — При правильных действиях мы сможем многое вывести у землян, прежде чем они уберутся восвояси.

— Я говорю вам, что надо сражаться, как мы и планировали! — взревел покрытый шрамами горец, ударив кулаком по колену. — Сражайтесь, грабьте и побеждайте, пока они не улетели отсюда! Разве не этого хотели ваши отцы? Зачем нам нужен новый план? Убивайте и грабьте, и к черту все это многовековое ожидание!

Гомон голосов эхом разнесся по пещере, но в следующее мгновение все замолчали, увидев сверкнувшую алую накидку вскочившего на ноги Вастари. Прежде чем хоть кто-то понял, что происходит, в воздухе мелькнула дубинка, соприкоснувшаяся с головой старейшины.

Затем Вастари навис над съежившимся горцем. Алая накидка широкими складками лежала его на плечах, и он был готов нанести еще один удар дубинкой, усеянной драгоценными камнями. Горец зажал руками разбитый нос, и кровь заструилась по его рукам, капая на оранжевую мантию.

Насупив брови, Вастари сурово посмотрел на затихшего горца, решившего выразить свое мнение и сейчас опустившего голову, пока

на медленно раскачивающейся окровавленной дубинке играли блики костра.

– У Истри есть здесь друзья? – тихо, но настойчиво спросил он.

Никто не проронил ни слова. Вастари наклонился и два раз шлепнул Истри ладонью по лицу, от чего у того закачалась голова. Горец был почти вдвое крупнее Вастари, но не предпринял ни одной попытки нанести ответный удар, а только сел на корточки, прикрывая сломанный нос рукой и с нескрываемым уважением поглядывая на Вастари.

С таким же выражением лица на Вастари посмотрели и остальные венериане, сидящие у костра, когда он, нехотя отвернувшись, закрепил дубинку на поясе, не обращая ни малейшего внимания на пятна крови на его атласном одеянии.

– **ТАК СВОБОДЫ НЕ ДОБИТЬСЯ**, – продолжал Вастари, усаживаясь рядом с Кванной. – Если мы все рассоримся, то ступим на ту же скользкую дорожку, что и остальные неудачники. Мы же не какой-то партизанский отряд, дерущийся из-за добычи! Свобода стоит небольшой жертвы, если та поможет нам захватить Венеру! Земляне построили империю не на рабстве. Они являлись свободными людьми и воевали за самих себя. Если мы надеемся отвоевать Венеру, нужно избавиться от земного гнета и всех междоусобных распрей. Мы не дети, играющие в игрушки. Мы – свободнорожденные лидеры, сражающиеся за изгнание захватчиков с нашей земли и то, чтобы править Венерой согласно венерианским законам. – В голосе Вастари чувствовался пыл истинного борца, окрыленного идеей свободы. – Будь на то воля Истри, он напал бы на Дарву и погиб. У землян есть оружие, которое нам не победить. И даже если бы мы одержали верх, то что изменилось бы в итоге? Истри и ему подобные обчистили бы землю и разбежались бы по своим крепостям, награбив как можно больше добра. Вскоре каждый позавидовал бы добыче своего соседа, и спустя некоторое время вы все вернулись бы к тому, с чего начали: к междоусобным стычкам, не позволяющим объединиться против захватчиков с Земли, налетчиков с темной стороны Венеры или какой-нибудь другой угрозы. Благодаря таким глупцам, как Истри, земляне притесняют нас на нашей же планете. Если враги когда-нибудь вернуться, глупцы вроде Истри снова навлекут на нас беду, но только в том случае, если мы не будем действовать сообща. Свобода и единство! Задумайтесь над моими словами!

Вастари встал и принялся взволнованно рассказывать по блестящему полу пещеры. Слушатели, словно загипнотизированные, неотрывно

сводили за ним. Его голос дрожал и звенел от страстной искренности, а в наблюдающих за ним глазах горели яркие огоньки алчности.

— Говорю вам, за это стоит побороться! Мы должны избавиться от землянина, при этом не подставив самих себя. После его исчезновения нам будет чем заняться... например, захватом оружия! Мы непременно должны его заполучить, иначе не сможем отвоевать Венеру! И именно поэтому Кванна обязана вернуться в Дарву и как можно больше разузнать о планах землян. Так или иначе, если мы хотим взять управление планетой в свои руки, необходимо завладеть тем, чем сейчас владеют они. Все это потребует мужества, хитрости и отваги. А потом... — Вастари замолчал, глядя на мерцающие на потолке тени, явно думая о чем-то далеком и прекрасном. — Свобода и Венера будут нашими! Земляне давным-давно боролись за свободу — и завоевали ее, а вместе с ней и звезды! Теперь пришла наша очередь. Когда-то давно они, в первый раз сражаясь против тирании, пели старую боевую песню, которая подходит и нам. Кванна узнала ее от землянина, с которым живет. Я хочу, чтобы вы все услышали эту песню. Кванна...

Девушка склонила белокурую голову и запела тихим, звонким голосом старинную застольную песню, переложенную на венерианский мотив и когда-то служившую гимном народу, павшему много веков назад. Слушатели молча сидели, а в их глазах отражались поблескивающие огоньки костра. Это была странная сцена. Еще бы, ведь трудно представить более неподходящее место для исполнения данной песни, чем сверкающая пещера, служащая убежищем жестоким людям в великолепных разноцветных накидках и мантиях. Кванна запела:

И так будет всегда, покуда свободный народ

Не знает, что выбрать: домашний очаг или стычки с врагом.

После этих слов глаза юного Вастари фанатично засверкали, и он продолжал беззвучно напевать гимн вместе с сестрой:

И пусть дрожит наш злобный враг,

Победа любит воинов умелых,

Идущих в бой за веру и за Бога!

Пусть реет звездно-полосатый флаг

Над родиной, свободных, гордых, смелых!

Покрытый морщинами седой марсианин, сидящий позади старейшин, с печальным видом слушал балладу.

ДЖЕЙМИ ДУГЛАС проснулся в комнате, наполненной светом голубых сумерек, созданных уходящим туманом. В течение нескольких секунд его не тревожили никакие дурные мысли, и он был спокоен, как умиротворяющая вечерняя мгла. Но потом к нему вернулась память и

обычное плохое настроение, и, медленно сев на кровати, он нахмурил черные брови. Кванна сидела у окна, и легкий порыв ветерка только что взъерошил копну ее красивых светлых волос. Она услышала, что Джеймс проснулся, и обернулась. В действиях девушки чувствовались легкость и спокойствие.

— Ты так сладко спал, мой дорогой, — пробормотала она, поднимаясь на ноги. — Джейми, мне даже не захотелось будить тебя, так сладко ты спал, представляешь? Ты, наверное, очень устал.

Он сел, сгорбившись на краю кровати, и скрестил руки на коленях, затем исподлобья взглянул на Кванну, совсем как Вастари в хрустальной пещере, но его смуглая, изможденная физиономия меньше всего походила на волевое лицо брата Кванны.

— Мне приснилось, — мрачно произнес он, — что я в Норристауне, на краю Сумеречного пояса, прямо во время атаки горцев. Копье пронзило меня вот сюда. — Он указал пальцем на место чуть выше пряжки ремня. — Все казалось таким реальным, что я ощутил боль после пробуждения, хотя во сне совсем ничего не чувствовал. Копье пригвоздило меня к стене, а я вытащил его и... — Джеймс заколебался, усмехнувшись себе под нос. — Сны вечно такие глупые! Я возглавлял атаку, размахивая окровавленным копьем, и наше войско отбросило нападавших. — Он снова засмеялся, но, судя по брошенному на Кванну тяжелому и мрачному взгляду, ему было не так уж весело.

Кванна слегка поежилась в своем зеленовато-синем платье.

— Не смотри на меня так, — нежно попросила она. — Это всего лишь сон. Джейми, любимый, будешь кофе? Кстати, ты пропустил ужин.

— Что ты играла, перед тем, как я заснул? — спросил он, не став отвечать на ее вопрос. — «Оттерберн», да? — Джеймс напел мелодию, сразу вспомнив слова.

*О, страшный сон привиделся мне,
Страшный сон об острове Скал,
Я видел, как мертвый там побеждал.
Я тем мертвецом был во сне...*

— Остров Скал, — повторил он после долгой паузы, — интересно! Старый остров Скал остался на Земле, но теперь мы с тобой живем на новом. Разве с Земли Венера не казалась бы островом Скал?

— Я вообще не могу себе этого представить. — Кванна покачала головой, и ее волосы на мгновение закрыли лицо. — Звезды! Увижу ли я их когда-нибудь, Джейми?

— Только не с Венеры. А Земля сейчас не самое безопасное место, моя дорогая. Нет, ты в полной безопасности на своем острове Скал. Что касается меня... — пожал он плечами. — Если бы я был таким же

суеверным, как мой народ, то посчитал бы этот сон вещим. – Он поднялся с кровати. – Ты что-то говорила о кофе? Господи, как же долго я спал!

Невинно улыбнувшись, Кванна поднялась на ноги. Открыв дверь высокой фигуре, она чуть не подпрыгнула от удивления, поскольку та резко подняла руку, собираясь еще раз постучать.

– Лейтенант! – рассмеялась Кванна. – Как вы меня напугали!

– Командир здесь? – Лейтенант Морган, заместитель командира патруля в Дарве, бесстрастно посмотрел на нее сонными карими глазами.

– О, Морган, проходи скорее, – позвал Джейми из соседней комнаты. – Кванна, налей-ка нам пока кофе.

Морган, вошедший в комнату несколько развязной походкой, производил впечатление чрезвычайно ленивого человека, но оно было обманчивым.

– Не нравится мне эта девушка, – прокомментировал он, глядя на закрытую дверь из-под полуопущенных век.

– Ты просто не любишь венериан, – рассмеялся Джеймс.

– Да, черт возьми, не люблю. Когда-нибудь она воткнет вам нож под ребра, командир.

– Только не Кванна, – отрезал Джеймс.

– Вы уверены? – Морган пожал плечами. – Кстати, прошлой ночью Вастари и его приспешники были замечены в горах.

Глянув в окно, он посмотрел на огромные скалы Дарвы, солнечный свет над которой становился все ярче по мере того, как рассеивался утренний молочно-белый туман. Пока лейтенант говорил, воздух сотряслся от грохота оползня.

– На нас что, напали? – спросил Джеймс.

– Нет, я просто зашел поболтать. Командир, они явно что-то задумали, – поделился соображениями Морган.

– О, я не сомневаюсь. Они вечно что-то замышляют. Как думаешь, что на этот раз?

– Ставлю два против одного – они в курсе, что нас вызвали на Землю. Повстанцы вполне могут устроить нам засаду перед самым отлетом.

– Или напасть прямо сейчас, – добавил Джеймс.

– Слишком рискованно, – покачал головой Морган. – Вастари не такой дурак.

– Может быть, венериане и не станут нападать в открытую. Но они точно не обрадуются, если мы увезем с собой всю нашу артиллерию. Она точно пригодилось бы Вастари для набегов. Они всеми силами будет стараться заполучить наше вооружение.

– И как можно более грязными способами, – усмехнувшись, добавил Морган. – Он...

Тихий стук в дверь не дал ему закончить. Кванна с наигранным возмущением на лице заглянула в комнату.

– К вам посетитель, командир, – известила она. – Марсианский торговец, Геж...

– Геж! – Джеймс быстро вскочил на ноги. – Входите, входите! Рад вас видеть. Кванна, как насчет кофе для всех нас?

СТРАННОЙ ШАРКАЮЩЕЙ ПОХОДКОЙ, типичной для марсианина, в комнату вошел Геж, закутанный в серую накидку. При взгляде на старика Джеймса охватило нехорошее предчувствие, которое, впрочем, тут же исчезло, заставив его посмеяться над самим собой. Самым странным было то, что, протянув руку для рукопожатия, Геж в своем сером одеянии напомнил смерть, собирающуюся увести человека с собой. Джеймс вспомнил недавний ночной кошмар, и древняя доверчивость кельтских предков внезапно дала о себе знать, из-за чего он задался вопросом, а действительно ли ему удастся покинуть Венеру целым и невредимым, или же мрачному пророчеству все-таки суждено исполниться.

Остров Скал, утренняя звезда...

Я видел, как мертвый там побеждал.

Я тем мертвецом был во сне...

Какой же я суеверный дурак, сердито оборвав самого себя, подумал он и протянул руку Гежу.

– Мне бы не хотелось скучать по вас, командир, – промолвил марсианин на безукоризненном английском, сев на стул, который подвинул к нему Морган. – Я слышал, вы собираетесь покинуть Венеру, причем очень скоро.

– Кажется, вся Венера уже в курсе! – в отчаянии всплеснул руками Джеймс.

Геж странным образом изогнул заостренную верхнюю губу так, что она стала похожа на клюв хищной птицы, – он всегда улыбался подобным образом.

– Готовясь к этому дню, я уже больше года распродаю имущество, – перестав улыбаться, признался он и левой рукой начертил в воздухе изогнутый символ древнего Марса. – Помните? – спросил он. – Так случилось и с Марсом. Я знаю о Риме, Америке и других великих падших империях Земли. Я читал об этом. Как и вы, командир.

– Официально это называется «временной консолидацией», – печально улыбнувшись, ответил Джеймс.

Геж неодобрительно поднял брови и скривил широкий рот. Вежливость не позволила ему вслух выразить то, о чем размышляли все трое.

Это могло означать только одно: скорый конец правления Земли в солнечной системе. Остался последний Патруль из всей мощной сети, когда-то связывавшей все планеты нерушимыми цепями людей. Звенья рассыпаются, империя рушится. Земляне покидают планету, на которой царствовали в течение трехсот лет. Зеленая Звезда Земли стала устаревшей эмблемой. Варварские орды с других планет хлынули на главную планету империи, вооружившись тем, что их научили делать сами земляне. Мало-помалу влияние Земли стало ослабевать. Один за другим Патрули возвращались домой, чтобы защитить родную планету. Отряд Джеймса был последним.

— Без вас Венера станет совсем другой, — сказал Геж, поправляя накидку. — Интересно, что произойдет с городами, построенными Землей, с их чистыми широкими улицами, рынками, оживленными магазинами. Как долго все это просуществует?

— Ровно столько, сколько потребуется Вастари, чтобы сжечь их дотла, — с горечью заявил Морган.

— Ну, Вастари, наверное, можно понять, — кивнул Геж. — Говорят, у него есть причины ненавидеть вашу планету. Он захочет уничтожить на Венере все, что связано с Землей.

— Целых триста лет Венера находилась во власти Земли, — задумчиво произнес Джейми. — Всего лишь три часа с точки зрения целой расы! Иногда мне кажется, что данного времени явно было недостаточно, чтобы хоть как-то вразумить здешних обитателей. Иногда я спрашиваю себя, а не было ли все это напрасным для обеих планет? Через шесть месяцев после нашего отлета возведенные землянами города канут в небытие, а те, что не возьмет огонь — обветшают. Как и триста лет назад, их место снова займут цементные хижины, и от человеческой цивилизации не останется и следа. Больше не будет городов, безопасных для детей, как и не станет охраняемых ферм, обеспечивающих народ продовольствием в голодное время. Черт бы побрал Вастари!

— Он просто венерианин, — спокойно пояснил Геж.

— Я знаю. — Джеймс нетерпеливо хлопнул по подлокотникам кресла. — Просто... ну, я все-таки уже давно на Венере. В двадцать лет я участвовал во второй осаде Норристауна. Вместе с Кресси исследовал Сумеречный пояс. На моих глазах Дарва стала предметом нашей гордости. На мои средства построили склады, которые в последний неурожайный год кормили целые племена. Но когда я думаю о том, как

Вастари уничтожит все это после отлета на Землю, мне охота задушить его голыми руками!

— Командир, венериане очень самобытны, — задумчиво протянул Геж. — Логика их действий и мыслей неподвластна жителям других миров.

— Я знаю. Это потому, что они еще варвары, да? Возможно, они навсегда такими и останутся. В их языке нет слов для обозначения «верности», «чести» или каких-либо высоких идеалов, которыми живут земляне. У них нет ценностей выше инстинкта самосохранения, как у зверей. Венериане не способны мыслить цивилизованно в контексте нашего понимания. Говорю вам, ваш народ — настоящие дикари. Вы знаете, что на обоих концах социальной лестницы находятся варвары, и население Венеры, так и не познав блага истинной цивилизации, просто переходит от одного конца к другому. — Джеймс снова хлопнул по подлокотникам. — Помните о Норрисе, колонизировавшем Венеру? Можете ли вы представить себе венерианина, терпящего такие лишения ради какой-то великой цели? А первую осаду Норристауна? Колонисты могли в любое время года улететь на кораблях домой, бросив Венеру и все то, ради чего Норрис и его люди рисковали жизнями. Но они не сдались и держались до тех пор, пока не пришли спасательные корабли, опоздавшие почти на целый год. Геж, вы когда-нибудь читали о той осаде? О непрекращавшихся атаках с болот и морей, постоянном жаре и смертях от неизвестных венерианских болезней. Но колонистов лихорадило куда сильнее, чем от какой-то инопланетной чумы — то была лихорадочная мечта об империи, охватившая тогда всю Солнечную систему. Солдаты один за другим гибли на линиях обороны, и мирное население поддерживало их. Когда наконец прибыл корабль с провизией, прилетевшие колонисты увидели, что солдаты почти все полегли, а женщины, дети, инвалиды и раненые все равно продолжали обороняться. Венерианам не понять таких чувств. И все же, знаете ли, есть что-то неотразимо завораживающее в них и этой планете. Она дикая и притягательная. За ней будущее. Знаете, на Земле Венеру называют утренней звездой, и мне кажется, это уже не просто название, а нечто большее.

ДЖЕЙМС ВСТАЛ И ПОДОШЕЛ К ОКНУ, глядя вверх крыш Дарвы на громадные голубые горы и начавший понемногу рассеиваться туман, сквозь который уже начал проникать яркий дневной свет.

— На Земле меня будут считать неудачником. Чужеземцем. Земля — мир аккуратных садов, покоренных морей и живописных горных хребтов. Там все люди одинаковы: всегда знаешь, как ониотреаги-

ругают на ту или иную ситуацию. Мысли о Земле навевают жуткую скуку, особенно после двадцати лет, проведенных здесь, на Венере, среди гигантских гор и в обществе диких людей, совершенно непредсказуемых, как вечно меняющаяся погода. Я уже и знать не знаю, что такое вежливость и правила этикета. Мне никак не вписаться в тесные рамки общества землян.

Джеймс замолчал, и за долгое время никто не произнес ни слова. Дальше он вел внутренний монолог: *«Меня не беспокоит, как на Земле принимают колонистов. Подозреваю, что мы больше не увидим тот искусственно созданный рай со строгими правилами. Здесь, на Венере, нам мало что рассказывают, но, судя по последним донесениям с Земли, варварские базы растут как грибы после дождя, как и количество налетчиков, прилетающих на кораблях, которые они построили с нашей помощью, и использующих оружие, вложенное нами им в руки».*

Он ни с кем не мог поделиться этими мыслями – даже с Морганом, и в особенности с торговцем Гежем, как бы хорошо Джеймс того ни знал. Джеймс никому не мог рассказать о том, что крутилось у него голове в течение нескольких месяцев, и о страхе за весь цивилизованный мир, который, возможно, было уже не спасти.

Ибо эпоха развитой культуры клонилась к закату. Джеймс с грустью подумал о том, что у него не было достаточно свободного времени, чтобы разобраться в том, что происходит. Он пожалел, что не читал старых книг, потому что знал, – круг замыкается, как он уже давным-давно замкнулся для многих других рас.

Говорят, мы «временно консолидируемся», подумал он, глядя на огромные мраморные горы, окруженные облаками. *Но мне виднее. Тут у меня есть перспективы, каких не будет дома, или же они просто притворяются, что их не существует. Все признаки угасания Земли налицо. Только лучшая раса способна отвоевать то, что мы потеряли, но точно не человечество в его нынешнем состоянии. Однако по-настоящему достойной расы не существует. Венериане, возможно, и взялись бы за это дело, но уже слишком поздно. Через несколько столетий нам, вероятно, удалось бы внушить этим изворотливым умам некоторое представление о сути идеализма. Я не знаю. Сейчас уже ничего не поделаешь. А ведь мы так надеялись на них! Я не могу назвать ни одну хоть чуть-чуть подходящую расу. Варвары, сейчас атакующие Землю, в скором времени изживут себя. Другие планеты империи – либо древние цивилизации, почти вымершие, как и мы, либо какие-то и вовсе недочеловеческие племена с невысоким уровнем интеллекта, который невозможно развить даже при долж-*

ном обучении. И поэтому величайшая империя в истории человечества рухнет изнутри, и уже нет никакой надежды на ее возрождение.

Проникший в комнату сильный аромат кофе нарушил воцарившуюся тишину. Улыбающаяся Кванна вошла в сопровождении слуг с подносами. Ловко наливая кофе, она своими глубокими, спокойными глазами прочитала выражения лиц сидящих перед ней трех собеседников, но никто из них этого не заметил.

Протянув Гежу чашку, она поставила перед ним серебряное блюдечко с хлебом, согласно церемониальному венерианскому обычаю, который также соблюдают представители других рас. Здесь, как и на Земле, хлеб символизирует источник жизни, и гостям обязательно подают его вместе с едой, в независимости от того, хотят они этого или нет.

Из-под полуопущенных век Геж быстро взглянул на тарелку, затем искоса посмотрел на Кванну. Она с удивлением встретила с ним взглядом, быстро смекнув, — затевается что-то связанное с Джеймсом, ибо в сложной системе символов, используемой венерианами, хлеб обозначает лидера или главу семьи.

— Я думаю, вы неправильно понимаете Вастари, командир, — сказал Геж, потягивая кофе. — Верно, что ни один венерианин так до конца и не осознает, что другие расы подразумевают под словом «идеализм». Но Вастари считает себя во всем правым. Он говорит о свободе, знаете ли.

— О том, как безнаказанно грабить и устраивать поджоги, обрекая всех остальных на голодную смерть!

— Возможно, — кивнул Геж и принялся крутить в руке серебряный нож, лежащий на блюде с хлебом. — Думаю, так и есть. Но я представитель прошлого поколения, джентльмены. Мой мир канул в Лету несколько тысячелетий назад. Вы — настоящее, но ваше время уже почти истекло. А за Вастари будущее, и только оно покажет последствия его действий. Но нас с вами, увы, к тому времени уже не будет. — Геж покачал седовласой головой, взяв нож, лениво вонзил его в кусок хлеба, лежащий рядом на блюдечке, и исподлобья глянул на Кванну. — Как торговец, имеющий дело с горными племенами, командир, — заметил он не к месту, — я уже много лет пытаюсь понять менталитет венериан с позиции чужеземцев. Приведу пример. Однажды я видел, как глубокой ночью горец избивал не нападавшего, нанесшего ему удар, а врага нападавшего. Никто, кроме венерианина, не смог бы понять смысла такого возмездия...

— Отличный кофе, моя дорогая Кванна. Можно мне еще чашечку?

СПОКОЙСТВИЕ В СПАЛЬНЕ, освещенной светом голубых сумерек, нарушали только мягко колышущиеся занавески. Тишину прерывало лишь ровное дыхание Джеймса, не считая редкого, далекого грохота оползней и удаляющихся шагов часового, охраняющего покой командира.

Тот спал, как убитый. Кванна позаботилась об этом, предусмотрительно дав ему ночной колпак. Сама она сидела в самом дальнем углу комнаты, где собрались синие тени, сделав его похожим на подводную пещеру, находящуюся глубоко под венерианскими морями. Сидела она совершенно неподвижно, устремив немигающий взгляд на окно, за которым то появлялась, то исчезала тень часового.

Кванна мысленно благодарила Гежа. Она не понимала, каким образом он догадался о ее чувствах к командиру, но была уверена, — он обо всем знал. Геж был таким же чутким, как настоящий венерианин. Она также знала, что старого марсианина чрезвычайно забавлял тот факт, что на виду у ничего не подозревающих землян он знаками поведal ей, что Истри собирается убить Джеймса. Да, Геж прожил на Венере достаточно долго, чтобы мыслить почти как венерианин.

Кванна не испытывала особого беспокойства, ожидая убийцу. Она достаточно хорошо знала свою расу в целом и Истри в частности, чтобы быть уверенной, что он придет один. У него не было доверенных людей, которые точно не выдали бы его Вастари, а в случае успеха Истри хотел бы поживать на лаврах в одиночестве.

Снаружи все еще доносились шаги часового, охраняющего дом, а в комнате было слышно только дыхание спящего Джеймса. Затаившись, Кванна ждала появления Истри.

Она не смогла бы точно объяснить, почему решила, что час пробил, но точно определила это не по звуку. Когда часовой дошел до дальней точки своего маршрута, по тонкой решетке на окнах скользнула тень, и Кванна в одно мгновение очутилась у окна, прежде чем тень заметила ее. Должно быть, вновь прибывший совершенно не ожидал увидеть ее всего в нескольких сантиметрах от себя, но с другой стороны окна, поскольку с приглушенным вздохом отшатнулся от решетки.

— Истри, — позвала Кванна, — смотри! — Свет, идущий от ворот, на мгновение осветил короткоствольный пистолет, который она держала в руке.

— Скореепусти меня! — прошептал Истри.

Из-за того, что Вастари сломал ему нос, он говорил очень невнятно.

— Дозорный...

— Нет, — спокойно произнесла Кванна. — Я знаю, зачем ты пришел. Не сегодня, Истри.

– Впусти меня, – яростно потребовал Истри, – или завтра командир узнает, что ты шпионка!

Кванна поняла, что он имеет в виду. Вастари подорвал к нему уважение заговорщиков, и сейчас тот был готов на все, чтобы скомпрометировать Кванну, тем самым подставив под удар и ее брата.

– Только не сегодня, – немного уступила она. – Я тут кое-что придумала... после чего ты можешь убить Джеймса.

– Я тебе не верю!

– Завтра...

– Предательница! – злобно прошипел Истри. – Сейчас же впусти меня! После его убийства вспыхнет бунт, и мы сможем выкрасть оружие и даже захватить город! Во имя Вастари, впусти меня!

– Не сегодня! Завтра я докажу свою правоту... Убей его потом, если сможешь. Но только не здесь.

– Тогда где? Ты все врешь.

– Поверь мне. Завтра я заманю Джеймса в ловушку. Мангровый лес пойдет? Завтра, после того, как рассеется туман?

В голубом полумраке Истри с сомнением посмотрел на Кванну сквозь решетку. Шаги часового, идущего по мостовой, становились все громче и громче.

– Ты точно не обманешь? Клянешься именем Вастари?

– Клянусь. Завтра я приведу Джейми в мангровый лес, чтобы ты с ним расправился, если сможешь, конечно.

Истри хмуро взглянул на Кванну и заметил некоторую искренность на ее лице, что заставило его неохотно поверить обещанию, чему также поспособствовал пистолет, тускло поблескивающий в отраженном свете.

– Тогда встретимся завтра, когда туман начнет рассеиваться. Или вы оба умрете, – буркнул он, и его тень бесшумно растворилась в ночи.

Кванна села на корточки и посмотрела ему вслед ничего не выражающими глазами.

– **В МАНГРОВЫЙ ЛЕС?** – с сомнением поинтересовался Джеймс, все-таки направив лошадь к тропинке, ведущей наверх. – В такое мрачное место? Ты уверена, что нам стоит ехать туда?

– Дорогой Джейми. – Кванна улыбнулась ему из-под изумрудного бархатного капюшона. – Ты ведь сказал, что я сама могу выбрать место, потому что это наша последняя совместная прогулка по Венере.

– А, ну, тогда ладно. Там у меня всегда промокают ботинки, но... хорошо, как скажешь.

– Мне кажется, это прекрасное место, Джейми. Послушай, я сейчас спою тебе... прощальную песню.

На седле ее лошади висела маленькая марсианская арфа. Кванна положила инструмент на колени и тихо запела по-венериански, причем в конце каждого куплета ее голос звучал громче, чем в начале. Она делала так отчасти для того, чтобы позабавить Джейми, а отчасти, чтобы предупредить прячущегося Истри об их приближении. Истри явно тоже позабавится, но несколько по другой причине, – Кванна исполняла венерианскую панихиду по человеку, который вот-вот умрет.

Мангровый лес рос в узком каньоне, находящемся высоко над Дарвой. Джейми и Кванна уже не раз ездили сюда верхом, чтобы насладиться прогулкой по узким мшистым тропинкам, залитым водой. Лес заполнил долину между горными вершинами, прорезанными ручьями с водопадами, шум которых разносился по всему каньону. Местность вокруг представляла собой болота, чередующиеся с озерами, где стояла чистая темная вода, откуда арками, колоннами и длинными зелеными кущами поднимались ввысь гигантские мангровые деревья. Дорожки причудливыми лабиринтами шли прямо по огромным узловатым корням, торчащим из воды.

Отражение на гладкой поверхности озер было настолько четким, что деревьев, казалось, было в два раза больше, чем на самом деле, и росли они в разные стороны. Прогуливаясь по этим извилистым мшистым тропинкам и видя под ногами собственное плывущее отражение, можно было решить, что находишься во сне.

Но даже подкованные венерианские лошади не могли здесь уверенно передвигаться. Джейми и Кванна спешили у входа в каньон и вошли в лес в полной тишине, не считая мелодии, которую Кванна время от времени играла на арфе. Она высматривала Истри, зная, что его будет нелегко обнаружить. Сегодня она специально надела изумрудный плащ, и цвет одежды Истри, несомненно, тоже как нельзя лучше подходил для маскировки в зеленом лесу.

Кванна и Джеймс прошли долгий путь по зеркальному лабиринту тропинок, прежде чем она наконец заметила за деревьями какое-то движение. Она была уверена, что Истри придет один, и теперь поняла, что не ошибалась. Кванне также не приходилось сомневаться в том, что он не воспользуется пистолетом. Он хотел смерти Джейми по многим причинам, и главной из них являлось желание совершить убийство во славу Вастари с помощью длинного венерианского кинжала. И поэтому ему придется подкрасться достаточно близко, чтобы вонзить клинок в спину Джеймса, не рискуя промахнуться с большого расстояния, спугнув цель.

Но Истри, наверняка, не терял бдительность. Джейми пользовался дурной репутацией среди бандитов, и повстанец ни за что на свете не отважился бы столкнуться с таким грозным противником лицом к лицу, поэтому приходилось действовать исподтишка. Кванне пришлось углубиться в лес, где огромные корни мангровых деревьев, становящиеся все толще и толще, перестали отражаться в воде, и только тогда зеленая движущаяся тень, являющаяся Истри, сумела подобраться поближе к путникам.

Несмотря на то, что сердце Кванны под изумрудным одеянием забилось сильнее, на ее лице не дрогнул ни один мускул при мысли о том, что в скором времени должно было случиться.

– Джейми, любимый, у меня для тебя сюрприз, – сказала она, остановившись перед ним под огромным зеленым сводом. – Подождешь меня здесь? Я вернусь минут через пять. – А затем, почувствовав надвигающуюся опасность, она встала на цыпочки, приложила ладони к его смуглым щекам и быстро поцеловала в губы.

ВЕНЕРИАНЕ – народ, не любящий выставлять чувства напоказ. Кванна молниеносно отвернулась, описав краем плаща дугу, и Джеймс посмотрел ей вслед. Что-то подсказывало Джеймсу, что Кванна неспроста одарила его на прощание таким долгим мрачным взглядом и неожиданным поцелуем, поэтому он поднес руку к кобуре на поясе и с беспокойством осмотрел окружающий лес. Вполне возможно, Кванна предвидела и это, когда целовала его. Большинство поступков венериан являлись вовсе не тем, чем казались на первый взгляд.

Не издавая ни единого звука, она быстро шла по извилистой тропинке, которая постепенно исчезала из виду. Ее зеленое отражение плыло вместе с ней по зеркальной глади воды. Несмотря на то, что путь ей постоянно преграждали толстые корни мангровых деревьев, она все-таки сумела описать круг и, в конце концов, заметила впереди себя крадущуюся фигуру в зеленом одеянии, которая время от времени перебегала от дерева к дереву. Кванна улыбнулась.

Джеймс закурил сигарету. Тишину нарушил щелчок зажигалки, и уже скоро к сильному запаху болотистых джунглей примешался сигаретный дым. В листве Кванне удалось разглядеть темноволосую голову Джейми. Он стоял, прислонившись спиной к дереву, и курил, время от времени стряхивая пепел в воду и рассеянно наблюдая за расходящимися по ее поверхности кругами.

Вдруг Истри, стоящий впереди Кванны, стремглав ринулся вперед, буквально источая смертельную опасность. В лучах солнца блеснул нож.

Кванна мигом преодолела разделявшее их расстояние. Мягкий мох заглушал звуки ее шагов. Полы ее изумрудного плаща взметнулись, словно крылья птицы, и ослепительная вспышка осветила лес за мгновение до того, как в воздухе сверкнул нож, поднятый Истри.

На свете нет ничего похожего на глухой звук кинжала, со всего размаха вонзенного в плоть по самую рукоять. Вооруженный пистолетом Джеймс услышал его и развернулся прежде, чем сам Истри понял, что с ним сейчас произошло. Тот, должно быть, сначала почувствовал только удар, которого оказалось достаточно, чтобы у него перехватило дух, затем судорожно вздохнул и, открыв рот, повернулся к Кванне.

Когда Истри все понял, его лицо исказилось от ярости, и, вздохнув второй раз, он явно собрался разоблачить шпионку, но Кванна нанесла еще один удар, и хлынувшая изо рта Истри яркая кровь не позволила словам сорваться с языка.

Развернувшаяся сцена не нуждалась в объяснениях. Джейми медленно убрал пистолет в кобуру, понимая, что оружие ему не понадобится. Ничего не выражающими глазами Кванна посмотрела, как Истри упал. На его лице навсегда застыло выражение ярости, с которым он безуспешно пытался зажать рану, откуда хлестала кровь, окрашивая в алый цвет оранжевую мантию, находящуюся под зеленым плащом. На ней также можно было заметить коричневые пятна засохшей крови. Он был именно в этой мантии, когда в пещере проходило собрание старейшин. Кванна поймала себя на мысли, что кровопролитие, начатое братом два дня назад, его сестра закончила здесь, в мангровом лесу.

Джеймс вопросительно посмотрел на нее поверх лежащего на земле трупа. Рука Истри оказалась в воде. Кванна вытянула ногу и с равнодушным видом перевернула тело. Без единого всплеска оно съехало в воду, и зеркальная поверхность скрыла яркую зеленовато-оранжевую одежду, покрытую ярко-красными и коричневыми пятнами крови. Посмотрев на расходящиеся круги, Кванна повернулась к Джеймсу и улыбнулась.

– Я спасла тебе жизнь, Джейми, – промолвила она.

Он закусил губу. Венериане никого не спасали от смерти даром, – любое их действие имело свою цену. Если она была слишком высока, то зачастую приходилось расплачиваться собственной жизнью, и родственники погибшего принимали данную жертву как должное. Венериане строго придерживались такого кодекса чести, являющегося их своеобразным представлением о справедливости.

– Полагаю, нет смысла спрашивать, что стоит за всем этим, – пробормотал Джейми, кивком указав на воду, поглотившую тело Истри.

– Ах, ты об этом. – Кванна приподняла бровь. – Я где-то уже видела его... Хочу кое-что у тебя спросить. Я заплатила достаточную цену, правда?

Джеймс знал, что не стоит ждать никаких подробностей о произошедшем, поэтому в долгих расспросах не было никакого смысла. Смирившись с этим, он покорно пожал плечами.

– Ты спасла мне жизнь, – признался он. – Чего тебе надо?

– Я хочу попасть на Землю, – тут же выпалила Кванна. – Ты возьмешь меня с собой, Джейми?

Он странно покосился на нее. Она могла бы попросить деньги, оружие, что угодно, но только не это, так как Джеймс не мог исполнить данную просьбу.

– Кванна, – с нежностью произнес он, – если бы я мог, то разве не взял бы тебя с тобой?

– Ну, ты же командир. Что тебе мешает?

– Любимая, послушай меня. – Он перешагнул через окровавленный мох и положил руки ей на плечи. – Земля превратилась... в военный лагерь. Теперь там никто не может быть в безопасности. Ты никогда не видела, как бомбят города... и понятия не имеешь, насколько изменится твоя жизнь, если ты улетишь вместе со мной.

– Я уже не ребенок, Джейми. – Она подняла на него выразительные темные глаза.

– Я знаю... знаю. – Он понятия не имел, как достучаться до нее.

– Кванна, пойми, я отправляюсь домой не просто так, а на войну, и думаю, что нам придется сражаться до тех пор, пока... мы на это способны. Если я возьму тебя с собой, то подвергну твою жизнь страшной опасности. Нас ждет один форсированный марш за другим, фронтовая служба... в лучшем случае, жизнь в осаде. А в худшем ты без меня пропадешь.

– Джейми, дорогой, я готова рискнуть.

– Я не могу, Кванна. – Он опустил руки. – Даже если бы я и отважился взять тебя с собой, наши отношения могут стать серьезной помехой. Меня вызвали на Землю сражаться, моя дорогая. Как ты этого не поймешь? Планета нуждается в моей помощи. Я солдат главной планеты империи... и чувства никак не должны влиять на службу, потому что о тебе нужно будет заботиться, и...

– Но зачем тебе, вообще, лететь туда, Джейми? – нежно поинтересовалась Кванна. – Разве один человек способен что-то изменить? Почему бы нам не остаться на Венере?

Джеймс нахмурил кустистые брови.

— Если бы я мог объяснить тебе почему, моя дорогая, — сухо заметил он, — то ты и не спрашивала бы.

Их беседа продолжалась довольно долго, так как для Кванны слова Джеймса были столь же бессмысленны, как и стоящие за ними мотивы. Позже она не раз спрашивала саму себя, почему упустила возможность вонзить кинжал в тело смуглого и упрямого землянина, на что имела полное право, ведь он всеми силами старался разрушить их счастье.

Они долго и горячо спорили, стоя над окровавленным мхом, пока ветер шелестел кронами ближайших деревьев. Когда они, наконец, отправились домой по извилистым дорожкам, Кванна покорно зашагала первой, низко опустив голову, как венерианке подобало делать в присутствии повелителя, но она и не думала так легко сдаваться.

На этот раз ей просто придется изменить свой план. Если Джеймс все-таки не согласится взять ее на Землю по своей воле, она заставит

его изменить решение. Она придумает что-нибудь новое и найдет другой рычаг воздействия на него, ибо сейчас ничего не вышло. Потому что Джеймс и Кванна знали, что она не отнимет у него жизнь, которую недавно сама и спасла. Она вовсе не для этого убила Истри.

Да, она найдет новый способ надавить на него и будет беспощадна, поскольку, чтобы сбить Джеймса с намеченного пути, требуется непреодолимая сила.

КОГДА НАД ДАРВОЙ сгустились синие сумерки, и построенный землянами город погрузился в сон, Кванна по винтовой лестнице поднялась на крышу покоев командира. Там было весьма темно, но она не взяла с собой ни фонарика, ни чего-то подобного. Искусственное освещение довольно редко встречается на Венере, потому как на сол-

нечной стороне не бывает настоящего мрака. Кванна, не испытывая ни малейших затруднений, шла по крыше строения, окруженного голубой мглой.

Под мышкой она несла несколько тонких полых стержней, а в руке – корзину с гниющими цветами. Тяжелый, ядовито-сладкий запах разлагающихся растений привлекал кое-какие виды венерианских летающих существ, большинство из которых были ядовитыми.

Кванна ловко соединила стержни вместе, в итоге получив длинный тонкий шест, затем обвила один его конец гирляндами сильно пахнущих гниющих цветов. Простирающаяся внизу Дарва утихла. Ветер разносил тяжелый запах джунглей по всей низине, окруженной горами, а где-то вдалеке грохотали оползни.

Дарва когда-то была средневековой крепостью и представляла собой плато, со всех сторон обнесенное зубчатой стеной с массивными башнями, воздвигнутыми через равные промежутки. Командирские покои располагались в верхней части стены, так что с крыши, на которой стояла Кванна, можно было увидеть уходящие вдаль крепостные сооружения, края плато и огромные сизые горы за рекой. Укрывшись за зубчатой стеной, Кванна медленно размахивала длинным шестом, увитым цветами.

Долго ждать не пришлось, – буквально через пару минут в темно-синих сумерках послышалось хлопанье крыльев, а в темноте рядом с шестом показались очертания какого-то ночного существа. Кванна прижалась к зубчатой стене и продолжала искать воздушные потоки, дующие к скалам. Ее окружало все больше и больше летучих обитателей гор, привлеченных пьянящим запахом, благодаря ветру быстро распространяющимся по темноте. Вскоре Кванна оказалась в центре гудящего роя хлопающих крыльями существ, слетевшихся на сладкий аромат гнилых цветов, как мотыльки на зажженную лампу.

Заметив искомое существо, она опустила шест таким образом, чтобы до увитого цветами конца можно было легко дотянуться, бесстрашно сунула руку прямо в рой и схватила за шею темную крылатую тварь. Оно яростно било по ее руке чешуйчатыми крыльями метровой длины и хлестало по лицу изгибами мускулистого змеиного тела. Кванна не растерялась, поскольку с детства знала, как управляться с крылатыми змеями, опустила шест еще ниже и принялась ловко умирять это создание, со свистом рассекающее воздух огромными синими чешуйчатыми крыльями. Извивающаяся синяя рептилия больно царапала руки Кванны, не переставая ядовито шипеть и громко хлопать крыльями. Та не обращала на это никакого внимания, потому как крылатые змеи хоть и считались смертельно ядовитыми, но те, кто знал, как с ними

обращаться, могли не бояться за свою жизнь. На голове пойманного ей создания можно было разглядеть маленькое бледное клеймо, означающее, что его когда-то приручил человек.

Когда мгновение спустя Кванна отпустила его, подбросив в воздух, чудовище яростно встряхнуло крыльями, пару раз со злобным шипением спикировало на нее, затем снова присоединилось к группе существ, все еще летающих вокруг шеста со сгнившими цветами.

Кванна уверенно двинулась вперед, затем постояла в нерешительности, после чего снова подняла руку и выхватила из парящего над цветами роя еще одно существо. Этого она поглаживала длинными ритмичными движениями, пока, наконец, его чешуйчатое извивающееся тело не перестало двигаться, как будто под гипнозом, а огромные крылья не сложились за спиной. Кванна обернула тварь шарфом, потом пошла вперед, чтобы разогнать остальных ядовитых летучих существ и накрыть сильно пахнущие цветы плащом.

Через несколько минут, когда тошнотворно-сладкий запах рассеялся, скопление отвратительных летучих существ начало потихоньку редеть, и огромные фигуры одна за другой растворились в густой синеве сумерек. Кванна пригладила растрепанные волосы и принялась разбирать составной шест.

Она знала, что, когда по горам снова начнет разливаться свет, отпущенная меченая летучая змея вернется в свою пещеру на скале, в которой находилось тайное убежище повстанцев, где когда-то давно родилась Кванна. Пройдет совсем немного времени, и Вастари получит послание, прикрепленное к синему чешуйчатому крылу существа.

И тогда, — если, конечно, Вастари достаточно доверял ей, — на цитадель, ставшую последним имперским оплотом землян под командованием Джеймса Дугласа, обрушится настоящее бедствие.

КОГДА ДВА ДНЯ СПУСТЯ в погрузившейся в сумерки Дарве внезапно завывала сирена, Кванна поняла, что Вастари все еще доверяет ей. Она стояла у зеркала Джейми, мрачно наблюдая за тем, как он надевает кирасу*, без которой никто не осмеливался ходить по укрепленной стене, когда крепость осаждали венерианские копейщики.

Кванна не могла вспомнить, когда в последний раз видела Джеймса настолько взволнованным, он даже не смог быстро застегнуть ремни кирасы. Атака венериан всегда представляла собой весьма захваты-

* Кираса – элемент нательного защитного снаряжения, состоящий из грудной и спинной пластин, изогнутых в соответствии с анатомической формой груди и спины человека. (прим. перев.)

вающее зрелище: быстрый бой барабанов и устрашающее гудение огромных медных труб сразу завладевают умами воинов и заставляют их сердца биться в такт дикой мелодии. Венериане никогда не кричат перед наступлением, и только подобная ритуальная музыка свидетельствует о начале битвы, как будто в атаку идут не люди, а какое-то древнее божество.

– Вот же глупцы, – ругнулся Джеймс, все еще пытаюсь справиться с ремнями доспехов. – Ну же, Кванна, помоги мне. На нас напали с копьями и пращами... должно быть, не без причины. Милая, узнаешь кого-нибудь из них? А Вастари здесь? Господи, хоть бы до отлета увидеть, как он попробует справиться с «Ньютом»!

Глаза Кванны затуманились.

– Джейми, за что ты так его ненавидишь?

– Ненавижу? – переспросил он, немного помолчал, а затем мрачно улыбнулся. – Ну, не совсем так. Кванна, да он просто герой в глазах варваров! Если его убьют до моего отлета, я буду уверен, что у венерианской цивилизации станет одним врагом меньше. А чего только стоит одна его болтовня о свободе! – Джеймс презрительно фыркнул. – Если Вастари умрет сегодня вечером, оставшиеся тут люди еще какое-то время будут в относительной безопасности. Ну... – он пожал плечами и отвернулся.

Кванна тихо последовала за ним. Каждый ее шаг сопровождался шуршанием атласных юбок.

Они вышли наружу, где уже наступил вечер и повсюду был слышен шум сражения. Только благодаря гипнотическому ритму доносящейся снизу музыки, можно было понять, – тут происходят военные действия. Но вот мелодия утихла, и нападающие ринулись в бой.

Лейтенант Морган вместе с другими землянами уже ждал у дверей огромной оружейной. Ее секреты, как и тайны нижних стен крепости, знали только построившие ее земляне. Оружейная, являясь главным инструментом господства землян над венерианами, отпиралась только в присутствии командира, да и то не с помощью обычных ключей. У венериан не было ни малейшего шанса получить доступ к данному жизненно важному узлу обороны, иначе Кванна ни за что не прибегла бы к последнему средству – спровоцировать нападение, чтобы проникнуть в оружейную.

Не имело никакого смысла пытаться вытянуть из офицеров комбинацию для открытия двери, поскольку они хоть и знали, как именно отпирается оружейная, но все равно не смогли бы этого сделать. Тщательно продуманные меры предосторожности, стоящие за этой тайной, служили прямым доказательством ее чрезвычайной важности.

Все необходимые знания передавались прямо в подсознание избранных землян посредством *неокураре*.

Морган как раз закончил делать укол в руку одного из своих подчиненных, когда к нему подошли Кванна и Джеймс. *Неокураре*, притупляющее разум и освобождающее подсознание...

– Все готово? – решительно спросил Джеймс.

Морган взглянул на часы.

– Так точно, сэр! – Он отодвинул в сторону крошечную панель на двери, под которой оказался циферблат, и находящийся под гипнозом солдат приготовился ввести секретный код. – Набрать комбинацию! – приказал Морган.

В остеклевенных глазах солдата не появилось блеска сознательности, но после команды Моргана его пальцы сами собой стали набирать цифры. Благодаря такому замку оружие землян находилось в полной безопасности, ведь оружейную невозможно было взломать или каким-либо способом узнать код доступа.

Даже если Вастари или кто-либо из его приспешников и похитил бы солдата, имеющего туда доступ, они все равно не смогли бы приготовить *неокураре* или рассчитать правильную дозу. Да, это был по-настоящему эффективный замок. *Но просто открыть оружейную явно недостаточно, чтобы реабилитироваться в глазах брата и других повстанцев*, подумала Кванна, наблюдающая за тем, как солдаты быстро передают друг другу оружие.

Затем земляне вытащили один из «Ньютов», аппарат, похожий на большой сложенный зонт. Для работы с ним требовались четыре человека: три для управления и один для прицеливания. Они обращались с метровым механизмом с нарочитой небрежностью, так как опыта его использования у них было предостаточно. Из тайных укрытий венериан Кванна не раз наблюдала за тренировками солдат.

«Ньют» представлял собой устройство, улавливающее ритмы головного мозга специальным детектором и способное нанести непоправимый вред психике с помощью заряда волнового излучения, впоследствии приводящего к неминуемой смерти. В течение первых нескольких недель пребывания в Дарве Кванна занималась изучением более простых устройств, при этом обладающих такими же функциями. Что еще важнее, она узнала еще об одном приборе под названием «инерционный предохранитель Гилсона». Как-то вечером, после того, как сгустились синие сумерки, она шпионила за лейтенантом Морганом и слышала, как он отчитывает солдат за использование «Ньюта» без инерционного предохранителя.

– Разница такая, как между боевыми патронами и холостыми, – донесся с полигона сердитый голос лейтенанта. – При использовании предохранителя мощь оружия только возрастает. – Далее Морган пустился в объяснения, и Кванна посчитала важным запомнить всю информацию.

Без инерционного предохранителя «Ньют» не являлся смертельным оружием и просто испускал волны такой частоты, которая вызывает у людей беспричинную панику. С его помощью также можно было отогнать или убить опасных диких зверей.

Кванна последовала за солдатами, несущими «Ньют» к стене. Они все были одеты в обычное обмундирование воинов, держащих оборону на крепостных стенах: металлические кирасы и шлемы, а на поясах у них висели защитные маски с толстыми стеклами в качестве очков.

– Парни, у вас грязные стекла, – предупредила она, указывая на ближайшую маску.

Польщенные вниманием солдаты ухмыльнулись ей, так как обычно она делала подобные замечания исключительно их командиру. Кванна взяла маску и протерла стекла уголком цветастого шарфа, покрывающего ее волосы.

– Скоро вам нужно будет смотреть в оба, – окинув крепостную стену безмятежным взглядом, сказала она им. – Дай мне твою маску, солдат... Спасибо.

Потом она отступила назад и стала наблюдать за тем, как солдаты поднимаются на зубчатую стену и устанавливают «Ньют». Кванна не улыбалась, – ей не пришлось бы для этого напрягаться, но сейчас она просто не хотела так делать. Теперь защитные маски были хорошо натерты секретией паукообразных насекомых, обитающих в горах. Подобно своим земным сородичам, они выделяли яд, парализующий жертв, и откладывали в них личинки, чтобы те могли свободно кормиться. Здесь же солдат парализуют пары яда, которые высвободятся в результате нагревания масок теплом тела и всосутся через слизистую оболочку глаз.

Далее наступит мгновенный паралич – только тела, а не мозга. Поэтому Кванна знала, что часы ее пребывания в Дарве сочтены.

Она на мгновение задержалась в дверях командирских покоев, чтобы в последний раз оглянуться и посмотреть на Дарву, которую, возможно, больше никогда не увидит. По всему городу разносился шум бурной деятельности: на зубчатых стенах уже установили пушки, а защитники крепости заняли позиции в башнях, украшенных фресками. И, как обычно, приказы отдавали земляне, а венериане послушно спе-

шили на свои посты. Кванна на мгновение представила себе, как они будут защищаться после отлета землян, – наверняка напуганные венериане растеряются, и таким образом докажут свою полную неспособность к военным действиям. Она даже не знала, радоваться ли ей за Вастари или сочувствовать Джеймсу, что все так получилось.

Но сейчас нельзя было терять ни минуты. Кванна быстро вошла в здание и бесшумно побежала сквозь толпу носящихся людей, затем остановилась в углу коридора, увешанного гобеленами, и подождала, пока двое слуг торопливо не спустились и не исчезли, после чего ее пальцы коснулись гладкой панели, находящейся под гобеленом, и та бесшумно отъехала в сторону. Земляне наверняка догадывались о существовании тайных проходов, построенных венерианскими каменщиками в этой крепости, но не могли обнаружить их.

В узком коридоре отсутствовало освещение, и Кванне пришлось двигаться почти наощупь, даже несмотря на то, что она хорошо видела в темноте. На полпути вверх она остановилась, поскольку заметила в стенной нише завернутый в шарф сверток. Он слабо шевельнулся, испустив сильный мускусный запах ночных летающих существ, обитающих на Венере, где никогда не существовало четкого эволюционного разделения между рептилиями и птицами.

В самом конце пути Кванна обнаружила еще одну панель, после нажатия на которую в стене появилась небольшая щель. Из нее в проход проник свет сизых сумерек и приглушенные звуки битвы. Кванна слышала бой ритуальных барабанов и громкое гудение огромных труб, в такт которым люди Вастари отчаянно пытались взобраться на стены, готовясь испытать на себе все действие опасного оружия землян.

Кванна посмотрела на башенку, куда поставили «Ньют» – оттуда из него можно было обстреливать основание крепости. Она также заметила, что солдаты еще не надели защитные маски, поскольку до сих пор занимались установкой похожего на зонт оружия. Однако уже скоро на высокой треноге из металлической сетки появилась коническая стеклянная торпеда, закрепленная на универсальном шарнире*. От основания штатива шли провода к пультам управления с красными кнопками.

– «Гилсон», – крикнул один из солдат, и ему тут же вручили инерционный предохранитель, оказавшийся коротким стержнем, похожим на карандаш.

* Универсальный шарнир (также шарнир Гука) — частный случай карданного механизма, использующий жесткую крестовину, которая образует обе оси вращения. (прим. перев.)

Кванна посмотрела, как солдат вставил предохранитель на место.

– Питание!

Один из землян нажал на красную кнопку, и задрожала лишь часть секции сетчатого основания «Ньюта». Волны медленно распространялись по нему, пока не замерцала вся секция.

– Сейчас же!

Другой солдат нажал на кнопку, и его сектор тоже замерцал. Потом то же самое произошло с третьим...

Кванна заметила, что всякий раз, когда одна из панелей прекращала дрожать, ответственный за этот сектор солдат снова нажимал кнопку, таким образом восполняя запас энергии. Три солдата работали с секторами, а четвертый занимался наведением проектора на цель.

Команда работала слаженно, и все эти действия не представляли большого труда для тренированных солдат. Со своего места Кванна не могла видеть всего происходящего, но читала выражения на лицах защитников и слышала доносящиеся снизу крики венериан. Вдруг о зубчатую стену неподалеку с грохотом ударилось копьё.

– Маски, – приказал один из бойцов и надел свою.

Остальные повиновались. Кванна прижала к себе еле шевелящийся сверток и замерла.

Ей не пришлось долго ждать, и вскоре она уже шла по вершине башни, осторожно обходя неподвижных солдат, все еще находящихся в полном сознании и в неловких позах лежащих на полу, не в силах пошевелиться и позвать на помощь. Они смотрели на нее широко раскрытыми остекленевшими глазами.

Она подождала, пока «Ньют» не прекратил работать. Сложить его и поднять не составило большого труда, так как устройство, на удивление, оказалось достаточно легким. Не обращая ни малейшего внимания на испуганных парализованных солдат, Кванна развязала шарф, в который было замотано летающее существо с огромными чешуйчатыми крыльями и змеиным телом, пойманное несколько дней тому назад. На него уже была надета шлейка, и Кванне требовалось только быстро привязать его к «Ньюту», так как существовала опасность того, что остальные земляне заметят, что на этой башне творится что-то неладное.

Кванна подбросила летающую змею. Почувствовав всю тяжесть привязанного к ней оружия, та яростно зашипела и возмущенно забила по воздуху широкими переливающимися крыльями. Она не улетила бы далеко с такой ношей, но сейчас в этом и не было никакой нужды. Не обращая внимания на свистящие в воздухе стрелы, Кванна перегнулась через парапет, чтобы посмотреть, что происходит внизу.

ДО НЕЕ ДОНЕСЛИСЬ крики венериан и солдат, защищающих стены крепости. Стало очевидно, — обе воюющие стороны поняли, что произошло. Кванна затаила дыхание, но летающая змея оказалась сильнее, чем она предполагала. Рептилия со своей ношей летела прямо над головами нападающих, периодически опускаясь, но настойчиво продвигаясь вперед. Какое-то время спустя она оказалась возле последней башни, но затем ее крылья затрепетали, и существо камнем полетело вниз. Кванна поняла, что летающую змею сбили при помощи еще одного излучателя.

Та упала на землю. Группа венериан, не обращая внимания на опасность, окружила упавшую рептилию, из-за чего та исчезла из поля зрения. Вдруг раздалось торжественное гудение труб. Кванна перевела дух.

— Они захватили «Ньют»! — громко крикнул Джеймс. — Открывайте ворота....

Она прижалась к стене и, прищурившись, увидела, как маленький отряд землян устремился к драгоценному оружию, затем услышала торопливые шаги на лестнице, но не двинулась с места. Послушается ли ее Вастари? С учетом отличной возможности убить Джейми... вспомнит ли ее брат о более надежном плане сбежать, захватив с собой смертоносный «Ньют»?

Нет, не смертоносный, но Вастари об этом не знает. Он даже и не подозревает о существовании инерционного предохранителя Гилсона или о том, что Кванна вытащила его из устройства и спрятала. Но Джеймс... прямо сейчас пробивал себе путь к «Ньюту»...

Толпа венериан встала между клином землян и излучателем. Кванна не могла толком понять, что происходит внизу, и к тому же сзади слышались быстро приближающиеся шаги. Она в последний раз с отчаянием глянула вниз и направилась к тайному проходу. Парализованные солдаты посмотрели ей вслед.

Торопливо спускаясь по ступеням лестницы внутри прохода, Кванна размышляла о том, что только что натворила. Когда расчет излучателя придет в себя... но нет, она не могла поступить иначе. Теперь ей придется прятаться в каком-нибудь потайном убежище в стенах крепости до тех пор, пока не откроют ворота и ей не удастся улизнуть. Доверить «Ньют» Вастари было несколько безрассудным шагом, но даже в мирное время она не смогла бы вынести его из Дарвы, поэтому могла рассчитывать только на растерянность и спешку защитников при внезапной атаке.

И это было лишь начало тщательно разработанного и жестокого плана против Джеймса, который Кванна взялась претворять в жизнь. Ей следовало задуматься об этом сейчас, но она размышляла о другом. Она запомнила поле боя таким, каким видела его в последний раз: непокрытая темноволосая голова Джейми, прорывающегося сквозь венериан под торжественное гудение труб. На мгновение Кванна вспомнила зловещий сон Джеймса.

ПО УЛИЦАМ ДАРВЫ прокатился грохот сошедшего где-то в горах оползня. Тем временем Джеймс, стоя в дверях своих покоев, натягивал перчатки и наблюдал за тем, как последний на Венере отряд землян выходит на боевое построение. Джеймс не смотрел ни на высокие голубые горы, ни на знакомые крыши и террасы внизу. Он знал, что будет вспоминать Дарву с болью, которая продлится до конца жизни, однако не позволял себе впасть в уныние и сейчас искренне радовался тому, что рядом с ним находится Геж, отвлекающий от мрачных мыслей.

— Вы точно не полетите с нами? — в последний раз поинтересовался Джеймс, и старый марсианин в очередной раз ответил на вопрос ухмылкой и покачал головой, так как уже не раз его слышал.

— Нет, я останусь. Солнечная система не слишком-то хорошее место для жизни, но мне кажется, на Венере все-таки будет поспокойней. Во всяком случае, здесь не будет варваров, и я не думаю, что они появятся тут, пока я жив... но они обязательно появятся, командир, помяните мое слово! — Он поджал губы и прищурил глаза под тяжелыми веками, словно заглянул в будущее, которое ему явно не нравилось. — Нет, я, пожалуй, останусь, — повторил он и пожал плечами. — Мне тут хорошо живется. — Геж распахнул серую накидку и дотронулся до маленького пистолета, висящего у него на поясе. — Здесь меня уважают.

Джеймс улыбнулся. Он знал, что старый марсианин на удивление ловко умеет обращаться с этим крохотным оружием.

— С вами точно все будет в порядке, — признал Джеймс, и, немного поколебавшись, все-таки задал вопрос, мучающий его уже давно. — А вы знаете... А вы... Я имею в виду Кванну...

— Я видел ее один раз, — кивнул Геж, — в лагере Вастари. Командир, она так несчастна! Венериане редко показывают свои чувства, но я точно знаю, что ей плохо. Я думаю, вы с ней еще когда-нибудь встретитесь.

— Господи, надеюсь, что да! — Джеймс нахмурил черные брови. — Хотя даже сейчас я не могу до конца поверить, что она... — Он резко оборвал фразу. — Хотел бы я добраться до Вастари, прежде чем улечу!

– Но на его место сразу пришли бы другие, – пожал плечами Геж. – Венере просто нужна... О, какая-то общая проблема, позволившая бы им объединиться перед лицом серьезной опасности. Знаете, мне кажется, если бы земляне действительно угнетали венериан, это спасло бы нас, – ухмыльнулся он. – А теперь уже слишком поздно.

На улице кто-то протрубил в рог. Что ж, теперь действительно было пора идти.

Ополченцы с каменными лицами смотрели, как отряд землян маршем уходит от них. В честь отлета землян зазвучала душераздирающая мелодия, исполняемая на огромных медных трубах. Еще до того, как солдаты подошли к воротам Дарвы, Джейми заметил первые признаки упадка. Ибо сейчас ополченцы представляли собой вовсе не то войско, которое он видел всего неделю назад. Ничего из ряда вон выходящего, конечно, но... У кого-то был растянут ворот рубашки, у другого был криво надет шлем, третий не почистил пряжку, у четвертого виднелась грязь на сапогах... Джеймс отвел взгляд.

Когда они подошли к воротам, послышался грохот еще одного оползня. Джейми показалось, что этот знакомый шум означал крах Солнечной империи, которая сегодня лишилась своей последней колонии. Позади отряда затихли звуки печальной мелодии, а впереди лежала извилистая дорога, проходящая через предгорья и выходящая к перевалу. И вот последний легион навсегда покинул пределы Дарвы и, не оглядываясь, направился в горы.

Джеймс думал, что их всю жизнь будут сопровождать дикие ритмы венерианской музыки и величественный грохот оползней вокруг мирной Дарвы, что каждый день, закрывая глаза, они будут видеть высокие голубые горы. Отряд Джеймса пробыл на Венере слишком долго.

Упадок ощущался даже в том, каким именно способом солдаты покинули Дарву. Когда-то давно в городе располагался космопорт, благодаря которому земляне поддерживали связь с внешним миром, но, к сожалению, он закрылся год назад, поскольку его было решено перенести на темную сторону планеты, и, соответственно, стоимость полета взлетела до небес. Поэтому последний Патруль покидал Дарву пешком, офицеры ехали верхом на подкованных лошадях по старому торговому пути по горам, над которыми когда-то на гладких белых крыльях пролетали космические корабли с Земли.

Цивилизация во многом уже изжила себя, подумал Джеймс. Земляне поняли, что допустили серьезный просчет, только когда корабли начали выходить из строя из-за недостатка строительных материалов, но теперь уже нельзя было ничего не исправить. Покорив воздушное пространство, его раса перестала нуждаться в наземном транспорте, а

теперь, потому что космические корабли пришли в негодность... отряд был вынужден идти пешком по извилистым дорогам, словно человечество никогда не изобретало колесо или наземный транспорт.

ПОКА ЗЕМЛЯНЕ поднимались по крутой горной тропе, мысли Джеймса крутились вокруг одной лишь Кванны. Он знал, что Вастари мало одного украденного «Ньюта», и где-то на пути к космопорту мятежники обязательно устроят засаду. Теперь он явственно видел в Вастари те качества венериан, которые безумно раздражали его, да еще и шокирующее предательство Кванны... Джеймс до сих пор не мог верить в то, что она совершила, но в то же время подспудно винил Вастари в безрассудной недалёковидности. Джеймс все еще не до конца разобрался в этой ситуации и в своих чувствах, поэтому не мог понять, хочет ли он увидеть возлюбленную до отлета на Землю или нет.

Теперь впереди маячили бирюзовые вершины неприступных гор. Отряд, продвигаясь все дальше и дальше, по-прежнему видел Дарву, то исчезающую, то появляющуюся вновь в просветах между тяжелыми облаками, отдаляющуюся с каждым шагом и все больше похожую на постепенно меркнущие воспоминания, со временем стирающиеся из памяти.

По пути землянам встречались разноцветные извивающиеся рептилии, мимо бесшумно проносились чешуйчатые крылатые существа, летающие бесшумнее сов, строящих гнезда на большой высоте. Со всех сторон доносился грохот многочисленных водопадов, иногда заглушаемый далеким рокотом оползней.

Солдатам предстояло преодолеть последний участок пути до космопорта, и где-то на нем их наверняка поджидала засада во главе с Вастари, явно намеревающимся захватить оружие землян. Но, несмотря на трудность и опасность путешествия, Джеймс подумал о том, что ни он сам, ни кто-либо из отряда нисколько не жалеет о том, что оно оказалось настолько долгим. Последние несколько дней они провели среди высоких голубых гор и молочно-белого тяжелого тумана, и каждый из них знал, что это их последние дни в мире, который они любили всем сердцем и больше никогда не увидят.

Ибо никто из землян не строил иллюзий относительно того, в какой мир им предстояло вернуться. *Варвары с других планет, с грустью подумал про себя Джеймс, последняя чума, мучающая всех нас, последняя черная смерть, от которой не спастись ни земной цивилизации, ни землянам.*

По мере приближения к конечной точке маршрута тревога отряда усиливалась, потому что Вастари до сих пор не объявился. Несколько

дней Джеймсу снились совершенно фантастические сны, в которых Кванна убивала своего брата ради спасения землян. Но в то же время Джеймс прекрасно понимал, что не все так просто, как могло показаться на первый взгляд. Он был уверен, что у нее было несколько мотивов украсть «Ньют», но не ожидал от себя, что ему будет настолько интересно увидеть развязку этой удивительной истории.

Дарва осталась далеко позади, и с каждым днем тяжелый груз воспоминаний все сильнее давил на Джеймса. Но он и всего его солдаты старались жить настоящим, зная, что в любой момент хрупкое спокойствие может быть нарушено, ведь Вастари все еще не давал о себе знать.

В нескольких часах пути от города, в котором располагался космопорт, находилась горная долина с неприступными крутыми утесами, изрезанными бесчисленными оврагами. В древности земляне занимались там добычей полезных ископаемых, но сегодня о деятельности людей напоминали только глубокие шрамы на скалах, да черные следы огня, вырывавшегося из дюз кораблей, – и все это переживет расу, оставившую и то и другое.

Данное место настолько хорошо подходило для засады, что Джеймс был почти уверен, что Вастари тут не появится. Но, наверное, этот факт являлся одной из причин, по которым венериане поджидали последний Патруль именно здесь.

Когда земляне наконец добрались до долины, Джеймс, едущий во главе отряда, внимательно осмотрел покрытую оврагами местность. Она выглядела несколько странно, – долина как-то странно мерцала, почему-то напоминая Джеймсу о Марсе. Если бы не полная опасностей жизнь на Венере, он принял бы это свечение за волны жара, поднимающиеся по отвесным скалам, похожим на пчелиные соты.

Затем мерцание начало распространяться дальше, и Джеймс словно оказался под плотным фиолетовым одеялом, уменьшившим видимость практически до нуля. Звенящая тишина заглушила шум водопадов, и местность превратилась в зловещую долину ужаса и хаоса, быстро сменяющих друг друга, словно непрекращающиеся ночные кошмары.

Джеймс сразу понял, что к чему, но все же с невероятным трудом отдал команду надеть защитные шлемы и, преодолевая бесконтрольный страх, принялся искать свой рюкзак, прикрепленный к седлу. Его конь задрожал, хотя волновое излучение «Ньюта» было достаточно слабым, чтобы хоть как-то навредить животному. Но для Джеймса окружающий мир превратился в настоящий кошмар, и он боялся даже шлема, который достал из рюкзака. Набравшись храбрости, он стис-

нул зубы и надел шлем на голову, хотя был уверен, что тот непременно задушит его, как только окажется на голове.

Он медленно натянул его на голову, чувствуя, как металлические кольца покрывают уши и щеки, но по-прежнему практически ничего не видя и не слыша. Затем Джеймс ощутил тепло, распространившееся по шлему, с его глаз упала пелена, и мир вокруг снова заиграл яркими красками.

Попытавшись успокоить коня, Джеймс, в конце концов, понял, что «Ньют» пока еще не переведен в режим, способный убить человека. Шлемы могли защитить от слабых волн, но не спасут, если будет применен инерционный предохранитель Гилсона. Отряд должен был найти «Ньют» и обезвредить его, прежде чем дойдет до этого.

Джеймс развернул своего взволнованного коня, выкрикивая команды, звенящие у него в ушах и шлеме. Он отдавал себе отчет в том, что ему и солдатам придется хорошенько попотеть, чтобы захватить «Ньют», при этом осознавая, что в любой момент их могут убить, несмотря на то, что найти источник излучения среди извилистых ущелий было достаточно просто.

Окружающая местность все еще слегка мерцала: холмы, водопады, а также лицо Моргана, спешащего сообщить Джеймсу, где находится «Ньют».

– Вон тот овраг, сэр, – отрапортовал он, сощурившись и приставив ладонь к виску. – Между водопадами, видите? – раздался из-под шлема его дрожащий голос, почему-то ставший необычайно тонким.

Вся эта сцена походила на странный сон, навеваемый излучением «Ньюта». Все казалось таким нереальным, что Джеймсу трудно было собраться с мыслями и оценить обстановку, чтобы разработать план атаки.

УВИДЕВ СПУСКАЮЩУЮСЯ по склону холма Кванну, Джеймс решил, что это сон. Одной рукой она придерживала край своего любимого изумрудного плаща, чтобы не запачкать алые сапоги, а другой размахивала белым шарфом, словно флагом перемирия.

Тем временем мерцающее облучение «Ньюта» стало постепенно сходить на нет. Кошмарная иллюзия еще минуту держалась над долиной, затем вдруг бесследно испарилась. Джеймс моргнул, чтобы удостовериться, что возлюбленная ему не привиделась. Но нет, Кванна все еще находилась у подножия холма, застенчиво посматривая на него из-под капюшона и держа в руках белый шарф.

Джеймс пустил коня неспешной рысью в направлении Кванны, совершенно не представляя, что скажет ей, когда доедет. Он спиной

чувствовал взгляд Моргана и больше злился на Кванну за то, что та выставила его дураком перед подчиненным, чем за предательство.

Доехав до нее, он молча натянул поводья и просто уставился на нее сверху вниз. При виде его угрожающе нахмуренных черных бровей Кванна несколько смутилась и принялась с наигранной нервозностью теревить импровизированный белый флаг.

– Повелитель, ты примешь сообщение от Вастари? – Она постаралась вложить в этот вопрос всю нежность, на какую только была способна.

Было время, когда Джейми, возможно, смягчился бы, услышав такие знакомые интонации, но сейчас он был слишком заторможен, поэтому ничего не ответил и только едва заметно кивнул.

– Поскольку я однажды спасла тебе жизнь, и поскольку ты уже испытал на себе действие «Ньюта», – продолжала Кванна, – мне удалось убедить Вастари пропустить вас всех в космопорт, если вы сложите оружие. И тем более ты мне кое-что обещал.

– Ты что, – хрипло рассмеялся Джеймс, – правда, думаешь, что я поверю Вастари... или тебе?

– Он легко может убить тебя, – напомнила она ему своим сладким, вкрадчивым голосом. – Тебя и почти всех твоих людей. «Ньют» слишком хорошо спрятан, и вы не сможете достаточно быстро отыскать его, а даже если сможете, то потратите на захват слишком много времени, потому что он под надежной охраной. Мне известно, что шлемы плохо защищают от облучения. Нет, дорогой Джейми, ты должен поторговаться. Но не с Вастари. – Она подошла к нему, изящно покачивая бедрами, положила свои тонкие бледные руки ему на колено и посмотрела вверх. – Джейми, любимый, я не могу отпустить тебя. – Ее дрожащий голос походил на звуки арфы. – Только так мне удастся заставить тебя взять меня с собой. Дорогой, если возьмешь меня с собой на Землю, я спасу тебя от Вастари. Нет, послушай! – Увидев, что лицо над ней побагровело от еле сдерживаемого гнева, она с силой сжала колено пальцами. – Послушай же меня, Джейми! Если не ради себя самого, то ради твоих людей. Они нужны на Земле, Джейми... Ты сам мне об этом говорил! Позволь мне вернуться к Вастари и сказать, что вы сдадите свое оружие... в космопорту! Я могу заставить его поверить в это. Разрешите мне поехать с тобой. Когда мы доберемся до города у космопорта...

– Но что помешает Вастари убить нас потом? – резким голосом требовательно спросил Джейми. – Даже если он поверит твоей лжи, то все равно не даст нам улететь!

– О, Джейми, поверь мне! Зачем мне рисковать твоей жизнью, если я спасла ее? Я способна влиять на Вастари... Правда, способна! Но не скажу, как мне это удастся. Джейми, я так хочу улететь вместе с тобой... Ну разве стала бы я так делать, если бы это было опасно? Джейми... я... я...

Голос Кванны внезапно задрожал. Джеймс увидел, как она медленно поднесла руки к лицу, искаженному страхом. Даже несмотря на защитный шлем, вся долина перед глазами Джеймса снова замерцала всеми цветами радуги, и у него зазвенело ушах. Вастари опять включил «Ньют», на этот раз направив излучение не только на землян, но и на родную сестру.

НА МГНОВЕНИЕ ДЖЕЙМС оказался в полном замешательстве. Зачем Вастари рисковать такой удачной сделкой, которую должна была заключить его сестра? Что ему даст совершенно бессмысленное убийство Кванны и землян? Какой во всем этом смысл?..

Затем Джеймс увидел солдат, бегущих налево к водопадам, окружающим ущелье, где скрывался Вастари, после чего услышал крики офицеров и понял, что кто-то совершил непростительную ошибку. Морган? Морган, не доверяющий Кванне и знающий о слабости командира, вдруг решил воспользоваться минутной задержкой, чтобы взять ущелье штурмом и захватить «Ньют»?

Джеймс не мог знать этого наверняка, но, несмотря на все, страшно обрадовался, что Морган решил взять инициативу в свои руки, если, конечно, это все-таки был он. С плеч Джеймса свалился огромный груз ответственности, ведь ему больше не нужно было решать: рисковать своими людьми или все же довериться Кванне, поддавшись на ее уговоры, как он в глубине души и хотел поступить, но боялся признаться.

Он пришпорил своего нервничающего коня и направил его в сторону ущелья, крикнув ей через плечо, что сам обо всем договорится с Вастари.

Кванна отшатнулась от песка, вылетевшего из-под копыт коня, и постаралась перекричать солдат, ринувшихся в атаку:

– Джейми!.. Джейми, подожди! Он не причинит тебе вреда, Джейми! «Гилсон»... у меня! Джейми, Джейми, да тебя же убьют!

Но если Джеймс и услышал ее бессвязные крики, то не обратил на них совершенно никакого внимания, просто не поверив словам возлюбленной. В ответ она услышала только топот копыт да команды Джеймса, которые он отдавал солдатам. Кванна стояла и смотрела, как последний венерианский Земной Патруль в последний раз поднимается в горы в погоне за мятежниками.

Опасное излучение «Ньюта» последовало за землянами, и Кванна почувствовала, как ужас стал постепенно покидать ее сознание, но пока не исчез полностью. Она бросила взгляд в сторону ущелья, где только что скрылся последний солдат, а затем, за неимением другого занятия, принялась отряхивать плащ от налипшего песка.

Если бы у венериан было принято выставлять напоказ свои чувства, Кванна заплакала бы, ведь до этого у нее все складывалось относительно неплохо. И сам план был достаточно прост: она хотела отдать брату «Ньют» без предохранителя, тем самым позволив ему устроить засаду и вселив в него уверенность, что он в любой момент может убить землян смертельными волнами. Поначалу Вастари не хотел торговаться с землянами, но, в конце концов, Кванна убедила его и в этом. И она также была уверена, что, в конечном итоге, Джейми все же поддастся на ее уговоры. Она поняла это по его лицу, разглядев под маской гнева и недоверия искреннее желание поверить ей, потому что ему надо было доставить отряд на Землю. Он ни за что на свете не стал бы жертвовать жизнями своих бойцов из-за какого-то принципа и ради их спасения был готов даже солгать и нарушить договор с Вастари.

Ни Вастари, ни Джеймс, конечно, не догадывались, что «Ньют» уже не являлся смертельным оружием. Что-то подсказывало Кванне, что не стоит полностью доверять брату, и чутье не подвело ее. Закипевший в крови гнев на мгновение вывел ее из оцепенения. Вастари был готов пожертвовать ей, но она больше не станет подчиняться ему, ведь он и не догадывался, что в кармане ее плаща лежит инерционный предохранитель «Гилсона», превращающий излучение «Ньюта» в смертоносные волны.

Кванна позлорадствовала, даже несмотря на то, что все ее мысли сейчас занимал только Джеймс. Вот Вастари, наверное, удивился тому, что «Ньют» не смог убить атаковавших ущелье землян, а его собственные люди предпочли спастись бегством или отступить, взяв с собой аппарат или бросив его в убежище. Венериане не сумели бы долго выстоять в схватке с солдатами Джеймса, внезапно оказавшимися неуязвимыми к излучению «Ньюта», якобы, считающемуся смертоносным.

Но этого времени было достаточно, чтобы план Кванны провалился. Люди Вастари были отличными воинами, и метко выпущенная стрела или копье могли попасть в щель в доспехах Джеймса...

И теперь ей оставалось только ждать.

СУДЯ ПО ГРОМКИМ ЗВУКАМ, доносящимся из извилистых ущелий, битва достигла апогея, тем не менее, судя по всему, до конца осталось недолго. Кванна села на большой плоский камень рядом с

одним из водопадов, вслушиваясь в умиротворяющий шум мчащейся воды, изредка прерывающийся звоном оружия.

Она не слышала топота лошадиных копыт, пока всадник не приблизился к ней вплотную и не заговорил резким, шипящим голосом:

– Кванна! – В его восклицании чувствовалось какое-то необъяснимое волнение.

Она подняла глаза и чуть не потеряла самообладание.

– Геж! – закричала она. – Что... Как... Почему?..

– Значит, – улыбнулся он, – Вастари действительно устроил засаду здесь, – кивнул он, оглядывая вытоптанное дно долины, где земляне побросали свои рюкзаки, ринувшись атаковать мятежников. – Я был уверен, что все так и будет. Ну, с одной стороны, тут рядом старая пещера. Но что же случилось?

Кванна постаралась как можно спокойнее поведать обо всем Гежу. Он сидел и слушал, сложив руки на седле и мутноватыми глазами проницательно смотря на нее из-под тяжелых ороговевших век. Когда она закончила рассказ, он глубокомысленно покачал головой.

– Да, мне стало понятно, чем все закончится, еще в тот самый день, когда ты украла «Ньют». Я знал, что не все так просто. Значит, это был блеф, да? Ну... – Он посмотрел на лабиринт ущелий, прорезающих окружающие горы, а затем немного неуклюже соскочил с лошади. – Я подожду тут с тобой, пока... что-нибудь не прояснится.

– Но зачем ты пришел? – Кванна все же хотела получить ответ на свой вопрос.

– Кое-что произошло. – Геж откинул со лба седые волосы и покачал головой. – Но я пока не могу ничего сказать.

Она украдкой взглянула на него из-под опущенных ресниц и заметила на морщинистом лице то же самое сдерживаемое волнение, которое слышала в его голосе, – волнение, смешанное со страхом. Но ей было известно, что не стоит донимать старика расспросами.

Кванна сидела на камне, не смея шелохнуться, до тех пор, пока не услышала приближающиеся голоса и шаги. Она вскочила и замерла в ожидании, в своем изумрудном плаще ярким пятном выделяясь на фоне мчащихся потоков воды.

Парами и тройками неся раненых, земляне постепенно возвращались в долину. Но Джеймса среди них не оказалось.

Он вернулся почти самым последним без всякого сопровождения. По его виду можно было понять, насколько он измотан. Его рука висела на самодельной перевязи, виднеющейся из-под расстегнутой рубашки, и из раны, должно быть, оставленной стрелой, все еще сочилась кровь.

Кванна непроизвольно шагнула к возлюбленному и тут же остановилась, увидев на лице Джеймса полное равнодушие, – вдобавок ко всему, он не удостоил ее даже словом. Она сделала неутешительный вывод: он окончательно перестал верить ее словам и поступкам, найдя утешение в некой заторможенности, вызванной излучением «Ньюта».

Затем Джеймс увидел Гежа, и на его лице снова проявились некоторые чувства.

– Геж? Что случилось? Вы что, передумали? Я...

– Сперва расскажите мне, как прошла битва, – предложил тот. – И пускай Кванна как можно скорее перевяжет вам руку. Кванна, как думаешь, стрелы были отравлены?

– Некоторые да, были, – ответила Кванна. – Джейми, что я могу сделать? Ответь, пожалуйста.

– Ну, хорошо. – Он пожал плечами и сел на плоский камень. – Бинты есть в любом рюкзаке. Вон тот ближе всего.

Кванна покорно пошла к рюкзаку. Вернувшись, она услышала беседу изнуренного Джейми, лениво ворочающего языком, и старого марсианина. Джеймс практически никак не реагировал на манипуляции Кванны, перевязывающей его рану, за исключением тех моментов, когда от боли у него перехватывало дыхание.

– Они, конечно, сбежали, – рассказывал он. – С помощью «Ньюта». Вастари хорошо забаррикадировался, но нам удалось прорвать его линию защиты. Мне кажется, проклятые дураки не знали об инерционном предохранителе Гилсона и не сумели включить «Ньют» на полную мощность.

– Ничего удивительного, – кивнул Геж. – Минут назад Кванна сказала мне... что предохранитель у нее, командир.

Занимающаяся перевязкой Кванна оторвалась от своего занятия, встретила взглядом с изумленным Джеймсом и неуверенно улыбнулась.

– Я ведь пыталась тебе все объяснить, – с нежностью напомнила она. – Пойми, я действительно не хочу, чтобы тебя убили.

– Но ты же сказала... – Взгляд Джеймса перестал быть суровым. – Я думал... Кванна, мне очень жаль. Но я все равно не понимаю, почему...

– Не сейчас. – Она приложила прохладную ладонь к его щеке. – У тебя нет жара, значит, стрела не была отравленной. Джейми, дорогой, теперь ты сможешь доехать до космопорта. Что ты решил насчет меня?

Он слегка нахмурился и взял ее за руку.

– Пока еще рано ехать, Кванна. – Прежде чем я улечу, мне нужно кое с кем свести счеты. Я собираюсь отыскать Вастари и вернуть «Ньют», даже если это будет последним, что я сделаю в своей жизни.

Удивительно, но напряжение, чувствующееся в голосе и взгляде Гежа, внезапно ослабло.

– Ну конечно! – воскликнул он. – Нужно найти Вастари! Командир, я думаю, что смогу привести вас к нему.

КВАННА И ДЖЕЙМИ недоверчиво уставились на пожилого марсианина. Тот пользовался непререкаемым авторитетом обеих сторон и сохранял строгий нейтралитет в долгой войне, поэтому Джеймс сперва решил, что ослышался.

– Геж, я все правильно понял?

– Да, я отведу вас к Вастари, – нетерпеливо повторил старик. – Мне кажется, я знаю, где он скрывается. Венериане всегда спасаются бегством после разгрома и позже собираются в укрытии старейшин. Вастари, скорее всего, спрятался в старой пещере неподалеку отсюда, где он любил играть в детстве. Он уже не раз проводил там тайные собрания. Но, думаю, сейчас он там один уже больше часа. Я хорошо знаю это место... Оно совсем рядом. Я...

– Но, Геж, – перебил его Джеймс, – я ведь собираюсь убить его. Неужели вы до сих пор не поняли этого? Я знаю, что вы с Вастари старые друзья.

– Я все равно отведу вас к нему, – упрямо настаивал Геж.

– Простите меня, – заколебался Джеймс, – но в последнее время я слишком часто сталкиваюсь с предательством... или думаю, что сталкиваюсь. – Он бросил многозначительный взгляд на Кванну. – Вы никогда не поддерживали ни ту, ни другую сторону Геж. Я не...

– Никто не собирается никого предавать, – пообещал ему марсианин. – Я клянусь вам, командир. Я отведу вас к Вастари и обещаю, что вы поговорите наедине. Обещаю, что другие венериане не вмешаются в ваши дела. Клянусь древним символом Марса... – И он начертил в воздухе изогнутый иероглиф.

Джеймс закусил губу и уставился на старика из-под насупленных кустистых бровей. Здесь явно что-то было не так. Он заметил, что Геж неестественно себя ведет с того самого момента, как они встретились, и почувствовал, – тот скрывает что-то важное. Если Геж внезапно отвернулся от Вастари, есть все основания полагать, что он так же легко может предать и Джеймса...

И все же стоило рискнуть и встретиться с Вастари лицом к лицу до отлета на Землю. Да и к тому же Джеймс ни разу не видел, чтобы мар-

сиане лгали, поклявшись священным символом их планеты, имеющим для них огромное значение.

– Геж, я готов пойти с вами, – пожав плечами, вдруг неожиданно для самого себя безрассудно сказал Джеймс. – Только сначала нужно предупредить моих людей. Они будут разыскивать меня, если я не возвращусь в ближайшее время. Вы должны обязательно объяснить мне, где находится пещера, чтобы они смогли отыскать меня, если я вдруг не вернусь.

Старик кивнул.

– Тут я точно могу вам доверять, – добавил землянин.

Слушая их разговор, Кванна постоянно переводила взгляд с одного лица на другое. Все эти разговоры об обещаниях и доверии казались ей совершенно бессмысленными, особенно когда речь шла о предательстве. Она была совершенно сбита с толку внезапным предложением Гежа, всю жизнь придерживавшегося нейтралитета, но одновременно с этим понимала, что за подобным поведением кроется какая-то действительно веская причина.

Но сейчас все это было неважно, поскольку задуманное не удалось осуществить именно ей: поставив на кон все, она в итоге осталась ни с чем. Она лишилась способа надавить на Джеймса, который мог бы взять ее с собой на Землю, хотя... хотя...

И тут Кванне в голову пришла блестящая идея: она поняла, как легко сможет загладить свою вину перед возлюбленным и все-таки добиться желаемого чрезвычайно простым и действенным способом, о котором раньше никогда не думала. Как только Вастари узнает о ее намеренном предательстве, она мгновенно окажется в большой опасности, и Джеймс будет просто обязан забрать ее с собой. Какой незамысловатый и в то же время изящный план она придумала! Только... для его осуществления требовалось, чтобы кто-то из венериан стал свидетелем предательства Кванны и донес вести до мятежников, скрывающихся вместе с ее братом. Похоже, это был единственный способ...

– Позвольте мне пойти с вами, – тихо попросила она Джеймса и Гежа, все еще обдумывая свой коварный замысел. – Я не собираюсь ни во что вмешиваться, – пообещала она, поймав на себе полные сомнения взгляды собеседников. – Я очень разочаровалась в Вастари после того, как он обошелся со мной тут, в долине. Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой, – попросила она так нежно, что Джеймс не смог устоять и улыбнулся.

Он явно собирался что-то ответить, но его внезапно прервал Геж:

– Ладно, – протянул тот. – Думаю, ничего страшного не случится, если мы возьмем тебя с собой.

Кванна знала, что он втягивает ее в какую-то тайную игру, но ей не оставалось ничего другого, кроме как опустить голову в знак почтения и поблагодарить их обоих.

УКРЫТИЕ ВАСТАРИ представляло собой довольно узкую пещеру, находящуюся высоко над долиной в испещренной черными дырами скале, вход в которую скрывали зеленые лианы, густо увитые пурпурными трубчатыми цветами. Геж оставил спутников у входа в пещеру и вошел туда один. Они молча ждали его возвращения, слишком погруженные в размышления, чтобы прямо сейчас начать выяснять отношения.

Джеймс так радовался перспективе скорой встречи с Вастари, что не думал о необъяснимом поведении Гежа, собственной усталости и о боли в пробитой стрелой руке. Он никогда раньше не поступал подобным образом, но теперь не испытывал никаких угрызений совести при мысли о хладнокровном убийстве ничего не подозревающего человека, ведь он не столько убьет Вастари, сколько уничтожит главный рассадник анархии на Венере. Смерть Вастари позволит сохранить мир в Дарве, космопорте и других горных поселениях, основанных землянами. Поскольку Джеймс не мог оставить на Венере оружие, которым владели его солдаты, ему показалось необходимым хотя бы устранить угрозу, требующую существования этого оружия.

Он погрузился в мечты, думая о том, что, возможно, после смерти Вастари ни один из старейшин не захочет брать управление группировками мятежников в свои руки... Возможно, города, возведенные землянами, не будут разграблены, возможно, в случае крайней необходимости квалифицированные рабочие, когда-то трудившиеся над созданием оружия для землян по приказам свыше, теперь будут делать его по собственному желанию, чтобы обороняться от венериан. Возможно...

– Командир! – Шепот Гежа прервал размышления Джеймса. – Вастари один. «Ньют» у него. Следуйте за мной, командир.

Вдруг осторожность заглушила чувства Джеймса, заставив его в последний момент задуматься о правильности своего решения. На лице пожилого марсианина все еще виделось напряженное, сдерживаемое волнение, а в голосе теперь были печальные нотки, которые Джеймс никогда прежде не слышал. Он вдруг вспомнил свой сон и странную неотступную мысль, что Геж является смертью в серой накидке, тянущей к нему свою костлявую руку.

– Скорее! – Геж стоял у входа в пещеру и манил его к себе.

Джеймс забыл о здравом смысле, откинул ароматный занавес, представляющий собой зеленые лианы, оплетенные фиолетовыми цветами, и вошел в пещеру, где царил прохладный полумрак. Геж шагал прямо перед ним, а Кванна – чуть позади.

В пещере дивно благоухало трубчатыми цветами, а на земле дрожал свет, пробивающийся сквозь листья. На выступе напротив входа сидел понурый человек в алой накидке со сложенным зонтиком «Ньюта» на коленях.

Вастари испуганно поднял глаза на три вошедшие в пещеру фигуры, заслонившие свет. Он не мог разглядеть, кто были эти двое с Гежем, и на мгновение закрыл глаза, полностью доверяя старому марсианину и не слишком тревожась по этому поводу.

Джеймс отошел вбок, чтобы Вастари не узнал его раньше времени, и поднял руку с зажатым в ней пистолетом так, что зеленоватый свет блеснул на стволе.

– Именем главной планеты империи, – отчетливо произнес Джеймс глухим голосом, эхом отразившимся от стен, – я приговариваю тебя к смерти, Вастари!

Геж, стоявший между ними, тем временем прислонился к стене, вдруг рассмеялся и громко прошипел на марсианском слово «нет!», затем в мгновение ока достал из-под плаща пистолет, но направил его не на Вастари, а на Джеймса.

Джеймс недоверчиво уставился на Гежа.

– Бросьте свое оружие, командир! – угрожающе дернув пистолетом, приказал тот.

Джейми разжал пальцы. Он был настолько ошеломлен, что не смог произнести ни слова, когда его пистолет с глухим стуком упал на песок. Какое-то чувство подсказывало ему, что следовало ожидать чего-то подобного, но сейчас уже не имело никакого смысла корить себя за подобную недалёковидность. А вот Вастари, хитрый, как и подобает настоящему венерианину, довольно быстро смекнул, что к чему.

– О, нет, не надо! – воскликнул он и вскочил на ноги, чем успел закончить фразу.

Когда он прыгнул на Гежа, его алая накидка и светлые волосы взметнулись в воздух. С победоносной улыбкой на лице он намеревался вцепиться в пистолет пожилого марсианина.

Геж отступил на полшага в сторону, молниеносным движением другой руки вынул из-под накидки маленькую венерианскую дубинку и нанес Вастари точный удар.

Фигура в развевающейся алой накидке пролетела мимо Гежа и растянулась на песке. Старик снова направил пистолет на Джеймса.

Подняв руку, тот начертил в воздухе старинный символ Марса.

— Вы что, забыли? — с горечью произнес он. — Но я должен был догадаться...

— Я ничего не забыл, — пригрозил Геж напряженным, слегка дрожащим голосом. — Ждите.

Вастари сел, отплевываясь от попавшего в рот песка и сыпя отборными венерианскими проклятиями.

— Встать, — приказал Геж. — Кванна, помоги ему. Вы двое, возвращайтесь к выступу. Командир, Вастари... Мне есть что сказать вам обоим.

В ответ на это Вастари разразился новой партией ругательств.

— Я приложил немало усилий, чтобы спасти тебе жизнь, мой мальчик, — мягко напомнил ему Геж. — И, кажется, заслуживаю вовсе не проклятия.

Джеймс изумленно приподнял брови. Он начинал постепенно понимать истинные мотивы Вастари, напавшего на своего спасителя ... Ни один венерианин ни за что не связал бы себя подобными обязательствами, если их можно было избежать, особенно учитывая поведение Гежа.

— Вастари, теперь ты должен мне кое-что пообещать, — продолжал Геж. — Спокойно выслушай то, что я сейчас скажу.

Командир, это касается и вас. Мне пришлось гнаться за вами после вашего отъезда из Дарвы с известием, которое вы должны услышать до отлета на Землю. Как и ты, Вастари. – Он на мгновение заколебался, затем глубоко вздохнул и прошептал: – На нас напали варвары.

В ПЕЩЕРЕ воцарилась мертвая тишина. На этот раз Джеймс сообразил быстрее предводителя мятежников.

– Варвары? Но что?.. – переспросил Вастари.

– Где? – перебил его Джеймс.

– В Иваке. Вы знаете эту крепость? Они тайно высадились там неделю назад и захватили город. Об этом стало известно, только когда я уехал.

– Кто они такие?

– О, командир, это настоящий кошмар, – грустно ответил Геж. – Полчища дикарей, прилетевших черт знает откуда на несчетных космических кораблях.

– Вот вам и первые вестники чумы, – процедил Джеймс.

На мгновение в пещере снова стало тихо.

– Но в чем же дело, Геж? – вдруг подал голос Вастари, все еще не понимающий, что происходит. – Я...

– Я обманул вас обоих, – поведал старик, все еще держа пистолет наготове, на случай если кто-то из его собеседников решится напасть на него. – Вы слишком долго боролись друг с другом. Теперь у нас всех один враг, поэтому вы должны выслушать меня.

– Вастари, прилетели варвары, – подытожил Джеймс. – Впервые за триста лет на Венеру напали инопланетные налетчики.

– Так мы их выгоним, – просто сказал Вастари.

– Те же самые варвары нападают на Землю, – напомнил ему Геж. – Если уж главная планета империи не может сдержать их, что говорить про Венеру?

– Мы будем сражаться! – не сводя глаз с пистолета Гежа, воскликнул Вастари.

– Только не в одиночку. Мой мальчик, они не земляне, покоряющие другие миры, а кровожадные выродки, стремящиеся все разрушить и награть как можно больше добра. И у них есть оружие, превосходящее даже земное, причем именно Земля давным-давно подарила им его. Нет, венериане не смогут выстоять, если только... – Он умоляюще посмотрел на Джеймса. – Командир...

– Вы же знаете, – пожал плечами тот, – что я нужен на Земле, Геж.

– Как и нам тут. Командир, я был свидетелем краха Марса и знаю, о чем говорю. Мы никогда не говорили об этом вслух, но эта мысль, как

мне кажется, всегда крутилась у нас в головах. Наступает закат для нас с вами и для империалистической Земли. Неужели вы, и правда, думаете, что человеческая цивилизация сможет пережить нынешние события? Варвары не создадут новую цивилизацию. Их будущее далеко в прошлом. Они уничтожат вашу расу с помощью вашего же оружия, но этого им окажется мало, и, в конце концов, они продолжат разлагаться дальше. Они, к сожалению, не понимают ничего, кроме хаоса войны. Мой мир уничтожили именно такие создания, командир. Теперь настал черед Земли. Но, возможно, мы все-таки сумеем спасти Венеру. А если нет, то действительно наступит закат эпохи человеческой цивилизации и культуры, которой уже не суждено будет возродиться.

– Венеру? – презрительно переспросил Джейми. – О, для венериан тоже наступил закат. Разве они, вообще, знают, что такое культура?

Вастари непонимающе переводил взгляд с одного собеседника на другого, выжидая удобный момент, чтобы выхватить у Гежа пистолет.

– Командир, вы помните, что я сказал вам на прощание? Только перед лицом серьезной опасности венериане смогут объединиться, чтобы победить общего врага, и только это научит их ценить единство и культуру. Это их последний шанс, другого уже не будет. Но венериане еще не готовы, а варвары не станут ждать. Если бы вы могли потратить немного своего времени... чтобы как следует научить их ведению боя...

– Научить ведению боя! – вскочив на ноги, взревел Вастари. – Ах ты, старая высохшая жаба! Да мы рождены настоящими воинами! Все это просто какая-то уловка землян, нужная, чтобы выманить нас на открытую местность и перебить по одиночке. Зачем нам объединяться, если мы сражаемся за нашу свободу? Нас ждет...

– Свобода? – громко рассмеялся Джеймс. – Свобода грабить и убивать! Да что вы вообще знаете о свободе?

– Она представляет собой право жить так, как мы хотим! – яростно ответил Вастари. – За нее когда-то боролись и вы, земляне. Мы больше не должны позволять тиранам контролировать нас, ограничивать наши права и собирать налоги! Мы не хотим, чтобы вы вернулись, землянин! Мы должны сражаться с захватчиками, если Геж, конечно, их не выдумал.

– Выдумал? – печально повторил тот. – Мой мальчик, неужели тебе нужно лишиться свободы, чтобы понять истинное значение этого слова? Вы должны заслужить ее, прежде чем считать своей. Вы все давно вымерли бы, если бы были по-настоящему свободны. Подождите, пока не придут варвары со своим оружием, ибо они несут поги-

бель всему живому. Вот тогда ты вспомнишь, как хорошо тебе жилось при правлении землян, мой мальчик!

– Ложь! – выпалил Вастари. – Почему мы должны доверять тебе или кому-то, кто якшается с тиранами с Земли? Моя раса сама способна постоять за себя!

ДЛЯ КВАННЫ все эти разговоры являлись пустой тратой времени. Венерианам было тяжело сосредоточиться на обсуждении столь абстрактных понятий, да и к тому же все ее мысли занимала насущная проблема, требующая срочного решения. В кармане изумрудного бархатного плаща она сжимала предохранитель Гилсона, с помощью которого можно превратить лежащий рядом с ней на выступе «Ньют» в смертельное оружие. Она подумала о том, что наконец-то нашла действенный способ надавить на Джеймса.

Кванна собиралась направить смертоносные заряды волнового излучения на своего брата. Пройдет всего минута или две, прежде чем оно превратит его мозги в кашу, и за мгновение до смерти он поймет, что сестра готова на любое предательство, лишь бы улететь на Землю с Джеймсом, которому волей-неволей придется взять ее с собой.

И, скорее всего, Вастари действительно погибнет, но Кванну это несколько не беспокоило. Ведь, в конце концов, он не волновался за нее, когда облучал ее и землян там, в долине. Если он все-таки умрет, она закричит что есть мочи, чтобы соратники Вастари, прячущиеся в горах поблизости, услышали ее. Таким образом, она лишит себя пути к отступлению, что вынудит Джеймса забрать ее на Землю.

Пока Вастари выказывал свою ненависть по отношению к землянам и Солнечной империи, Кванна незаметно положила сложенный «Ньют» себе на колени. Геж и Джеймс погрузились в свои мысли, поэтому тоже ничего не заметили. Изумрудное одеяние позволяло ей слиться с зеленоватым полумраком пещеры. Если Геж и видел, как она проскользнула мимо него, то не подал вида, поскольку был полностью поглощен бесполезным спором с Вастари, а Джеймс, в свою очередь, просто повернулся к ней спиной.

«Ньют» с каждым шагом становился все тяжелее и тяжелее. Двигаясь вдоль стены, Кванна прошла сквозь завесу цветущих вьющихся растений. От волнения сердце выпрыгивало у нее из груди, и участилось дыхание, ведь она возлагала все надежды на свой последний, отчаянный план.

Установить аппарат оказалось не так уже трудно, так как Кванна уже не раз видела, как это делают земляне. У входа в пещеру находился большой камень, за которым она укрылась, чтобы ей никто не поме-

шал осуществить задуманное. Кванна подняла стеклянный предохранитель Гилсона, собираясь вставить его на место. И через секунду...

По пурпурным трубчатым цветам, закрывающим вход в убежище, пробежала рябь, все пространство вокруг стало переливаться разными цветами, а своды пещеры и лианы с цветами словно превратились в кошмарный сон, расплывающийся перед глазами. Кванна поняла, что умами всех, кто находился в пещере, овладел беспричинный страх.

– Геж, пошли сюда Вастари, – сладким голосом громко сказала Кванна. – Я собираюсь убить его.

На мгновение в пещере воцарилась мертвая тишина, а затем послышался глухой голос Гежа, нечеткий из-за действия излучения:

– Кванна... Кванна, ты что, совсем с ума сошла?

– Я не шучу! – яростно крикнула она. – Отправь его сюда, иначе я убью вас троих. У меня есть «предохранитель Гилсона», ты же знаешь! – И она еле заметно улыбнулась.

Джеймс не умрет, даже если она включит «Ньют» на полную мощность, потому что на нем был защитный шлем, который позволит ему продержаться несколько мгновений после того, как остальные умрут. Ей не хотелось убивать Гежа, но...

В убежище, мерцающем всеми цветами радуги, стояла тишина. Слишком долго Кванна ждала ответа: находящаяся там троица явно что-то задумала.

– Отправьте сюда Вастари! – снова прокричала она. – Быстрее! Геж, я вставляю предохранитель! Эй, командир! Ты собрался умереть вместе с ним?

Но ответа так и не последовало.

Она нашла крохотное отверстие для «Гилсона», и, немного повозившись, вставила его в «Ньют». В первый раз он застрял на полпути, но, попробовав снова, она услышала тихий щелчок и увидела, что излучение изменилось, став в несколько раз мощнее. Пурпурные трубчатые цветы быстро вяли, а листочки скукоживались, засыхая прямо на длинных стеблях лиан. В пещеру проникла сама смерть.

– Я уже вставила предохранитель, – крикнула Кванна. – Ну, Вастари, ты готов умереть?

Послышался звук приближающихся тяжелых шагов. Кто-то отодвинул завесу засохших растений, и в проеме появился Джеймс без защитного шлема. Широко расставив ноги, он молча посмотрел на Кванну из-под кустистых насупленных бровей. Казалось, он является фигурой из сна, окутанной мерцающими смертоносными лучами.

– Джейми, Джейми! – Кванна всхлипнула и сбросила «Ньют» с уступа.

Его мощное свечение подсветило водопады бледной радугой, и он покатился вниз по склону, собирая лавину камней и поливая облака смертоносными лучами.

КВАННА не помнила, как потом, спотыкаясь, вернулась к пещере. Она словно очнулась ото сна, когда Джеймс из последних сил оттолкнул ее от своей раненой руки, с закрытыми глазами прислонившись к стене пещеры и пытаясь прийти в себя после действия излучения.

Геж и Вастари сидели внутри, обхватив головы руками, почти лишенные зрения и сознания, и тоже ждали, когда им станет лучше. Кванна все равно была рада, что они выжили, поскольку теперь ее предательство не нуждалось в огласке. Но... Все-таки Джеймсу изрядно досталось. Ее слегка передернуло, пока она вела его к камню на уступе.

Через некоторое время Вастари через силу поднял голову и бросил на Кванну взгляд, полный ненависти. Она безразлично посмотрела на него в ответ.

— Будь ты проклят, землянин, — с горечью сказал он, обращаясь к Джеймсу. — Теперь я обязан тебе жизнью! Из-за чего ты пошел на такой риск ради меня?

— Просто так, — не поднимая голову, устало пробормотал Джейми. — Оставьте меня, наконец, в покое.

Атмосфера накалилась до предела, что заставило Джеймса все-таки поднять глаза и встретиться взглядом с изумленным Вастари.

— Просто так? — недоверчиво переспросил Вастари. — Тогда почему...

— О, конечно... Я пришел, чтобы убить тебя, — с безразличием и раздражением ответил ему усталый Джеймс. — Но теперь все изменилось. Венере нужны лидеры.

— Но... ты же рискнул своей жизнью! На это должна быть какая-то причина!

Джейми молча смотрел на него. Он и сам не знал, зачем так поступил. Вастари просто был не в силах понять, почему землянин так цепляется за мир, где прожил двадцать лет, которому посвятил все свои надежды, и почему именно здесь у человечества еще существовал хоть какой-то шанс на спасение...

— Если бы ты хотел, то мог бы приказать мне присоединиться к тебе. — Вастари все еще пытался нащупать истину в ответах собеседника.

— Да что толку от приказов, — пожал плечами Джейми. — Для сражений с варварами нам потребуются все силы. Мне не хочется, чтобы мой союзник воевал под дулом пистолета или просто потому, что я так сказал.

Вастари умолк, рассматривая Джейми выразительными глазами. Возможно, предостережения Гежа напугали его куда больше, чем позволяла признать гордость. Не исключено, что он просто ждал удобного случая, чтобы красиво выйти из положения и сдаться. Но, несмотря ни на что, подлинное бескорыстие Джеймса все-таки произвело на него неизгладимое впечатление. Сейчас было трудно догадаться, что скрывалось за непроницаемым лицом гордого землянина.

— Моя жизнь в твоих руках, — наконец решился прервать затянувшуюся паузу Вастари, — пока я не верну долг, землянин. Но еще я дал клятву и Гежу. Вы согласны стать моими союзниками в войне против инопланетных захватчиков?

Геж впервые поднял голову с тех пор, как исчезло мерцающее излучение. Он долго, не моргая, смотрел на молодого мятежника. Джеймс тоже уставился на него, но затем глянул на Гежа, и их взгляды встретились, а в груди у обоих вспыхнула зародившаяся надежда.

— На Земле Венеру называют утренней звездой, — робко ответил Геж тихим голосом. — В это время года она светит особенно ярко.

Джеймс улыбнулся: по весьма странному стечению обстоятельств, Геж только что озвучил его собственные мысли.

— Вастари, надеюсь, ты понимаешь, что нам придется хорошо потрудиться. — Джеймс перешел прямо к делу. — Будет много жертв.

— Просто скажи, что тебе нужно, — горделиво попросил Вастари.

— Возможно, даже больше, чем ты сможешь дать. Ты же не будешь сражаться с варварами копьями. И даже если нам каким-то чудом и удастся отразить эту атаку, она будет не единственной. Да и к тому же вам понадобится современное оружие. В городах, возведенных землянами, есть мастера, способные создать его, но им понадобятся материалы. А это, Вастари, в свою очередь, означает, что должен соблюдаться полный порядок при транспортировке и добыче необходимого сырья, ведь ни то, ни другое невозможно делать в условиях полной анархии. Всем вашим племенам придется забыть, что такое ссоры, личные неурядицы, жадность, стычки и свобода делать то, что первое взбредает в голову. А значит, всем без исключения придется трудиться день и ночь, не покладая рук. Венериане опять будут вынуждены подолгу работать в шахтах. Мы поможем вам всем, чем сумеем, и позаботимся о том, чтобы вашим рабочим передали все необходимые знания до отлета на Землю. Но, к сожалению, Вастари, времени осталось не так уж и много.

Вастари, прищурившись, внимательно следил за выражением лица Джеймса, чтобы заметить хоть какой-то признак обмана, поскольку до сих пор не мог поверить, что его не разыгрывают. Он тщательно обду-

мывал его слова, пытаясь найти хоть какую-нибудь несостыковку, но придаться было не к чему.

– Хорошо. Будет сделано, – растерянно кивнул он.

Да, подумал Джейми, с помощью Гежа, возможно, получится все это проверить. Во многих отношениях венериане все-таки были несколько наивны и безответственны, да и к тому же не отличались особой прозорливостью. Тем не менее, пылкие речи Вастари о свободе вселили в Джеймса некоторую уверенность в том, что они не совсем безнадежны и способны следовать общей цели. И, если варварам удастся хорошенько припугнуть венериан, то, вполне возможно, те смогут действовать сообща, чтобы уничтожить захватчиков. Но хватит ли их совместных усилий на постройку цивилизации? Джеймс понимал, что, увы, никогда не узнает ответа на этот вопрос.

КРЕПОСТЬ ИВАКА, находящаяся в долине, была окружена огнем. С высоты полета последнего космического корабля землян, оставшегося на Венере и сейчас приближающегося к ней на стальных крыльях, она выглядела, как самый настоящий ад. Из последних сил держалась только обнесенная высокими стенами крепость, когда-то возведенная землянами, а близлежащие деревни туземцев были сожжены захватчиками, чтобы вселить страх в венериан. Но на Венере остался еще один корабль, и Ивака по-прежнему была уязвима с воздуха.

В темных ночных сумерках зловещие отблески пламени и сернистых паров освещали городские стены и низкие облака над ними. Пока корабль летел над высокими горными вершинами, Джеймсу не удалось разглядеть венерианских горцев, берущих Иваку в кольцо, но он знал, – они там. Он начал отдавать команды по рации, почувствовал, как пол летающего корабля сильно накренился, когда Ивака, казалось, поднялась в ближайшем иллюминаторе.

В самом центре города посреди почерневших развалин зданий лежал космический корабль захватчиков. Его сбил корабль Джеймса, попутно разрушив три городских квартала. Когда варвары заметили пикирующий корабль, в небо ударил столб света, позволивший Джеймсу разглядеть крохотные фигурки, бегущие к кораблю, окруженному руинами. Когда его корабль выпустил луч, похожий на молнию, он мрачно ухмыльнулся. Ему нисколько не было жаль непохожих на людей варваров, чьи отталкивающие уродства были видны даже с такой высоты.

Корабль землян опять выстрелил мощным голубым лучом и попал в другой корабль захватчиков, половина которого превратилась в фонтан сверкающих обломков, подсветивших воздух над Ивакой. *А вот теперь на Венере остался только один корабль*, подумал Джеймс.

Первый прибыл с Земли завоевать Венеру, а последний освободит венериан от власти главной имперской планеты, прежде чем улетит обратно.

Бледный луч оружия варваров снова ударил в небо, но в последний момент корабль землян успел отвернуть, попутно пройдясь по городу голубыми лучами, поджигающими все, во что попадали.

На такой высоте в корабле стояла практически полная тишина. Джеймс знал, что внизу, в адском пекле, громкие выстрелы сменяются пулеметными очередями, раздается грохот разрушающихся стен и треск всепожирающего огня. Но он понимал, что больше никогда не услышит звуков, к которым привык за свое многолетнее пребывание на этой планете. Тем временем город внизу уже весь был охвачен пожаром. Тех захватчиков, кому все-таки удастся спастись, позже добьют венериане, поджидающие снаружи крепости. Огонь уничтожал первый очаг заразы, постепенно отравляющей Землю.

Но скоро появятся и другие очаги, возможно, даже очень скоро, и было бы хорошо, чтобы между набегами прошло не так много времени, поскольку венериане ни в коем случае не должны расслабляться и терять бдительность, ибо им придется сражаться уже без поддержки. Вспоминая бурную деятельность, идущую во многих городах среди гор, Джеймс подумал, что у венериан получится дать отпор инопланетным захватчикам. Но, конечно, это были лишь предположения, и он не узнает, чем все закончится, так как ему скоро предстояло покинуть Венеру.

По рации он снова приказал идти на снижение, и космический корабль в последний раз влетел в озаренную оранжевым цветом толщу облаков над Ивакой. Бледных лучей больше не было видно: варвары потерпели поражение и бежали. Миссия Джеймса наконец была выполнена.

Он почувствовал, что к его щекам прикоснулись чьи-то прохладные ладони, и оторвался от созерцания адского пламени внизу, когда корабль развернулся и полетел прочь. Он поднял глаза и устало улыбнулся Кванне.

— Ты в последний раз смотришь на Венеру, моя дорогая, — проговорил он, кивком указав на иллюминатор.

— Еще ведь не поздно, Джейми. — Она растерянно посмотрела на него, слегка нахмутив тонкие брови. — Почему бы тебе не остаться тут? Было бы так здорово, если бы мы с тобой продолжали жить на Венере и править ей!

— Я не вправе делать то, что велит мое сердце, Кванна. — Он беспомощно покачал головой. — Да и выбора у меня нет. Я в долгу перед

Венерой и Землей... Я должен помогать отбивать атаки варваров, пока венериане не смогут бросить все свои силы на оборону. Землянам важен каждый солдат и каждый пистолет, но не для защиты планеты, а для того, чтобы задержать варваров на как можно более долгий срок, дав венерианам достаточно времени для производства оружия. И я думаю, Земля никогда не узнает об этом... – Он посмотрел на задумавшуюся девушку и улыбнулся. – Но все это неважно. Возьми лучше свою арфу, Кванна, и спой мне, хорошо? Мы будем сидеть здесь и смотреть на Венеру... Смотри-ка, мы уже подлетаем к солнечной стороне.

Сияние горящей Иваки осталось далеко позади, когда они приблизились к толще облаков. Тусклый солнечный свет озарял величественные бирюзовые горы и покатые утесы, омываемые водопадами, – все то, что они никогда больше не увидят. Кванна тихо перебирала струны своей маленькой марсианской арфы.

– Возможно, меня отдадут под трибунал, – задумчиво произнес Джейми, глядя в иллюминатор на проносящиеся внизу горы. – А может, и нет. Может быть, на мои поступки закроют глаза, потому что сейчас на счету каждый солдат. Кванна, мы не убегаем от проблем. Я не спас ни тебя, ни себя. И, как мне кажется, было бы куда лучше, если бы ты осталась на Венере.

– Тише, – перебила его Кванна и взяла пронзительный аккорд. – Я снова спою тебе «Оттерберн». Забудь обо всем этом, любимый. Просто слушай. – И она запела тонким, нежным голосом:

*О, золотые поля Оттерберна,
Так приятно там находиться,
Но на полях Оттерберна, увы,
Нечем нам всем прокормиться...*

Джейми неожиданно рассмеялся, но покачал головой, когда Кванна вопросительно посмотрела на него. Он снова вспомнил свой давний сон, и ему неожиданно пришла фантастическая мысль: возможно, только кельт мог написать песню, вдохновившись собственными сновидениями. Он снова напел куплет:

*О, страшный сон привиделся мне,
Страшный сон об острове Скал,
Я видел, как мертвый там побеждал.
Я тем мертвецом был во сне...*

Облака, отделяющие корабль от голубых горных цепей Венеры, становились толще и быстро отдалялись. Остров Скал, Утренняя звезда. Последняя надежда всего цивилизованного человечества. Он оставил позади будущее, если, конечно, у человечества все-таки было какое-то будущее. Джеймс Дуглас действительно являлся мертвецом, летящим

сквозь черное безграничное космическое пространство на умирающую планету, где его ждала только смерть. Но далеко внизу остался остров Скал, на котором он воевал с силами зла и вышел из битвы победителем. *Я видел, как мертвый там побеждал, подумал Джейми, я тем мертвецом был во сне...*

Тем временем корабль продолжал рассекать темноту.

There shall be darkness, (Astounding, 1942 № 2), пер. Александра Заушникова, под ред. Игоря Фудим

СОДЕРЖАНИЕ

УТРО СУДНОГО ДНЯ. Роман	5
Doomsday Morning, (Doubleday, 1957),	
пер. Светлана Белоусова	
ПЛОД ПОЗНАНИЯ.....	223
Fruit of Knowledge, (Unknown Fantasy Fiction, 1940 № 10),	
пер. Андрей Бурцев	
ГРЯДЕТ ТЬМА	259
There shall be darkness, (Astounding, 1942 № 2),	
пер. Александра Заушникова, под ред. Игоря Фудим	

«ВАРВАРЫ»

How can a ship travel both forward and backward sideways in two different directions, be going twice as fast as the speed of light—and completely motionless?

BY TOM GO

Engle nodded. "Good. Ground Control reports the Slag cruiser still circling seven hundred miles out and they think the Slags suspect something."

He waddled down the boarding ramp and Engle went through the airlock, frowning a little as he threw the switches that would withdraw the ramp and close the airlock behind him. Farmer[®] implied doubt in the success of the space wary

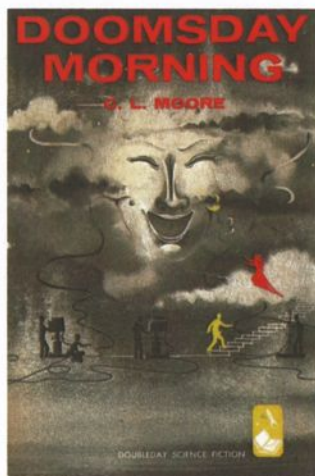
The space warp shuttle sat in the middle of the room, a cube approximately two-thirds of a meter along the edge, studded with dials and knobs and surmounted by a ball of shiny shining whorly alloy. Dr. Harding was talking into the transdimensional communicator mounted beside the shuttle.

Engle went on to the computer and waited outside the railing until

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

КЭТРИН Л. МУР

Грядет тьма